

ПЕРВОИСТОЧНИК:

Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 1996. 416 с.

М.Г. Ярошевский
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ
от античности до середины XX в.
М., 1996

От автора

Глава I

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ: ЕЕ ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

Психологическая наука и ее предмет

Теоретическое и эмпирическое знание

Предмет истории психологии

Научная деятельность в трех аспектах

Логика развития науки

Общение – координата науки как деятельности

Личность ученого

Задачи истории психологии

Глава II

АНТИЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

**ОБЩИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ВОЗЗРЕНИЯ НА ПРИРОДУ ПСИХИЧЕСКОГО**

Анимизм

Гилозоизм

Гераклит: душа как «искорка Логоса»

Демокрит: душа – поток огненных атомов

Гиппократ: учение о темпераментах

Алкмеон: мозг – орган души

Анаксагор: «ум» как начало вещей

Софисты: учителя мудрости

Сократ: познай самого себя

Платон: душа и царство идей

Аристотель: душа – способ организации тела

Психологические воззрения в эпоху эллинизма

Стоики

Эпикурейцы

Проблемы нравственного поведения и воспитания

Александрийская наука

Гален

Филон: пневма как дыхание

Плотин: понятие о рефлексии

Августин: понятие о внутреннем опыте

ИТОГИ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Глава III**РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ****В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ****АРАБОЯЗЫЧНАЯ НАУКА****ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ****ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ****ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ****Глава IV****ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НОВОГО ВРЕМЕНИ****ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII ВЕКА**

Рене Декарт: рефлексы и «страсти души»

Бенедикт Спиноза: Бог – Природа

Готфрид-Вильгельм Лейбниц: проблема бессознательного

Томас Гоббс: ассоциация идей

Джон Локк: два вида опыта

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Просвещение

Давид Гартли: основоположник ассоцианизма

Джордж Беркли: вещь как комплекс

Дэвид Юм: субъект – пучок ассоциаций

Историческая судьба учения об ассоциациях

Психологические взгляды французских просветителей

Ростки исторического подхода

Глава V**ЗАРОЖДЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ****Естественнонаучные предпосылки**

Развитие ассоцианизма

Джон Стюарт Милль: ментальная химия

Александр Бэн: пробы и ошибки

Герберт Спенсер: эволюционная психология

Иоганн-Фридрих Гербарт: статика и динамика

Появление принципа биологического детерминизма

Чарльз Роберт Дарвин: революция в биологии

Глава VI**РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ ПСИХОЛОГИИ****ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ**

«Сертификат» на независимость

Эрнст Вебер: зарождение психофизики

Густав Теодор Фехнер: основы психофизики

Франц Дондерс: время реакции

Герман Людвиг Гельмгольц: основоположник психофизиологии

Эдуард Пфлюгер: сенсорные функции

Разделение психики и сознания в исследованиях гипнологов

Вильгельм Вундт: «отец» экспериментальной психологии

Герман Эббингауз: метод бессмысленных слогов

Изучение навыков

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Проблема индивидуальных различий
 Френсис Гальтон: наследственность гения
 Развитие метода тестов
 Альфред Бине: диагностика умственного развития

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Предпосылки выделения возрастной психологии в самостоятельную область
 Стенли Холл: рождение педологии
 Джеймс Семи: ассоцианизм в детской психологии
 Эрнст Мейман: педагогическая психология
 Эдуард Клапаред: идея саморазвития
 Арнольд Гезелл: нормальное детство
 Джеймс Марк Болдуин: культурное развитие ребенка
 Карл Бюлер: стадии психического развития
 Маргарет Мид: этнопсихология детства

ЗООПСИХОЛОГИЯ

Дарвин и подъем сравнительной психологии
 Психика животных и психика человека
 «Закон экономии» Ллойд-Моргана
 Дискуссия о вариативности поведения
 Жак Леб: теория тропизмов
 Можно ли приписать сознание инфузории?
 Между Сциллой и Харибдой – механицизмом и антропоморфизмом
 Познаваемость психических актов

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

«Психология народов»
 «Коллективный организм»
 Вклад психоневрологов
 Внушение и подражание
 Э. Дюркгейм: коллективные представления
 Концепция ценностей
 Концепция инстинктов

ПСИХОТЕХНИКА

Глава VII

ОСНОВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

КРИЗИС ПСИХОЛОГИИ
СТРУКТУРАЛИЗМ
ВЮРЦБУРГСКАЯ ШКОЛА
ФУНКЦИОНАЛИЗМ
БИХЕВИОРИЗМ
НЕОБИХЕВИОРИЗМ
СОЦИАЛЬНЫЙ БИХЕВИОРИЗМ
ГЕШТАЛЬТ-ПСИХОЛОГИЯ
ТЕОРИЯ «ПОЛЯ» КУРТА ЛЕВИНА
ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЖАНА ПИАЖЕ

ПСИХОАНАЛИЗ (ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ)

Зигмунд Фрейд: основоположник психоанализа
 Карл Густав Юнг: аналитическая психология
 Альфред Адлер: индивидуальная психология

НЕОФРЕЙДИЗМ

Карен Хорни: образ Я

Эрих Фромм: «бегство от свободы»

Гарри Стэк Салливан: межличностные отношения

Эрик Эриксон: Эго-психология

ТЕОРИЯ ШТЕРНА**ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ****Глава VIII****РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ****СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ****ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Середина века

Два направления в проблеме человека

Антропологический принцип в философии Н.Г. Чернышевского

П.Д. Юркевич о душе и внутреннем опыте

К.Д. Кавелин о культурной детерминации психики

А.А. Потебня: язык народа как орган, образующий мысль

Изменение социальной ситуации в конце XIX века

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРОФЕССОРА

Университетские психологические школы

Вл.С. Соловьев: неохристианская концепция души

Л.М. Лопатин: психическая жизнь как духовное творчество

Н.Я. Грот: личность и свобода воли

Н.О. Лосский: теория интуитивизма и идеал-реализма

С.Л. Франк: душа человека

М.И. Владиславлев: соединение этики и эстетики

А.И. Введенский: знание и вера

Д.Н. Овсяннико-Куликовский: психология творчества

Л.И. Петражицкий: правовые и нравственные чувства

Некоторые итоги

РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ

Первые шаги

Г.И. Челпанов: создание Института экспериментальной психологии

Н.Н. Ланге: естественнонаучная ориентация психологии

РУССКИЙ ПУТЬ В НАУКЕ О ПОВЕДЕНИИ

Достойный памятник русского ума

И.М. Сеченой – основатель науки о поведении

И.П. Павлов – создатель учения об условно-рефлекторной деятельности

Объективная психология В.М. Бехтерева

А.А. Ухтомский – учение о доминанте

ПУТИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В 20-50-е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

Реактология

Психология социального бытия Г.Г. Шпета

Разгром педологии

Л.С. Выготский: теория высших психических функций

ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

М.Я. Басов: человек – деятель в среде

С.Л. Рубинштейн: единство сознания и деятельности

А.Д. Леонтьев: строение деятельности

О СУДЬБАХ РУССКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Послесловие

Рекомендованная литература

**Михаил Григорьевич Ярошевский
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В.**

Учеб. пособие. – М., 1996. – 416 с.

3**ОТ АВТОРА**

Современное научное знание о психике, о душевной жизни человека развивается в двух направлениях: с одной стороны, оно пытается ответить на вопросы об устройстве и ценности этой жизни сегодня, в конце XX столетия, с другой – возвращается к множеству былых ответов на эти вопросы. Оба направления нераздельны: за каждой проблемой сегодняшней научной психологии стоят достижения прошлого.

На извилистых, порой запутанных путях истории науки возводились несущие конструкции всей системы обусловленных логикой и опытом представлений о поведении и сознании. Помочь читателю проследить, как из века в век создавалась эта система, задача этой книги. В ней конспективно представлены наиболее значимые, на взгляд автора, результаты, полученные историками психологии, теми, кто занят изучением событий, занесенных в летопись психологического познания.

Конечно, подход каждого исследователя своеобразен, на нем сказываются приметы времени. Кроме того, историк изучает то, что уже свершилось. И все же – «ничто так не меняется, как неизменное прошлое»; оно по-разному видится в зависимости от методологических воззрений исследователя.

В смене научных теорий и фактов, которую иногда называют «драмой идей», есть определенная логика – сценарий этой драмы. Вместе с тем производство знаний всегда совершается на конкретной социальной почве и зависит от внутренних, непознанных механизмов творчества ученого. Поэтому для того чтобы воссоздать полноценную картину

4

этого производства, любую научную информацию о психическом мире необходимо рассматривать в системе трех координат: логической, социальной и личностной.

Знакомство с историей науки имеет значение не только в познавательном плане, т.е. с точки зрения приобретения информации о конкретных теориях и фактах, научных школах и дискуссиях, открытиях и заблуждениях. Оно исполнено также глубинного личностного, духовного смысла.

Человек не может осмысленно жить и действовать, если его существование не опосредовано какими-то устойчивыми ценностями, несравненно более прочными, чем его индивидуальное Я. К таким ценностям относятся и создаваемые наукой: они надежно сохраняются, когда обрывается тонкая нить индивидуального сознания. Приобщаясь к истории науки, мы

ощущаем причастность к великому делу, которым веками были заняты благородные умы и души и которое неизбежно, пока существует человеческий разум.

Этим установкам автор стремился следовать в своих историко-психологических работах, многие положения которых использованы в данном пособии.

Глава I ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ: ЕЕ ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

Психологическая наука и ее предмет

История психологии – это особая отрасль знания, имеющая собственный предмет. Его нельзя смешивать с предметом самой психологии как науки.

Научная психология изучает факты, механизмы и закономерности той формы жизни, которую обычно называют душевной или психической.

Каждый знает, что люди различаются по характеру, способности запоминать и мыслить, действовать мужественно или трусливо и т.п. Такие обыденные представления о различиях между людьми складываются у нас с малых лет и обогащаются по мере накопления жизненного опыта.

Иногда хорошим психологом называют писателя или судью, а то и просто того, кто лучше других разбирается в окружающих людях, в их вкусах, предпочтениях, мотивах их поступков. В этом случае под психологом разумеют знатока человеческих душ (независимо от того, читал ли он книги по психологии, обучался ли специальному анализу причин поведения или душевной смуты), т.е. здесь мы имеем дело с житейскими представлениями о психике.

Однако житейскую мудрость следует отличать от научного знания. Именно благодаря ему люди овладели атомом, космосом и компьютером, проникли в тайны математики, открыли законы физики и химии. И не случайно научная психология стоит в одном ряду с этими дисциплинами. Она взаимодействует с ними, но ее предмет неизмеримо сложнее, ибо сложнее человеческой психики нет ничего в известной нам Вселенной.

Каждая новая крупная научная истина о психике добывалась усилиями многих поколений исследователей природы и психической организации чело века, динамики его внутренней жизни. За теориями и фактами науки скрыта напряженная коллективная работа людей. Развитие принципов этой работы, переходы от одних ее форм к другим изучает история психологии.

Итак, у психологии один предмет, а у истории психологии – другой. Их непременно следует разграничивать.

Что же является предметом психологии? В самом общем определении – психика живых существ во всем многообразии ее проявлений. Но этим ответом нельзя удовлетвориться.

Следует объяснить, во-первых, какими признаками отличается психика от других явлений бытия, во-вторых, чем отличаются научные воззрения на нее от любых иных. Надо иметь в виду, что само представление о психике не оставалось одним и тем же во все времена. Многие столетия обнимаемые этим понятием явления обозначались словом «душа». Да и поныне это слово часто звучит, когда речь идет о психических качествах человека, при том не только тогда, когда, подчеркивая его положительные качества, говорят об его душевности. Мы увидим, что в истории психологии научный прогресс был достигнут, когда термин «душа» уступил место термину «сознание». Это оказалось не простой заменой слов, но настоящей революцией в понимании предмета психологии. Наряду с этим появилось понятие о бессознательной психике. Долгое время оно оставалось в тени, однако в конце прошлого столетия, приобретая власть над умами, опрокинуло привычные взгляды на всю структуру личности и на мотивы, которые движут ее поведением. Но и этим представление о сфере,

изучаемой психологией как наукой, отличной от других, не ограничилось. Оно радикально изменилось за счет включения в круг явлений, подлежащих ее ведению, той формы жизни, которой дали имя «поведение». С этим вновь совершилась революция в исследовании предмета нашей науки. Уже это само по себе говорит о глубинных изменениях, которые претерпели воззрения на предмет психологии в попытках научной мысли им овладеть, отобразить его в понятиях, адекватных природе психики, найти методы освоения этой природы.

Всегда нужно различать объект познания и его предмет. Первый существует сам по себе, независимо от информированности о нем человеческих умов. Другое дело – предмет науки. Она его строит с помощью специальных средств, своих методов, теорий, категорий.

Психические явления объективно уникальны. Поэтому уникален и предмет изучающей их науки. В то же время их природа отличается изначальной включенностью в жизнедеятельность организма, в работу центральной нервной системы, с одной стороны, в систему отношений их носителя, субъекта, с социальным миром – с другой. Естественно поэтому, что любая попытка освоить предметную область психологии включала наряду с изучением то го, что испытывает субъект, его зримые и незримые зависимости от природных (включая жизнь организма) и социальных факторов (различных форм взаимоотношений индивида с другими людьми). Когда изменялись взгляды на организм и на общество, тогда новым содержанием обогащались и научные данные о психике.

Стало быть, чтобы познать предмет психологии, нельзя ограничиться тем обширным кругом явлений, которые знакомы каждому из собственных переживаний и наблюдений за окружающими, из своего психологического опыта.

Человек, никогда не изучавший физику, тем не менее, в практике своей жизни познает и различает физические свойства вещей, их твердость, горю честь и т. д. Равным образом, не изучая психологии, человек способен разбираться в психическом облике своих близких. Но, подобно тому, как наука раскрывает перед ним устройство и законы физического мира, она просвечивает своими понятиями ми тайны психического мира, позволяет проникнуть в законы, которые им правят. Шаг за шагом их осваивала пытливая научная мысль, передавая крупинки добытых ею истин новым энтузиастам. Уже это само по себе говорит нам, что предмет науки историчен. И эта история вовсе не оборвалась на сегодняшних рубежах.

Вот почему знание о предмете психологии не возможно без выяснения его «биографии», без воссоздания «драмы идей», в которой были задействованы и величайшие умы человечества, и скромные труженики науки.

Поскольку мы затронули вопрос, касающийся отличия житейской мудрости от научного знания, следует хотя бы кратко оценить специфику последнего.

Теоретическое и эмпирическое знание

Научное знание принято делить на теоретическое и эмпирическое. Слово «теория» греческого происхождения. Оно означает систематически изложенное обобщение, позволяющее объяснять и предсказывать явления. Обобщение соотносится с данными опыта, или (опять же по-гречески) эмпирии, т.е. наблюдений и экспериментов, требующих прямого контакта с изучаемыми объектами.

Зримое благодаря теории «умственными очами» способно дать верную картину действительности, тогда как эмпирические свидетельства органов чувств – иллюзорную.

Об этом говорит вечно поучительный пример вращения Земли вокруг Солнца. А.С.Пушкин в стихотворении «Движение», описывая спор отрицавшего движение софиста Зенона с киником Диогеном, занял сторону первого.

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить:
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,

Однако ж прав упрямый Галилей.

Зенон в своей известной апории «стадия» обнажил проблему противоречия между данными наблюдения (самоочевидным фактом движения) и возникающей теоретической трудностью. Прежде чем пройти стадию (мера длины), требуется пройти ее половину, но прежде этого – половину половины и т.д., т.е. невозможно коснуться бесконечного количества точек пространства в конечное время.

Опровергая эту апорию молча, простым движением, Диоген игнорировал Зенонов парадокс. Пушкин же, выступив на стороне Зенона, подчеркнул великое преимущество теории напоминанием об «упрямом Галилее», благодаря которому за видимой, обманчивой картиной мира открылась истинная.

В то же время эта истинная картина, противоречащая чувственному опыту, была создана исходя из его показаний, поскольку использовались наблюдения перемещений Солнца по небосводу.

Здесь выступает еще один решающий признак научного знания – его опосредованность. Оно строится посредством присущих науке интеллектуальных операций, структур и методов. Это целиком относится к научным представлениям о психике.

На первый взгляд, ни о чем субъект не имеет столь достоверных сведений, как о фактах своей душевной жизни (ведь «чужая душа – потемки»). Причем та кого мнения придерживались и некоторые ученые, согласно которым психологию отличает от других дисциплин субъективный метод, или интроспекция («смотрение внутрь»), особое «внутреннее зрение», позволяющее человеку выделить элементы, из которых образуется структура сознания.

Однако прогресс психологии показал, что когда эта наука имеет дело с явлениями сознания, достоверное знание о них достигается благодаря объективному методу. Именно он дает возможность косвенным, опосредованным путем преобразовать знания об испытываемых индивидом состояниях из субъективных феноменов в факты науки. Сами по себе свидетельства самонаблюдения, самоотчеты личности о своих ощущениях, переживаниях и т.п. «сырой» материал, который только благодаря обработке аппаратом науки становится ее эмпирией. Этим научный факт отличается от житейского.

Сила теоретической абстракции и обобщений рационально осмысленной эмпирии открывает закономерную причинную связь явлений.

В отношении наук о физическом мире это для всех очевидно. Опора на изученные законы этого мира позволяет предвосхищать грядущие явления, например нерукотворные солнечные затмения и эффекты производимых людьми ядерных взрывов.

Конечно, психологии по своим теоретическим достижениям и практике изменения жизни далеко до физики. Изучаемые ею явления неизмеримо превосходят физические по своей сложности и трудности их познания. Физик А.Эйнштейн, знакомясь с опытами психолога Ж. Пиаже, заметил, что изучение физических проблем – детская игра сравнительно с загадками детской игры.

Тем не менее, и о детской игре, как особой форме человеческого поведения, отличной от игр животных (в свою очередь, любопытного феномена), психология знает теперь немало. Изучая детскую игру, она открыла ряд факторов и механизмов, касающихся закономерностей интеллектуального и нравственного развития личности, мотивов ее ролевых реакций, динамики социального восприятия.

Простое, всем понятное слово «игра» – крошечная вершина гигантского айсберга душевной жизни, сопряженной с глубинными социальными процессами, историей культуры, «излучениями» таинственной человеческой природы.

Сложились различные теории игры, объясняющие посредством методов научного наблюдения и эксперимента ее многообразные проявления. От теории и эмпирии протянулись нити к практике, прежде всего педагогической (но не только к ней).

В кругу взаимосвязи теории, эмпирии и практики строится новое предметное знание. В его построении обычно незримо представлены философские, методологические установки исследователей. Это касается всех наук, применительно же к психологии связь с философией

являлась особенно тесной. Более того, до середины прошлого века в психологии неизменно видели один из разделов философии. По этому печать конфронтации философских школ лежит на конкретных учениях о психической жизни. Издавна ее естественнонаучным, материалистическим объяснениям противостояли идеалистические, ратовавшие за версию о духе как первоначале бытия. Зачастую идеализм соединял научное знание с религиозными верованиями. Но религия является отличной от науки сферой культуры, имеющей свой образ мысли, свои нормы и принципы. Смешивать их не следует.

Вместе с тем ошибочно было бы считать психологические учения, созданные в русле идеалистической философии, враждебными науке. Мы увидим, сколь важную роль в прогрессе психологического познания сыграли идеалистические системы Платона, Лейбница, других философов, исповедовавших вер сию о природе душевных явлений, несовместимую с естественнонаучной картиной мира. Поскольку же этими явлениями поглощены различные формы культуры – не только религия, философия, наука, но так же искусство, причем каждая из этих форм испытывает свою историческую судьбу, то, обращаясь к истории психологии, надо определить критерии, на которые следует ориентироваться в этой области исследований, чтобы реконструировать ее собственную летопись.

Предмет истории психологии

История науки – особая область знания. Ее предмет существенно иной, чем предмет той науки, развитие которой она изучает.

Следует иметь в виду, что об истории науки можно говорить в двух смыслах. История – это реально совершающийся во времени и пространстве процесс. Он идет своим чередом независимо от того, каких взглядов на него придерживаются те или иные индивиды. Это же относится и к развитию науки. Как непреременный компонент культуры, она возникает и изменяется безотносительно к тому, какие мнения по поводу этого развития высказывают различные исследователи в различные эпохи и в различных странах.

Применительно к психологии веками рождались и сменяли друг друга представления о душе, сознании, поведении. Воссоздать правдивую картину этой смены, выявить, от чего она зависела, и призвана история психологии.

Психология как наука изучает факты, механизмы и закономерности психической жизни. История же психологии описывает и объясняет, как эти факты и законы открывались (порой в мучительных поисках истины) человеческому уму.

Итак, если предметом психологии является одна реальность, а именно реальность ощущений и восприятий, памяти и воли, эмоций и характера, то предметом истории психологии служит другая реальность, а именно – деятельность людей, занятых познанием психического мира.

Научная деятельность в трех аспектах

Эта деятельность совершается в системе трех главных координат: когнитивной, социальной и личностной. Поэтому можно сказать, что научная деятельность в качестве целостной системы трехаспектна.

Логика развития науки

Когнитивный аппарат выражен во внутренних познавательных ресурсах науки. Поскольку наука – это производство нового знания, они изменялись, совершенствовались. Эти средства образуют интеллектуальные структуры, которые можно назвать строем мышления. Смена одного строя мышления другим происходит закономерно. Поэтому говорят об органическом росте знания, о том, что его история подвластна определенной логике. Никакая другая дисциплина, кроме истории психологии, эту логику, эту закономерность не изучает.

Так, в XVII веке сложилось представление об организме как своего рода машине, которая работает подобно помпе, перекачивающей жидкость. Прежде считалось, что действиями

организма управляет душа – незримая бестелесная сила. Апелляция к бестелесным силам, правящим телом, была в научном смысле бесперспективной.

Это можно пояснить следующим сравнением. Когда в прошлом веке был изобретен локомотив, группе немецких крестьян (как вспоминает один философ) объяснили его механизм, сущность его работы. Выслушав внимательно, они заявили: «И все же в нем сидит лошадь». Раз в нем сидит лошадь, значит – все ясно. Сама лошадь в объяснении не нуждается. Точно так же обстояло дело и с теми учениями, которые относили действия чело века за счет души. Если душа управляет мыслями и поступками, то все ясно. Сама душа в объяснении не нуждается.

Прогресс же научного знания заключался в поиске и открытии реальных причин, доступных проверке опытом и логическим анализом. Научное знание – это знание причин явлений, факторов (детерминант), которые их порождают, что относится ко всем наукам, в том числе и к психологии. Если вернуться к упомянутой научной революции, когда тело было освобождено от влияния души и стало объясняться по образу и подобию работающей машины, то это произвело переворот в мышлении. Результатом же явились открытия, на которых базируется современная наука. Так, французский мыслитель Р.Декарт открыл механизм рефлекса. Не случайно наш великий соотечественник И.П.Павлов поставил около своей лаборатории бюст Декарта.

Причинный анализ явлений принято называть детерминистским (от лат. «детермино» – определяю). Детерминизм Декарта и его последователей был механистическим. Реакция зрачка на свет, отдергивание руки от горячего предмета и другие реакции организма, которые прежде ставились в зависимость от души, отныне объяснялись воздействием внешнего импульса на нервную систему и ее ответным действием. Данной же схемой объяснялись простейшие чувства (зависящие от состояния организма), простейшие ассоциации (связи между различными впечатлениями) и другие функции организма, относимые к разряду психических.

Такой строй мышления царил до середины XIX века. В этот период в развитии научной мысли произошли новые революционные сдвиги. Учение Дарвина коренным образом изменило объяснение жизни организма. Оно доказало зависимость всех функций (в том числе психических) от наследственности, изменчивости и приспособления (адаптации) к внешней среде. Это был биологический детерминизм, который пришел на смену механистическому.

Согласно Дарвину, естественный отбор безжалостно истребляет все, что не способствует выживанию организма. Из этого следовало, что и психика не могла бы возникнуть и развиваться, если бы не имела реальной ценности в борьбе за существование. Но ее реальность можно было понимать по-разному. Можно было трактовать психику как исчерпывающе объяснимую теми же причинами (детерминантами), которые правят всеми другими биологическими процессами. Но можно предположить, что она этими детерминантами не исчерпывается. Прогресс науки привел ко второму выводу.

Изучение деятельности органов чувств, скорости психических процессов, ассоциаций, чувствований и мышечных реакций, основанное на эксперименте и количественном измерении, позволило открыть особую психическую причинность. Тогда и возникла психология как самостоятельная наука.

Крупные изменения в строе мышления о психических явлениях произошли под влиянием социологии (К.Маркс, Э.Дюркгейм). Изучение зависимости этих явлений от общественного бытия и общественного сознания существенно обогатило психологию. В середине XX века к новым идеям и открытиям привел стиль мышления, который условно можно назвать информационно-кибернетическим (поскольку он отразил влияние нового научного направления кибернетики, с ее понятиями об информации, саморегуляции поведения системы, обратной связи, программировании).

Стало быть, имеется определенная последовательность в смене стилей научного мышления. Каждый стиль определяет типичную для данной эпохи картину психической жизни. Закономерности этой смены (преобразования одних понятий, категорий, интеллектуальных

структур в другие) изучаются историей науки, и только ею одной. Такова ее первая уникальная задача.

Вторая задача, которую призвана решать история психологии, заключается в том, чтобы раскрыть взаимосвязь психологии с другими науками. Физик Макс Планк писал, что наука представляет собой внутренне единое целое; ее разделение на отдельные отрасли обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способности человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу.

Изучение истории психологии позволяет уяснить ее роль в великой семье наук и обстоятельства, под влиянием которых она изменялась. Дело в том, что не только психология зависела от достижений других наук, но и эти последние – будь то биология или социология – изменялись в зависимости от ин формации, которая добывалась благодаря изучению различных сторон психического мира. Изменение знаний об этом мире совершается закономерно. Конечно, здесь перед нами особая закономерность; ее нельзя смешивать с логикой, изучающей правила и формы любых видов умственной работы. Речь идет о логике развития, то есть об имеющих свои законы преобразованиях научных структур (таких, например, как названный стиль мышления).

Общение – координата науки как деятельности

Когнитивный аспект неотделим от коммуникативного, от общения людей науки как важнейшего проявления социальности.

Говоря о социальной обусловленности жизни науки, следует различать несколько ее сторон. Особенности общественного развития в конкретную эпоху преломляются сквозь призму деятельности научного сообщества, имеющего свои нормы и эталоны. В нем когнитивное неотделимо от коммуникативного, познание – от общения. Когда речь идет не только о сходном осмыслении терминов (без чего обмен идей невозможен), но об их преобразовании (ибо именно оно совершается в научном исследовании как форме творчества), общение выполняет особую функцию. Оно становится креативным.

Общение ученых не исчерпывает простой обмен ин формацией. Бернард Шоу писал: «Если у вас яблоко и у меня яблоко, и мы обмениваемся ими, то остаемся при своих – у каждого по яблоку. Но если у каждого из нас по одной идее и мы передаем их друг другу, то ситуация меняется. Каждый сразу же становится богаче, а именно – обладателем двух идей».

Эта наглядная картина преимуществ интеллектуального общения не учитывает главной ценности общения в науке как творческом процессе, в котором возникает «третье яблоко» – когда при столкновении идей происходит «вспышка гения».

Если общение выступает в качестве непременно го фактора познания, то информация, возникшая в научном общении, не может интерпретироваться только как продукт усилий индивидуального ума. Она порождается пересечением линий мысли, идущих из многих источников.

Реальное же движение научного познания вы ступает в форме диалогов, порой весьма напряженных, простирающихся во времени и пространстве. Ведь исследователь задает вопросы не только при роде, но также другим ее испытателям, ища в их ответах приемлемую информацию, без которой не может возникнуть его собственное решение. Это побуждает подчеркнуть важный момент. Не следует, как это обычно делается, ограничиваться указанием на то, что значение термина (или высказывания) само по себе «немо» и сообщает нечто существенное только в целостном контексте всей теории. Такой вывод лишь частично верен, ибо не явно предполагает, что теория представляет собой нечто относительно замкнутое.

Конечно, термин «ощущение», к примеру, лишен исторической достоверности вне контекста конкретной теории, смена постулатов которой меняет и его значение. В теории В.Вундта, скажем, ощущение означало элемент сознания, в теории И.М.Сеченова оно пони-

малось как чувствование-сигнал, в функциональной школе – как сенсорная функция, в современной когнитивной психологии – как момент перцептивного цикла и т.д. и т.п.

Различное видение и объяснение одного и того же психического феномена определялось «сеткой» тех понятий, из которых сплетались различные теории. Можно ли, однако, ограничиться внутритеоретическими связями понятия, чтобы раскрыть его содержание? Дело в том, что теория работает не иначе, как сталкиваясь с другими, «выясняя отношения» с ними. (Так, функциональная психология опровергала установки вундтовской школы, Сеченов дискутировал с интроспекционизмом и т. п.) Поэтому значимые компоненты теории неотвратимо несут печать этих взаимодействий.

Язык, имея собственную структуру, живет, пока он применяется, пока он вовлечен в конкретные Речевые ситуации, в круговорот высказываний, природа которых диалогична. Динамика и смысл высказываний не могут быть «опознаны» по структуре языка, его синтаксису и словарю.

Нечто подобное мы наблюдаем и в отношении языка науки. Недостаточно воссоздать его предметно-логический словарь и «синтаксис», чтобы рассмотреть науку как деятельность. Следует соотнести эти структуры с «коммуникативными сетями», актами общения как стимуляторами преобразования знания, рождения новых проблем и идей.

Если И.П. Павлов отказался от субъективно-психологического объяснения реакций животного, перейдя к объективно-психологическому (о чем оповестил в 1903 году Международный конгресс в Мадриде), то произошло это в ответ на запросы логики развития науки, где эта тенденция наметилась по всему исследовательскому фронту. Совершился такой поворот, как свидетельствовал сам ученый, после «нелегкой умственной борьбы». И была эта борьба, как достоверно известно, не только с самим собой, но и в ожесточенных спорах с ближайшими сотрудниками.

Если В. Джемс, патриарх американской психологии, прославившийся книгой, где излагалось учение о сознании, выступил в 1905 году на Международном психологическом конгрессе в Риме с докладом «Существует ли сознание?», то сомнения, которые он тогда выразил, были плодом дискуссий – предвестников появления бихевиоризма, объявившего со знание своего рода пережитком времен алхимии и схоластики.

Свой классический труд «Мышление и речь» Л.С. Выготский предваряет указанием, что книга представляет собой результат почти десятилетней работы автора и его сотрудников, что многое, считавшееся вначале правильным, оказалось прямым заблуждением.

Выготский подчеркивал, что он подверг критике Ж.Пиаже и В.Штерна. Но он критиковал и самого себя, замыслы своей группы (в которой выделялся покончивший с собой в возрасте около 20 лет Л.С.Сахаров, имя которого сохранилось в модифицированной им методике Аха). Впоследствии Выготский признал, в чем заключался просчет: «В старых работах мы игнорировали то, что знаку присуще значение». Переход от знака к значению совершился в диалогах, изменивших исследовательскую программу Выготского, а тем самым и облик его школы.

Личность ученого

Нами были рассмотрены две координаты науки как системы деятельности – когнитивная (воплощенная в логике ее развития) и коммуникативная (воплощенная в динамике общения). Они не отделимы от третьей координаты – личностной. Творческая мысль ученого движется в пределах «познавательных сетей» и «сетей общения». Но она является самостоятельной величиной, без активности которой развитие науки было бы чудом, а общение невозможно.

Коллективность исследовательского труда приобретает различные формы. Одной из них является научная школа. Понятие о ней неоднозначно, и под ее именем фигурируют различные типологические формы. Среди них выделяются: а) научно-образовательная школа; б) школа – исследовательский коллектив; в) школа как направление в определенной области знаний. Наука в качестве деятельности – это производство не только идей, но и людей. Без

этого не было бы эстафеты знаний, передачи традиций, а тем самым и новаторства. Ведь каждый новый прорыв в непознанное возможен не иначе, как благодаря предшествующему (даже если последний опровергается).

Наряду с личным вкладом ученого социокультурная значимость его творчества оценивается и по критерию создания им школы. Так, говоря о роли И.М. Сеченова, его ближайший ученик М.Н. Шатерников отмечал в качестве его главной заслуги то, что он с выдающимся успехом сумел привлечь молодежь к самостоятельной разработке научных вопросов и тем положил начало русской физиологической школе.

Здесь подчеркивается деятельность Сеченова как учителя, сформировавшего у тех, кому посчастливилось пройти его школу (на лекциях и в лаборатории), умения самостоятельно разрабатывать свои проекты, отличные от сеченовских. Но отец русской физиологии и объективной психологии создал не только научно-образовательную школу. В один из периодов своей работы – и можно точно указать те не сколько лет, когда это происходило, – он руководил группой учеников, образовавших школу как исследовательский коллектив.

Такого типа школа представляет особый интерес для анализа процесса научного творчества. Ибо именно в этих обстоятельствах обнаруживается решающее значение исследовательской программы в управлении этим процессом. Программа является величайшим творением личности ученого. В ней зреет результат, который в случае ее успешного исполнения явится миру в образе открытия, позволяющего вписать имя автора в летопись научных достижений.

Разработка программы предполагает осознание ее творцом проблемной ситуации, созданной (не только для него, но для всего научного сообщества) логикой развития науки и наличием орудий, оперируя которыми, можно было бы найти решение.

Научные школы – будь то исследовательская группа, будь то направление в науке – не являются изолированными образованиями. Они входят в научное сообщество данной эпохи, которое сплочено своими нормами и принципами. Иногда эту сплоченность обозначают термином «парадигма» (образец, правило, пример), который указывает на те задачи и методы их решения, которые сообщество ученых считает обязательными для всех, кто в него входит. Парадигма объединяет когнитивное и социальное. На нее ориентируется в своей деятельности отдельный ученый; но он не является простым исполнителем тех правил, которые она предписывает. Изучение личностных качеств ученого позволяет проникнуть в лабораторию творчества, проследить генезис и развитие новых замыслов и идей.

Задачи истории психологии

Перечислим главные задачи истории психологии как особой отрасли знания.

Имеется определенная последовательность в смене основных «формаций» научного мышления (его стилей и структур): каждая «фор-

мация» определяет типичную для данной эпохи картину психической жизни. Закономерности этой смены (преобразования одних категорий и понятий в другие) изучаются историей психологии и только ею одной. Отсюда ее первая уникальная задача: изучить закономерности развития знаний о психике. Вторая задача – раскрыть взаимосвязь психологии с другими науками, от которых зависят ее достижения. Третья задача – выяснить зависимость зарождения и восприятия знаний от социокультурного контекста, от идеологических влияний на научное творчество, т. е. от запросов общества (ибо наука – не изолированная система и призвана отвечать на эти запросы). И, наконец, четвертая задача – изучить роль личности, ее индивидуального пути в становлении самой науки.

Глава II АНТИЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

§ 1. Общий очерк развития античной психологической мысли

С древнейших времен происходило взаимодействие культур: идеи и духовные ценности, сложившиеся в недрах одной культуры, оказывали воздействие на другие. Поэтому особенности древнегреческой цивилизации не должны рассматриваться изолированно от достижений Востока.

Это относится и к античной философии, охватившей всю совокупность научных взглядов. Зарождение ее было обусловлено коренными изменениями в материальной жизни людей, своеобразной «промышленной революцией», связанной с переходом от бронзы к железу в сфере производства.

Широкое применение в производстве получает рабский труд. Происходит интенсивный рост торгово-ремесленных элементов, возникают полисы (города-государства), ремесло отделяется от сельского хозяйства. Широко развернувшаяся классовая борьба между старой аристократией и новыми социальными группами привела к установлению нового типа рабовладельческого общества – рабовладельческой демократии.

Радикальные общественные изменения, развитие товарно-денежных отношений, быстрое расширение экономических связей, установление морской гегемонии – все это производило глубокие преобразования в жизни и сознании древних греков, от которых новые обстоятельства требовали предприимчивости, энергии, инициативы. Расшатываются прежние верования и легенды, быстрыми темпами идет аккумуляция положительного знания – математического, астрономического, географического, медицинского. Укрепляются критический склад ума, стремление к самостоятельному логическому обоснованию мнений. Мысль индивида устремляется к высоким обобщениям, охватывающим мироздание в едином образе. Появляются первые философские системы, авторы которых берут за первооснову мира, рождающую все неисчерпаемое богатство явлений, тот или иной вид материи: воду (Фалес), неопределенное бесконечное вещество «алейрон» (Анаксимандр), воздух (Анаксимен), огонь (Гераклит).

Возникает не только новая картина мира, но и новая картина человека. Индивид выводится из-под власти мифологических существ, обитающих на Олимпе. Перед ним открывалась перспектива постижения законов бытия посредством наблюдения и логической работы ума. Принимая решение, индивид уже не мог полагаться на сверхъестественные силы. Ему оставалось руководствоваться собственным планом, ценность которого определялась степенью близости к миропорядку.

Гераклитовы идеи о неразрывной связи индивидуальной души с космосом, о процессуальном характере (течении, изменении) психических состояний в единстве с допсихическими, о различных, переходящих один в другой уровнях душевной жизни (зачатки генетического подхода), о подчиненности всех психических явлений непреложным законам материального мира навсегда вплелись в ткань научно-психологического знания.

Новые учения возникают не в континентальной Греции с ее земледельческим укладом, а в греческих колониях на побережье Малой Азии: в Милете и Эфесе – крупнейших торгово-промышленных и культурных центрах того времени. С утратой этими центрами политической самостоятельности восток древнегреческого мира перестает быть средоточием философского творчества. Им становится запад. Возникают учения Парменида (конец VI века до н.э.) в Элее и Эмпедокла (490–430 гг. до н.э.) в Агригенте на острове Сицилия, распространяется философия полумифического Пифагора с острова Самос.

После греко-персидских войн (V век до н.э.) экономический подъем и развитие демократических институтов способствовали новым успехам философии и науки. Наиболее крупные из них связаны с деятельностью Демокрита из Абдер, создавшего атомистическую теорию, Гиппократом с острова Кос, воззрения которого на организм имели значение не только для медицины, но и для философии, Анаксагором – уроженца Клазомен, который, прийдя в Афины, учил, что природа построена из мельчайших материальных частиц – «гомеомерий», упорядочиваемых внутренне присущим ей разумом.

Афины в V веке до н.э. – центр интенсивной работы философской мысли. В этот же период раз вернулась деятельность «учителей мудрости» – софистов. Их появление было обусловлено расцветом рабовладельческой демократии. Возникли учреждения, участие в которых требовало красноречия, образованности, искусства доказывать, опровергать, убеждать, т.е. эффективно воздействовать на сограждан не внешним принуждением, а путем влияния на их интеллект и чувства. Софисты за плату обучали этим умениям.

Против софистов, доказавших относительность и условность человеческих понятий и установлений, выступил Сократ, который учил, что в понятиях и ценностях должно быть общее, незыблемое содержание.

Два великих мыслителя IV века до н.э. – Платон и Аристотель – создали системы, которые на протяжении многих веков оказывали глубокое влияние на философско-психологическую мысль человечества.

С возвышением Македонии (IV век до н.э.) создается грандиозная империя, после распада которой начинается новый период – эллинистический. Для него характерны укрепление тесных связей между греческой культурой и культурой народов Востока, а также расцвет в некоторых эллинистических центрах (особенно в Александрии) опытного и точного знания. Основные философские школы этого периода были представлены перипатетиками – последователями Аристотеля, эпикурейцами – последователями Эпикура (341-270 гг. до н.э.) и стоиками.

Философским учениям эллинистического периода свойственна сосредоточенность на этических проблемах. Положение личности в обществе коренным образом изменилось. Свободный грек утрачивал связь со своим городом-полисом и оказывался в водовороте бурных событий. Его положение в изменчивом мире становилось непрочным, что порождало индивидуализм, идеализацию образа жизни мудреца, неподвластного якобы игре внешних стихий.

Росло недоверие к познавательным способностям человека. Возник скептицизм, родоначальник которого, Пиррон, проповедовал полное безразличие ко всему существующему («атараксию»), отказ от деятельности, воздержание от суждений о чем бы то ни было. В идеологическом плане учения стоиков, эпикурейцев, скептиков утверждали покорность индивида по отношению к военным рабовладельческим монархиям, возникшим после распада империи Александра Македонского. Мудрость усматривалась не в том, чтобы познавать природу вещей, а в том, чтобы вырабатывать правила поведения, позволяющие сохранить невозмутимость в круговороте социально-политических и военных потрясений.

Вместе с тем появляются новые центры культуры, где взаимодействуют различные течения западной и восточной мысли. Среди этих центров выделялась Александрия (в Египте), где были созданы в III веке до н.э. при Птолемах библиотека и Мусей.

Мусей представлял по существу исследовательский институт с лабораториями, комнатами для занятий со студентами, ботаническим и зоологическим садом, обсерваторией. Здесь был проведен ряд важных исследований в области математики (Эвклид), географии (Эратосфен), механики (сюда приезжал из Сиракуз Архимед), анатомии и физиологии (Герофил и Эразистрат), грамматики, истории и других дисциплин. Нарастает специализация научного труда, складываются объединения лиц, занятых научной деятельностью (научные школы). Совершенствование техники анатомических исследований ведет к ряду открытий, важных не только для медицины, но и для психологии.

Древний Рим, развитие культуры которого непосредственно связано с достижениями эллинистического периода, выдвинул таких крупнейших мыслителей, как Лукреций (I век до н.э.) и Гален (II век н.э.).

Позднее, когда восстания рабов и гражданские войны начали сотрясать Римскую империю, широкое распространение получили взгляды, враждебные материализму и опытному изучению природы (Плотин, неоплатонизм).

§ 2. Воззрения на природу психического

Анимизм

В родовом обществе господствовало мифологическое представление о душе. Каждая конкретная чувственно воспринимаемая вещь наделялась сверхъестественным двойником – душой (или многими душами). Такой взгляд называется анимизмом (от лат. «анима» – душа). Окружающий мир воспринимался как зависящий от произвола этих душ. Поэтому первоначальные воззрения на душу относятся не столько к истории психологического знания как такового (в смысле знания о психической деятельности), сколько к истории общих воззрений на природу.

Сдвиги в понимании природы и человека, совершившиеся в VI веке до н.э., стали поворотным пунктом в истории представлений о психической деятельности.

Труды древнегреческих мудрецов привели к революционным изменениям в представлениях об окружающем мире, начало которых было связано с преодолением древнего анимизма.

Анимизм – вера в скрытый за видимыми вещами сонм духов (душ) как особых «агентов» или «призраков», которые покидают человеческое тело с последним дыханием (например, по мнению философа и математика Пифагора) и, будучи бессмертными, вечно странствуют по телам животных и растений. Древние греки называли душу словом «псюхе», которое и дало имя нашей науке. В нем сохранились следы из начального понимания связи жизни с ее физической и органической основой (ср. русские слова: «душа, дух» и «дышать», «воздух»).

Интересно, что уже в ту древнейшую эпоху люди, говоря о душе («псюхе»), связывали между собой явления, присущие внешней природе (воздух), организму (дыхание) и психике (в ее последующем понимании), хотя, конечно, в житейской практике они прекрасно различали эти понятия. Знакомясь с представлениями о человеческой психологии по древним мифам, нельзя не восхититься тонкостью понимания людьми богов, наделенных коварством или мудростью, мстительностью или великодушием, завистью или благородством – всеми теми качествами, которые творцы мифов познали в земной практике своего общения с ближними. Эта мифологическая картина мира, где тела заселяются душами (их «двойниками» или призраками), а жизнь зависит от настроения богов, веками царил в общественном сознании.

Гилозоизм

Принципиально новый подход выразило сменившее анимизм учение о всеобщей одушевленности мира – гилозоизм, в котором природа осмысливалась как единое материальное целое, наделенное жизнью. Решительные изменения произошли первоначально не столько в фактическом составе знания, сколько в его общих объяснительных принципах. Те сведения о человеке, его телесном устройстве и психических свойствах, которые создатели древнегреческой философии и науки почерпнули в учениях мыслителей древнего Востока, воспринимались теперь в контексте нового, освобождавшегося от мифологии миропонимания.

Гераклит: душа как «искорка Логоса»

Гилозоисту Гераклиту (конец VI – начало V века до н.э.) космос представлялся в виде «вечно живого огня», а душа («психея») – в виде его искорки. Таким образом, душа включена в общие закономерности природного бытия, развиваясь по тому же закону (Логосу), что и

космос, который один и тот же для всего сущего, не создан никем из богов и никем из людей, но который всегда был, есть и будет «вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим».

С именем Гераклита связано и выделение не скольких ступеней в процессе познания окружающего мира. Отделив деятельность органов чувств (ощущения) от разума, он дал описание результатов познавательной активности человека, доказывая, что ощущения дают «темное», мало дифференцированное знание, в то время как результатом мыслительной деятельности является «светлое», отчетливое знание. Однако чувственное и разумное познание не противопоставляются, но гармонически дополняют друг друга, как «многознание» и «ум». Гераклит подчеркивал, что «многознание не научает уму», но в то же время ученый, философ должен знать многое, чтобы составить правильное представление об окружающем мире. Таким образом, разные стороны познания у Гераклита – это взаимно связанные гармонирующие противоположности, помогающие проникновению в глубину Логоса.

Он также впервые указал на разницу между душой взрослого человека и ребенка, так как, с его точки зрения, по мере взросления душа становится все более «сухой и горячей». Степень влажности души влияет на ее познавательные способности: «сухое сияние – душа мудрейшая и наилучшая», говорил Гераклит, а потому ребенок, у которого более влажная душа, мыслит хуже, чем взрослый человек. Точно так же «пьяный шатается и не замечает, куда он идет, ибо душа у него влажная». Так Логос, который правит круговоротом вещей в природе, управляет и развитием души и ее познавательных способностей.

Термин «Логос», введенный Гераклитом, со временем приобрел великое множество смыслов, но для него самого он означал закон, по которому «все течет», явления переходят друг в друга. Малый мир (микрокосм) отдельной души идентичен макрокосму всего миропорядка. Следовательно, постигать себя (свою «психею») – значит углубляться в закон (Логос), который придает непрерывно текущему ходу вещей динамическую гармонию, сотканную из противоречий и катаклизмов. После Гераклита (его называли «темным» из-за трудности понимания и «плачущим», так как будущее человечества он считал еще страшнее настоящего) в запас средств, позволяющих читать «книгу природы» со смыслом, вошла идея закона, который правит всем сущим, в том числе – безостановочным течением тел и душ, когда «нельзя дважды войти в одну и ту же реку».

Демокрит: душа – поток огненных атомов

Идея Гераклита о том, что от закона Логоса зависит ход вещей, получила развитие у Демокрита (ок. 460-370 гг. до н.э.).

Демокрит родился в городе Абдеры, в знатной и обеспеченной семье. Его родители постарались дать ему самое лучшее образование, однако Демокрит считал необходимым предпринять несколько длительных путешествий, чтобы получить необходимые для себя знания не только в Греции, но и в других странах, прежде всего в Египте, Персии и Индии. На эти путешествия Демокрит потратил почти все деньги, оставленные ему родителями, а потому, когда он вернулся на родину, его сограждане посчитали его виновным в растрате со стояния и назначили судебное заседание. Демокрит должен был оправдать свое поведение или навсегда покинуть родной дом. В свое оправдание Демокрит, доказывая согражданам пользу полученных им знаний, прочитал народному собранию свою книгу «Большой мирострой» (которая, по мнению современников, была его лучшим произведением). Сограждане сочли, что деньги были им потрачены с пользой. Демокрита не только оправдали, но и вручили ему большую денежную награду, а также воздвигли медные статуи в его честь.

К сожалению, сочинения Демокрита дошли до нас только в отрывках. Основу его теории составляет концепция, согласно которой весь мир состоит из мельчайших, невидимых глазом частиц – атомов. Атомы отличаются друг от друга формой, порядком и поворотом. Человек, как и вся окружающая природа, состоит из атомов, образующих его тело и душу. Душа также материальна и состоит из мелких круглых атомов, наиболее подвижных, ибо они должны сообщить активность инертному телу. Таким образом, с точки зрения Демокрита,

душа является источником активности, энергии для тела. После смерти человека душа рассеивается в воздухе, а потому смертно не только тело, но и душа.

Демокрит считал, что душа находится в голове (разумная часть), в груди (мужественная часть), в печени (вождедеющая часть) и в органах чувств. При этом в органах чувств атомы души находятся очень близко к поверхности и могут соприкасаться с микроскопическими, невидимыми глазу копиями ми окружающих предметов (эйдолами), которые носятся в воздухе, попадая и в органы чувств. Эти копии отделяются (истекают) ото всех предметов внешнего мира (потому эта теория познания носит название «теория истечений»). При соприкосновении эйдов с атомами души происходит ощущение, и именно таким образом человек познает свойства окружающих предметов. Таким образом, все наши ощущения (в том числе зрительные, слуховые) являются контактными. Обобщая данные не скольких органов чувств, человек открывает мир, переходя на следующий уровень – понятийный, который является результатом деятельности мышления. Другими словами, у Демокрита существует две ступени в познавательном процессе – ощущения и мышление. При этом он подчеркивал, что мышление дает нам больше знаний, чем ощущения. Так, ощущения не дают нам возможности увидеть атомы, но путем размышления мы приходим к выводу об их существовании. «Теория истечений» была признана в качестве основы формирования наших чувственных знаний о предметном мире всеми материалистами Древней Греции.

Демокрит также ввел понятие первичных и вторичных качеств предметов. Первичные – это те качества, которые действительно существуют в предметах (вес, поверхность, гладкая или шероховатая, форма). Вторичные качества – цвет, запах, вкус, этих свойств нет в предметах, их придумали сами люди для своего удобства, так как «только во мнении есть кислое и сладкое, красное и зеленое, а в действительности есть только пустота и атомы». Таким образом, Демокрит первый сказал о том, что человек не может совершенно правильно, адекватно познать окружающий его мир. Эта невозможность понять до конца окружающую действительность относится и к пониманию законов, которые управляют миром и судьбой человека. Демокрит утверждал, что в мире нет случайностей, и все происходит по заранее заданной причине. Люди придумали идею случая, что бы прикрыть незнание дела и неумение управлять. На самом же деле случайностей нет, и все причинно обусловлено.

Такой подход носит название детерминизма, а признание однозначной необходимости всех совершающихся в мире событий рождает фаталистическую тенденцию, отрицает свободу воли человека. Критики Демокрита подчеркивали, что при таком понимании невозможно не только управлять собственным поведением, но и оценивать поступки людей, так как они зависят не от нравственных принципов человека, а от судьбы.

Однако сам Демокрит стремился совместить фаталистический подход с представлением об активности человека при выборе нравственных критериев поведения. Он писал, что моральные принципы не даются от рождения, но являются результатом воспитания, поэтому люди становятся хорошими благодаря упражнению, а не природе. Воспитание, по мнению Демокрита, должно дать человеку три дара: хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать. Дети, которые выросли в невежестве, подобны танцующим между мечами, поставленными вверх лезвиями. Они погибают, если при прыжке не попадают в то единственное место, где следует поставить ноги. Так и невежественные люди, уклоняясь от следования верному примеру, обыкновенно гибнут.

Сам Демокрит считал воспитание столь трудным делом, что сознательно отказался от брака и не желал иметь детей, считая, что от них бывает много неприятностей и в случае удачи последняя приобретена ценою большого труда, а в случае неудачи горе родителей несравнимо ни с каким другим.

Категории, в которых выражалось натурфилософское познание мира и взаимоотношения с ним человека, имели первоначально только одну область практического приложения – медицину. Впоследствии (в IV-III веках до н.э.) появилась еще одна область применения этих знаний – педагогика. Концепции медиков формировались под прямым влиянием философских теорий, но и сами эти концепции, в свою очередь, накладывали отпечаток на «кар-

тину человека», какой она рисовалась в философских системах. Одними из наиболее значимых сочинений медиков были труды Гиппократ.

Натурфилософы – мыслители, сосредоточенные на исследовании природы вещей.

Гиппократ: учение о темпераментах

Школа Гиппократ (ок. 460-377 гг. до н.э.), известная нам по так называемому «Гиппократову сборнику», рассматривала жизнь как изменяющийся процесс. Среди ее объяснительных принципов мы встречаем воздух в роли силы, которая поддерживает неразрывную связь организма с миром, приносит извне разум, а в мозгу выполняет психические функции. Единое материальное начало в качестве основы органической жизни отвергалось. Если бы человек был единым, то он ни когда бы не болел, а если бы болел, то исцеляющее средство должно было бы быть единым. Но такового не существует.

Учение о единой стихии, лежащей в основе многообразия вещей, Гиппократ заменял учением о четырех жидкостях (кровь, слизь, желчь желтая и желчь черная). Отсюда, в зависимости от того, какая жидкость преобладает, – версия о четырех темпераментах, названных в дальнейшем: сангвиническим (когда преобладает кровь), флегматическим (слизь), холерическим (желтая желчь) и меланхолическим (черная желчь).

Для будущей научной психологии этот объяснительный принцип, при всей его наивности, имел очень важное значение (недаром терминология Гиппократ сохранилась поныне). Во-первых, на передний план выдвигалась гипотеза, согласно которой бесчисленные различия между людьми можно сгруппировать по нескольким общим признакам поведения; тем самым закладывались начала научной типологии, лежащие в основе современных учений об индивидуальных различиях между людьми. Во-вторых, источник и причину различий Гиппократ искал внутри организма; душевные качества ставились в зависимость от телесных. О роли нервной системы в ту эпоху еще не знали, поэтому типология являлась, говоря нынешним языком, гуморальной (от лат. «гумор» – жидкость).

Алкмеон: мозг – орган души

Гуморальная направленность мышления древнегреческих медиков вовсе не означала, что они игнорировали строение органов, специально предназначенных для выполнения психических функций. Издавна как на Востоке, так и в Греции конкурировали между собой две теории «сердце-центрическая» и «мозго-центрическая»

Мысль о том, что мозг есть орган души, принадлежит древнегреческому врачу Алкмеону из Кретоны (VI век до н. э.), который пришел к такому выводу в результате наблюдений и хирургических операций. В частности, он установил, что из мозговых полушарий «идут к глазным впадинам две узкие дорожки». Полагая, что ощущение возникает благодаря особому строению периферических чувствующих аппаратов, Алкмеон вместе с тем утверждал, что имеется прямая связь между органами чувств и мозгом.

Таким образом, учение о психике как продукте мозга зародилось благодаря тому, что была открыта прямая зависимость ощущений от строения мозга, а это, в свою очередь, стало возможным благодаря накоплению эмпирических фактов. Ощущения, по Алкмеону, – исходный пункт всей познавательной работы. «Мозг доставляет (нам) ощущения слуха, зрения и обоняния, из последних же возникают память и представление (мнение), а из памяти и представления, достигших непоколебимой прочности, рождается знание, являющееся таковым в силу этой (прочности)».

Тем самым и другие психические процессы, возникающие из ощущений, связывались с мозгом, хотя знание об этих процессах (в отличие от знания об ощущениях) не могло опираться на анатомо-физиологический опыт.

Вслед за Алкмеоном Гиппократ также трактовал мозг как орган психики, полагая, что он является большой железой.

Следует заметить, что в XX веке ученые обратились к исследованиям как нервных процессов, так и жидких сред организма, его гормонов (греческое слово, обозначающее то, что возбуждает). Теперь и медики и психологи говорят о единой нейрогуморальной регуляции поведения.

Если взглянуть на гиппократовы темпераменты с общетеоретических позиций, то можно заметить их слабую сторону (впрочем, она присуща и современным типологиям характеров): организм рассматривался как смесь – в неких пропорциях – различных элементов, однако каким образом эта смесь превращалась в гармоничное целое, оставалось загадкой.

Анаксагор: «ум» как начало вещей

Разгадать эту загадку попытался философ Анаксагор (V век до н. э.). Он не принял ни гераклитово воззрение на мир как на огненный поток, ни демокритову картину атомных вихрей. Считая природу состоящей из множества мельчайших частиц, он искал в ней начало, благодаря которому из хаоса, из беспорядочного скопления и движения этих частиц возникает организованный космос. Таким началом Анаксагор признал «тончайшую вещь», которой дал имя «нус» (разум). Он полагал, что от того, насколько полно представлен разум в различных телах, зависит их совершенство. «Человек, – говорил Анаксагор, – является самым разумным из животных вследствие того, что имеет руки». Выходило, что не разум определяет преимущества человека, но его телесная организация определяет высшее психическое качество – разумность.

Принципы, сформулированные Гераклитом, Демокритом и Анаксагором, создавали главный жизненный нерв будущей системы научного осмысления мира, в том числе и познания психических явлений. Какими бы извилистыми путями ни шло это познание в последующие века, оно подчинялось идеям закона, причинности и организации. Открытые две с половиной тысячи лет назад в Древней Греции объяснительные принципы стали на все времена основой познания душевных явлений.

Софисты: учителя мудрости. Совершенно новую сторону познания душевных явлений открыла деятельность философов-софистов (от греч. «софия» мудрость). Их интересовала не природа, с ее не зависящими от человека законами, носам человек, который, как гласил афоризм первого софиста Протагора, «есть мера всех вещей». Впоследствии прозвище «софист» стало применяться к лжеумудрецам, вы дающим с помощью различных уловок мнимые доказательства за истинные. Но в истории психологического познания деятельность софистов открыла новый объект: отношения между людьми, изучаемые с использованием средств, которые призваны доказать и внушить любое положение независимо от его достоверности.

В связи с этим детальному обсуждению были подвергнуты приемы логических рассуждений, строение речи, характер отношений между словом, мыслью и воспринимаемыми предметами. Как можно что-либо передать посредством языка, спрашивал софист Горгий, если его звуки ничего общего не имеют с обозначаемыми ими вещами. И это не было лишь логическим ухищрением, но поднимало реальную проблему. Она, как и другие вопросы, обсуждавшиеся софистами, подготавливала развитие нового направления в понимании души.

Были оставлены поиски природной «материи» души. На передний план выступило изучение речевой и мыслительной деятельности с точки зрения ее использования для манипулирования людьми. Их поведение ставилось в зависимость не от материальных причин, как то представлялось прежним философам, вовлекшим душу в космический круговорот. Теперь она попадала в сеть произвольных логико-лингвистических хитросплетений. Из представлений о душе исчезали признаки ее подчиненности строгим законами неотвратимым причинам, действующим в физической природе. Язык и мысль лишены подобной неотвратимости; они полны условностей и зависят от человеческих интересов и пристрастий. Тем самым действия души приобретали зыбкость и неопределенность.

Вернуть действиям души прочность и надежность, но коренящиеся не в вечных законах макрокосма, а во внутреннем строе самой души, стремился один из самых замечательных мыслителей древнего мира Сократ (469-399 гг. до н.э.).

Сократ: познай самого себя

Сын ваятеля и акушерки, он, получив общее для афинян того времени образование, стал философом, обсуждавшим проблемы теории познания, этики, политики, педагогики с любым человеком, согласившимся отвечать на его вопросы в любом месте – на улице, на рыночной площади, в любое время. Сократ, в отличие от софистов, не брал денег за философствование, и среди его слушателей были люди самого различного имущественного положения, образования, политических убеждений, идейного и нравственного склада. Смысл деятельности Сократа (она получила название «диалектика» – нахождение истины с помощью беседы) состоял в том, чтобы с помощью определенным образом подобранных вопросов помочь собеседнику найти истинный ответ (так называемый сократический метод) и тем самым при вести его от неопределенных представлений к логически ясному знанию обсуждаемых предметов. Обсуждению подвергался обширный круг «житейских понятий» о справедливости, несправедливости, добре, красоте, мужестве и т.д.

Сократ считал своим долгом принимать активное участие в общественной жизни Афин. При этом он далеко не всегда соглашался с мнением большинства в народном собрании и в суде присяжных, что требовало немалого мужества, особенно в период правления «тридцати тиранов». Свои не согласия с большинством Сократ считал результатом, того, что он всегда стремился к соблюдению законов и справедливости, о которых не всегда заботится большинство людей. Он был обвинен в том, что «не чтит богов и развращает юношество», и приговорен к смерти 361 голосом из 500 судей. Сократ мужественно принял приговор, выпив яд и отвергнув планы своих учеников о побеге как спасении.

Сократ не записывал свои рассуждения, считая, что только живая беседа приводит к нужному результату – воспитанию личности. Поэтому трудно полностью реконструировать его взгляды, о которых нам известно из трех основных источников комедий Аристофана, воспоминаний Ксенофонта и сочинений Платона. Все эти авторы подчеркивают, что именно Сократ впервые рассматривал душу прежде всего как источник нравственности человека, а не как источник активности тела (как это было принято в теориях Гераклита и Демокрита). Сократ говорил о том, что душа – психическое качество индивида, свойственное ему как разумному существу, действующему согласно нравственным идеалам. Такой подход к душе не мог исходить из мысли о ее материальности, а потому одновременно с возникновением взгляда на связь души с нравственностью возникает и новый взгляд на нее, который позже был разработан учеником Сократа Платоном.

Говоря о нравственности, Сократ связывал ее с поведением человека. Нравственность – это благо, реализуемое в поступках людей. Однако для то го, чтобы оценить тот или иной поступок как нравственный, надо предварительно знать, что такое благо. Поэтому Сократ связывал нравственность с разумом, считая, что добродетель состоит в знании добра и в действии соответственно этому знанию. Например, храбр тот человек, который знает, как нужно вести себя в опасности, и поступает соответственно своим знаниям. Поэтому прежде всего надо обучить людей, показать им разницу между хорошим и плохим, а потом уже оценивать их по ведение. Познавая разницу между добром и злом, человек начинает познавать и самого себя. Таким образом, Сократ приходит к важнейшему положению своих взглядов, связанному с переносом центра исследовательских интересов с окружающей действительности на, человека.

Девиз Сократа гласил: «Познай самого себя». Под познанием самого себя Сократ разумел не обращение «вовнутрь» – к собственным переживаниям и состояниям сознания (само понятие о сознании к тому времени еще не вычленилось), а анализ поступков и отношений к ним, нравственных оценок и норм человеческого поведения в различных жизненных ситуациях. Это вело к новому пониманию сущности души.

Если софисты приняли за исходный пункт отношение человека не к природе, а к другим людям, то для Сократа важнейшим становится отношение человека к самому себе как носителю интеллектуальных и нравственных качеств. Впоследствии даже говорили, что Сократ был пионером психотерапии, пытаясь с помощью слова обнажить то, что скрыто за внешними проявлениями работы ума.

Во всяком случае, в его методике таились идеи, сыгравшие через много столетий ключевую роль в психологических исследованиях мышления. Во-первых, работа мысли ставилась в зависимость от задачи, создающей препятствие для ее привычного течения. Именно такой задачей становилась система вопросов, которые Сократ обрушивал на собеседника, пробуждая тем самым его умственную активность. Во-вторых, эта активность изначально носила характер диалога. Оба признака: а) направленность мысли, создаваемая задачей, и б) диалогизм, предполагающий, что познание изначально социально, поскольку коренится в общении субъектов, – стали в XX веке главными ориентирами экспериментальной психологии мышления.

Об этом философе, ставшем на все века идеалом бескорыстия, честности, независимости мысли, мы знаем со слов его учеников. Сам же он никогда ничего не писал и считал себя не учителем мудрости, а человеком, пробуждающим в других стремление к истине.

После Сократа, в центре интересов которого была преимущественно умственная деятельность (ее продукты и ценности) индивидуального субъекта, понятие о душе наполнилось новым предметным содержанием. Его составляли совершенно особые сущности, которых физическая природа не знает.

Идеи, выдвинутые Сократом, были развернуты в теории его выдающегося ученика Платона.

Платон: душа и царство идей

Платон (428-348 гг. до н. э.) родился в знатной афинской семье. Его разносторонние способности стали проявляться очень рано и послужили основанием для многих легенд, самая распространенная из которых приписывает ему божественное происхождение (делает его сыном Аполлона). Настоящее имя Платона – Аристокл, но еще в юности он получает новое имя – Платон, что значит широкоплечий (в ранние годы он увлекался гимнастикой). Платон обладал поэтическим даром, его философские произведения написаны высоколитературным языком, в них много художественных описаний, метафор. Однако увлечение философией, идеями Сократа, чьим учеником он становится в Афинах, отвлекло Платона от первоначального намерения посвятить свою жизнь поэзии. Верность философии и своему великому наставнику Платон пронес через всю жизнь. После трагической смерти Сократа Платон покидает Афины, дав клятву никогда больше не возвращаться в этот город.

Его путешествия длились около десяти лет и закончились трагически – он был продан в рабство сицилийским тираном Дионисием, который вначале призвал Платона помочь ему в строительстве идеального государства. Друзья Платона, узнав об этом, собрали необходимую для выкупа сумму, но Платон к этому времени был уже освобожден. Тогда собранные деньги были вручены Платону, и он купил участок земли на северо-западной окраине Афин и основал там свою школу, которую назвал Академией. Уже в преклонные годы Платон делает вторичную попытку участия в государственных делах, пытаясь создать идеальное государство уже совместно с сыном Дионисия – Дионисием младшим, однако и эта попытка окончилась неудачей. Разочарование в окружающем омрачило последние годы жизни Платона, хотя он был до конца дней окружен многими учениками и последователями, среди которых был Аристотель.

Платон опирался не только на идеи-Сократа, но и на некоторые положения пифагорейцев*, в частности на обожествление числа. Над воротами Академии Платона было написано: «Не знающий геометрии да не войдет сюда». Стремясь создать универсальную концепцию, объединяющую человека и космос, Платон считал, что окружающие предметы являются результатом соединения души, идеи, с неодушевленной материей.

Платон считал, что существует идеальный мир, в котором находятся души, или идеи, вещей, те совершенные образцы, которые становятся прообразами реальных предметов. Совершенство этих образцов не достигаемо для предметов, но заставляет стремиться быть похожими на них. Таким образом, душа является не только идеей, но и целью реальной вещи. В принципе идея Платона является общим понятием, которого нет в реальной жизни, но отображением которого являются все вещи, входящие в это понятие. Так, не существует какого-то обобщенного человека, но каждый из людей является, как бы вариацией понятия «человек».

Поскольку понятие неизменно, то и идея, или душа, с точки зрения Платона, постоянна, неизменна и бессмертна. Она является хранительницей нравственности человека. Будучи рационалистом, Платон считал, что поведение должно побуждаться и направляться разумом, а не чувствами, и выступал против Демокрита и его теории детерминизма, утверждая возможность свободы человека, свободы его разумного поведения. Душа, по Платону, состоит из трех частей: вожделеющей, страстной и разумной. Вожделеющая и страстная души должны подчиняться разумной, которая одна может сделать поведение нравственным. В своих диалогах Платон уподобляет душу колеснице, запряженной двумя конями. Черный конь – вожделеющая душа – не слушает приказов и нуждается в постоянной узде, так как он стремится перевернуть колесницу, сбросить ее в пропасть. Белый конь – страстная душа, хотя и старается идти своей дорогой, но не всегда слушается возницы и нуждается в постоянном присмотре. И, наконец, разумную часть души Платон отождествляет с возницей, который ищет правильный путь и направляет по нему колесницу, управляя конем. В описании души Платон придерживается четких черно-белых критериев, доказывая, что есть плохие и хорошие части души: разумная часть для него является однозначно хорошей, в то время как вожделеющая и страстная – плохими, более низкими.

Так как душа постоянная и человек не может ее изменить, то и содержание тех знаний, которые хранятся в душе, тоже неизменно, и открытия, совершаемые человеком, являются по сути не открытиями чего-то нового, но лишь осознанием того, что уже хранилось в душе. Таким образом, процесс мышления Платон понимал как припоминание того, что душа знала в своей космической жизни, но забыла при вселении в тело. И само мышление, которое, он считал главным когнитивным процессом, по сути является мышлением репродуктивным, а не творческим (хотя Платон и оперирует понятием «интуиция», ведущим для творческого мышления).

Исследуя познавательные процессы, Платон говорил об ощущении, памяти и мышлении, причем он первым заговорил о памяти как о самостоятельном психическом процессе. Он дает памяти определение – «отпечаток перстня на воске» – и считает ее одним из важнейших этапов в процессе познания окружающего. Сам процесс познания у Платона, как уже говорилось, представлял в виде припоминания; таким образом, память являлась хранилищем всех знаний, как осознаваемых, так и не осознанных в данный момент.

Однако Платон считал память, как и ощущения, пассивным процессом и противопоставлял их мышлению, подчеркивая его активный характер. Активность мышления обеспечивается его связью с речью, о чем говорил еще Сократ. Платон развивает идеи Сократа, доказывая, что мышление есть диалог души с собой (говоря современным языком, внутренняя речь). Однако развернутый во времени и осознанный процесс логического мышления не мо-

* Согласно воззрениям Пифагорейской школы (об основателе которой нет достоверных сведений) мироздание имеет не вещественную, а арифметически-геометрическую структуру. Во всем существующем царит гармония, имеющая числовое выражение.

жет передать всю полноту знаний, так как опирается на исследование окружающих предметов, то есть копий настоящих знаний о предметах. Тем не менее возможность проникнуть в суть вещей у человека существует, и связана она с интуитивным мышлением, с проникновением в глубину души, которая хранит истинные знания. Они открываются человеку сразу, целиком. (Этот мгновенный процесс похож на «инсайт», который позднее будет описан гештальт-психологией. Однако несмотря на процессуальную схожесть интуитивного мышления с «инсайтом» они различны, по содержанию, так как озарение Платона связано не с открытием нового, но лишь с осознанием того, что уже хранилось в душе.)

Исследования Платона заложили новые тенденции не только в философии, но и в психологии. Он впервые выделил этапы в процессе познания, открыв роль внутренней речи и активность мышления. Он также впервые представил душу не как целостную организацию, но как определенную структуру, которая испытывает давление противоположных тенденций, конфликтующих мотивов, которые не всегда можно примирить с помощью разума. (Эта идея Платона о внутреннем конфликте души станет особенно актуальной в психоанализе, в то время как его подход к проблеме познания отразится на позиции рационалистов.)

Знание о душе – от его зачатков на античной почве до современных представлений – развивалось, с одной стороны, в соответствии с уровнем знаний о внешней природе, с другой – в результате освоения культурных ценностей. Ни природа, ни культура сами по себе не образуют область психического, однако последняя не может существовать без взаимодействия с ними. Философы до Сократа, размышляя о психических явлениях, ориентировались на природу, искали в качестве эквивалента этих явлений одну из природных стихий, образующих единый мир, которым правят естественные законы. Лишь сравнив это представление с древней верой в души как особые двойники тел, можно ощутить взрывную силу той философии, которую исповедовали Гераклит, Демокрит, Анаксагор и другие древнегреческие мыслители. Они разрушили старое мировоззрение, где все земное, в том числе психическое, ставилось в зависимость от прихоти богов, сокрушили мифологию, которая в течение тысячелетий царила в умах людей, возвысили разум и способность человека логически мыслить, попытались найти реальные причины явлений.

Это была великая интеллектуальная революция, от которой следует вести отсчет научного знания о психике. После софистов и Сократа в объяснениях сущности души наметился переворот к пониманию ее как феномена культуры, ибо входящие в состав души абстрактные понятия и нравственные идеалы невыводимы из вещества природы. Они суть порождения духовной культуры.

Для представителей обеих ориентаций – «природной» и «культурной» – душа выступала как внешняя по отношению к организму реалья, либо вещественная (огонь, воздух), либо бесплотная (средоточие понятий, общезначимых норм). Шла ли речь об атомах (Демокрит) или об идеальных формах (Платон) – предполагалось, что то и другое попадает в организм извне, со стороны.

Аристотель: душа – способ организации тела

Аристотель (384–322 гг. до н.э.) преодолел эти воззрения, открыв новую эпоху в понимании души как предмета психологического знания. Его источником стали для Аристотеля не физические тела и бестелесные идеи, но организм, где телесное и, духовное образуют нераздельную целостность. Душа, по Аристотелю, – не самостоятельная сущность, а форма, способ организации живого тела. Тем самым было покончено и с наивным анимистическим дуализмом, и с изощренным дуализмом Платона.

Аристотель был сыном медика при македонском царе и сам готовился к медицинской профессии. Явившись семнадцатилетним юношей в Афины к шестидесятилетнему Платону, он несколько лет занимался в его Академии, с которой в дальнейшем порвал. Известная картина Рафаэля «Афинская школа» изображает Платона указывающим рукой на небо. Аристотеля – на землю. В этих образах запечатлено различие в ориентации двух великих мыслителей.

лей. По Аристотелю, идейное богатство мира скрыто в чувственно воспринимаемых земных вещах и раскрывается в прямом общении с ними.

На окраине Афин Аристотель создал собственную школу, названную Ликеем (позже словом «лицей» стали называть привилегированные учебные заведения). Это была крытая галерея, где Аристотель, обычно прогуливаясь, вел занятия. «Правильно думают те, – говорил Аристотель своим ученикам, – кому представляется, что душа, не может существовать без тела и не является телом».

Кто же имелся, в виду под теми, кто «правильно думает»? Очевидно, что не натурфилософы, для которых душа – это тончайшее тело. Но и не Платон, считавший душу паломницей, странствующей по телам и другим мирам. Решительный итог размышлений Аристотеля: «Душу от тела отделить нельзя» – противоречил взглядам Платона на прошлое и будущее души. Выходит, что «правильным» Аристотель считал собственное понимание, согласно которому переживает, мыслит, учится не душа, а целостный организм. «Сказать, что душа гневается, – писал он, – равносильно тому, как если бы кто сказал, что душа занимается ткачеством или постройкой дома».

Аристотель был как философом, так и натуралистом-исследователем природы. Одно время он обучал наукам юного Александра Македонского, который впоследствии приказал отправлять своему старому учителю образцы растений и животных из завоеванных стран.

Накапливалось огромное количество фактов сравнительно-анатомических, зоологических, эмбриологических и других, ставших опытной основой наблюдений и анализа поведения живых существ. Обобщение этих фактов, в первую очередь биологических, стало основой психологического учения Аристотеля и преобразования главных объяснительных принципов психологии: организации, закономерности, причинности.

Уже сам термин «организм» требует рассматривать его под углом зрения организации, то есть упорядоченности целого для достижения какой-либо цели или для решения какой-либо задачи. Устройство этого целого и его работа (функция) неразделимы. «Если бы глаз был живым существом, его душой было бы зрение», – говорил Аристотель.

Душа мыслилась Аристотелем как способ организации живого тела, действия которого носят целесообразный характер. Он считал душу присущей всем живым организмам (в том числе растениям) и подлежащей объективному, опытному изучению. Она не может существовать без тела и в то же время не является телом. Душу от тела отделить нельзя. Тем самым отвергались версии о прошлом и будущем души, способах ее соединения с внешним для нее материальным телом. Не сама по себе душа, но тело благодаря ей учится, размышляет и действует. Первичный уровень этих отношений представлен в процессах питания («растительная душа») как ассимиляция живым телом необходимых для его существования материальных веществ. Это отношение предполагает специфическую активность организма, благодаря которой внешнее поглощается живым телом иначе, чем неорганическим, а именно – путем целесообразного распределения «в пределах границы и закона». Такой специфический для живого организма способ усвоения внешнего и следует, согласно Аристотелю, считать душой в ее самой фундаментальной биологической форме. Исходным для жизни является питание как усвоение внешнего. Этот общий объяснительный принцип Аристотель распространил на другие уровни деятельности души, прежде всего на чувственные впечатления, на способность ощущать, которая трактуется им как особое уподобление органа чувств внешнему объекту. Однако здесь, в отличие от питания, усваивается не материальное вещество, а форма объекта.

Душа обладает различными способностями как ступенями ее развития: растительной, чувственной и умственной (присущей только человеку). Применительно к объяснению души Аристотель, вопреки своему постулату о нераздельности души и способного к жизни тела, полагал, что разум в его высшем, сущностном выражении есть нечто отличное от тела. Иерархия уровней познавательной деятельности завершалась «верховным разумом», который не смешивался ни с чем телесным и внешним.

Начало познания – это чувственная способность. Она запечатлевает форму вещей подобно тому, как «воск принимает оттиск печати без железа и золота». В таком процессе уподобления живого тела внешним объектам Аристотель придавал большое значение особому центральному органу, названному «общим чувствилищем». Этот центр познает общие для всех ощущений качества – движение, величину, фигуру и т.п. Благодаря ему становится возможным и различение субъектом модальностей ощущений (цвета, вкуса, запаха).

Центральным органом души Аристотель считал не мозг, а сердце, связанное с органами чувств и движений посредством циркуляции крови. Внешние впечатления организм запечатлевает в виде образов «фантазии» (под этим понимались представления памяти и воображения). Они соединяются по законам ассоциации трех видов – смежности (если два впечатления следовали друг за другом, то впоследствии одно из них вызывает другое), сходства и контраста. (Эти открытые Аристотелем законы стали основой направления, которое впоследствии получило имя ассоциативной психологии.)

Аристотель придерживался, говоря современным языком, системного подхода, так как рассматривал живое тело и его способности, как целесообразно действующую систему. Его важным вкладом является так же утверждение идеи развития, ибо он учил, что способность высшего уровня возникает на основе предшествующей, более элементарной. Аристотель соотносил развитие отдельного организма с развитием всего животного мира. В отдельном человеке повторяются при его превращении из младенца в зрелое существо те ступени, которые прошел за свою историю органический мир. В этом обобщении в зачаточной форме была заложена идея, названная впоследствии биологическим законом.

Аристотель разграничил теоретический и практический разум. Принципом такого разграничения послужило различие между функциями мышления. Знание как таковое, само по себе не делает человека нравственным. Его добродетели зависят не от знания и не от природы, которая только потенциально наделяет индивида задатками, из которых в дальнейшем могут развиваться его качества. Они формируются в реальных поступках, придающих человеку определенную чеканку. Это связано также с тем, как он относится к своим чувствам (аффектам).

Поступок сопряжен с аффектом. Каждой ситуации соответствует оптимальная аффективная реакция на нее. Когда она является избыточной или недостаточной, люди поступают дурно. Соотнося мотивацию с нравственной оценкой поступка, Аристотель сближал биологическое учение о душе с этикой. «Всякий в состоянии гневаться и это легко, также и выдавать деньги и тратить их, но не всякий умеет и не легко делать это по отношению к тому, к кому следует и ради чего и как следует». Если аффект (эмоциональное состояние) и действие адекватны ситуации, то расходование денег принято называть щедростью: если неадекватны то либо расточительством, либо скупостью. Правильный способ реагирования необходимо вырабатывать опытом, изучением других и самого себя, упорным трудом. Человек есть то, что он сам в себе воспитывает, вырабатывает.

Аристотель впервые заговорил о природосообразности воспитания и необходимости соотношения педагогических методов с уровнем психического развития ребенка. Он предложил периодизацию, основой которой явилась выделенная им структура души. Детство он разделил на три периода: до 7 лет, от 7 до 14 и от 14 до 21 года. Для каждого из этих периодов должна быть разработана определенная система воспитания. Например, говоря о дошкольном возрасте. Аристотель подчеркивал, что в этот период важнейшее место занимает формирование растительной души; поэтому для маленьких детей такое значение имеет режим дня, правильное питание, гигиена. Школьникам необходимо развивать и другие свойства, в частности движения (при помощи гимнастических упражнений), ощущения, память, стремления. Нравственное воспитание должно основываться на упражнении в нравственных поступках.

Если Платон считал чувство злом, то Аристотель, напротив, писал о важности воспитания чувств детей, подчеркивая необходимость умеренности и разумного соотношения чувств с окружающим. Большое значение он отводил аффектам, которые возникают независимо от

воли человека и борьба с которыми силой одного разума невозможна. Поэтому он подчеркивал роль искусства. Особенно искусства драматического, которое, вызывая соответствующие эмоции у зрителей и слушателей, способствует катарсису, т.е. очищению от аффекта, одновременно обучая и детей, и взрослых культуре чувств.

Говоря о нравственности, Платон подчеркивал, что нравственно только абсолютно правильное и совершенное поведение, а любые отклонения от правила, даже с самыми лучшими целями, уже являются проступком.

В отличие от него Аристотель подчеркивал значение самого стремления к нравственному поведению. Таким образом, он поощрял попытки ребенка, пусть и неудачные, «быть хорошим», создавая тем самым дополнительную мотивацию.

Итак, Аристотель преобразовал ключевые объяснительные принципы психологии: системности (организации), развития, детерминизма. Душа для Аристотеля – не особая сущность, а способ организации живого тела, представляющего собой систему, душа проходит разные этапы в развитии и способна не только запечатлевать то, что действует на тело в данный момент, но и соотносываться с будущей целью.

Аристотель открыл и изучил множество конкретных психических явлений. Но «чистых фактов» в науке нет. Любой факт по-разному видится в зависимости от теоретического угла зрения, от тех категорий и объяснительных схем, которыми вооружен исследователь. Обогатив объяснительные принципы, Аристотель представил совершенно иную, сравнительно с предшественниками, картину устройства, функций и развития души.

Психологические воззрения в эпоху эллинизма

Как уже говорилось, после походов македонского царя Александра (IV век до н.э.) возникла крупнейшая монархия древности.

Ее последующий распад открыл новый период в истории древнего мира – эллинистический – с характерным для него синтезом элементов культур Греции и стран Востока.

Положение личности в обществе коренным образом изменилось. Свободный грек утрачивал связь с родным городом, стабильной социальной средой и оказывался перед лицом непредсказуемых перемен. Со все большей остротой он ощущал зыбкость своего существования в изменившемся мире. Эти сдвиги в реальном положении и в самоощущении личности наложили отпечаток на представления о ее душевной жизни.

Вера в могущество разума, в великие интеллектуальные достижения прежней эпохи ставится под сомнение. Возникает философия скептицизма, рекомендующая вообще воздерживаться от суждений, касающихся окружающего мира, по причине их недоказуемости, относительности, зависимости от обычаев и т. п. (Пиррон, конец IV века до н. э.). Такая интеллектуальная установка исходила из этической мотивации. Предполагалось, что отказ от поисков истины позволит обрести душевный покой, достичь состояния атараксии (от греческого слова, означающего отсутствие волнений).

Идеализация образа жизни мудреца, отрешенного от игры внешних стихий и благодаря этому способного сохранить свою индивидуальность в не прочном мире, противостоять потрясениям, угрожающим самому существованию, направляла интеллектуальные поиски двух других доминировавших в эллинистический период философских школ – стоиков и эпикурейцев. Связанные корни ми со школами классической Греции, они переосмыслили их идейное наследие соответственно духу новой эпохи.

Стоики

Школа стоиков возникла в IV веке до н.э. Она получила свое название по имени того места в Афинах («стоя» – портик храма), где ее основатель Зенон (не смешивать с софистом Зеноном) проповедовал свое учение. Представляя космос как единое целое, состоящее из бесконечных модификаций огненного воздуха – пневмы, стоики считали человеческую душу одной из таких модификаций.

Под пневмой (исходное значение слова – вдыхаемый воздух) первые натурфилософы понимали единое природное, материальное начало, которое пронизывает как внешний физический космос, так и живой организм и пребывающую в нем псюхе (т.е. область ощущений, чувств, мыслей).

У Анаксимена, как у Гераклита и других натурфилософов, воззрение на псюхе как частицу воздуха или огня означало ее порождаемость внешним, материальным космосом. У стоиков же слияние псюхе и природы приобрело иной смысл. Сама природа спиритуализировалась, наделяясь признаками, свойственными разуму – но не индивидуальному, а сверхиндивидуальному.

Согласно этому учению мировая пневма идентична мировой душе, «божественному огню», который является Логосом или, как считали позднейшие стоики, – судьбой. Счастье человека усматривалось в том, чтобы жить согласно Логосу.

Как и их предшественники в классической Греции, стоики верили в примат разума, в то, что человек не достигает счастья из-за незнания, в чем оно состоит. Но если прежде существовал образ гармоничной личности, в полноценной жизни которой сливаются разумное и чувственное (эмоциональное), то у мыслителей эллинистической эпохи, в обстановке социальных невзгод, страха, неудовлетворенности, тревоги, отношение к эмоциональным потрясениям – аффектам – изменилось.

Стоики объявили аффектам войну, усматривая в них «порчу разума», поскольку возникают они в результате «неправильной» деятельности ума. Удовольствие и страдание – ложные суждения о настоящем; желание и страх – столь же ложные суждения о будущем. От аффектов следует лечить, как от болезней. Их нужно «с корнем вырывать из души». Только разум, свободный от любых эмоциональных потрясений (как положительных, так и отрицательных), способен правильно руководить поведением. Именно это позволяет человеку выполнять свое предназначение, свой долг и сохранять внутреннюю свободу.

Эта этико-психологическая доктрина обычно сопрягалась с установкой, которую, говоря современным языком, можно было бы назвать психотерапевтической. Люди испытывали потребность в том, чтобы устоять перед превратностями и драматическими поворотами жизни, лишаящими душевного равновесия. Изучение мышления и его отношения к эмоциям не имело абстрактно-теоретический характер, а соотносилось с реальной жизнью, с обучением искусству жить. Все чаще к философам обращались для обсуждения и решения личных, нравственных проблем. Из искателей истин они превращались в целителей душ, какими позже стали священники, духовники.

Эпикурейцы

На других космологических началах, но с той же ориентацией на поиски счастья и искусства жить основывалась школа Эпикура (конец IV века до н.э.). В своих представлениях о природе эпикурейцы опирались на атомизм Демокрита. Однако в противовес демокритову учению о неотвратимости движения атомов по законам, исключая случайность, Эпикур предполагал, что эти частицы могут отклоняться от своих закономерных траекторий. Такой вывод имел этико-психологическую подоплеку.

В отличие от версии о «жесткой» причинности во всем, что совершается в мире (и, стало быть, в душе), эпикурейцы допускали самопроизвольность, спонтанность изменений, их случайный характер. С одной стороны, такой подход отражал ощущение непредсказуемости человеческого существования, с другой признавал возможность самопроизвольных отклонений, заложенных в природе вещей, исключал строгую предопределенность поступков, предлагал некую свободу выбора. Иными словами, эпикурейцы считали, что личность способна действовать на свой страх и риск. Впрочем, слово «страх» здесь можно употребить только метафорически: весь смысл эпикурейского учения заключался в том, чтобы, проникшись им, люди спасались именно от страха.

Этой цели служило и учение об атомах: живое тело, как и душа, – состоит из движущихся в пустоте атомов, которые в момент смерти рассеиваются по общим законам все того

же вечного космоса. А раз так, то «смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, когда же смерть наступает, то нас уже нет».

Представленная в учении Эпикура картина природы и места человека в ней способствовала достижению безмятежности духа, свободы от страхов, прежде всего, перед смертью и богами (которые, обитая между мирами, не вмешиваются в дела людей, ибо это нарушило бы их безмятежное существование).

Как и многие стоики, эпикурейцы размышляли о путях достижения независимости личности от внешнего. Лучший путь они усматривали в самоустранении от всех общественных дел. Именно такое поведение позволит избежать огорчений, тревог, отрицательных эмоций и, тем самым, испытать наслаждение, ибо оно есть не что иное, как отсутствие страдания.

Последователем Эпикура в Древнем Риме был Лукреций (I век до н.э.). Он критиковал учение стоиков о разуме, разлитом в виде пневмы. В действительности, согласно Лукрецию, существуют только атомы, движущиеся по законам механики; в результате возникает и сам разум. В познании первичными являются ощущения, преобразуемые (наподобие того, «как паук тклет паутину») в другие образы, ведущие к разуму.

Учение Лукреция (изложенное, кстати сказать, в поэтической форме), как и концепции мыслителей предшествующего, эллинистического периода, было своего рода наставлением в искусстве выжить в водовороте бедствий, навсегда избавиться от страха перед загробным наказанием и потусторонними силами.

Проблемы нравственного поведения и воспитания

Таким образом, в эллинистический период в центр интересов психологов разных направлений попадает проблема этического, нравственного поведения. И для стоиков, и для эпикурейцев имело большое значение исследование критериев нравственного и безнравственного, по которым можно оценивать поведение человека. Главной причиной расхождения позиций стоиков и эпикурейцев был вопрос о взаимоотношениях личности и общества. Должен ли человек подчиняться внешним правилам или же он должен следовать только собственным представлениям о добре и зле, собственным желаниям и нормам?

Еще в культуре Древней Греции возникла мысль о том, что сильная, значительная личность имеет право на свои законы, на собственную позицию и ее поступки надо оценивать по другим этическим нормам, чем жизнь простого человека. В наше время эта идея о сверхчеловеке была развита Ф. Ницше.

Школа киников исходила из того, что истинная личность должна демонстративно игнорировать общественное мнение. С этой точки зрения, каждый человек является самодостаточным, т.е. имеет все необходимое для духовной, этической жизни в себе самом. Однако, как подчеркивал один из ведущих ученых этой школы Диоген Синопский, не каждый человек способен понять себя, прийти к самому себе и довольствоваться только тем, что он имеет в себе самом. Люди привыкли к помощи общества, других людей, к комфорту.

Поэтому единственный путь для нравственного самосовершенствования – это путь к себе, путь, ограничивающий контакты и зависимость от внешнего мира. Лучше всего такое самосовершенствование вести с раннего детства; поэтому и должны быть специальные школы киников для детей (хотя такое обучение возможно и в зрелом возрасте).

Путь нравственного развития и обучения в школах киников состоял из трех ступеней – аскезы, ападейкиа и автаркия. Первая ступень заключалась в отказе от комфорта и благ, которые дает общество. Киники ходили в ветхой одежде, в лохмотьях, да же в дождь и холод не признавали теплых вещей, очень мало ели, не имели постоянного жилья, могли спать и под открытым небом, не мыться. Они отрицали все достижения бытовой культуры, стремясь к опрощению. Таким образом преодолевалась, с их точки зрения, зависимость от общества, которое в обмен на комфорт требовало от человека измены себе. На следующей ступени человеку внушали мысль игнорировать знания, накопленные обществом; неграмотность считалась даже достоинством. На третьей ступени независимости человека приучали не обращать

внимания на общественное мнение, на похвалу и порицание. С этой целью было придумано специальное упражнение, которое заключалось в том, что ученик должен был просить подавание у мраморной статуи. Успешным считалось такое поведение, когда он продолжал свои мольбы несмотря на каменное, холодное молчание статуи. Точно так же учеников приучали не обращать внимания на насмешки, оскорбления и угрозы, которыми сопровождалось их появление в го родах в рваной и грязной одежде. Фактически киники, стремясь к независимости, учили не столько самодостаточности, сколько негативизму по отношению к обществу, – эпатируя общественное мнение.

Более распространенными были взгляды Эпикура, который доказывал, что не негативизм, но отчуждение, уход от общества есть наиболее этически верный путь духовного саморазвития и самосовершенствования. Он считал, что единственным источником и добра, и зла является сам человек, он же главный судья собственных поступков. Таким образом, источник активности, как и источник морали, заключен в самом человеке. Эпикур выступал против утверждения, что нравственным является только поведение, основанное на разуме. Он полагал, что не разум, но чувства управляют поведением человека, вызывая в нем стремление совершать то, что вызывает удовольствие, и избегать тех объектов, которые вызывают неудовольствие.

Эпикур подчеркивал, что с самого раннего детства человек должен учиться различать свои желания и строить свое поведение, опираясь на это знание. Он утверждал, что все, что вызывает приятные чувства, является нравственным. Нельзя жить приятно, не живя нравственно, и нельзя жить нравственно, не получая от этого удовольствия, полагал Эпикур. При этом истинное наслаждение доставляют только духовные удовольствия, которые вечны и непреходящи, в то время как телесные удовольствия имеют временный характер и могут обернуться своей противоположностью. Так, после хорошего ужина с излишествами может заболеть го лова или желудок, после контактов с незнакомой женщиной можно подхватить дурную болезнь, и лишь общение с книгами и друзьями вечно и всегда приносит только радость.

Развертывая это положение Эпикура, Лукреций Кар писал, что «все те, кто достичь до вершин удовольствий стремится, гибельным сделали путь по дороге, к нему восходящей...» Истинное же счастье у того, «кто обладает богатством умеренной жизни, дух безмятежен его и живет он, довольствуясь малым».

В позиции Эпикура были уязвимые места, ибо в том случае, если человек в себе и только в себе находит силы, сам себя наказывает и поощряет, у него отсутствует необходимая для многих опора, помогающая преодолеть трудности и искушения, дающая надежду на то, что кто-то оценит его по ведение и наградит. Если ребенка, как говорил Эпикур, учить опираться только на собственные силы, не боясь неудач и осуждения, то такое воспитание, безусловно, помогает быстрее найти свою дорогу сильным людям, но может быть болезненно и даже опасно для слабых, которым нужна помощь и поддержка. При этом нельзя не согласиться с его положением о том, что страх – как перед учителями, так и перед богами – тормозит развитие человека.

Один из главных постулатов школы стоиков говорил о том, что человек не может быть абсолютно свободным, так как он живет по законам того мира, в который попадает. При этом мы не можем выбрать ни пьесы, в которую попали, ни своей роли. Это дано судьбой, роком, который никто не может изменить. Что же может сам человек? Он может только с достоинством играть ту роль, которая ему уготована. Таким образом, главный нравственный закон – необходимость сохранить свою сущность, свое достоинство в любых, самых тяжелых обстоятельствах. Человек с ранних лет должен понять, что он не в силах изменить свою судьбу, уклониться от нее, – считали стоики. Поэтому, хочешь ты или нет, все равно будешь выполнять волю рока. Но ты можешь являть собой жалкое зрелище плачущего и не понимающего своей цели человека, а можешь идти по жизни с гордо поднятой головой, сознавая, куда идешь.

Стоики утверждали, что «кто охотно повинуется приказаниям, тот избегает самой неприятной стороны рабства – делать то, чего не хочешь». Несчастен не тот, кто исполняет чужие приказания, а тот, кто исполняет их против воли; поэтому надо приучить себя желать того, чего требуют обстоятельства.

Таким образом, главной опасностью в процессе воспитания для стоиков была стихия чувств, которую необходимо обуздать в детях для их же пользы.

Достижение полного владения собой, спокойствия, которое не нарушается никакими житейскими волнениями, есть признак наивысшего психического здоровья и с точки зрения Марка Аврелия, который говорил: «Считай за признак полного развития, если тебя не будет смущать никакой шум, не будут волновать никакие голоса, слышатся ли в них льстивые слова, или угрозы, или просто пустые звуки».

Этика стоиков ни в коем случае не призывала к пассивности. Наоборот, она была исполнена веры в человека, в могущество его разума. С ранних лет детям внушали, что они могут абсолютно все понять и преодолеть. Марк Аврелий в своем наставлении юношам писал: «Если тебе недоступно что-то, не думай, что это недоступно всем, но если это доступно кому-то, то и тебе также, ибо ты – человек». Таким образом, каждый ребенок должен был понять, что несмотря на внешние ограничения (бедность, болезнь) в нравственном и интеллектуальном плане он ничем не отличается от более удачливых сверстников и потому законы и требования для него те же, что и для них.

Стоики подчеркивали, что сильный человек в любых условиях, даже в рабстве и в тюрьме, является внутренне свободным.

Александрийская наука

В эллинистический период возникли новые центры культуры, где различные течения восточной мысли взаимодействовали с западной. Среди этих центров выделялись созданные в Египте в III веке до н.э. (при царской династии Птолемеев, основанной одним из полководцев Александра Македонского) библиотека и Мусей в Александрии. Мусей представлял собой по существу исследовательский институт, где проводились исследования в различных областях знания, в том числе по анатомии и физиологии.

Так, врачи Герофил и Эразистрат, труды которых не сохранились, значительно усовершенствовали технику изучения организма, в частности, головного мозга. К числу важнейших сделанных ими открытий относится установление различий между чувствительными и двигательными нервами; через две с лишним тысячи лет это открытие легло в основу важнейшего для физиологии и психологии учения о рефлексах.

Гален. Другим великим исследователем душевной жизни в ее связи с телесной был древнеримский врач Гален (II век н.э.). Им написано свыше 400 трактатов по философии и медицине, из которых сохранилось около 100 (преимущественно по медицине). Гален синтезировал достижения античной психофизиологии в детально разработанную систему, служившую основой представлений об организме человека на протяжении последующих столетий. В труде «О частях человеческого тела» он, опираясь на множество наблюдений и экспериментов и обобщив познания медиков Востока и Запада, в том числе александрийских, описал зависимость жизнедеятельности целостного организма от нервной системы.

В те времена запрещалось анатомирование человеческих тел, все опыты ставились на животных. Но Галец, оперируя гладиаторов (рабов, которых римляне в сущности не считали людьми), смог расширить медицинские представления о человеке, прежде всего об его головном мозге, где, как он полагал, производится и хранится «высший сорт» пневмы как носительницы разума.

Широкой известностью в течение многих столетий пользовалось развитие Галеном (вслед за Гиппократом) учение о темпераментах как о пропорциях, в которых смешаны несколько основных «соков». Темперамент с преобладанием «теплого» он называл мужественным и энергичным, преобладанием «холодного» – медлительным и т.д.

Большое внимание Гален уделял аффектам. Еще Аристотель писал, что, например, гнев можно объяснить либо межличностными отношениями (стремление отомстить за обиду), либо «кипением крови» в организме. Гален утверждал, что первичными при аффектах являются изменения в организме («повышение сердечной теплоты»); стремление же отомстить вторично. Много веков спустя между психологами вновь возникнут дискуссии вокруг вопроса атом, что первично – субъективное переживание или телесное потрясение.

Филон: пневма как дыхание. Бедствия, которые испытывали в жестоких войнах с Римом и под его владычеством народы Востока, способствовали развитию учений о душе, подготовивших воззрения, которые ассимилировала христианская религия.

Большую популярность приобрело учение философа-мистика из Александрии Филона (I век н.э.), учившего, что тело – это прах, получающий жизнь от дыхания божества. Это дыхание и есть пневма. Представление о пневме, которое занимало важное место в античных учениях о душе, носило, как уже говорилось, сугубо гипотетический характер. Это создавало почву для иррациональных, недоступных эмпирическому контролю суждений о зависимости происходящего с человеком от сверх чувственных сил, посредников между земным миром и Богом.

После Филона пневме приписывали функцию общения между бранный частью души и бестелесными сущностями, связующими ее с Всевышним. Возник особый раздел религиозной догматики, описывающий эти «пневматические» сущности и называвшийся пневматологией.

Плотин: понятие о рефлексии. Принцип абсолютной нематериальности души утвердил древнегреческий философ Плотин (ок. 203 – ок. 269 гг. н.э.), основатель римской школы неоплатонизма. В основе существования всего телесного он видел эманацию (истечение) божественного, духовного первоначала.

Если отвлечься от религиозной метафизики, проникнутой мистикой, то применительно к прогрессу психологической мысли в представлениях Плотина о душе содержался новый важный момент. У Плотина психология впервые в ее истории становится наукой о сознании, понимаемом как «само сознание». Поворот к исследованию внутренней психической жизни человека наметился в античной культуре задолго до Плотина. Однако при заметно нараставшей в эллинистический период тенденции к индивидуализации, предпосылки для осознания субъектом самого себя в качестве конечного самостоятельного центра психических актов еще не сложились. Эти акты считались производными от пневмы у стоиков, от атомных потоков – у эпикурейцев.

Плотин – вслед за Платоном – учил, что индивидуальная душа происходит от мировой души, к которой она и устремлена; другой вектор активности индивидуальной души направлен к чувственному миру. Сам Плотин выделил еще одно направление, а именно – обращенность души на себя, на собственные незримые действия: она как бы следит за своей работой, становится ее «зеркалом».

Через много столетий способность субъекта не только ощущать, чувствовать, помнить, мыслить, но и обладать внутренним представлением об этих функциях получила название рефлексии. Такая способность служит неотъемлемым «механизмом» сознательной деятельности человека, соединяющим его ориентацию во внешнем мире с ориентацией в мире внутреннем, в самом себе.

Плотин отграничил этот «механизм» от других психических процессов, на объяснении которых была сосредоточена мысль многих поколений исследователей психики. Сколь бы широк ни был спектр этих объяснений, они в конечном счете сводились к поискам зависимости душевных явлений от физических причин, от процессов в организме, от общения с другими людьми.

Рефлексия, открытая Плотинам, не могла быть объяснена ни одним из этих факторов. Она выглядела самодостаточной, ни из чего не выводимой сущностью. Таковой она и оставалась на протяжении веков, став исходным понятием интроспективной психологии сознания (см. ниже).

В Новое время, когда сложились реальные социальные основы для самоутверждения субъекта как независимой свободной личности, претендующей на уникальность своего психического бытия, рефлексия выступила как основание и главный источник знаний об этом бытии. Такая трактовка содержалась и в первых программах создания психологической науки, имеющей свой собственный предмет, который отличает ее от других наук. Действительно, ни одна наука не занята изучением способности к рефлексии. Конечно, выделяя рефлексия как одно из направлений деятельности души, Плотин не мог считать индивидуальную душу самодостаточным источником собственных внутренних образов и действий. Душа для него – эманация сверхпрекрасной сферы высшего первоначала всего сущего.

Августин: понятие о внутреннем опыте. Учение Плотина оказало влияние на Августина (354-430 гг. н.э.), творчество которого ознаменовало переход от античной традиции к средневековому христианскому мировоззрению. Августин придал трактовке души особый характер: считая душу орудием, которое правит телом, он утверждал, что ее основу образует воля, а не разум. Тем самым он стал основоположником учения, названного позже волюнтаризмом (от лат. «волюнтас» – воля).

По мнению Августина, воля индивида зависит от божественной и действует в двух направлениях: управляет действиями души и обращает ее к себе самой. Все изменения, происходящие с телом, становятся психическими благодаря волевой активности субъекта. Так из «отпечатков», которые сохраняют органы чувств, воля создает воспоминания.

Все знание заложено в душе, которая живет и движется в Боге. Оно не приобретается, а извлекается из души опять-таки благодаря направленности воли. Основанием истинности этого знания служит внутренний опыт: душа поворачивается к себе, чтобы постичь с предельной достоверностью собственную деятельность и ее незримые продукты.

Идея о внутреннем опыте, отличном от внешне го, но обладающем высшей истинностью, имела у Августина теологический смысл, поскольку предполагалось, что эта истинность даруется Богом. В дальнейшем трактовка внутреннего опыта, освобожденная от религиозной окраски, слилась с представлением об интроспекции как особом, присущем только психологии, методе исследования сознания.

§ 3. ИТОГИ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В трудах древнегреческих мыслителей открыты многие великие проблемы, которые и сегодня направляют развитие психологических идей. В их объяснениях генезиса и структуры души обнаруживаются три направления, по которым шел поиск тех больших, независимых от индивида сфер, по образу и подобию которых трактовался микрокосм индивидуальной человеческой души.

Первым направлением стало объяснение психики исходя из законов движения и развития материального мира. Здесь главной была идея об определяющей зависимости душевных проявлений от общего строя вещей, их физической природы. (Вопрос о месте психического в материальном мире, поднятый впервые древними мыслителями, до сих пор остается стержневым в психологической теории.)

Только после того как были осмыслены производность жизни души от физического мира, их внутреннее родство, а тем самым – и необходимость изучать психику исходя из того, что говорят опыт и размышления о взаимосвязи материальных явлений, психологическая мысль смогла продвинуться к новым рубежам, открывшим своеобразие ее объектов.

Второе направление античной психологии, созданное Аристотелем, ориентировалось преимущественно на живую природу; исходной точкой для него служило отличие свойств органических тел от неорганических. Поскольку психика является формой жизни, выдвигание на передний план этой проблемы было крупным шагом вперед. Оно позволило увидеть в психическом не обитающую в теле душу, имеющую пространственные параметры и способную (по мнению как материалистов, так и идеалистов) покидать организм, с которым она внешне связана, а способ организации поведения живых систем.

Третье направление ставило душевную деятельность индивида в зависимость от форм, которые создаются не физической или органической природой, а человеческой культурой, а именно – от понятий, идей, этических ценностей. Эти формы, действительно играющие большую роль в структуре и динамике психических процессов, были, однако, начиная с пифагорейцев и Платона, отчуждены от материального мира, от реальной истории культуры и общества и представлены в виде особых духовных сущностей, чуждых чувственно воспринимаемым телам.

Это направление придало особую остроту проблеме, которую следует обозначить как психогностическую (от греч. «гнозис» – знание). Под ней надо понимать широкий круг вопросов, с которыми сталкивается исследование психологических факторов, изначально связывающих субъекта с внешней по отношению к нему реальностью – природной и культурной. Эта реальность преобразуется соответственно устройству психического аппарата субъекта в воспринимаемую им в форме чувственных или умственных образов – будь то образы окружающей среды, поведения в ней личности или самой этой личности.

Все эти проблемы, так или иначе решавшиеся древними греками, образуют и поныне ядро объяснительных схем, сквозь призму которых видит свою эмпирию современный психолог (какой бы сверхсложной электроникой он ни был вооружен).

Мир культуры создал три «органа» постижения человека и его души: религию, искусство и науку. Религия строится на мифе, искусство – на художественном образе, наука – на организуемом и контролируемом логической мыслью опыте. Люди античной эпохи, обогащенные многовековым опытом человекопознания, из которого черпались как мифические представления о характере и поведении богов, так и образы героев эпоса и трагедий, осваивали этот опыт сквозь «магический кристалл» рационального объяснения природы вещей – земных и небесных. Из этих семян росло разветвленное древо психологии как науки.

О ценности науки судят по ее открытиям. На первый взгляд, летопись достижений, которыми может гордиться античная психология, немногословна. Одним из первых стало открытие Алкмеоном того, что органом души является головной мозг. Если отвлечься от исторического контекста, это вы глядит невеликой мудростью. Однако чтобы по достоинству оценить нетривиальность алкмеонова вывода (который, кстати, был не умозрительной догадкой, но вытекал из медицинских наблюдений и экспериментов), стоит напомнить, что через двести лет после этого великий Аристотель считал мозг своего рода «холодильником» для крови, а душу, с ее способностью воспринимать мир и мыслить, помещал в сердце.

Конечно, в те времена возможность экспериментировать над человеческим организмом была ничтожной. Как уже говорилось, сохранились сведения, что ставились опыты над приговоренными к казни, над гладиаторами. Нельзя, однако, упускать из виду, что античным медикам приходилось, врачуя людей, влиять на их психическое состояние и передавать от поколения к поколению сведения об эффективности своих действий, об индивидуальных различиях. Неслучайно учение о темпераментах пришло в научную психологию из медицинских школ Гиппократ и Галена.

Не меньшее значение, чем опыт медицины, имели другие формы практики – политическая, юридическая, педагогическая. Изучение приемов убеждения, внушения, ведения словесного поединка, что стало главной заботой софистов, превратило в объект экспериментирования логический и грамматический строй речи. В практике общения Сократ от крыл изначальный диалогизм, а его ученик Платон внутреннюю речь как интериоризированный диалог. Ему же принадлежит столь близкая сердцу современного психотерапевта модель личности как динамической системы мотивов, разрывающих ее в неизбывном конфликте. Открытие множества психологических феноменов связано с именем Аристотеля (механизм ассоциаций по смежности, сходству и контрасту, открытие образов памяти и воображения, различий между теоретическим и практическим интеллектом и т.д.).

Стало быть, сколь скудной ни была эмпирическая ткань психологической мысли античности, без нее эта мысль не могла «зачать» традицию, приведшую к современной науке.

В развитии психологии античность прославлена великими теоретическими успехами. К ним относятся не только открытие фактов, построение новаторских моделей и объяснительных схем. Античные ученые поставили проблемы, веками направлявшие развитие наук о человеке. Именно они впервые попытались ответить на вопросы, как соотносятся в человеке телесное и духовное, мышление и общение, личностное и социокультурное, мотивационное и интеллектуальное, разумное и иррациональное и многое иное, присущее человеческому бытию. Античные мудрецы и испытатели природы подняли на огромную высоту культуру теоретической мысли, которая, преобразуя данные опыта, срывала покровы с видимостей здравого смысла и религиозно-мифологических образов.

За эволюцией представлений о сущности души скрыта полная драматических коллизий работа исследовательской мысли, и только история науки может раскрыть различные уровни постижения этой психической реальности, неразличимые за самим термином «душа», давшим имя нашей науке.

Глава III

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

§ 1. АРАБОЯЗЫЧНАЯ НАУКА

Древнегреческая цивилизация в условиях нараставшей социально-экономической деградации общества разрушалась. Постепенно утрачивалась большая часть добытых знаний. Жестокие удары по распадавшейся античной культуре наносила христианская церковь, создававшая атмосферу воинственной нетерпимости ко всему «языческому». В IV веке был уничтожен научный центр в Александрии. В начале VI века император Юстиниан за крыл просуществовавшую около тысячи лет Афинскую школу – последний очаг античной философии. Естественнаучное исследование природы приостановилось. Его сменили религиозные спекуляции.

Переориентация философского мышления на сближение с позитивным знанием о природе совершалась в этот период в недрах другой культуры – арабоязычной, расцвет которой пришелся на VIII- XII века.

После объединения в VII веке арабских племен возникло государство, имевшее своим идеологическим оплотом новую религию – ислам. Под эгидой этой религии началось завоевательное движение арабов, завершившееся образованием Халифата, на территориях которого жили народы с древними культурными традициями.

Государственным языком Халифата стал арабский, хотя культура этого огромного государства восприняла достижения многих населявших его народов, а также эллинов и народов Индии. В культурные центры Халифата прибывали караваны верблюдов, на вьюченных книгами чуть ли не на всех известных тогда языках.

В то время, когда в Западной Европе, распавшейся на замкнутые феодальные мирки, были начисто забыты достижения европейской и александрийской науки, на арабском Востоке кипела интеллектуальная жизнь. Сочинения Платона и Аристотеля, других античных мыслителей переводились на арабский язык, переписывались и распространялись по всей огромной арабской державе – от Средней Азии до Пиренейского полуострова и Африки.

Именно это стимулировало развитие науки, прежде всего физико-математической и медицинской. Астрономы, математики, химики, географы, ботаники, врачи создавали мощный культурно-научный слой, из которого выделились крупнейшие умы. Они обогатили достижения своих древних предшественников и создали предпосылки для последующего подъема философской и научной мысли на Западе, в том числе и психологической. Среди них

следует выделить прежде всего среднеазиатского ученого Ибн-Сину (XI век) (в латинской транскрипции Авиценну).

С точки зрения развития естественнонаучных знаний о душе, особый интерес представляет медицинская психология Ибн-Сины. В ней важное место отводилось роли аффектов в регуляции и развитии поведения организма. Созданный Ибн-Синою «Канон медицинской науки» обеспечил ему «самодержавную власть во всех медицинских школах средних веков».

Ибн-Сина был также одним из первых исследователей в области возрастной психологии. Он изучал связь между физическим развитием организма и его психологическими особенностями в различные возрастные периоды, придавая при этом важное значение воспитанию. Именно посредством воспитания осуществляется, по Ибн-Сине, воздействие психического на устойчивую структуру организма. Чувства, изменяющие течение физиологических процессов, возникают у ребенка в результате воздействия на него окружающих людей; вызывая у ребенка те или другие аффекты, взрослые формируют его натуру.

Физиологическая психология Ибн-Сины включала, таким образом, предположения о возможности управлять процессами в организме и даже придавать организму определенный устойчивый склад путем воздействия на его чувственную, аффективную жизнь, зависящую от поведения других людей. Идея взаимосвязи психического и физиологического (не только зависимость психики от телесных состояний, но и ее способность – при аффектах, психических травмах, деятельности воображения – глубоко влиять на них) разрабатывалась Ибн-Синою на основе его обширного медицинского опыта.

Имеются сведения о том, что, не ограничиваясь наблюдениями, он предпринял попытку изучить этот вопрос экспериментально. Двум баранам давалась одинаковая пища; при этом один питался в обычных условиях, а рядом с другим привязывали волка. В результате второй баран, несмотря на нормальное питание, начинал худеть и быстро погибал. Незвестно, какое объяснение Ибн-Сина давал этому опыту, но сама его схема говорит об открытии роли противоположных эмоциональных установок в возникновении глубоких соматических сдвигов. Все это дает основание видеть в исследованиях Ибн-Сины зачатки экспериментальной психофизиологии эмоциональных состояний.

Особый интерес арабские натуралисты и математики, Ибн-Сина в том числе, проявляли к органу зрения. Среди исследований в этой области выделяются открытия Ибн-аль-Хайсама (XI век) (в латинской транскрипции Альгазена). В каждом зрительном акте он различал, с одной стороны, непосредственный эффект запечатления внешнего воздействия, с другой – присоединяющуюся к этому эффекту работу ума, благодаря которой устанавливается сходство и различие видимых объектов.

Ибн-аль-Хайсам изучил такие важные феномены, как бинокулярное зрение, смешение цветов, контраст и т.д. Он указывал, что для полного восприятия объектов необходимо движение глаз – перемещение зрительных осей. Ибн-аль-Хайсам подверг анализу зависимость зрительного восприятия от его длительности. Подметив, что при кратковременном предъявлении могут быть правильно восприняты лишь знакомые объекты, он сделал вывод: условиями возникновения зрительного образа служат не только непосредственные воздействия световых раздражителей, но и сохраняющиеся в нервной системе следы прежних впечатлений.

Схема Ибн-аль-Хайсама не только разрушала теории зрения, доставшиеся в наследство от античных авторов, но и вводила новое объяснительное начало. Исходная сенсорная структура зрительного восприятия рассматривалась как производное от законов оптики, имеющих опытное и математическое основание, и от свойств нервной системы.

Изучением функций глаза занимались и другие ученые, обнаружившие, в частности, что чувствующей частью органа зрения является не хрусталик, как предполагалось прежде, а сетчатая оболочка. Автором этого открытия считают философа и врача Ибн-Рошда (XII век) (в латинской транскрипции Аверроэса). Его учение о человеке и его душе оказало наибольшее влияние на западноевропейскую философско-психологическую мысль. Оно жестоко преследовалось как мусульманской, так и христианской религией. И это не удивительно, по-

сколько Ибн-Рошд отрицал бессмертие индивидуальной души. Он по-своему прокомментировал учение Аристотеля, подчеркнув разделение души и разума.

Под душой разумелись функции, которые неотделимы от организма (прежде всего – чувственность). Они необходимы (таково было и мнение Аристотеля) для деятельности разума, нераздельно связаны с телом и исчезают вместе с ним. Сам же разум является божественным и входит в индивидуальную душу извне, подобно тому, как солнце посылает лучи органу зрения. С исчезновением тела и индивидуальной души «следы», оставленные божественным разумом в душе, отделяются от исчезнувшего смертного индивида и продолжают существовать как момент универсального разума, присущего всему человеческому роду.

Признание высшего интеллектуального равенства людей (при всем многообразии их индивидуальных различий) и богоподобия человека было несовместимо с идеологией тогдашнего общества, основанной на строгой социальной иерархии его членов. Апология божественного разума оборачивалась у Ибн-Рошда (получившего на Западе почетное имя Комментатора) защитой земного достоинства человека.

§ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

В период Средневековья в умственной жизни Европы воцарилась схоластика (от греч. «схоластикос» – школьный, ученый). Этот особый тип философствования («школьная философия»), господствовавший с XI по XVI век, сводился к рациональному, использующему логические приемы, обоснованию христианского вероучения.

В схоластике имелись различные течения; общей же была установка на комментирование текстов. Позитивное изучение предмета и обсуждение реальных проблем подменялись словесными ухищрениями. По явившееся на интеллектуальном горизонте Европы наследие Аристотеля католическая церковь вначале запретила, но затем принялась «осваивать», адаптировать соответственно своим нуждам. С этой задачей наиболее тонко справился Фома Аквинский (1225-1274), учение которого позже было канонизировано в папской энциклике (1879) как истинно католическая философия (и психология) и получило название томизма (несколько модернизированного в наши дни под именем неотомизма).

Томизм складывался в противовес стихийно-материалистическим трактовкам Аристотеля, в недрах которых зарождалась концепция двойственной истины. У ее истоков стоял опиравшийся на Аристотеля Ибн-Рошд. Его последователи в европейских университетах (аверроисты) полагали, что несовместимость с официальной догмой представлений о вечности (а не сотворении) мира, об уничтожаемости (а не бессмертии) индивидуальной души позволяет утверждать, что каждая из истин имеет свою область. Истинное для одной области может быть ложным для другой, и наоборот.

Фома же отстаивал одну истину – религиозную, «нисходящую свыше». Он считал, что разум должен служить ей так же истово, как и религиозное чувство. Ему и его сторонникам удалось расправиться с аверроистами в Парижском университете. Но в Англии, в Оксфордском университете, концепция двойственной истины восторжествовала, став идеологической предпосылкой успехов философии и естественных наук.

Описывая душевную жизнь, Фома Аквинский рас положил различные ее формы в виде своеобразной лестницы – от низших к высшим. В этой иерархии каждое явление имеет свое место, установлены грани между всем сущим и однозначно определено, чему где надлежит быть. В ступенчатом ряду расположены души (растительная, животная, человеческая), внутри каждой из них – способности и их продукты (ощущение, представление, понятие).

Понятие об интроспекции, зародившееся у Плотина, превратилось в важнейший источник религиозного самоуглубления у Августина и вновь выступило как опора модернизированной теологической психологии у Фомы Аквинского. Работу души последний представил в виде следующей схемы: сначала она совершает акт познания – ей является образ объекта (ощущение или понятие); затем осознает, что ею произведен этот акт; наконец, проделав обе операции, душа «возвращается» к себе, познавая уже не образ и не акт, а самое себя как уни-

кальную сущность. Перед нами – замкнутое сознание, из которого нет выхода ни к организму, ни к внешнему миру.

Томизм, таким образом, превратил великого древнегреческого философа в столпа богословия, в «Аристотеля с тонзурой» (тонзура – выбритое место на макушке – знак принадлежности к католическому духовенству).

В Англии против томистской концепции души вы ступил номинализм (от лат. «немей» – имя). Он возник в связи со спором о природе общих понятий, или универсалий. Суть спора состояла в том, существуют ли эти общие понятия сами по себе, самостоятельно и независимо от нашего мышления, или представляют собой только имена, реально же познаются лишь конкретные явления.

Энергичным проповедником номинализма был профессор Оксфордского университета Уильям Оккам (ок. 1285-1349). Отвергая томизм и отстаивая учение о «двойственной истине» (из которого явствовало, что религиозные догматы не могут быть основаны на разуме), он призывал опираться на чувственный опыт; при этом следовало ориентироваться на термины, обозначающие либо классы предметов, либо классы имен, знаков.

Номинализм способствовал развитию естественнонаучных взглядов на познавательные возможности человека. К знакам как главным регуляторам душевной активности неоднократно обращались многие мыслители последующих веков. Так, в психологии утвердилось правило (известное под названием «бритвы Оккама»), согласно которому «не следует умножать сущности без надобности». Иначе говоря, нет смысла прибегать к объяснению каких-либо явлений многими силами или факторами, когда можно обойтись их меньшим числом: «Бесполезно делать посредством многого то, что можно сделать посредством меньшего». Эта «бритва» стала основой своего рода «закона экономии» в психологии, проиллюстрировать который можно таким, примером: изучая поведение животных, не надо наделять их умом человека, если есть более простой способ объяснения.

Итак, в раннем Средневековье под пластом чисто рассудочных построений, чуждых реальным особенностям психической деятельности, пробивался родник новых идей, связанных с опытным познанием души и ее проявлений. В противовес принятым схоластикой приемам выведения отдельных психических явлений из сущности души и ее сил, для действия которых нет других оснований, кроме воли божьей, складывалась методология, основанная на опытном, детерминистском подходе. Своего расцвета этот подход достиг в следующую эпоху – эпоху Возрождения.

§ 3. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Главной особенностью этого периода стало возрождение античных ценностей, без которых едва ли смогли бы существовать и арабоязычная, и латинскоязычная культура (в Западной Европе, как известно, языком образованности была латынь).

Мыслители Возрождения полагали, что они очищают античную картину мира от воззрений «средневековых варваров». Восстановление античных памятников культуры в их подлинном виде действительно стало признаком нового идейного климата. Однако воспринималось в них прежде всего созвучное новому образу жизни и обусловленной им интеллектуальной ориентации. Возникновение мануфактурного производства, усложнение и совершенствование орудий труда. Великие географические открытия, возвышение бюргерства (среднего слоя горожан), отстаивавшего свои права в ожесточенной политической борьбе, – все эти процессы изменили положение человека в мире и обществе, а следовательно – и его представления о мире и о самом себе.

Новые философы вновь обращаются к Аристотелю, который теперь из идола скованной церковными догмами схоластики превращается в символ свободомыслия. В главном очаге Возрождения Италии – разгораются споры между спасшимися от инквизиции сторонниками Ибн-Рашда (аверроистами) и еще более радикально настроенными александристами.

Последний термин происходит от имени жившего в Афинах в конце II века н.э. древнегреческого философа Александра Афродисийского, который прокомментировал трактат

Аристотеля «О душе» иначе, чем Ибн-Рошд. Коренное различие касалось бессмертия души – главного вопроса в церковном вероучении. Если Ибн-Рошд, разделяя разум (ум) и душу, считал разум, как высшую часть души, бессмертным, то Александр настаивал на целостности аристотелевского учения и его тезисе о том, что все способности души начисто исчезают вместе с телом.

Оба направления, александристы и аверроисты, сыграли важную роль в создании новой идейной атмосферы, проложив путь к естественнонаучному изучению организма человека и его психических функций. По этому пути пошли многие философы, натуралисты, врачи. Их творчество пронизывала вера во всемогущество опыта, в преимущество наблюдений, прямых контактов с реальностью, в независимость подлинного знания от схоластической мудрости.

Одним из титанов Возрождения был Леонардо да Винчи (1452-1515). Он представлял новую науку, которая родилась не в университетах, где по-прежнему изошрялись в комментариях к текстам древних, а в мастерских художников и строителей, инженеров и изобретателей. В своей практике они были преобразователями мира, их опыт радикально менял культуру и строй мышления. Высшей ценностью становился не божественный разум, а, говоря языком Леонардо, – «божественная наука живописи». При этом под живописью понималось не только искусство отражения мира в художественных образах. «Живопись, – писал Леонардо, – распространяется на философию природы».

Изменения в реальном бытии личности коренным образом изменяли ее самосознание. Субъект осознавал себя центром направленных вовне (в противовес августино-томистской интроспекции) духовных сил, которые воплощаются в реальные, чувственные (в противовес христианской чистой духовности) ценности, он желал подражать природе, на деле преобразуя ее своим творчеством, практическими деяниями.

Наряду с Италией возрождение новых гуманистических взглядов на индивидуальную психическую жизнь происходило в других странах, где подрывались устои прежних социально-экономических отношений. В Испании возникли направленные против схоластики учения, устремленные к поискам реального знания о психике. Так, врач Хуан Луис Вивес (1492-1540) в ставшей знаменитой книге «О душе и жизни» доказывал, что природа человека познается путем наблюдения и опыта, позволяющих, опираясь на теорию, правильно воспитывать ребенка.

Другой врач Хуан Уарте (ок. 1530-1592), также отвергая умозрение и схоластику, требовал применить индуктивный метод «исследования способностей к наукам» (так называлась его книга). Это была первая в истории психологии работа, в которой ставилась задача изучить индивидуальные различия между людьми для определения их пригодности к различным профессиям.

§ 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

В средние века обучение было по преимуществу схоластическим, причем на протяжении долгого времени (до XII века) образованными людьми были главным образом лица духовного звания, так как светских школ и тем более высших учебных заведений фактически не существовало.

Светское образование (по преимуществу рыцарское) давалось знатым юношам в основном при дворе монархов или феодалов. (Зачатки такого воспитания появились уже в римский период, при дворах императоров.) Это было главным образом физическое развитие. Юношам преподавали и основы военного искусства. Однако большинство даже знатных рыцарей не умело читать и писать. Первые светские университеты появились только в XII веке сначала в Италии, а затем и во Франции, в Париже. Таким образом, можно сказать, что только церкви и монастыри являлись в тот период главными очагами культуры, сохранив в своих библиотеках накопленные предыдущими поколениями знания. При них и существовали школы.

Схоластика, которая при своем появлении являлась до какой-то степени прогрессивным явлением, так как развивала умение логически мыслить, доказывать и строить свою речь, со временем приобрела догматический характер, превратившись в набор силлогизмов. В церковных школах обучение основывалось в основном на памяти. Ученики заучивали тексты наизусть, писали только под диктовку преподавателя. Обучались они и ораторскому искусству, в котором главным было умение вести дискуссию по строго определенным правилам, установленным высокими авторитетами. Такое обучение превращало учеников в пассивных проводников чужих мыслей.

Несмотря на то что и в церковных и в возникших впоследствии светских школах уделялось большое внимание этике, формированию социально адаптированной личности, нравственное воспитание понималось прежде всего как усвоение суммы привычек и манер, и никак не влияло на развитие самостоятельности суждений.

Против такого подхода к воспитанию выступили в эпоху Возрождения ученые-гуманисты, которые стремились восстановить основы классического образования, развить у воспитателей интерес к личности ребенка. Большое внимание уделялось и разработке новых принципов обучения, ведущими из которых стали наглядность и природосообразность, о которых впервые заговорил еще Аристотель.

Эразм Роттердамский считал, что честолюбивые притязания, которые применялись как средства стимулирования обучения, вредны для нравственного развития. Поддерживая идею сочетания наглядности с положительными эмоциями, испытываемыми детьми во время занятий, он заменил буквы из слоновой кости на «печеные буквы», то есть на буквы, которые выпекались из муки и в процессе обучения съедались детьми. Таким образом, эмоциональные проявления стали связываться с более непосредственными и, с точки зрения Эразма, моральными и управляемыми эмоциями. Эта система, стремившаяся увеличить у учеников усердие и любознательность путем поощрения со стороны преподавателей, особенно последовательно была разработана иезуитами. Вюртембергский школьный закон 1559 года требовал «доставлять ребенку любовь и радость» и учить в соответствии с индивидуальными особенностями детей.

Однако, как справедливо отмечала немецкий психолог Шарлотта Бюлер, все, что в это время предпринималось для улучшения процесса преподавания, делалось в интересах преподавания в узком смысле слова. Психическое развитие ребенка изучали лишь постольку, поскольку это служило целям оптимизации обучения. Такой подход характерен не только для Эразма Роттердамского, но и для Х. Вивеса, Р.Бэкона, Я.А.Коменского. Справедливо выступая против схоластики и зубрежки, которые не только отупляли детей, тормозили развитие их творческой и познавательной активности, но и снижали мотивацию к учению, эти ученые стремились к соответствию с естественными методами, к учету психических возможностей детей. Недостатком их подхода было то, что, призывая подражать природе, они понимали под природой прежде всего не внутренний мир детей, их психические особенности, но окружающий мир, в котором происходит переход от простой, низкоорганизованной материи к сложным высокоорганизованным существам. Этим переходам от простого к сложному и стремились подражать педагоги того времени, разрабатывая свои методы обучения. Однако и в таком механистическом подходе была та ценность, что, анализируя этапы развития природы, ученые приходили к выводу о наличии соответствующих этапов в психическом развитии детей. Таким образом были заложены основы периодизации развития, но первая научная периодизация детства была разработана, только Руссо (см, ниже).

Глава IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НОВОГО ВРЕМЕНИ

§ 1. ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII ВЕКА

XVII век стал эпохой коренных изменений в социальной жизни Западной Европы, веком научной революции и торжества нового мировоззрения.

Его провозвестником был Галилео Галилей (1564-1642), учивший, что природа есть система движущихся тел, не обладающих никакими свойствами, кроме геометрических и механических. Все, что происходит в мире, следует объяснять только этими материальными свойствами, только законами механики. Господствовавшее веками убеждение в том, что движениями природных тел правят бестелесные души, было ниспровергнуто. Этот новый взгляд на мироздание произвел полный переворот в объяснении причин поведения живых существ.

Рене Декарт: рефлексы и «страсти души». Первый набросок психологической теории, использовавшей достижения геометрии и новой механики, принадлежал французскому математику, естествоиспытателю и философу Рене Декарту (1596-1650). Он происходил из старинной французской семьи и получил прекрасное образование. В коллегии Де ла Флеш, которая являлась одним из лучших религиозных образовательных центров, он изучал греческий и латинский языки, математику и философию. В это время он познакомился и с учением Августина, идея которого об интроспекции была им впоследствии переработана: религиозную рефлексию Августина Декарт преобразовал в рефлексию сугубо светскую, направленную на познание объективных истин.

По окончании коллегии Декарт изучает право, затем поступает на военную службу. За время службы в войсках ему удалось побывать во многих государствах Голландии, Германии и других стран и установить личные связи с выдающимися европейскими учеными того времени. В это же время он приходит к мысли о том, что наиболее благоприятные условия для его научных исследований не во Франции, а в Нидерландах, куда он и переезжает в 1629 году. Именно в этой стране он создает свои знаменитые сочинения.

В своих исследованиях Декарт ориентировался на модель организма как механически работающей системы. Тем самым живое тело, которое во всей прежней истории знаний рассматривалось как одушевленное, т.е. одаренное и управляемое душой, освобождалось от ее влияния и вмешательства. Отныне различие между неорганическими и органическими телами объяснялось по критерию отнесенности последних к объектам, действующим по типу простых технических устройств. Век, когда эти устройства со все большей определенностью утверждались в общественном производстве, далекая от производства научная мысль объясняла по их образу и подобию функции организма.

Первым большим достижением в этом плане стало открытие Уильямом Гарвеем (1578-1657) кровообращения: сердце предстало своего рода помпой, перекачивающей жидкость. Участия души в этом не требовалось.

Другое достижение принадлежало Декарту. Он ввел понятие рефлекса (сам термин появился позже), ставшее фундаментальным для физиологии и психологии. Если Гарвей устранил душу из круга регуляторов внутренних органов, то Декарт отважился покончить с ней на уровне внешней, обращенной к окружающей среде работы всего организма. Три столетия спустя И.П. Павлов, следуя этой стратегии, распорядился поставить бюст Декарта у дверей своей лаборатории.

Здесь мы снова сталкиваемся с принципиальным для понимания прогресса научного знания вопросом о соотношении теории и опыта (эмпирии). Достоверное знание об устройстве нервной системы и ее функциях было в те времена ничтожно. Декарту эта система виделась в форме «трубок», по которым проносятся легкие воздухообразные частицы (он называл их «животными духами»). По декартовой схеме внешний импульс приводит эти «духи» в движение и заносит в мозг, откуда они автоматически отражаются к мышцам. Когда горячий предмет обжигает руку, это побуждает человека ее отдернуть: происходит реакция, подобная отражению светового луча от поверхности. Термин «рефлекс» и означал отражение.

Реакция мышц – неотъемлемый компонент поведения. Поэтому декартова схема, несмотря на ее умозрительный характер, стала великим открытием в психологии. Она объяснила рефлекторную природу поведения без обращения к душе как движущей телом силе.

Декарт надеялся, что со временем не только простые движения (такие, как защитная реакция руки на огонь или зрачка на свет), но и самые сложные удастся объяснить открытой им физиологической механикой. «Когда собака видит куропатку, она, естественно, бросается к ней, а когда слышит ружейный выстрел, звук его, естественно, побуждает ее убегать. Но, тем не менее, легавых собак обыкновенно приучают к тому, что вид куропатки заставляет их остановиться, а звук выстрела подбегать к куропатке». Такую перестройку поведения Декарт предусмотрел в своей схеме устройства телесного механизма, который, в отличие от обычных автоматов, выступил как обучающаяся система.

Она действует по своим законам и «механическим» причинам; их знание позволяет людям властвовать над собой. «Так как при некотором старании можно изменить движения мозга у животных, лишенных разума, то очевидно, что это еще лучше можно сделать у людей и что люди даже со слабой душой могли приобрести исключительно неограниченную власть над своими страстями», – писал Декарт. Не усилие духа, а перестройка тела на основе строго причинных законов его механики обеспечит человеку власть над собственной природой, подобно тому, как эти законы могут сделать его властелином природы внешней.

Одно из важных для психологии сочинений Декарта называлось «Страсти души». Это название следует пояснить, так как и слово «страсть», и слово «душа» наделены у Декарта особым смыслом. Под «страстями» подразумевались не сильные и длительные чувства, а «страдательные состояния души» – все, что она испытывает, когда мозг сотрясают «животные духи» (проброобраз нервных им пульсов), которые приносятся туда по нервным «трубкам». Иначе говоря, не только мышечные реакции (рефлексы), но и различные психические состояния производятся телом, а не душой. Декарт набросал проект «машины тела», к функциям которой относятся «восприятие, запечатление идей, удержание идей в памяти, внутренние стремления...» «Я желаю, – писал он, – чтобы вы рассуждали так, что эти функции происходят в этой машине в силу расположения ее органов: они совершаются не более и не менее как движения часов или другого автомата».

Веками, до Декарта, вся деятельность по восприятию и обработке психического «материала» считалась производимой душой, особым агентом, черпающим свою энергию за пределами вещного, земного мира. Декарт доказывал, что телесное устройство и без души способно успешно справляться с этой задачей. Не становилась ли душа в таком случае «безработной»?

Декарт не только не лишает ее прежней царственной роли во Вселенной, но возводит в степень субстанции (сущности, которая не зависит ни от чего другого), равноправной с великой субстанцией природы. Душе предназначено иметь самое прямое и достоверное, какое только может быть у субъекта, знание о собственных актах и состояниях, не видимых более никому; она определяется единственным признаком – непосредственной осознаваемостью собственных проявлений, которые, в отличие от явлений природы, лишены протяженности.

Это существенный поворот в понимании души, открывший новую главу в истории построения пред мета психологии. Отныне этим предметом становится сознание.

Сознание, по Декарту, является началом всех начал в философии и науке. Следует сомневаться во всем – естественном и сверхъестественном. Однако никакой скепсис не устоит перед суждением: «Я мыслю». А из этого неумолимо следует, что существует и носитель этого суждения – мыслящий субъект. Отсюда знаменитый декартов афоризм «*Cogito, ergo sum*» («Мыслю – следовательно, существую»). Поскольку же мышление – единственный атрибут души, она мыслит всегда, всегда знает о своем психическом содержании, зримом изнутри; бессознательной психики не существует.

Позже это «внутреннее зрение» стали называть интроспекцией (видением внутриспсихических объектов-образов, умственных действий, волевых актов и др.), а декартову концепцию сознания – интроспективной. Впрочем, как и представления о душе, претерпевшие

сложнейшую эволюцию, понятие о сознании, как мы увидим, также меняло свой облик. Однако сначала оно должно было появиться.

Изучая содержание сознания, Декарт приходит к выводу о существовании трех видов идей: идей, порожденных самим человеком, идей приобретенных и идей врожденных. Идеи, порожденные человеком, связаны с его чувственным опытом, являясь обобщением данных наших органов чувств. Эти идеи дают знания об отдельных предметах или явлениях, но не могут помочь в познании объективных законов окружающего мира. Не могут в этом помочь и приобретенные идеи, так как они являются тоже знаниями лишь об отдельных сторонах окружающей действительности. Приобретенные идеи основываются не на опыте одного человека, а являются обобщением опыта разных людей, но лишь врожденные идеи дают человеку знания о сущности окружающего мира, об основных законах его развития. Эти общие понятия открываются только разуму и не нуждаются в дополнительной информации, получаемой от органов чувств.

Такой подход к познанию получил название рационализма, а способ, при помощи которого человек открывает содержание врожденных идей, рациональной интуицией. Декарт писал: «Под интуицией я разумею не веру в шаткое свидетельство чувств, но понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что он не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим».

Признав, что машина тела и занятое собственными мыслями (идеями) и «желаниями» сознание это независимые друг от друга сущности (субстанции), Декарт столкнулся с необходимостью объяснить, как же они сосуществуют в целостном чело веке. Решение, которое он предложил, было названо психофизическим взаимодействием. Тело влияет на душу, пробуждая в ней «страдательные состояния» (страсти) в виде чувственных восприятий, эмоций и т.п. Душа, обладая мышлением и волей, воздействует на тело, понуждая эту «машину» работать и изменять свой ход. Декарт искал в организме орган, с помощью которого эти несовместимые субстанции все же могли бы общаться. Таким органом он предложил считать одну из желез внутренней секреции – шишковидную (эпифиз). Это эмпирическое «открытие» никто всерьез не принял. Однако решение теоретического вопроса о взаимодействии души и тела в декартовой постановке поглотило энергию множества умов.

Понимание предмета психологии зависит, как говорилось, от объяснительных принципов – таких, как причинность (детерминизм), системность, закономерность. С античных времен все они претерпели коренные изменения. Решающую роль в этом сыграло внедрение в психологическое мышление образа машины – конструкции, созданной руками человека. Все прежние попытки освоить объяснительные принципы были связаны с наблюдением и изучением не рукотворной природы, включая человеческий организм. Теперь посредником между природой и познающим ее субъектом выступила независимая от этого субъекта, внешняя по отношению к нему и природным телам искусственная конструкция. Очевидно, что она является, во-первых, системным устройством, во-вторых, работает неотвратно (закономерно) по заложенной в ней жесткой схеме, в-третьих, эффект ее работы – это конечное звено цепи, компоненты которой сменяют друг друга с железной последовательностью.

Создание искусственных объектов, деятельность которых причинно объяснима из их собственной организации, внедряло в теоретическое мышление особую форму детерминизма – механическую (по типу автомата) схему причинности, или механодетерминизм. Освобождение живого тела от души было поворотным событием в научных поисках реальных причин всего, что совершается в живых системах, в том числе возникающих в них психических эффектов (ощущений, восприятий, эмоций). При этом у Декарта не только тело освобождалось от души, но и душа (психика) в ее высших проявлениях становилась свободной от тела. Тело может только двигаться, душа – только мыслить. Принцип работы тела – рефлекс. Принцип работы души – рефлексия (от лат, «обращение назад»). В первом случае мозг отражает внешние толчки; во втором – сознание отражает собственные мысли, идеи.

Через всю историю психологии проходит контрверза души и тела. Декарт, подобно множеству своих предшественников (от древних анимистов, Пифагора, Платона), противосто-

поставил их. Но он создал и новую форму дуализма. И тело, и душа приобрели содержание, неведомое прежним исследователям.

Бenedикт Спиноза: Бог – Природа. Попытки опровергнуть дуализм Декарта предприняла когорта великих мыслителей XVII века. Их поиски были направлены на то, чтобы утвердить единство мироздания, покончить с разрывом телесного и духовного, природы и сознания. Одним из первых оппонентов Декарта выступил голландский мыслитель Барух (Венедикт) Спиноза (1632-1677).

Спиноза родился в Амстердаме, получив богословское образование. Родители готовили его в раввины, но уже в школе у него сформировалось критическое отношение к догматическому толкованию Библии и Талмуда. По окончании школы Спиноза обратился к изучению точных наук, медицины и философии. Большое влияние на него оказали сочинения Декарта. Критика религиозных постулатов, а также несоблюдение многих религиозных обрядов привели к разрыву с еврейской общиной Амстердама: совет раввинов применил к Спинозе крайнюю меру – проклятие и отлучение от общины. После этого Спиноза некоторое время преподавал в латинской школе, а затем поселился в деревушке близ Лейдена, добывая себе средства к существованию изготовлением оптических стекол. В эти годы им были написаны «Принципы философии Декарта» (1663), разработано основное содержание его главного труда «Этика», которая была издана после его смерти, в 1677 году.

Спиноза учил, что имеется единая, вечная субстанция – Природа – с бесконечным множеством атрибутов (неотъемлемых свойств). Из них нашему ограниченному разуму открыты только два – протяженность и мышление. Следовательно, бессмысленно представлять человека местом встречи телесной и духовной субстанций, как это делал Декарт. Человек целостное телесно-духовное существо. Убеждение, что тело движется или покоится по воле души, сложилось из-за незнания того, к чему оно способно само по себе, «в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной».

Целостность человека не только связывает его духовную и телесную сущности, но и является основой познания окружающего мира – доказывал Спиноза. Как и Декарт, он был убежден в том, что именно интуитивное знание является ведущим, ибо интуиция дает возможность проникать в сущность вещей, познавать не отдельные свойства предметов или ситуаций, но общие понятия. Интуиция открывает безграничные возможности самопознания. Однако, познавая себя, человек познает и окружающий мир, так как законы души и тела одни и те же. Доказывая познаваемость мира, Спиноза подчеркивал, что порядок и связь идей таковы же, каковы порядок и связь вещей, так как и идея, и вещь являются разными сторонами одной и той же субстанции – Природы.

Никто из мыслителей не осознал с такой остротой, как Спиноза, что дуализм Декарта коренится не столько в сосредоточенности на приоритете души (это веками служило основанием бесчисленных религиозно-философских доктрин), сколько во взгляде на организм как машинообразное устройство. Тем самым механический детерминизм, определивший вскоре крупные успехи психологии, оборачивался принципом, который ограничивает возможности тела в причинном объяснении психических явлений.

Все последующие концепции были поглощены пересмотром декартовой версии о сознании как субстанции, которая является причиной самой себя (*causa sui*), о тождестве психики и сознания. Из исканий Спинозы явствовало, что пересматривать следует и версию о теле (организме) с тем, что бы придать ему достойную роль в человеческом бытии.

Попытку построить психологическое учение о человеке как целостном существе запечатлел главный труд Спинозы «Этика». В нем он поставил задачу объяснить все великое многообразие чувств (аффектов) как побудительных сил человеческого поведения, притом объяснить «геометрическим способом», т. е. с такой же неумолимой точностью и строгостью, с какой геометрия делает свои выводы о линиях и поверхностях. Надо, писал он, не смеяться и плакать (именно так реагируют люди на свои переживания), а понимать. Ведь геометр в своих рассуждениях совершенно бесстрастен; так же следует относиться и к человеческим страстям, объясняя, как они возникают и исчезают.

Таким образом, рационализм Спинозы приводит не к отрицанию эмоций, а к попытке их объяснения. При этом он связывает эмоции с волей, говоря о том, что поглощенность страстями не дает человеку возможности понять причины своего поведения, а потому он не свободен. В то же время отказ от эмоций открывает перед человеком границы его возможностей, показывая, что зависит от его воли, а в чем он не свободен, зависит от сложившихся обстоятельств. Именно это понимание и является истинной свободой, так как освободиться от действия законов природы человек не может. Противопоставляя свободу принуждению, Спиноза дал свое определение свободы как познанной необходимости, открывая новую страницу в психологических исследованиях пределов волевой активности человека.

Спиноза выделял три главные силы, которые правят людьми и из которых можно вывести все многообразие чувств: влечение (оно есть «не что иное, как самая сущность человека»), радость и печаль. Он доказывал, что из этих фундаментальных аффектов вы водятся любые эмоциональные состояния, причем радость увеличивает способность тела к действию, тог да как печаль ее уменьшает.

Этот вывод противостоял декартовой идее раз деления чувств на коренящиеся в жизни организма и чисто интеллектуальные. В качестве примера Декарт в своем последнем сочинении – письме шведской королеве Христине – объяснил сущность любви как чувства, имеющего две формы: телесную страсть без любви и интеллектуальную любовь без страсти. Причинному объяснению поддается только первая, поскольку она зависит от организма и биологической механики. Вторую можно только понять и описать.

Тем самым Декарт полагал, что наука бессильна перед высшими и наиболее значимыми проявлениями психической жизни личности. Эта декартова дихотомия (разделение надвое) привела в XX веке к концепции «двух психологий» – объяснительной, апеллирующей к причинам, сопряженным с функциями организма, и описательной, считающей, что тело мы объясняем, тогда как душу – понимаем. Поэтому в споре Спинозы с Декартом не следует видеть лишь давно утративший актуальность исторический эпизод.

К детальному изучению этого спора в XX веке обратился Л.С. Выготский, доказывая, что будущее за Спинозой. «В учении Спинозы, – писал он, – содержится, образуя его самое глубокое и внутреннее ядро, именно то, чего нет ни в одной из двух частей, на которые распалась современная психология эмоций: единство причинного объяснения и проблема жизненного значения человеческих страстей, единство описательной и объяснительной психологии чувств. Спиноза поэтому связан с самой насущной, самой острой злобой дня современной психологии эмоций. Проблемы Спинозы ждут своего решения, без которого невозможен завтрашний день нашей психологии».

Готфрид-Вильгельм Лейбниц: проблема бессознательного. Отец Г.-В. Лейбница (1646-1716) был профессором философии в Лейпцигском университете. Еще в школе Лейбниц решил, что и его жизнь будет посвящена науке. Лейбниц обладал энциклопедическими знаниями. Наряду с математическими исследованиями (он открыл дифференциальное и интегральное исчисление) он участвовал в мероприятиях по улучшению горной промышленности, интересовался теорией денег и монетной системой, а также историей Брауншвейгской династии. Он организовал Академию наук в Берлине. Именно к нему обращался Петр I с просьбой возглавить Российскую Академию наук. Значительное место в научных интересах Лейбница занимали и философские вопросы, прежде всего теория познания.,

Как и Спиноза, он выступал за целостный подход к человеку. Однако у него было иное мнение о единстве телесного и психического.

В основе этого единства, по мнению Лейбница, лежит духовное начало. Мир состоит из бесчисленного множества монад (от греч. «монос» – единое). Каждая из них «психична» и наделена способностью воспринимать все, что происходит во Вселенной.

Это предположение перечеркивало декартову идею равенства психики и сознания. Согласно Лейбницу, «убеждение в том, что в душе имеются лишь такие восприятия, которые она сознает, является источником величайших заблуждений». В душе непрерывно происходит незаметная деятельность «малых перцепций», или неосознаваемых восприятий. В тех же

случаях, когда они осознаются, это становится возможным благодаря особому психическому акту – апперцепции, включающей внимание и память.

Таким образом, Лейбниц выделяет в душе несколько областей, отличающихся по степени осознанности тех знаний, которые в них располагаются. Это область отчетливого знания, область смутного знания и область бессознательного. Рациональная интуиция открывает содержание идей, которые находятся в апперцепции, поэтому эти знания являются ясными и обобщенными. Доказывая существование бессознательных образов, Лейбниц тем не менее не раскрывал их роль в деятельности человека, так как считал, что она связана преимущественно с осознанными идеями. При этом он обратил внимание на субъективность человеческих знаний, связывая ее с познавательной активностью. Лейбниц доказывал, что не существует первичных или вторичных качеств предметов, так как даже на начальной стадии познания человек не может пассивно воспринимать сигналы окружающей действительности. Он обязательно вносит собственные представления, свой опыт в образы новых предметов, а потому невозможно разграничить те свойства, которые есть в самом предмете, от тех, которые привнесены субъектом. Однако эта субъективность не противоречит познаваемости мира, так как все наши представления хотя и отличаются друг от друга, тем не менее принципиально совпадают между собой, отражая главные свойства окружающего мира.

На вопрос о том, как соотносятся между собой духовные и телесные явления, Лейбниц ответил формулой, получившей название психофизического параллелизма: зависимость психики от телесных воз действий – иллюзия. Душа и тело совершают свои операции самостоятельно и автоматически. Вместе с тем между ними существует предопределенная свыше гармония; они подобны паре часов, которые всегда показывают одно и то же время, так как запущены с величайшей точностью.

Доктрина психофизического параллелизма нашла многих сторонников в годы становления психологии как самостоятельной науки. Идеи Лейбница изменили и расширили представление о психическом. Его идеи о бессознательной психике, «малых перцепциях» и апперцепции прочно вошли в содержание предмета психологии.

Томас Гоббс: ассоциация идей. Другое направление в критике дуализма Декарта связано с философией английского мыслителя Томаса Гоббса (1588-1679). Он начисто отверг душу как особую сущность. В мире нет ничего, утверждал Гоббс, кроме материальных тел, которые движутся по законам механики, открытым Галилеем. Соответственно и все психические явления подчиняются этим глобальным законам. Материальные вещи, воздействуя на организм, вызывают ощущения. По закону инерции из ощущений возникают представления (в виде их ослабленного следа), образующие цепи мыслей, которые следуют друг за другом в том же порядке, в каком сменялись ощущения.

Такая связь получила впоследствии название ассоциации. Об ассоциации как факторе, объясняющем, почему данный психический образ оставляет у человека именно такой, а не другой след, было известно со времен Платона и Аристотеля. Глядя на лиру, вспоминают игравшего на ней возлюбленного, говорил Платон. Это пример ассоциации по смежности: оба объекта воспринимались некогда одновременно, а затем появление одного влекло за собой образ другого. Аристотель добавил два других вида ассоциаций – сходство и контраст. Но для Гоббса, детерминиста галилеевской закалки, в устройстве человека действовал только один закон механического сцепления психических элементов по смежности.

Декарт, Спиноза и Лейбниц принимали ассоциации за один из основных психических феноменов, однако считали их низшей формой познания в сравнении с высшими, к которым относили мышление и волю. Гоббс первым придал ассоциации силу универсального закона психологии. Ему безостаточно подчинены как абстрактное рациональное познание, так и произвольное действие. Произвольность – это иллюзия, которая порождена не знанием причин поступка (такого же мнения придерживался Спиноза). Так волчок, запущенный в ход ударом кнута, мог бы считать свои движения самопроизвольными.

У Гоббса механический детерминизм получил применительно к объяснению психики предельно завершенное выражение. Весьма важной для будущей психологии стала и беспо-

щадная критика Гоббсом версии Декарта о «врожденных идеях», которыми человеческая душа наделена до всякого опыта и не зависимо от него.

До Гоббса в психологических учениях царили идеи рационализма (от лат. «рацио» – разум): источником познания и присущего людям способа поведения считался разум как высшая форма активности души. Гоббс провозгласил разум продуктом ассоциации, имеющей своим источником прямое чувственное общение организма с материальным миром, т.е. опыт. Рационализму был противопоставлен эмпиризм (от лат. «эмпирио» – опыт), положения которого стали основой эмпирической психологии.

Джон Локк: два вида опыта. В разработке этого направления видная роль принадлежала соотечественнику Гоббса Джону Локку (1632-1704).

Д. Локк родился недалеко от города Бристоля в семье провинциального адвоката. По рекомендации друзей отца он был зачислен в Виндзорскую школу, по окончании которой поступил в Оксфордский университет. В Оксфорде он занимается философией, естественными науками и медициной, в это же время он знакомится с сочинениями Декарта. Знакомство с лордом А. Эшли, которое скоро переросло в тесную дружбу, изменило жизнь Локка. В качестве врача и воспитателя сына Эшли он становится членом его семьи и делит с ним все превратности его судьбы. Лорд Эшли, который был главой вигов – политической оппозиции английского короля Якова II, дважды занимал высокие места в правительстве, делая Локка своим секретарем. После отставки Эшли Локк вынужден был бежать вместе с ним в Голландию, где оставался и после смерти Эшли. Только когда на престол вступил Вильгельм Оранский, он смог возвратиться на родину. В это время Локк заканчивает свою главную книгу «Опыты о человеческом разуме», публикует много статей и трактатов, в том числе «О правлении» и «О воспитании», не оставляя политическую деятельность.

Как и Гоббс, он исповедовал опытное происхождение всех знаний. Постулат Локка гласил, что «в сознании нет ничего, чего бы не было в ощущениях». Исходя из этого, он доказывал, что психика ребенка формируется только в процессе его жизни. Выступая против Декарта, который обосновывал свою теорию познания наличием у человека врожденных идей, Локк доказывал ошибочность этого положения. Если бы идеи были врожденными, писал Локк, они были бы известны и взрослому, и ребенку, и нормальному человеку, и глупцу. Однако в этом случае не составляло бы большого труда сформировать у ребенка знание математики, языка, моральных норм. Но все воспитатели знают, что научить ребенка писать и считать очень сложно, при чем разные дети усваивают материал с разной скоростью. Точно так же никто не будет сравнивать рассудок нормального человека и идиота и обучать последнего философии или логике. Существует, по мнению Локка, и еще одно доказательство отсутствия врожденных идей: если бы идеи были врожденными, то все люди в данном обществе придерживались бы одних и тех же моральных и политических убеждений, а этого нигде не наблюдается. Более того, писал Локк, мы знаем, что у разных народов разные языки, разные законы, разные понятия о Боге. Разница в вероисповедании была особенно важна, с точки зрения Локка, так как Декарт считал идею Бога одной из основных врожденных идей.

Доказав таким образом, что нет врожденных идей, Локк далее утверждал, что психика ребенка является «чистой доской» (*tabula rasa*), на которой жизнь пишет свои письмена. Таким образом, и знания, и идеалы не даны нам в готовом виде, но являются результатом воспитания, которое формирует из ребенка сознательного взрослого человека.

Естественно поэтому, что Локк придавал огромное значение воспитанию. Он писал, что в моральном воспитании надо опираться не столько на понимание, сколько на чувства детей, воспитывая у них положительное отношение к хорошим поступкам и отвращение к дурным. В познавательном развитии надо уметь использовать природное любопытство детей – оно есть тот ценный механизм, которым наделила нас природа и именно из него вырастает стремление к знаниям. Локк отмечал, что непосредственно в задачу воспитателя входит учет индивидуальных особенностей детей. Это важно и для того, чтобы поддерживать хорошее настроение ребенка в процессе обучения, что способствует более быстрому усвоению знаний.

В самом опыте Локк выделил два источника: ощущение и рефлексия. Наряду с идеями, которые «доставляют» органы чувств, возникают идеи, порождаемые рефлексией как «внутренним восприятием деятельности нашего ума». И те, и другие предстают перед судом сознания. «Сознание есть восприятие того, что происходит у человека в его собственном уме». Это определение стало краеугольным камнем интроспективной психологии.

Считалось, что объектом сознания служат не внешние объекты, а идеи (образы, представления, чувства и т. д.), какими они являются «внутреннему взору» наблюдающего за ними субъекта. Из этого наиболее отчетливо и популярно разъясненного Локком постулата и возникло понимание предмета психологии. Отныне на его место стали претендовать явления сознания, порождаемые внешним опытом, который исходит от органов чувств, и внутренним, накапливаемым собственным разумом индивида. Элементами этого опыта, «нитями», из которых соткано сознание, считались идеи, которыми правят законы ассоциации.

Такое понимание сознания определило формирование последующих психологических концепций. Они были пронизаны духом дуализма, за которым стояли реалии социальной жизни, общественной практики. С одной стороны, это научно-технический прогресс, сопряженный с великими теоретическими открытиями в науках о физической природе и внедрением механических устройств; с другой, – самоосознание человека как личности, которая, хотя и соотносится с промыслом Всевышнего, способна иметь опору в собственном разуме, сознании, понимании.

Указанные внепсихологические факторы обусловили как появление механодетерминизма, так и обращенность к внутреннему опыту сознания. Именно эти направления в их нераздельности определили отличие психологической мысли Нового времени от всех ее предшествующих витков. Как и прежде, объяснение психических явлений зависело от знания о том, как устроен физический мир и какие силы правят живым организмом. Речь идет именно об объяснении, адекватном нормам научного познания, ибо в практике общения люди руководствуются житейскими представлениями о мотивах поведения, умственных качествах, влиянии погоды на расположение духа, зависимости характера от расположения планет и т.д.

XVII век радикально повысил планку критериев научности. Он преобразовал объяснительные принципы, доставшиеся ему от прежних веков. Изначально механистические представления о рефлексе, ощущении, ассоциации, аффекте, мотиве вошли в основной фонд научных знаний. Они возникли из детерминистской трактовки организма как «машины тела». Чисто умозрительная схема этой машины не могла пройти испытание опытом. Между тем опыт и его рациональное объяснение определили успехи нового естествознания.

Для великих ученых XVII века научное познание психики как познание причин ее явлений имело в качестве непреложной предпосылки обращение к телесному устройству. Но эмпирические знания о нем были, как показало время, столь фантастичны, что прежние свидетельства следовало игнорировать. На этот путь стали приверженцы эмпирической психологии, понимавшие под опытом обработку субъектом содержания своего сознания. Они использовали понятия об ощущениях, ассоциациях и т. д. как фактах внутреннего опыта. Генеалогия этих понятий восходила к открытому свободной мыслью объяснению психической реальности, открытому благодаря тому, что было отринуто веками царившее убеждение, будто эта реальность производится особой сущностью – душой. Отныне активность души выводилась из законов и причин, действующих в телесном, земном мире. Знание же законов природы рождалось не из внутреннего опыта наблюдающего за собой сознания, но из общественно-исторического опыта, обобщенного в научных теориях Нового времени.

§ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Просвещение. В XVIII веке, как и в предшествующем, в Западной Европе происходило дальнейшее укрепление капиталистических отношений. Индустриальная революция превратила Англию в могущественную державу. Глубокие политико-экономические изменения

привели к революции во Франции. Расшатывались феодальные устои в Германии. Расширялось и крепло движение, названное Просвещением.

Как писал Н.В. Гоголь, просвещение означает стремление силой познания просветить насквозь все существующее. Мыслители, представлявшие это течение, считали главной причиной всех человеческих бед невежество, религиозный фанатизм, требовали вернуться к естественной, неиспорченной природе человека, покончить с суевериями, утвердить в умах людей взамен ложного знания научное, проверенное опытом и разумом. Предполагалось, что, следуя этим путем, удастся избавиться от социальных бедствий и повсеместно воцарятся добро и справедливость.

Наиболее ярко идеи Просвещения исповедовались на французской почве в преддверии Великой французской революции. В Англии, где буржуазные отношения утвердились раньше, главным идеологом Просвещения стал Дж.Локк. Его соотечественник физик и математик И.Ньютон (1643-1727) создал новую механику, повсеместно воспринятую как образец и идеал точного знания, как великое торжество разума.

Давид Гартли: основоположник ассоцианизма. Д. Гартли (1705-1757) является основателем ассоциативной психологии, которая просуществовала как доминирующее психологическое направление до начала XX века. Получив вначале богословское, а за тем медицинское образование, Гартли стремился создать такую теорию, которая не только объясняла бы душу человека, но и давала возможность управлять его поведением. Хотя понятие ассоциации было введено еще Аристотелем, а сам термин – английским философом Д.Локком, подход к ассоциации как универсальному механизму психической жизни был сформулирован впервые именно Гартли. В основу своей теории Гартли положил идею Локка об опытном характере знания, а также принципы механики Ньютона. Вообще понимание человеческого организма, принципов его работы, в том числе и работы нервной системы, по аналогии с законами механики, открытыми в то время, было очень характерной приметой психологии XVIII века. Не избежал такого подхода и Гартли, который стремился объяснить поведение человека исходя из физических принципов.

В книге «Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях» (1749) Гартли обосновал свою ассоциативную теорию.

Учение об ассоциации Гартли базируется на учении о вибрации, так как он считал, что вибрация внешнего эфира вызывает соответствующую вибрацию органов чувств, мышц и мозга. Анализируя структуру психики человека, Гартли выделяет в ней два круга- большой и малый.

Большой круг проходит от органов чувств через мозг к мышцам, является фактически рефлекторной дугой, определяющей поведение человека. Гартли по сути создает свою теорию рефлекса, которая и объясняет, исходя из законов механики, активность человека. По мнению Гартли, внешние воздействия, вызывая вибрацию органов чувств, запускают рефлекс. Вибрация органов чувств вызывает вибрацию соответствующих частей мозга, а та, в свою очередь, стимулирует работу определенных мышц, вызывая их сокращения и движения тела.

Если большой круг регулирует поведение, то малый круг вибрации, расположенный в белом веществе мозга, является основой психической жизни, ос новой процессов познания и обучения. Гартли считал, что вибрация участков мозга в большом круге вызывает ответную вибрацию в белом веществе. Исчезая в большом круге, эта вибрация оставляет следы в малом круге. Эти следы, по его мнению, являются основой памяти человека. Они могут быть более или менее сильными в зависимости от силы и значимости того явления, которое оставило этот след. Большое значение имела идея Гартли о том, что от силы этих следов зависит степень их осознанности человеком, причем слабые следы вообще не осознаются. Таким образом, Гартли расширил сферу душевной жизни, включив в нее не только сознание, но и бессознательные процессы, и создал первую материалистическую теорию бессознательного. Почти через сто лет идеи Гартли о силе следов и ее связи с возможностью их осознания будут разработаны психологом Гербартом в его знаменитой теории о динамике представлений.

Исследуя психику, Гартли пришел к выводу, что она состоит из нескольких элементов – ощущений (которые являются вибрацией органов чувств), представлений (вибраций следов в белом веществе в отсутствие реального объекта) и чувств (отражающих силу вибрации). Он исходил из представления о том, что в основе психических процессов лежат различные ассоциации. При этом ассоциации являются вторичными, отражая реальную связь между двумя очагами вибраций в малом круге. Таким образом Гартли объяснял самые сложные психические процессы, в том числе мышление и волю, считая, что в основе мышления лежит ассоциация образов предметов со словом (сводя таким образом мышление к процессу образования понятий), а в основе воли – ассоциация слова и движения.

Исходя из представления о прижизненном формировании психики, Гартли считал, что возможности воспитания, воздействия на процесс психического развития ребенка поистине безграничны. Его будущее зависит от того, какой материал для ассоциаций ему поставляют окружающие: поэтому только от взрослых зависит, каким вырастет ребенок, как он будет мыслить и поступать. Гартли был одним из первых психологов, заговоривших о необходимости для педагогов использовать знание законов психической жизни в своих обучающих методах. При этом он доказывал, что рефлекс, подкрепленный положительным чувством, будет более стойким, а отрицательное чувство поможет забыванию рефлекса. Поэтому возможно формирование социально одобряемых форм поведения, возможно формирование идеального нравственного человека – необходимо только вовремя подкреплять нужные рефлексы или уничтожать вредные. Таким образом, теория идеального человека возникла еще в XVIII веке и была связана с механистическим пониманием его психической жизни.

Взгляды Гартли оказали огромное влияние на развитие психологии. Достаточно сказать, что теория ассоцианизма просуществовала почти два столетия, и, хотя она неоднократно подвергалась критике, основные ее постулаты, заложенные Гартли, послужили дальнейшему развитию психологии. Не меньшее значение имели и высказанные им догадки о рефлексорной природе поведения, а его взгляды на возможности воспитания и необходимость управлять этим процессом созвучны подходам рефлексологов и бихевиористов, разрабатываемым в XX веке.

Джордж Беркли: вещь как комплекс. По-иному истолковали принцип ассоциации два других английских мыслителя – Д. Беркли (1685-1753) и Д. Юм, считавшие ощущения первичным не физическую реальность, не жизнедеятельность организма, а феномены сознания. Они полагали, что источником знания служит образуемый ассоциациями чувственный опыт.

Согласно Беркли, опыт – это непосредственно испытываемые субъектом ощущения: зрительные, мышечные, осязательные. В «Опыте новой теории зрения» Беркли детально проанализировал чувственные элементы, из которых складывается образ геометрического пространства как вместилища всех природных тел. Физика предполагает, что это ньютоново пространство дано объективно, тогда как оно – продукт взаимодействия ощущений. Одни ощущения (например, зрительные) связаны с другими (например, осязательными), и весь этот комплекс ощущений принято считать существующим независимо от сознания. В действительности же, согласно Беркли, «быть – значит быть в восприятии».

Этот вывод неотвратимо склонял к солипсизму (от лат. «солус» – единственный и «ипсе» – сам) отрицанию любого бытия, кроме собственного со знания. Чтобы выбраться из этой ловушки и объяснить, почему разные субъекты воспринимают одни и те же внешние объекты, Беркли апеллировал к особому божественному сознанию, которым наделены все люди.

В своем конкретно-психологическом анализе зрительного восприятия Беркли высказал несколько ценных идей, указав, в частности, на участие осязательных ощущений в построении образа трехмерного пространства (при двухмерности образа на сетчатке).

Дэвид Юм: субъект – пучок ассоциаций. Английский мыслитель Д.Юм (1711-1776) занял иную позицию. Вопрос о том, существуют ли физические объекты независимо от нас,

он полагал теоретически неразрешимым, допуская в то же время, что эти объекты могут способствовать возникновению у человека впечатлений и идей.

Учение о причинности, по мнению Юма, – не более, чем продукт веры в то, что за одним впечатлением (признаваемым причиной) появится другое (принимаемое за следствие). На деле же это прочная ассоциация представлений, возникшая в опыте субъекта. Да и сам субъект – это всего лишь сменяющие друг друга связки или пучки впечатлений.

Скептицизм Юма пробудил многих мыслителей от «догматического сна», заставил их пересмотреть свои взгляды, касающиеся души, причинности, – ведь многие из них принимались на веру как допущения, без критического анализа.

Мнение Юма о том, что понятие о субъекте может быть сведено к пучку ассоциаций, было направлено своим критическим острием против представления о душе как особой, дарованной всевышним сущности, которая порождает и связывает между собой отдельные психические феномены. Предположение о такой спиритуальной субстанции защищал, в частности, Беркли, отвергавший субстанцию материальную. Согласно же Юму, душа есть нечто вроде театральных подмостков, где проходят чередой сцепленные между собой сцены.

Историческая судьба учения об ассоциациях. Учения об ассоциациях английских мыслителей XVIII века, как в материалистическом, так и в идеалистическом вариантах, направляли научные поиски многих западных психологов двух последующих веков. Какой бы умозрительной ни была деятельность нервной системы у Гартли, она по существу представляла как орган, передающий внешние импульсы от органов чувств через головной мозг к мышцам, иначе говоря, как рефлекторный механизм. В этом смысле Гартли стал преемником декартова учения о рефлекторной природе поведения. Правда, Декарт наряду с рефлексом вводил второй объяснительный принцип – рефлексию, особую активность сознания. Гартли же наметил перспективу бескомпромиссного объяснения, исходя из единого принципа и тех высших проявлений психической жизни, которые дуалист Декарт относил к не материальной субстанции.

Эта гартлианская линия вошла в ресурс научного объяснения психики в новую эпоху, когда рефлекторный принцип был воспринят и преобразован И.М. Сеченовым и его последователями.

Нашла своих последователей на рубеже XIX-XX веков и линия, намеченная Беркли и Юмом. Ее продолжили не только философы-позитивисты, но и психологи, сосредоточившие усилия на анализе элементов субъективного опыта в качестве особых, ни из чего не выводимых психических реалий.

Психологические взгляды французских просветителей. Самыми радикальными критиками любых учений, допускающих влияние на природу и человека сил, ускользающих от опыта и разума, выступили французские мыслители. Они объединились вокруг 35-томной «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751-1780), освещавшей новейшие достижения человеческого знания. Поэтому их принято называть энциклопедистами. В энциклопедии с материалистических позиций излагались и вопросы психологии.

Пропагандистами опытного знания, критиками метафизики и схоластики были прежде всего Вольтер (1694-1778) и Кондильяк (1715-1780). Последний предложил образ «статуи», которая поначалу не обладает ничем, кроме способности ощущать. Стоит ей, однако, получить извне первое ощущение, хотя бы самое примитивное (например, обонятельное), как начинает действовать вся психическая механика. Как только один запах сменяется другим, сознание готово получить все то, что Декарт относил на счет врожденных идей, а Локк – рефлексии. Сильное ощущение порождает внимание; сравнение одного ощущения с другим становится функциональным актом, который определяет дальнейшую умственную работу, и т. д.

В отличие от «статуи» Кондильяка, врач Жюльен Ламетри (1709-1751) предложил образ «человека-машины». Именно так он озаглавил свой выпущенный под чужим именем трактат. Из него явствовало, что наделять организм человека душой столь же бессмысленно,

как искать ее в действиях машины. Ламетри считал, что выделение Декартом двух субстанций – не более, чем «стилистическая хитрость», придуманная для обмана теологов. Декарт устранил душу из организма животных. Ламетри доказывал, что не нуждается в ней и человеческий организм, с которым сопряжены психические способности; они являются продуктом его машиноподобных действий.

Другими лидерами движения за новое мировоззрение выступили К. Гельвеций (1715-1771), П. Гольбах (1723-1789) и Д. Дидро (1713-1784). Отстаивая принцип возникновения духовного мира из мира физического, они трактовали наделенного психикой человека-машину как продукт внешних воздействий и естественной истории.

В человеке передовые французские мыслители видели венец природы. Столь же оптимистичными были и предположения о заложенных в каждом индивиде неисчерпаемых возможностях совершенствования. Если человек плох, то вину за это нужно возлагать не на его греховную телесную природу, а на противоестественные внешние обстоятельства. Человек – дитя природы, поэтому существующий социальный порядок должен быть приведен в соответствие с потребностями и правами, которыми человека наделила природа.

Теория «естественного человека» придавала крайнюю остроту проблеме соотношения между при рожденными особенностями индивида и внешними условиями, в которые включалась наряду с географическими, климатическими и другими условиями также социальная среда. Главная практическая идея французского материализма состояла в утверждении решающей роли воспитания и законов в формировании человека. Соответственно обязанности по усовершенствованию общества возлагались на воспитателей и просвещенных законодателей. Яркое и страстное обоснование этой идеи содержалось в сочинениях Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) и К. А. Гельвеция.

Руссо утверждал, что человек от природы добр, но его чудовищно испортила цивилизация. Свои взгляды на психическую природу ребенка он изложил в известном произведении «Эмиль, или О воспитании». (Интересно отметить, что считавшийся в XVIII-XIX веках одним из крупнейших теоретиков воспитания, Руссо сам никогда не занимался воспитанием собственных детей, предпочитая отдавать их сразу после рождения в приют.) Заслугой Руссо явилось то, что он привел в целостную картину все известное к этому времени о природе ребенка, о его развитии.

Руссо исходил из теории естественного человека и, как Я.А.Коменский, писал о природосообразном обучении. Однако, в отличие от Коменского, Руссо имел в виду не внешнее подражание при роде, а необходимость следовать естественному ходу развития природы самого ребенка. Другими словами, Руссо пришел к мысли о необходимости внутренней гармоничности и естественности в развитии человека.

Таким образом, требование учитывать индивидуальные различия детей, которое у предыдущих поколений мыслителей оставалось чисто умозрительным, теперь получало научное обоснование, так как знание этих различий и помогало взрослому строить обучение с учетом естественного хода психического развития ребенка.

Существуют не только индивидуальные, но и общие для всех детей закономерности психического развития, изменяющиеся на каждом возрастном этапе, подчеркивал Руссо. Исходя из этого, он создал первую развернутую периодизацию развития. Однако основание, по которому он разделял детство на периоды, было чисто умозрительным. Его критерии периодизации опирались не на факты и наблюдения, а на теоретические взгляды самого Руссо.

Первый период – от рождения до двух лет – с точки зрения Руссо, надо посвятить физическому развитию ребенка. Он считал, что в это время у детей еще не развивается речь, и был противником ее раннего развития.

Второй период – с двух до двенадцати лет – необходимо посвятить сенсорному развитию детей. Руссо считал, что развитие ощущений является основой будущего развития мышления. Поэтому он выступал против раннего обучения, доказывая, что систематическое обучение должно начинаться только после двенадцати лет, когда заканчивается «сон разума».

Целенаправленное обучение следует осуществлять в период с двенадцати до пятнадцати лет, когда ребенок может адекватно воспринять и освоить предлагаемые знания. Однако эти знания должны быть связаны только с естественными и точными науками, а не с гуманитарными, так как моральное развитие, развитие чувств у детей происходит позднее.

В четвертом периоде – от пятнадцати лет до совершеннолетия – как раз и происходит развитие чувств у детей после накопления определенного жизненного опыта. Это время Руссо называл «периодом бурь и страстей» и считал, что в этот период необходимо выработать у детей добрые чувства, добрые суждения и добрую волю.

В теориях французских энциклопедистов большое значение имели взгляды на природу биологического и социального. Именно Гельвеций и Дидро одними из первых рассматривали наследственность и среду как основные факторы, определяющие психическое развитие ребенка, связывая их влияние с проблемой способностей. При этом под способностями понималась возможность выполнять определенную деятельность на высоком уровне, но совершенно не учитывалась быстрота и легкость обучения. Естественно, что в результате Гельвеций приходил к выводу о том, что способности не являются врожденными, но приобретаются в процессе обучения. Такой подход был связан с его концепцией о всеобщем равенстве людей, индивидуальные различия которых являются, по мнению Гельвеция, лишь результатом разного социального положения и воспитания. Но тот же подход приводил, как ни странно, к фатализму, так как чело век воспринимался как игрушка судьбы, которая по своей прихоти может поместить его в ту или иную среду. Таким образом, защищая принцип естественного равенства всех людей во всех отношениях, Гельвеций в своих книгах «Об уме» (1758) и «О человеке» (1773) пришел к односторонним выводам. Воспитательное воздействие он возвел в степень силы, способной лепить из людей что угодно.

Иначе решал проблему другой лидер французских материалистов – Д. Дидро. Его возражения Гельвецию свидетельствуют о стремлении рассматривать психическое развитие индивида с широкой биологической и исторической точки зрения. «Он (Гельвеций – М. Я.) говорит, – замечал Дидро, – воспитание значит все. Скажите: воспитание значит много. Он говорит: организация не значит ничего. Скажите: организация значит меньше, чем это обычно думают».

Гельвеций не знал другой детерминанты, кроме внешнего толчка. Отсюда его концепция случая: гениями или глупцами людей делают обстоятельства, в которых они случайно оказываются. Для Дидро же «случай» – лишь условие, эффект которого зависит от возможностей «человеческой машины». Откуда же берется ее конструкция? Она, по Дидро, продукт естественной истории.

Завершающий период в развитии французского материализма представлен врачом-философом П. Кабанисом (1757-1808). Ему принадлежит формула, согласно которой мышление – функция мозга. Свой вывод Кабанис подкреплял наблюдениями, сделанными в кровавом опыте революции. Ему было поручено выяснить, осознает ли казнимый на гильотине человек свои страдания (о чем могут свидетельствовать, например, конвульсии). Кабанис ответил на этот вопрос отрицательно; движения обезглавленного тела имеют, по его мнению, рефлекторный характер и не осознаются, ибо сознание – функция мозга. Понятие о функции, выработанное физиологией применительно к различным органам, распространялось, таким образом, и на работу головного мозга.

Впрочем, формула Кабаниса была использована для вульгаризации материалистической философии ее противниками. Кабанису приписали мнение, будто мозг выделяет мысль, подобно тому, как печень желчь, а почки – мочу. На деле же, говоря о сознании как функции головного мозга, Кабанис имел в виду совершенно иное. К внешним продуктам мозговой деятельности он относил выражение мысли словами и жестами; за самой же мыслью, подчеркивал он, скрыт неизвестный нервный процесс.

Ростки исторического подхода. В XVIII веке в науке появляются ростки историзма. Жизнь общества начинают осмысливать в виде закономерного, однако уже не механического, а исторического процесса. Родовые факторы выступают как первичные по отношению к

деятельности индивида. Поиск их сыграл важную роль в прогрессе не только социологической, но и психологической мысли.

Итальянский мыслитель Вика (1668-1744) в трактате «Основания новой науки об общей природе вещей» (1725) выдвинул идею, что каждое общество проходит последовательно через три эпохи: богов, героев и людей. Несмотря на фантастичность этой картины, подход к социальным явлениям с точки зрения их закономерной эволюции был новаторским. Считалось, что развитие происходит в силу собственных внутренних причин, а не является игрой случая или предопределения божества. Что касается психических свойств человека, то они, согласно Вика, возникают в ходе истории общества. В частности, появление абстрактного мышления он связывал с развитием торговли и политической жизни.

К Вика восходит представление о надындивидуальной духовной силе, свойственной народу в целом и составляющей первооснову культуры и истории. На место культа отдельной личности был поставлен культ народного духа. Утверждая приоритет исторически развивающихся духовных сил общества по отношению к деятельности отдельной личности. Вика открыл новый аспект в проблеме детерминации психического.

Ряд французских и немецких просветителей XVIII века придали этой проблеме первостепенное значение.

Французский мыслитель Монтескье (1689-1755) выступил с книгой «О духе законов» (1748). В ней, вопреки учению о божественном промысле, утверждалось, что людьми правят законы, которые в свою очередь зависят от условий жизни общества, прежде всего географических. Важная роль отводилась так же этническим особенностям населения, характеру народа.

Другой французский просветитель – Кондорсе (1743-1794) в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1794) изобразил историческое развитие в биде бесконечного прогресса, обусловленного как внешней природой, культурными достижениями (открытия, изобретения), так и взаимодействием людей. Он не отрицал роль внутренних побуждений человека, но в качестве двигателя истории у него выступали не отдельные личности, а массы.

В Германии философ Иоганн Гердер (1744-1803), отстаивая в четырехтомной работе «Идеи философии истории человечества» (1789-1791) мысль о том, что общественные явления изменяются закономерно, трактовал эти изменения как необходимые ступени в общем становлении народной жизни. При этом в качестве определяющего начала, выдвигалось развитие не одного только разума, но широко понятой гуманности, достигнутой благодаря взаимному влиянию людей друг на друга.

Духовная активность, отличающая человека от животных, проявляется, по Гердеру, прежде всего в языке. В сочинении «О происхождении» (1770) он попытался развить исторический взгляд на языковое творчество и вместе с тем связать его с психологией мышления. Язык не есть нечто готовое; его развитие – динамический, творческий процесс.

Развитие индивидуального сознания в этих концепциях ставилось в зависимость от культурно-исторического формирования народа. Оно переставало быть явлением, соотносимым лишь с физическими телами и со своим физиологическим субстратом устройством и функциями организма.

Материалисты эпохи Просвещения сыграли огромную позитивную роль в интеллектуальной жизни Европы. Они отстаивали идею целостности человека, нераздельной связи его телесно-духовного бытия с окружающей средой – природной и социальной, утверждали способность чувственного опыта служить единственным гарантом рационального знания о неисчерпаемом внешнем мире, нераздельность психических явлений и нервного субстрата, который их производит. Доказывая необходимость перехода от умозрительного изучения этой нераздельности к ее эмпирическому исследованию, призывая искать корни явлений, считавшихся порождением бестелесной души, в доступной для скальпеля и микроскопа нервной ткани, материалисты XVIII века подготовили почву для движения научной мысли следующего столетия в новом направлении.

Глава V

ЗАРОЖДЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ

Естественнонаучные предпосылки. В начале XIX века стали складываться новые подходы к психике. Отныне не механика, а физиология стимулировала рост психологического знания. Имея своим предметом особое природное тело, физиология превратила его в объект экспериментального изучения. На первых порах руководящим принципом физиологии было «анатомическое начало». Функции (в том числе психические) исследовались под углом зрения их зависимости от строения органа, его анатомии. Умозрительные воззрения прежней эпохи физиология переводила на язык опыта.

Так, фантастическая по своей эмпирической фактуре рефлекторная схема Декарта оказалась правдоподобной благодаря обнаружению различий между чувствительными (сенсорными) и двигательными (моторными) нервными путями, ведущими в спинной мозг. Открытие принадлежало врачам и натуралистам чеху И. Прохазке, французу Ф. Мажанди и англичанину Ч. Беллу. Оно позволило объяснить механизм связи нервов через так называемую рефлекторную дугу, возбуждение одного плеча которой закономерно и неотвратно приводит в действие другое плечо, порождая мышечную реакцию. Наряду с научным (для физиологии) и практическим (для медицины) это открытие имело важное методологическое значение. Оно опытным путем доказывало зависимость функций организма, касающихся его поведения во внешней среде, от телесного субстрата, а не от сознания (или души) как особой бестелесной сущности.

Второе открытие, которое подрывало версию о существовании души, было сделано при изучении органов чувств, их нервных окончаний. Оказалось, что какими бы стимулами на эти нервы ни воздействовать, результатом будет один и тот же специфический для каждого из них эффект. (Например, любое раздражение зрительного нерва вызывает у субъекта ощущение вспышек света.)

На этом основании немецкий физиолог Иоганнес Мюллер (1801-1858) сформулировал «закон специфической энергии органов чувств»: никакой иной энергией, кроме известной физике, нервная ткань не обладает.

Выводы Мюллера укрепляли научное воззрение на психику, показывая причинную зависимость ее чувственных элементов (ощущений) от объективных материальных факторов – внешнего раздражителя и свойств нервного субстрата.

Наконец, еще одно открытие подтвердило зависимость психики от анатомии центральной нервной системы и легло в основу приобретшей огромную популярность френологии (от греч. «френ» – душа, ум). Австрийский анатом Франц Галль (1758-1829) предложил «карту головного мозга», согласно которой различные способности «размещены» в определенных участках мозга. Это, по мнению Галля, влияет на форму черепа и позволяет, ощупывая его, определять по «шишкам», насколько развиты у данного индивида ум, память и другие функции. Френология, при всей ее фантастичности, побудила к экспериментальному изучению локализации психических функций в головном мозге.

Взгляды Галля подвергались критике с различных позиций. Идеалисты нападали на него за подрыв постулата о единстве и нематериальности души. Французский физиолог и врач П. Флуранс (1794-1867), не отступая от учения о мозге как органе мысли, показал, что френология не выдерживает экспериментальной проверки. Используя методику удаления отдельных участков центральной нервной системы, а в ряде случаев воздействуя на центры наркотиками, Флуранс пришел к выводу, что основные психические процессы – восприятие, интеллект, воля – являются продуктом головного мозга как целостного органа. Мозжечок координирует движения, в продолговатом мозгу находится «жизненный узел», с четверохолмием связано зрение, функция спинного мозга состоит в проведении по нервам возбуждения. Работы Флуранса сыграли важную роль в разрушении созданной френологией мифологической картины работы мозга.

Развитие ассоцианизма. Изучение органов чувств, нервно-мышечной системы, коры головного мозга имело анатомическую направленность (т.е. психическое соотносилось со строением различных частей организма). Однако обращение к этим органам сталкивало с необходимостью осмыслить эффекты их деятельности.

Эффекты же относились к области психического (сознания). Поэтому естествоиспытатель вынужден был перейти на почву психологии. Черпать же в психологии анатомиофизиолог мог только ту информацию, которую она (психология) к этому времени нарабатала.

Как мы знаем, в психологии в ту эпоху доминировало учение об ассоциациях. Оно оставалось единственным направлением, способным не только описывать, но и объяснять факты.

Идеи ассоцианизма получили наивысшую популярность в Англии, где лидерами этого направления выступили отец и сын Милли.

Английский историк и экономист Джеймс Милль (1773-1836) вернулся к представлению о том, что сознание – это своего рода психическая машина, работа которой совершается строго закономерно по законам ассоциации. Всякий опыт состоит, в конечном счете, из простейших элементов (ощущений), образующих идеи (сперва простые, затем все более сложные). Никаких врожденных идей не существует.

Джон Стюарт Милль: ментальная химия. Сын Джеймса – Джон Стюарт Милль (1806-1873) являлся в ту эпоху властителем дум не только в Англии, но и в континентальной Европе, а также в России.

Его труды по логике, этике и другим наукам пользовались большой популярностью. Если для его отца образцом точного знания являлась механика, то сын находился под влиянием успешно развивавшейся в тот период химии. Он стал говорить о «ментальной (психической) химии», т.е. о возникновении из простейших элементов сознания новых, обладающих собственными качествами структур этого сознания – подобно тому, как из водорода и кислорода возникает совершенно новый продукт – вода. Постулат, согласно которому главная задача психологии – изучать законы возникновения и ассоциации идей как элементов сознания, на несколько десятилетий стал ее основой как самостоятельной науки. Когда вскоре возникла новая экспериментальная психология, которая, в отличие от Д.С.Милля, не ограничивалась общими, умозрительными соображениями о том, что идеи образуют новые синтезы, она, эта новая психология, следовала по стопам Милля.

«Психическая химия» объясняла, почему многие ощущения, например звук скрипки или вкус апельсина (который является в действительности в значительной мере запахом), воспринимаются в виде простых и единых, хотя они обусловлены сложными стимулами, подобно тому, как вода представляется простой и единой, хотя она состоит из кислорода и водорода. Это воззрение существенно повлияло на программу работы первых психологических лабораторий. Предполагалось, что путем экспериментального анализа удастся вычленивать «атомы» сознания и получить в психологии нечто подобное Менделеевской таблице.

Принимая за исходное начало всех порождений человеческой культуры работу индивидуального сознания, Д. С. Милль основал направление, которое получило имя психологизма. Экономика, политика, мораль, право, воспитание рассматривались в качестве эффектов действия психологических законов. Ассоциация трактовалась как ключ ко всем человеческим феноменам и проблемам.

Однако наибольшее влияние на психологию оказала не идея Милля о «ментальной химии», а его «Логика», первое же издание которой (1843) принесло автору всеевропейскую славу. Это произведение расценивается как одно из наиболее значительных явлений философской мысли XIX века в силу того, что выдвинуло на первый план проблемы методологии научного исследования.

«Если историк науки в девятнадцатом столетии должен был бы назвать философский труд, который в середине этого столетия и вскоре после этого имел влияние, он несомненно отдал бы пальму первенства «Логике» Милля. Этот труд... был впервые рекомендован Либихом немецкому ученому миру, в то время мало интересовавшемуся философией, и к нему часто обращались, когда приходи-

лось обсуждать философские вопросы. Так, работы Гельмгольца решающим образом развивались под знаком миллевской логики».

Аргументация Милля сводилась к двум тезисам: а) имеются законы ума, отличающиеся от законов материи, но сходные с ними в отношении однообразия, повторяемости, необходимости следования одного явления за другим; б) эти законы могут быть открыты с помощью опытных методов – наблюдения и эксперимента. Ставя вопрос о создании особой эмпирической «науки об уме», Д.С.Милль отражал назревшую историческую потребность.

Александр Бэн: пробы и ошибки. В отличие от Д.С. Милля Александр Бэн в своих двух главных трудах, пользовавшихся на протяжении многих лет широкой популярностью, – «Ощущения и интеллект» (1855) и «Эмоции и воля» (1859) последовательно проводил курс на сближение психологии с физиологией. Он особое место уделял тем уровням психической деятельности, связь которых с телесным устройством очевидна, а зависимость от сознания минимальна: рефлексам, навыкам и инстинктам.

Бэн выдвинул представление о «пробах и ошибках» как особом принципе организации поведения. Между «чисто» рефлекторным и «чисто» произвольным имеется обширный спектр действий, благодаря которому постепенно, шаг за шагом, иногда дорогой ценой, достигается искомая цель. Концепцию «проб и ошибок» ожидало большое будущее. Этому правилу, предполагал Бэн, подчиняется не только внешнедвигательная, но и внутримыслительная активность. Так, процесс мышления может рассматриваться как отбор правильной (соответствующей искомой цели) комбинации слов, который производится по тому же принципу, что и отбор нужных движений при обучении плаванию и другим двигательным навыкам. «Во всех трудных операциях, которые совершаются ради намерения или цели, правило «проба и ошибка» является главным и конечным прибежищем».

Тем самым деятельность сознания сближалась с деятельностью организма. Закономерности, присущие всей органической природе, оказывались также и закономерностями «внутреннего мира». Таков объективный, категориальный смысл нововведений Бэна. Они были симптомами назревавших изменений.

Герберт Спенсер: эволюционная психология. Английский философ и психолог Г.Спенсер (1820-1903) был одним из основателей философии позитивизма, в русле которого, по его мнению, должна развиваться психология. Его стремление сделать психологию объективной наукой совпало и с общими тенденциями в ее развитии. Основой такой позитивной психологии Спенсер делает теорию эволюции. Таким образом, в его теории переплетаются влияния позитивизма, эволюционного подхода и ассоцианизма, который Спенсер и перерабатывает исходя из своих стремлений к построению новой психологии.

Пересматривая предмет психологии. Спенсер писал, что психология изучает соотношение внешних форм с внутренними, ассоциации между ними. Так он расширил предмет психологии, включая в него не только ассоциации между внутренними факторами (ассоциации только в поле сознания), но и изучение связи сознания с внешним миром.

Исследуя роль психики в эволюции человека, Спенсер говорил, что психика является механизмом адаптации к среде. То есть психика возникает закономерно на определенном этапе эволюции, в тот момент, когда условия жизни живых существ усложняются настолько, что приспособиться к ним без адекватного их отражения невозможно.

Спенсер выделил этапы развития психики исходя из того, что психика человека есть высшая ступень психического развития, которая появилась не сразу, но постепенно, в процессе усложнения условий жизни и деятельности живых существ. Исходная форма психической жизни – ощущение развилось из раздражимости, а затем из простейших ощущений появились многообразные формы психики. Все они являются инструментами выживания организма, частными формами адаптации к среде. Такими частными формами приспособления являются: рефлекс, инстинкт, навык, реализуемые в поведении, – и ощущения, память, воля, разум, существующие в сознании.

Говоря о роли каждого этапа. Спенсер подчеркивал: главное значение разума в том, что он лишен ограничений, которые присущи низшим формам психики, и потому обеспечивает

наиболее адекватное приспособление индивида к среде. Эта идея о связи психики, главным образом интеллекта, с адаптацией станет ведущей для психологии начала XX века.

Спенсер распространил законы эволюции не только на психику, но и на социальную жизнь, развивая органическую теорию общества. Он говорил, что человеку необходимо приспособляться не только к природе, но и к социальному окружению: поэтому его психика развивается в процессе развития человеческого общества. Одним из первых в психологии Спенсер сравнивал психологию дикаря и современного человека, делая вывод, что у современного человека более развито мышление, в то время как у первобытных людей было более развито восприятие. Эти выводы в то время были достаточно нетрадиционны и принципиальны. Они позволили ученым разработать сравнительные методы психических исследований, которые получили широкое распространение. Анализируя разницу в психическом развитии людей, принадлежащих к разным народам и разному времени. Спенсер пересматривал прежние взгляды ассоцианизма на прижизненность формирования знаний. Он писал, что наиболее часто повторяющиеся ассоциации не исчезают, но закрепляются в мозге человека и передаются по наследству. Таким образом, сознание – не чистый лист, оно полно предуготованных ассоциаций. Эти врожденные ассоциации и определяют разницу между мозгом европейца и мозгом дикаря.

Теория Спенсера получила широкое распространение, оказав огромное влияние на экспериментальную психологию, психологию поведения, на формирование генетической (детской) психологии.

Иоганн-Фридрих Гербарт: статика и динамика. В теории немецкого психолога и педагога И. Ф. Гербарта (1776-1841) соединились основные принципы ассоцианизма с представлений традиционными подходами немецкой психологии – идеей апперцепции, активности души, роли бессознательного. Гербарт исходил из того, что наш внутренний мир весьма относительно связан с миром внешним, поэтому говорить об отражении, особенно отражении адекватном, передающем основные свойства окружающих вещей, невозможно. Для того чтобы уйти от обсуждения вопроса о степени адекватности и точности отражения, вопроса, который служил своего рода водоразделом между разными направлениями в теории познания, Гербарт заменяет термин «ощущение» на термин «представление», подчеркивая тем самым отгороженность внутреннего мира от внешнего.

Говоря об ассоциации представлений, Гербарт приходил к выводу, что представления не являются пассивными элементами в душе человека, но обладают собственным зарядом, активностью, которая определяет их положение в сфере психического. Для Гербарта сохранение психологии как науки о душе было важным постулатом его концепции психического, так как душа в его понимании является центром, в котором хранятся и перерабатываются знания и который является источником человеческой личности. Развивая теорию Лейбница о структуре души, Гербарт писал, что в ней можно выделить три слоя – апперцепцию, перцепцию и бессознательное. При этом под апперцепцией он понимал область ясного и отчетливого сознания, а под перцепцией – область смутного сознания. Таким образом, и для Гербарта область души была шире, чем область сознания, и большое значение для него, как и для Лейбница, имело бессознательное.

Гербарт также вводит понятие «апперцептивной массы», содержанием которой является индивидуальный опыт человека. Апперцептивная масса формируется в процессе жизни, а потому зависит от способов воспитания и обучения, выбранных взрослым. Однако если в начале жизни содержание апперцептивной массы определяется внешними воздействиями, то впоследствии она сама уже определяет особенности восприятия окружающего мира, свойственные данному человеку. Поэтому разные люди по-разному воспринимают одни и те же ситуации.

Огромное значение для развития объективной психологии и для проникновения в нее математических способов обработки полученных данных имела идея Гербарта о динамике представлений. Он исходил из предположения, что каждое представление обладает определенной силой, зарядом, и таким образом ввел в психологию еще один параметр – силу, доба-

вив его к уже существовавшему параметру – времени. Наличие двух параметров силы и времени – давало возможность применить к исследованию психических процессов математический аппарат, который придавал объективность получаемым при исследовании данным. Не меньшее значение введение этого параметра имело и для исследования порогов ощущений, которое впоследствии было предпринято Фехнером.

С точки зрения Гербарта, каждое представление стремится попасть в центральную область души – область сознания. Однако объем этой области, как и области апперцепции, неограничен, и поэтому попасть туда может только представление, обладающее достаточной интенсивностью, т. е. такой силой, которая может преодолеть порог, отделяющий сознание от бессознательного. Еще большей интенсивностью должно обладать представление для того, чтобы преодолеть порог апперцепции и попасть в центр внимания человека, в область отчетливого сознания.

Естественно, что каждое сильное представление, попадая в сознание, вытесняет оттуда уже имеющееся там, но более слабое представление. Отсюда Герbart делает вывод, что между противоположными представлениями существуют отношения конфликта, вытеснения. Однако, подчеркивал он, есть и сходные представления, которые могут соединяться или даже сливаться в одно. В том случае, если в области сознания человека уже находится сходное представление, новому знанию не надо обладать очень высокой интенсивностью, так как оно сливается со старым и таким образом попадает в сознание. Более того, если в области смутного сознания или бессознательного расположены некоторые представления, к которым добавляются даже и не очень сильные, но сходные новые представления, сливаясь, они могут получить достаточную интенсивность для перехода из бессознательной части души в сознание.

Эта концепция Гербарта, которую он назвал «теорией статики и динамики представлений», сыграла большую роль и в теории обучения. Герbart выдвинул идею о четырех принципах обучения, которые должны учитываться при разработке новых методов и обучающих программ. Он говорил о необходимости ясности, ассоциаций, системы и метода. С его точки зрения, методика обучения должна строиться так, чтобы новое знание сразу же попадало в центр внимания человека, для чего оно должно или быть достаточно привлекательным, или соединяться с другими, имеющимися уже у субъекта знаниями. В любом случае новое знание сохранится только в том случае, если оно входит в систему с другими, уже имеющимися знаниями. Механизмом такого соединения понятий являются классические законы ассоциаций.

Теория Гербарта, в которой появились новые и актуальные для психологии идеи о динамике представлений, их связях и конфликтах, их расположении в душе человека, была одной из самых распространенных и значимых психологических теорий в XIX веке. Она сыграла большую роль и в дальнейшем развитии психологии.

Появление принципа биологического детерминизма. В середине XIX века в науках о жизни произошли революционные изменения. Влияние механики, в течение двух веков бывшей «царицей наук», стремительно падало. В науках о живой природе взамен механической утверждается биологическая причинность. Важной предпосылкой ее утверждения стала победа физико-математической школы над витализмом – представлением о том, что регулятором биологических процессов служат особые витальные (жизненные) силы, неведомые неорганической природе. Открытие закона сохранения и превращения энергии покончило с витализмом и с виталистической психологией. Средствами точной науки было доказано, что одни и те же молекулярные процессы объединяют организм и окружающую среду. Изгнание витализма создало предпосылки для открытия реальных, а не фиктивных (витальных) причин, действующих в живом веществе. Важнейшие из этих причин были открыты англичанином Чарльзом Дарвином и французом Клодом Бернаром.

Оба учения исходили из принципа активности организма. Но в отличие от прежней биологии, искавшей «жизненную силу» за пределами естественных, доступных наблюдению и опыту факторов, они строго руководствовались данными опыта, наблюдения, а там, где это

было возможно – и эксперимента. Наряду с активностью, оба указанных учения строго, научно объясняли целесообразность жизненных реакций.

Согласно Дарвину, естественный отбор безжалостно истребляет живые субстраты, которым не удается справиться с трудностями среды. Причем здесь имела как бы двойная активность. Организм должен был пустить в ход все свои ресурсы (стало быть, и психические), чтобы выжить, а среда изменялась, и организм вынужден был, опять-таки пуская в ход свои ресурсы, приспособляться (адаптироваться). Поэтому среда благодаря своим изменениям оказывалась творческой силой.

Согласно Бернару, организм также вынужден вести себя активно и целесообразно, используя специальные механизмы поддержания в теле стабильности (постоянства содержания кислорода, определенного давления в крови и т. д.), чтобы обеспечить активность своего поведения.

В итоге сложилась новая «картина организма» как устройства, которое подчиняется законам, неведомым неорганическим телам. По-новому понимались причинность, системность, развитие. И эта новая картина стала основой понимания психических функций, которые раньше рассматривались под тем же углом зрения, что и все другие функции живых систем (а не лишенных жизни машин). На этом фундаменте складывалась психология как особая наука. Ее формирование шло посредством возникновения и развития различных отраслей.

Чарльз Роберт Дарвин: революция в биологии. Ч.Дарвин (1809-1882) создал теорию об эволюции живого на Земле, о происхождении видов, их свойств (включая психические) и форм поведения. Идеи об эволюции жизни высказывались на протяжении веков многими мыслителями и натуралистами. Дарвин впервые объединил данные многих наук и выявил механизмы филогенеза (исторического формирования группы организмов), обосновав учение о происхождении видов путем естественного отбора. Наследственность, изменчивость, отбор – таковы факторы эволюции.

В основе естественного отбора лежит вымирание неприспособленных и выживание приспособленных. Этим объясняется относительная целесообразность организмов, их приспособленность к условиям внешней среды, непрерывное совершенствование в процессе отбора.

До Дарвина единственными способами строго научного объяснения явлений считались способы, диктуемые «царицей наук» – механикой. Но механическая причинность не могла объяснить реальную, подтверждаемую повседневным опытом целесообразность жизненных проявлений. Это укрепляло мнение о том, что эти проявления зависят от действия изначально заложенных в организме нематериальных целей, управляющих его реакциями и развитием. Такой взгляд, названный телеологией (от греческого «телес» – цель), был опровергнут учением Дарвина, объяснившим целесообразность функций организма, не прибегая к представлению о бестелесной цели. Средствами точного рационального анализа было доказано, что кроме механической причинности, действующей в мире нерукотворной природы, существует биологическая причинность, которой присущи собственные факторы саморегуляции и развития жизни, в том числе и психической.

Публикация главного труда Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» открыла новую эпоху в развитии современной биологии. И поскольку психика имеет биологические корни и основания, революционные события в биологии, вызванные дарвинизмом, изменили весь облик психологической науки.

Психология исходила из определенного понимания как среды, так и организма, который с ней взаимодействует. Среда до Дарвина мыслилась в виде совокупности стимулов, которые производят в организме эффект соответственно изначально заданному устройству. Согласно же учению Дарвина среда оказывалась силой, способной не только вызывать реакции, но и изменять жизнедеятельность (поскольку от организма требовалось приспособиться к ней). Спонтанная активность, которую было принято считать далее необъяснимым свойством живого, уступила место непрерывному воздействию внешних условий, неумолимо

уничтожающих все, что не могло к ним адаптироваться (приспособиться). При этом среда выступала не только как источник воздействия на организм, но и как объект активных действий самого организма. Изменилось и понятие об организме: предшествующая биология считала виды неизменными, а живое тело – своего, рода машиной с раз и навсегда фиксированной физической и психической конструкцией. Рассматривая телесные процессы и функции в качестве продукта и орудия приспособления к внешним условиям жизни, Дарвин выдвинул новую модель анализа поведения в целом и его компонентов (включая психические) в частности.

Столь же важное научное и мировоззренческое значение имела книга Дарвина «Происхождение человека». Доказательство животного происхождения человека вызвало ожесточенное противодействие клерикальных кругов. Сравнивая человеческий организм с животным, Дарвин не ограничился анатомическими и физиологическими признаками. Он подверг тщательному сравнению выразительные движения, которыми сопровождаются эмоциональные состояния, установив сходство между этими движениями человека и высокоорганизованных живых существ – обезьян. Свои наблюдения Дарвин изложил в книге «Выражение эмоций, у животных и человека». Основная объяснительная идея Дарвина заключалась в том, что выразительные движения (оскал зубов, сжатие кулаков) – не что иное, как рудименты (остаточные явления) движений наших далеких предков. Некогда, в условиях непосредственной борьбы за жизнь, эти движения имели важный практический смысл.

Учение Дарвина изменило сам стиль психологического мышления. Открылась возможность рассматривать актуально наблюдаемую реакцию организма не только как ответ на действующую в данный момент ситуацию, но и как реакцию, направленную на возможно более успешное поведение в предстоящих обстоятельствах. Присущая организму преднастройка на будущее, готовность действовать в еще не возникших условиях (например, при угрозе существованию) выступали как эффект естественного отбора, как бы предоставляющего данному индивиду ценой жизни предшествующих поколений больше шансов на выживание.

Триумф дарвиновского учения окончательно утвердил в психологии принцип развития. Возникли новые отрасли психологического исследования – такие, как дифференциальная психология (импульс которой придала идея Дарвина о том, что уже генетические факторы – наследственность – определяют различия между людьми), детская психология (Дарвину принадлежит «Биографический очерк одного ребенка»), зоопсихология (см. работу Дарвина «Инстинкт») и др.

Глава VI

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ ПСИХОЛОГИИ

§ 1. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

«Сертификат» на независимость. Веками «обителью» психологии считалась философия. В середине XIX века психология покидает свой «отчий дом» и начинает отстаивать право на самостоятельность в семье других позитивных наук. Свои «сертификаты» на независимость она черпала, во-первых, в математике, во-вторых, в эксперименте.

Что касается математики, то вопреки Канту, учившему, что психология никогда не сможет ее применить, а потому не станет истинной наукой, Гербарт разработал сложный аппарат описания «статики и динамики» представлений – первоэлементов души. Когда один видный математик решил проверить его аппарат, то к своему удивлению обнаружил, что в нем нет ни одной ошибки. Но, как известно, математика подобна мукомолке – результат, который получают «на выходе», зависит от запущенного сырья. Гербарт «запустил» фиктивный материал, и из его трудоемких расчетов наука ничего не извлекла.

Другая картина стала вырисовываться, когда физиологи, проводя эксперименты над эффектами работы органов чувств, стали обрабатывать результаты своих экспериментальных данных. Отныне они имели дело не с воображаемыми элементами бестелесной души, а с ее реальными реакциями на физические стимулы. Теперь предметом математических обобщений служили факты, доступные опытной проверке.

Первый фундаментальный круг этих фактов был объединен под именем психофизики. Ее основоположником стал немецкий ученый Густав Теодор Фехнер (1801-1887). Он обратил внимание на открытие другого исследователя органов чувств – физиолога Эрнста Вебера (1795-1878).

Эрнст Вебер: зарождение психофизики. Вебер задался вопросом, насколько следует изменять силу раздражения, чтобы субъект уловил едва заметное в ощущении.

Таким образом, акцент сместился: предшественников Вебера занимала зависимость ощущений от нервного субстрата, его самого – зависимость между континуумом ощущений и континуумом вызывающих их физических стимулов. Обнаружилось, что между первоначальным раздражителем и последующими существует вполне определенное (разное для различных органов чувств) отношение, при котором субъект начинает замечать, что ощущение стало уже другим. Для слуховой чувствительности, например, это отношение составляет $1/160$, для ощущений веса – $1/30$ и т.д.

Густав Теодор Фехнер: основы психофизики. Немецкий физик, психолог, философ, профессор физики Лейпцигского университета Г.Т. Фехнер из-за болезни и частичной слепоты, вызванной изучением зрительных ощущений при наблюдениях за Солнцем, занялся философией, уделяя особое внимание проблеме отношений между материальными и духовными явлениями. С улучшением здоровья он стал изучать эти отношения экспериментально, применяя математические методы. В центре его интересов оказался давно установленный рядом наблюдателей факт различий между ощущениями в зависимости от того, какова первоначальная величина вызывающих их раздражителей. Звон колокола в дополнение к уже звучащему колоколу произведет иное впечатление, чем присоединение одного колокола к десяти. Занявшись изучением того, как изменяются ощущения различных модальностей (опыты ставились над ощущениями, которые возникают при взвешивании предметов различной тяжести, при восприятии предметов на расстоянии, при вариациях в их освещенности и т.д.), Фехнер обратил внимание на то, что сходные эксперименты проводил за четверть века до него его соотечественник Э.Вебер, который ввел понятие об «едва заметном различии между ощущениями». Причем это «едва заметное различие» не является одинаковым для всех видов ощущений. Появилось представление о порогах ощущений, т.е. о величине раздражителя, меняющего ощущение. В тех случаях, когда минимальный прирост величины раздражителя сопровождается едва заметным изменением ощущения, стали говорить о разностном пороге. Была установлена закономерность, гласящая: для того чтобы интенсивность ощущения росла в арифметической прогрессии, необходимо возрастание в геометрической прогрессии величины вызывающего его стимула. Это отношение получило имя закона Вебера-Фехнера. Общую формулу, выведенную из своих опытов, Фехнер обозначил следующим образом: интенсивность ощущения пропорциональна логарифму стимула (раздражителя). Фехнер тщательно разработал технику экспериментов для определения порогов ощущений с тем, чтобы можно было установить минимальное (едва заметное) различие между ними. Фехнеру принадлежит и ряд других методов измерения ощущений (кожных, зрительных и др.).

Данное направление исследований было названо психофизикой, поскольку его содержание определялось экспериментальным изучением и измерением зависимости психических состояний от физических воздействий.

Книга Фехнера «Основы психофизики» имела ключевое значение для разработки психологии как самостоятельной экспериментальной науки. Во всех вновь возникающих лабораториях определение порогов и проверка закона Вебера-Фехнера стали одной из главных

тем, демонстрирующих возможность математически точно определять закономерные отношения между психическим и физическим.

Наряду с психофизикой Фехнер стал создателем экспериментальной эстетики. Свой общий экспериментально-математический подход он применил к сравнению объектов искусства, пытаясь найти формулу, которая позволила бы определить, какие именно объекты и благодаря каким свойствам воспринимаются как приятные, а какие не вызывают ощущения красоты. Фехнер занялся тщательным измерением книг, карт, окон, предметов домашнего обихода, а также произведений искусства (в частности, изображений Мадонны) в надежде найти те количественные отношения между линиями, которые вызывают позитивные эстетические чувства.

Работы Фехнера стали образцом и для последующих поколений исследователей, которые, не ограничиваясь изучением психофизики в узком смысле слова, распространили методические приемы Фехнера на проблемы психодиагностики, изучение критериев принятия решений, эмоциональных состояний у отдельных индивидов.

Выведенная Фехнером всеобщая формула, согласно которой интенсивность ощущения пропорциональна логарифму интенсивности раздражителя, стала образцом введения в психологию строгих математических мер.

Развитие психофизики начиналось с представлений о, казалось бы, локальных психических феноменах. Но она имела огромный методологический и методический резонанс во всем корпусе психологического знания. В психологию внедрялись эксперимент, число, мера. Таблица логарифмов оказалась приложимой к явлениям душевной жизни, к поведению субъекта, когда ему приходится определять едва заметные различия между явлениями.

Прорыв от психофизиологии к психофизике был знаменателен и в том отношении, что разделил принципы причинности и закономерности. Ведь психофизиология была сильна выяснением причинной зависимости субъективного факта (ощущения) от строения органа (нервных волокон), как этого требовало «анатомическое начало». Психофизика же доказала, что в психологии и при отсутствии знаний о телесном субстрате могут быть строго эмпирически открыты законы, которым подвластны ее явления.

Франц Дондерс: время реакции. Старая психофизиология с ее «анатомическим началом» расшатывалась самими физиологами еще с одной стороны. Голландский физиолог Ф. Дондерс (1818-1889) занялся экспериментами по изучению скорости протекания психических процессов. Несколько раньше Г. Гельмгольц открыл скорость прохождения импульса по нерву. Это открытие относилось к процессу в организме. Дондерс же обратился к измерению скорости реакции субъекта на воспринимаемые им объекты. Испытуемый выполнял задания, требовавшие от него возможно более быстрой реакции на один из нескольких раздражителей, выбора ответов на разные раздражители и т.п. Эти опыты доказывали, что психический процесс, подобно физиологическому, можно измерить. При этом считалось само собой разумеющимся, что психические процессы совершаются именно в нервной системе.

Позже И.М. Сеченов, ссылаясь на изучение времени реакции как процесса, требующего целостности головного мозга, подчеркивал: «Психическая деятельность как всякое земное явление происходит во времени и пространстве».

Герман Людвиг Гельмгольц: основоположник психофизиологии. Центральной фигурой в создании основ психологии как науки, имеющей собственный предмет, был Г. Гельмгольц (1821-1894). Его разносторонний гений преобразовал многие науки о природе, в том числе науку о природе психического. Гельмгольц открыл закон сохранения энергии. Мы все дети Солнца, говорил он, ибо живой организм, с позиций физики, – это система, в которой нет ничего кроме преобразований энергии. Тем самым из науки изгонялось представление об особых витальных силах, отличающих поведение органических тел от неорганических.

Занимаясь изучением чувств, Гельмгольц принял за объяснительный принцип не энергетическое (молекулярное), а анатомическое начало. Именно на последнее он опирался в своей концепции цветного зрения. Гельмгольц исходил из гипотезы о том, что имеется три

нервных волокна, возбуждение которых волнами различной длины создает ощущение основных цветов: красного, зеленого и фиолетового.

Такой способ объяснения оказался непригодным, когда Гельмгольц от ощущений перешел к анализу восприятия целостных объектов в окружающем пространстве. Это побудило его ввести два новых фактора: а) движения глазных мышц; б) подчиненность этих движений особым правилам, подобным тем, по которым строятся логические умозаключения. Поскольку эти правила действуют независимо от сознания, Гельмгольц назвал их «бессознательными умозаключениями». Таким образом, экспериментальная работа столкнула Гельмгольца с необходимостью ввести новые причинные факторы. До того он относил к ним либо превращения физической энергии, либо зависимость ощущения от устройства органа.

Теперь к этим двум причинным «сеткам», которыми наука улавливает жизненные процессы, присоединилась третья. Источником психического (зрительного) образа выступал внешний объект, в возможно более отчетливом видении которого состояла решаемая глазом задача. Выходило, что причина психического эффекта скрыта не в устройстве организма, а вне его.

В опытах Гельмгольца между глазом и объектом ставились призмы, искажавшие восприятие объекта. Однако организм посредством различных приспособительных движений мышц стремился восстановить адекватный образ этого объекта. Получалось, что движения мышц выполняют не чисто механическую, а познавательную (даже логическую) работу.

В зоне научного анализа появились феномены, свидетельствовавшие об особой форме причинности: не физической, не физиолого-анатомической, а психической. Опыты, показавшие, что образ в сознании порождается независимым от сознания механизмом, должны были привести к разделению психики и сознания.

Эдуард Пфлюгер: сенсорные функции. Введение психического фактора как регулятора поведения организма было связано с работами немецкого физиолога Э. Пфлюгера (1829-1910). Он подверг экспериментальной критике схему рефлекса как дуги, в которой центростремительные нервы благодаря связи с центробежными производят одну и ту же стандартную мышечную реакцию.

Большие споры вызвали опыты Пфлюгера над лягушкой, лишенной переднего мозга. Ее помещали в различные условия, но она вела себя отнюдь не как рефлекторный автомат (как это следовало из тогдашнего представления о рефлекторной душе). Если ее помещали на лабораторный стол, она ползала, если бросали в воду – плыла, т.е. вела себя соответственно изменившимся условиям.

Пфлюгер объяснил это тем, что у лягушки имеется сенсорная функция, которая и позволяет различать условия среды и соответственно полученным извне сигналам менять поведение. Старые физиологи насмеялись над Пфлюгером, говоря, что он является сторонником учения о «спинномозговой душе». Но впоследствии выводы Пфлюгера были поддержаны передовыми физиологами (в частности И.М.Сеченовым), подчеркивавшими, что Пфлюгер доказал своими опытами различие между примитивной психикой (сенсорной функцией) и сознанием.

Дарвин подверг анализу инстинкты как побудительные силы поведения, критикуя с фактами в руках версию об их разумности. Вместе с тем без этих слепых побуждений, корни которых уходят в историю вида, организм не может выжить.

Полагая, что инстинкты связаны с эмоциями, Дарвин подошел к исследованию последних не с точки зрения их осознания субъектом, а опираясь на объективные наблюдения за выразительными движениями (о чем уже говорилось выше). Традиционная психология считала чувства элементами сознания. Теперь же эмоции индивида выступили в качестве таких феноменов, которые, хотя и являются психическими, первичны по отношению к сознанию.

Разделение психики и сознания в исследованиях гипнозогов. Свою лепту в разграничение психики и сознания внесли исследования гипноза. Поначалу они приобрели в Европе большую популярность благодаря деятельности австрийского врача Ф. Месмера, объяснявшего свои гипнотические сеансы действием магнитных истечений (флюидов). Затем, от-

вергнув месмеризм, английский хирург Брэд попытался трактовать гипноз физиологически (и даже предложил термин «нейрогипноз»), однако в дальнейшем придал решающую роль психологическому фактору.

Будучи предметом интереса медиков, использующих его в своей практике, гипноз не только демонстрировал факты психически регулируемого поведения с выключенным сознанием (поддерживая тем самым представление о бессознательной психике), но требовал создания ситуации взаимодействия между врачом и пациентом («раппорт»). Обнажаемая гипнозом бессознательная психика является социально-бессознательной, ибо она инициируется и контролируется другим человеком.

Если Дарвин вывел психику за пределы индивида к истории вида, то врачи-гипнотизеры – за пределы индивида к другому индивиду. За всем этим возвышался «Монблан фактов».

На разных направлениях экспериментальной работы (Бобер, Фехнер, Дондерс, Гельмгольц, Пфлюгер) складывались представления об особых закономерностях в факторах, отличных как от физиологических, так и от тех, которые относились к психологии в качестве ветви философии (имеющей своим предметом явления сознания, изучаемые внутренним опытом). Наряду с лабораторной работой физиологов по изучению органов чувств и движений новую психологию готовили успехи эволюционной биологии и медицинской практики, применявшей гипноз при лечении неврозов. Открывался целый мир явлений, существующих независимо от сознания субъекта, доступных такому же объективному изучению, как любые другие природные факты.

Опираясь на экспериментальные и количественные методы, исследователи установили, что в психическом мире действуют собственные законы и причины. Это создало почву для отделения психологии как от физиологии, так и от философии.

Следует различать реальную жизнь науки и ее отражение в теоретических программах. К семидесятым годам XIX века появилась потребность в том, чтобы объединить разрозненные знания о психике в отдельную, отличную от других, дисциплину.

Когда время созрело, говорил Гете, яблоки падают одновременно в разных садах. Теперь «созрело время» для определения статуса психологии как самостоятельной науки – сразу почти одновременно сложилось несколько программ ее разработки. Они по-разному определяли предмет, методы и задачи психологии, направления ее развития.

Вильгельм Вундт: «отец» экспериментальной психологии. Немецкий психолог, физиолог, философ В. Вундт (1832-1920) после окончания медицинского факультета в Тюбингене работал в Берлине у И. Мюллера, защитил диссертацию в Гейдельберге, где занял должность преподавателя физиологии в качестве ассистента Гельмгольца. Став профессором философии в Лейпциге, Вундт создал здесь первую в мире лабораторию экспериментальной психологии (1879), преобразованную затем в институт.

Занимаясь физиологией, Вундт пришел к программе разработки психологии как самостоятельной науки, независимой от физиологии и философии (разделом которой ее было принято считать). В своей первой книге «Материалы к теории чувственного восприятия» (1862), опираясь на факты, относящиеся к деятельности органов чувств и движений, Вундт выдвинул идею создания экспериментальной психологии, план которой был изложен в его «Лекциях о душе человека и животных». План включал два направления исследований: а) анализ индивидуального сознания с помощью экспериментального контролируемого наблюдения субъекта за собственными ощущениями, чувствами, представлениями; б) изучение «психологии народов», т.е. психологических аспектов культуры языка, мифов, нравов.

Следуя этому замыслу, Вундт первоначально сосредоточился на изучении сознания субъекта, определив психологию как науку о «непосредственном опыте». Он назвал ее физиологической психологией, поскольку испытываемые субъектом состояния изучались посредством специальных экспериментальных процедур, большинство которых было разработано физиологией (преимущественно физиологией органов). Так как продуктом деятельности этих органов являются осознаваемые субъектом психические образы, то именно они, в

отличие от телесной организации, рассматривались как особый объект изучения, относимый уже не к физиологии, а к психологии. Задача усматривалась в том, чтобы эти образы тщательно анализировать, выделяя исходные, простейшие элементы, из которых они строятся. Вундт использовал также достижения двух других новых разделов знания: психофизики, изучающей на основе эксперимента и с помощью количественных методов закономерные отношения между физическими раздражителями и вызываемыми ими ощущениями, и другого направления, определяющего опытным путем время реакции субъекта на предъявляемые стимулы.

К тому времени английским ученым Гальтоном была предпринята попытка экспериментально изучить, какие ассоциации может вызвать у человека слово как особый раздражитель. Оказалось, что на одно и то же слово человек отвечает самыми различными реакциями, притом не только словесными, но и образными. Это побудило Гальтона заняться классификацией реакций, подсчетом их количества, времени, протекающего от предъявления слова до реакции на него, и т.д. И в этом случае применялись количественные методы.

Объединив все эти направления, Вундт показал, что на основе экспериментов, объектом которых служит человек (тогда как прежде эксперименты ставились только на животных), психология может разрабатываться как самостоятельная наука. Полученные результаты были им изложены в книге «Основы физиологической психологии» (1873-1874), ставшей первым главным трудом, по которому обучались не только у самого Вундта, но и в других центрах, где появились специалисты по новой дисциплине – экспериментальной психологии.

«Отцом» экспериментальной психологии стали в дальнейшем называть Вундта.

Задача психологии, как и всех других наук, состоит, по Вундту, в том, чтобы: а) выделить путем анализа исходные элементы; б) установить характер связи между ними и в) найти законы этой связи. Анализ означал расчленение непосредственного опыта субъекта. Это достигается путем интроспекции, которую не следует смешивать с обычным самонаблюдением. Интроспекция – особая процедура, требующая специальной подготовки. При обычном самонаблюдении человеку трудно отделить восприятие как психический внутренний процесс от воспринимаемого предмета, который является не психическим, но данным во внешнем опыте. Испытуемый должен уметь отвлекаться от всего внешнего, чтобы добраться до исконной «материи» сознания. Последняя состоит из элементарных, далее неразложимых «нитей составных частей». Им присущи такие качества, как модальность и интенсивность. К элементам сознания относятся также чувства (эмоциональные состояния). Согласно гипотезе Вундта, каждое чувство имеет три измерения: а) удовольствия – неудовольствия, б) напряженности – расслабленности, в) возбужденности – успокоения. Простые чувства как психические элементы варьируют по своему качеству и интенсивности, но любое из них может быть охарактеризовано во всех трех аспектах. Эта гипотеза породила множество экспериментальных работ, в которых наряду с данными интроспекции были использованы также объективные показатели изменений физиологических состояний человека при эмоциях.

Стремясь отстоять самостоятельность психологической науки, Вундт доказывал, что у нее имеются собственные законы, а изучаемые ею явления подчинены особой «психической причинности». В поддержку этого вывода он ссылаясь на закон сохранения энергии. Материальное движение может быть причиной только материального же. Для психических явлений существует другой источник, и они, соответственно, требуют других законов. К этим законам Вундт относил: принципы творческого синтеза, закон психических отношений (зависимость события от внутренних взаимоотношений элементов – например, мелодии от отношений, в которых находятся между собой отдельные тона), закон контраста (противоположности усиливают друг друга) и закон гетерогенности целей (при совершении поступка могут возникнуть не предусмотренные первоначальной целью действия, влияющие на его мотив).

Теоретические воззрения Вундта стали предметом критики и к концу столетия большинством психологов были отвергнуты. Его главный просчет усматривался в том, что сознание как предмет психологии трактовалось им исходя из того постулата, что только сам

субъект способен сообщать о своем внутреннем мире благодаря интроспекции (внутреннему зрению). Тем самым утверждалось всеислие субъективного метода. Задача науки усматривалась Вундтом в изощрении этого метода путем использования специальных экспериментальных приборов. Попытка найти собственный предмет психологии, отличающий ее от других наук, обернулась мнением о замкнутом в себе сознании. Вундт справедливо считал, что психология не вправе была бы претендовать на самостоятельное научное значение, если бы она не изучала и не открывала особые причинные факторы, которые, определяют динамику ее процессов. Но его воззрение на психическую причинность свелось к той версии, что регулярное и законообразное течение психических процессов детерминировано ими же самими. Зависимость сознания от внешних объектов, обусловленность психики деятельностью головного мозга, включенность психической жизни индивида в мир социальных связей – все это устранилось из сферы научного анализа.

К тому же, вслед за философом А. Шопенгауэром, Вундт утверждал, что первичной абсолютной силой человеческого бытия является воля, на которую возлагалось объединение всех элементов сознания в целостность по закону «творческого синтеза». Отводя воле роль главенствующего начала в структуре сознания, Вундт стал на позиции волонтаризма. Эта философская концепция бессильна дать причинное объяснение динамике психической жизни и поступкам человека, поскольку все, что ни происходит в этой жизни, сводит к особой произвольной силе, для действий которой нет закона.

Интроспекционизм в сочетании с волонтаризмом, отличавшие вундтовскую систему, сделали ее объектом жесткой критики со стороны многих психологов, в том числе тех, кто осваивал экспериментальные методы в школе Вундта. Широкое применение этих методов обогатило знание о психике, укрепило научную репутацию психологической науки. Но теоретическая линия Вундта оказалась тупиковой.

В дальнейшем, оставив эксперимент, Вундт занялся философией и разработкой задуманной им еще в юности «второй ветви» психологии, посвященной психическому аспекту создания культуры различных народов. Он пишет десяти томную «Психологию народов», отличающуюся обилием материалов по этнографии, истории языка, антропологии.

Отмечая удивительную плодовитость Вундта, исследователи подсчитали, что за 68 лет он написал 53 735 страниц, т.е. писал приблизительно 2,2 страницы в день, или по одному слову каждые две минуты. Вряд ли кто-то прочитал все написанное Вундтом.

Согласно Вундту, экспериментальному изучению подлежат только элементарные психические процессы (ощущения, простейшие чувства). Что же касается более сложных форм психической жизни, то здесь эксперимент со всеми его преимуществами, доказанным прогрессом науки, непригоден. Это убеждение Вундта было развеяно дальнейшими событиями в психологии. Уже ближайшие ученики Вундта доказали, что такие сложнейшие процессы, как мышление и воля, так же открыты для экспериментального анализа, как и элементарные.

От Вундта принято вести родословную психологии как самостоятельной дисциплины. Он создал крупнейшую в истории этой науки школу. Прошедшие эту школу молодые исследователи из разных стран, вернувшись на родину, организовали там лаборатории и центры, где культивировались идеи и принципы новой области знания, достойно приобретшей самостоятельность. Вундт сыграл важную роль в консолидации сообщества исследователей, ставших психологами-профессионалами. Дискуссии по поводу его теоретических позиций, перспектив применения экспериментальных методов, понимания предмета психологии и многих других ее проблем стимулировали появление концепций и направлений, обогативших психологию новыми научными представлениями.

Между практикой работ в области экспериментальной психологии и заявленной Вундтом теоретической программой возникло существенное рассогласование. Поэтому если научно-организаторская деятельность Вундта сыграла позитивную роль в оформлении психологии как отдельной от других конкретных наук дисциплины, то его программно-

теоретическая конструкция, неоднократно корректируемая автором, не выдержала испытания временем.

С внедрением в психологию эксперимента открывается первая глава ее летописи в качестве самостоятельной науки. Именно благодаря эксперименту поиск причинных связей и зависимостей в психологии приобрел твердую почву. Наметились перспективы математически точной формулировки реальных (а не воображаемых, как у Гербарта) психологических закономерностей.

Опыт радикально изменил критерии научности психологического знания. К нему стали предъявляться требования воспроизводимости в условиях, которые могут быть вновь созданы любым другим исследователем. Объективность, повторяемость, проверяемость становятся критериями достоверности психологического факта и основанием для его отнесения в разряд научных.

Центрами психологической работы становятся специальные лаборатории, возникшие в различных странах. Первоначально приоритет принадлежал немецким университетам. Параллельно интенсивные исследования проводились в России и Соединенных Штатах Америки, в меньших масштабах – во Франции, Англии, Италии и скандинавских странах. В конкретной научно-исследовательской практике культивировались направления, объединение которых оснастило полную наступательного духа молодую науку экспериментальным оружием (психофизиология органов чувств, психофизика, психометрия).

Труд Г. Эббингауза «О памяти» (1885) открыл новую эпоху в развитии экспериментальной психологии.

Герман Эббингауз: метод бессмысленных слогов. Г. Эббингауз (1850-1909) обучался в университетах Галле и Берлина сначала по специальности история и филология, затем – философия. Доцент, затем профессор университетов в Берлине, Бреслау, Галле, где он организовал небольшую лабораторию экспериментальной психологии, он создал первую профессиональную организацию немецких психологов «Немецкое общество экспериментальной психологии» и (совместно с А. Кенигом) «Журнал психологии и физиологии органов чувств» (1890), поддержанный как физиологами, так и психологами.

Эббингаузу принадлежит выдающаяся роль в развитии экспериментальной психологии. Он занялся ею, когда предметом этой науки считались процессы и акты сознания субъекта, а методом – интроспекция, контролируемая с помощью приборов. Эббингауз применил взамен субъективного метода объективный, соединив его с количественным анализом данных. В то время считалось, что экспериментально можно изучать лишь деятельность органов чувств – ведь только на них можно воздействовать различными приборами. Что же касается сложных психических процессов – таких как память и мышление, то их изучение опытными, лабораторными методами не вел никто. Заслуга Эббингауза прежде всего в том, что он отважился подвергнуть эксперименту память.

Случайно в Париже Эббингауз нашел в букинистической лавке книгу Т.Фехнера «Основы психофизики». В ней были сформулированы математические законы, касающиеся отношений между физическими стимулами и вызываемыми ими ощущениями. Воодушевленный идеей открытия точных законов памяти, Эббингауз решил приступить к опытам. Он ставил их на самом себе.

В то время в психологии широкой популярностью пользовалось учение об ассоциации (связи) идей. С античных времен считалось, что идеи (представления, образы) соединяются друг с другом по определенным правилам. Основными причинами ассоциаций считались близость между фактами сознания в пространстве и во времени (например, предмет на помине об его владельце), сходство и контраст между представлениями.

Эббингауз тоже руководствовался идеей о том, что люди запоминают, сохраняют в памяти и вспоминают факты, между которыми сложились ассоциации. Но обычно эти факты человек осмысливает, и поэтому весьма трудно установить, возникла ли ассоциация благодаря памяти или в дело вмешался ум. Эббингауз задался целью установить законы памяти «в чистом виде» и для этого изобрел особый материал.

Единицей такого материала стали не слова (ведь они всегда связаны с понятиями), а отдельные бессмысленные слоги. Каждый слог состоял из двух согласных и гласной между ними (например: бов, гис, лоч). По оценке американца Э. Титченера, это стало самым выдающимся изобретением психологии со времен Аристотеля. Столь высокая оценка исходила из открывшейся возможности изучать процессы памяти независимо от смысловых содержаний, с которыми неотвратимо связаны нормальные речевые реакции человека.

Составив список бессмысленных слогов (около 2300), Эббингауз экспериментировал с ними на протяжении пяти лет.

Основные итоги этого исследования Эббингауз изложил в ставшей классической книге «О памяти». Прежде всего он выяснил зависимость числа повторений, необходимых для заучивания списка бессмысленных слогов, от его длины и установил, что при одном прочтении запоминается, как правило, семь слогов. При увеличении списка требовалось значительно большее число повторений, чем количество присоединенных к первоначальному списку слогов. Число повторений принималось за коэффициент запоминания.

Особую популярность приобрела вычерченная Эббингаузом «кривая забывания». Быстро падая, эта кривая становится пологой. Оказалось, что наибольшая часть материала забывается в первые минуты после заучивания. Значительно меньше забывается в ближайшие минуты и еще меньше – в ближайшие дни. Сравнивалось также заучивание осмысленных текстов и списка бессмысленных слогов. Эббингауз выучивал текст «Дон-Жуана» Байрона и равный по объему список слогов. Осмысленный материал запоминался в девять раз быстрее. Что же касается «кривой забывания», то она в обоих случаях имела общую форму, хотя при осмысленном материале падение кривой шло медленнее.

Эббингауз подверг экспериментальному изучению и другие факторы, влияющие на память (например, сравнительную эффективность сплошного и распределенного во времени заучивания).

Хотя Эббингауз и не разработал специальной психологической теории, его исследования стали ключевыми для экспериментальной психологии. Они на деле показали, что память можно изучать объективно, не прибегая к субъективному методу, к выяснению того, что происходит в сознании испытуемого. Была также показана важность статистической обработки данных с целью установления закономерностей, которым подчинены – при всей их прихотливости – психические явления. Эббингауз разрушил стереотипы прежней экспериментальной психологии, созданной школой Вундта, где считалось, что эксперимент приложим только к процессам, вызываемым в сознании субъекта с помощью специальных приборов. Был открыт путь экспериментальному изучению, вслед за простейшими элементами сознания, сложных форм поведения – навыков. «Кривая забывания» приобрела значение образца для построения в дальнейшем графиков выработки навыков, решения проблем и т.д. Эббингауз доказал ошибочность прежнего ассоцианизма, который умозрительно решал вопрос о характере связи между психическими явлениями. Ассоциации, избранные Эббингаузом в качестве объекта заучивания, являлись столько же сенсорными, сколько и моторными. Они охватывали самый общий аспект приобретения организмом новых сочетаний сенсомоторных реакций в результате специально организованного упражнения.

Эббингаузу принадлежит также ряд других работ и методик, сохраняющих свое значение поныне. В частности, он создал носящий его имя тест на дополнение фразы пропущенным словом. Этот тест стал одним из первых в диагностике умственного развития и получил широкое применение в детской и педагогической психологии.

Эббингаузу принадлежит небольшой, блестяще написанный «Очерк психологии», а также фундаментальные двухтомные «Основы психологии». Труды Эббингауза существенно изменили облик психологии, подняв уровень экспериментальной культуры исследований, утвердив в ней критерии объективности и точной проверки установленных фактов и закономерностей с использованием количественных методик.

Самая высокая оценка трудов Эббингауза не может быть преувеличенной. Независимо от намерений самого Эббингауза его метод коренным образом изменил характер деятельно-

сти экспериментатора, которого начинают интересовать не столько высказывания испытуемого (отчет о составе собственного сознания), сколько его реальные действия. В интроспекционизме образовалась брешь, быстро расширявшаяся потоком новых экспериментов.

Изучение навыков. Эббингауз открыл путь экспериментальному изучению навыков. По существу он сам уже стоял у его истоков, ибо, как мы говорили, ассоциации, избранные им в качестве объекта заучивания, являлись столько же сенсорными, сколько и моторными.

Опыты американских психологов Брайяна и Хартера по выработке навыка приема и посылки телеграмм явились второй после опытов Эббингауза важнейшей вехой на пути экспериментального исследования процесса научения. С приближением динамичного XX века реальной моделью для психологии становится деятельность человека, включенного в коммуникативные системы, в которых скорость передачи информации выступает как существенный фактор социально-экономического прогресса.

Брайян и Хартер получили кривую, которая показывала, как формируется навык телеграфиста – сколько единиц телеграфного текста он научается посылать и принимать в единицу времени. Эти опыты как бы сблизили эксперименты по измерению времени реакции (ВР) с экспериментами Эббингауза: требовались как срочные двигательные реакции на сенсорные сигналы, так и опыт работы. Но с реальной деятельностью вошли в эксперимент и новые факторы.

Испытуемые Брайяна и Хартера оперировали со значимыми сигналами, процесс усвоения которых протекал своеобразно. Прогресс достигался не путем постепенного нарастания достижений, а скачкообразно. Обнаруживались периоды, когда кривая шла горизонтально (так называемое плато). Анализ этих периодов показал, что они служат для испытуемого как бы фазой подготовки к качественно иной системе операций, овладение которой и позволяло продвинуться вперед. Если, например, первоначально испытуемый оперировал отдельными буквами, то затем ступень «буквенного» навыка сменялась ступенью «словесного» навыка, когда схватывались слова как целостные единицы. Следующая ступень, ведущая от плато вверх, в свою очередь достигалась при овладении еще более сложными структурами – сочетаниями слов и т.д.

В этих экспериментах выступала и другая важная особенность осознанного поведения, которая ускользала при господствовавшем до того интроспекционизме. Оказалось, что успешность выполнения навыка зависит от умения воспринять отрезок текста, который еще не стал объектом реакции, но станет им в следующий момент. Сознание как бы забегают вперед, перекрывая сенсорное поле за пределами непосредственно вызывающего двигательную реакцию сигнала и организуя в соответствии с этим поведение.

Выводы из опытов Брайяна и Хартера сближались в ряде пунктов с тем, что было установлено затем в классических экспериментах американского психолога Д.М. Кеттелла (1860-1944), изучавшего в 90-х годах объем внимания и навык чтения.

С помощью специального прибора – тахитоскопа – Кеттелл определял время, необходимое для того, чтобы воспринять и назвать различные объекты – формы, буквы, слова. Объем внимания колебался в пределах пяти объектов. Он оставался таким же и тогда, когда этими объектами были не разрозненные буквы, а знакомые испытуемому целые слова и даже предложения, т.е. речевые или смысловые единицы, состоящие из значительно большего числа букв или знаков. При экспериментах с чтением букв и слов на вращающемся барабане Кеттелл зафиксировал, как Брайян и Хартер, феномен антиципации – «забегания» восприятия вперед. Новые результаты влияли на статус не только экспериментальной психологии, но и общей психологической теории, ибо оба направления всегда нераздельно связаны.

Мы видим, таким образом, что работы Эббингауза, Кеттелла, Брайяна, Хартера и других легли в основу направления, отличного от физиологической психологии Вундта. Новое направление открыло собственно психологические феномены и закономерные связи между ними, специфичность которых основана на объективных особенностях деятельности человека.

Экспериментальный метод утверждается в психологии на рубеже XX века повсеместно, во всех ее отраслях. Он прилагается к различным объектам и для решения различных задач. Эксперимент начинает определять характер психологической науки в целом.

§ 2. ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Проблема индивидуальных различий. Опытное исследование психических явлений ориентировалось первоначально на понятия и методы наук о физическом мире.

Поэтому главным вектором экспериментального поиска являлись общие закономерности психических процессов. Между тем с древнейших времен социальная практика заставляла человеческий ум выделять в психологическом облике окружающих людей прежде всего те признаки, которые отличают одного индивида от другого. Переход от эмпирического решения этого жизненно важного вопроса к его разработке с помощью экспериментальных и математических методов привел к образованию специальной отрасли знания – дифференциальной психологии. Ее предмет – индивидуальные различия между людьми или группами людей, объединенных по какому-либо признаку (либо совокупности признаков).

Проблема, о которой идет речь, издавна привлекала внимание философов, моралистов, художников, врачей, педагогов. В Древней Греции любимый ученик Аристотеля, «отец ботаники» Теофраст набросал живые и меткие описания различных типов людей в трактате «Этические характеры», пользовавшемся большим успехом в течение многих веков. Тонкие наблюдения содержались в высказываниях мыслителей XVI-XVII веков, в особенности Монтеня («Опыты», 1580), Лабрюйера («Характеры Теофраста», 1688), Ларошфуко («Сентенции и максимы о морали», 1665) и др. Однако отнести их произведения к истории научной психологии можно лишь с большой долей условности.

Попытки перейти от житейской мудрости к научному знанию, содержащиеся в учениях о темпераментах и о способностях, сыграли свою прогрессивную роль. Но только с внедрением в психологию эксперимента и с появлением новых критериев научности ее представлений создаются предпосылки для зарождения соответствующих этим критериям знаний об индивидуальных различиях между людьми.

Подчеркнем, что дифференциально-психологическое изучение человека вовсе не было простым логическим развитием экспериментально-психологического. Оно складывалось под влиянием запросов практики, сначала медицинской и педагогической, а затем индустриальной. В системе Вундта учение об индивидуальной психологии отсутствовало, поскольку предполагалось, что всякая экспериментальная психология и есть индивидуальная (в отличие от «психологии народов», в которой экспериментальный метод якобы не применим). Но уже у первых учеников Вундта – Э. Крепелина, Д.М. Кеттелла и других – зарождается установка на переориентацию эксперимента, на его приложение, к индивидуальным различиям людей.

Френсис Гальтон: наследственность гения. Неистощимо изобретательный ум Ф. Гальтона породил множество новаторских идей в различных областях – от метеорологии до антропологии. В психологии его заслуга состояла в создании техники изучения индивидуальных различий, прежде всего внедрении статистического метода.

Мышление Гальтона формировалось в общем русле складывавшихся тогда экспериментально-психологических направлений. Изучая пороги чувствительности, ВР, ассоциации и другое, он внес ряд усовершенствований и новых приемов, среди которых можно отметить изобретение специального свистка для определения верхнего порога слуховых ощущений (Гальтонов свисток), приспособления для оценки мышечного чувства и др.

Во всех опытах Гальтона интересовал совершенно необычный в то время аспект – генетическая (наследственная) основа индивидуальных различий между испытуемыми. Именно этот интерес побуждал его изобретать экспериментальные модели и планы. Он предложил, в частности, так называемый метод близнецов с целью выяснить соотношение между наследственностью и внешними влияниями. Для изучения воображения Гальтон придумал специ-

альный вопросник. Испытуемому давалось задание представить определенный объект, а затем ответить на вопросы об особенностях возникших у него представлений, сопоставить эти представления с восприятиями в отношении их яркости, определенности. И здесь Гальтона интересовала прежде всего наследственная обусловленность обнаруженных различий: каково, например, сходство образов у братьев и сестер.

На индивидуальные различия наталкивались многие экспериментаторы (в работах по психофизике, ВР и др.). Они рассматривали их, однако, как варианты общего закона, которые должны быть нивелированы, чтобы получить его в «чистом виде». Гальтон же искал способ, позволяющий математически описать закономерность, которой подчинены сами индивидуальные вариации. В качестве методического орудия он использовал статистику.

Еще в молодости Гальтон изучил работы одного из создателей современной статистики – бельгийца Адольфа Котле (1796-1874). В книге «Социальная физика» (1835), произведшей глубокое впечатление на умы современников и вызвавшей острые споры, Котле, опираясь на теорию вероятностей, показал, что ее формулы позволяют обнаружить подчиненность поведения людей некоторым закономерностям. Анализируя статистический материал, он получил постоянные величины, дающие количественную характеристику таких человеческих актов, как вступление в брак, самоубийство и др. Эти акты считались произвольными. Теперь же выяснялась известная регулярность их совершения. Противники концепции свободной воли восприняли «социальную физику» Котле как свидетельство правоты своих взглядов. Сам Кетле исходил в интерпретации полученных результатов из идеи «среднего человека». Он предполагал существование извечной человеческой природы как своего рода идеала, от которого люди отклоняются соответственно нормальной кривой вероятностей. Именно поэтому средняя величина есть наиболее частая.

Если среднее число является постоянным, то за ним должна стоять реальность, сопоставимая с физической, благодаря чему становится возможным предсказывать явления на основе статистических законов. Для познания же этих законов безнадежно изучать каждого индивида в отдельности. Объектом изучения поведения должны быть большие массы людей, а методом – вариационная статистика. Котле установил, как распределяются различные отклонения от средней величины: чем отклонение больше, тем оно встречается реже, причем этому можно дать точное математическое выражение.

В 1869 году вышла книга Гальтона «Наследственный гений». В ней давался статистический анализ биографических фактов и излагался ряд остроумных соображений в пользу приложимости закона Котле к распределению способностей. Подобно тому как люди среднего роста составляют самую распространенную группу, а высокие встречаются тем реже, чем больше они отклоняются от нормы, точно так же, полагал Гальтон, люди отклоняются от средней величины и в отношении умственных способностей. Но чем детерминированы эти отклонения? Котле объяснял их «игрой случая». Гальтон же утверждал, что они строго определяются фактором наследственности.

Мы встречаемся здесь с еще одним направлением мысли, возникшим в психологии под влиянием эволюционной теории. Принцип приспособления к среде был одним из аспектов этой теории, но в ней имелся и другой аспект – принцип естественного отбора, в свою очередь предполагающий действие механизма наследственности. Приспособление вида достигается за счет генетически детерминированных вариаций индивидуальных форм, образующих вид.

Под влиянием этого общебиологического подхода Гальтон выдвигает положение о том, что индивидуальные различия психологического порядка, подобно различиям телесным, могут быть объяснены только в категориях учения о наследственности. Выдвигалась новая важная проблема – проблема генетических предпосылок развития психических способностей. Наносился еще один удар по концепциям, противопоставлявшим телесные качества человека душевным.

Но биологическая детерминация не является для людей ни единственной, ни тем более определяющей. Гальтон же отвергал какие бы то ни было другие существенные причины.

Изучив и статистически обработав огромный биографический материал, касающийся родственных связей выдающихся личностей Англии, Гальтон утверждал, что высокая даровитость определяется степенью и характером родства. Из четырех детей, например, шанс стать талантливым, по подсчетам Гальтона, имеется только у одного.

Для изучения вопроса о происхождении умственных качеств Гальтон использовал наряду с биографическим методом анкетный. Он разослал крупнейшим английским ученым обстоятельную анкету, по материалам которой была написана монография «Английские люди науки: их природа и воспитание» (1874). И вновь решающая роль приписывалась наследственности, влияние же внешних условий, воспитания считалось незначительным.

К анкетному изучению индивидуальных различий было присоединено экспериментальное. На Международной выставке в Лондоне в 1884 году Гальтон организовал антропометрическую лабораторию (в дальнейшем переведенную в Южно-Кенсингтонский музей в Лондоне). Через нее прошло свыше 9 тысяч испытуемых, у которых измерялись наряду с ростом, весом и т. д. различные виды чувствительности, ВР и другие сенсомоторные качества. Объяснение результатов оставалось неизменным: наследственность предопределяет эти качества с такой же неотвратимостью, как рост и вес тела и цвет глаз. Эта же идея лейтмотивом проходит через другие работы Гальтона, опубликованные под общим заглавием «Исследования о человеческих способностях и их развитии» (1883).

К важным заслугам Гальтона относится разработка проблемы генетических предпосылок умственного развития, статистических методов исследования этой проблемы. Многие исследователи, отправлявшиеся от идей и методов Гальтона, решали указанную проблему со строго научных позиций, что имело особенно важное значение для работ, которые велись в области медицинской генетики. В то же время отдельные реакционно настроенные ученые приходили к выводам о «выведении человеческой породы» по типу биологической и генетической предопределенности психических качеств различных рас.

Диагностирование вариаций в психологических качествах людей рассматривалось как средство и предпосылка отбора наиболее приспособленных. Провозглашалось, что человеческий род может быть улучшен посредством соответствующих браков в течение ряда поколений. Это направление получило имя «евгеника».

Приемы вариационной статистики, разработанные Гальтоном, вооружали психологию важным методическим средством. Среди этих приемов наиболее перспективным оказался метод исчисления коэффициента корреляции между переменными. Этот метод, усовершенствованный английским математиком Пирсоном и другими последователями Гальтона, внес в психологическую науку ценные математические методики, в результате исполнения которых возник факторный анализ.

Задача отбора людей в целях извлечения максимального экономического эффекта дала мощный толчок дифференциальной психологии. Статистические приемы, предложенные Гальтоном, начинают применяться для решения новых вопросов.

Особенно активный интерес к изучению индивидуальных различий проявляли психологи в Соединенных Штатах: здесь промышленный прогресс шел ускоренным темпом и американская буржуазия не скупилась на поддержку начинаний, сулящих непосредственную практическую выгоду. Существенный численный перевес американских психологических лабораторий над европейскими был обусловлен широко распространявшейся верой в возможность использовать достижения психологии для решения практических проблем. В Западной Европе объектом практического приложения психологических выводов стала преимущественно область обучения, где также происходили изменения, вызванные экономическим развитием капиталистических стран.

Не удовлетворенный тем, что Вундт игнорировал проблему индивидуальных различий, молодой американский психолог Д. Кеттелл покинул лейпцигскую лабораторию и переехал к Гальтону. С особым энтузиазмом он воспринял его приемы определения индивидуально-психологических качеств и статистической обработки результатов.

Развитие метода тестов. Гальтон называл испытания, проводившиеся в его антропометрической лаборатории, умственными тестами (от англ. test – испытание). Этот термин приобрел вскоре такую популярность, как никакое другое психологическое понятие. Он вошел в широкий оборот после статьи Кеттелла «Умственные тесты и измерения», опубликованной в 1890 году в журнале «Mind» с послесловием Гальтона. «Психология, – писал Кеттелл, – не сможет стать прочной и точной, как физические науки, если не будет базироваться на эксперименте и измерении. Шаг в этом направлении может быть сделан путем применения серии умственных тестов к большому числу индивидов. Результаты могут иметь значительную научную ценность в открытии постоянства психических процессов, их взаимозависимости и изменений в различных обстоятельствах». Таким образом, статистический подход – применение серии тестов к большому числу индивидов – выдвигался как средство преобразования психологии в точную науку. Наряду с чисто научной ценностью такого подхода Кеттелл подчеркивал и его возможное практическое значение в отношении образа жизни и медицинской диагностики. Практика тестологической работы заставила вскоре реализовать эту мысль.

Кеттелл предложил в качестве образца 50 тестов, включавших различного рода измерения чувствительности, ВР, времени, затрачиваемого на называние цветов, количества звуков, воспроизводимых после однократного прослушивания, и др. Вернувшись в США, он немедленно начал применять тесты в устроенной им при Колумбийском университете лаборатории (1891). Почти одновременно другие американские лаборатории также начинают применять метод тестов, вскоре затмивший все остальные. Не прошло и нескольких лет, как возникла необходимость организовать специальные координационные центры.

В 1895-1896 годы в США были созданы два национальных комитета, призванных объединить усилия тестологов и придать общее направление появлявшимся, как грибы после дождя, тестологическим работам. В конструировании тестов принимают активное участие А.Бине, Г.Эббингауз, В.Штерн, Э.Торндайк, Г.Мюнстерберг, Г.Мюллер, Р.Мерке и многие другие ученые из различных стран. Тесты используются для нужд школы, медицины, производства. Совершенствуется техника обработки данных об индивидуальных различиях и корреляциях между ними.

Английский психолог Ч.Спирмен, занимаясь этой техникой, пришел к выводу, что в тех случаях, когда имеется позитивная корреляция между тестами на различные способности (например, математические и литературные), ими измеряется некоторый генеральный фактор. Он обозначил его буквой G (от англ. general – общий). Помимо фактора, общего для всех видов деятельности, в каждой деятельности обнаруживается специфический фактор, свойственный только ей (факторы S1, S2 и т.д.). Вокруг этого вывода шли длительные дискуссии. Многие психологи отвергали существование общего фактора, предположив, что и он может быть разложен на несколько других факторов.

Первоначально использовались обычные экспериментально-психологические испытания. По форме они походили на приемы лабораторного исследования, но смысл их был принципиально иным. Задачей эксперимента являлось выяснение зависимости психического акта от внешних и внутренних раздражителей и физиологических механизмов, длительности ВР – от внутренних операций (различения, выбора, установки), запоминания – от частоты и распределения повторений и т. д. Эксперимент своей методологической предпосылкой имеет постулат причинности. Экспериментатора интересует зависимость наблюдаемых факторов от производящих их причин. Он испытывает набор условий, чтобы установить, функцией каких переменных является данный феномен.

При тестировании, в отличие от экспериментирования, психолог фиксирует, что люди делают, не варьируя условий их деятельности. Он измеряет полученные результаты при помощи некоторого критерия, регистрируя количественные вариации. Здесь переменными являются индивидуальные различия. Дифференциальная психология с самого начала складывалась как количественная дисциплина, изучающая не каузальную (причинную), а стохастическую (вероятностную) закономерность. Это, однако, не дает оснований считать ее менее

важным или менее перспективным направлением, чем психология экспериментальная. Статистическая закономерность позволяет предсказывать явления в силу того, что вероятностные связи свойственны самой природе вещей, а не привносятся в нее произвольными операциями ума. Но таблицы, графики, формулы сами по себе немые. Они «заговорят» тогда, когда математические величины будут соотнесены с реальностью (в психологии – с психической реальностью).

Переходя от вероятностных моделей к причинным объяснениям, дифференциальная психология также вынуждена была принять некоторые предположения о природе, характере и основании того, что измеряется. Гальтон полагал, что индивидуальные вариации детерминированы эволюционно-биологическим потенциалом испытуемых. Законы индивидуальной психологии истолковывались тем самым как воспроизведение общебиологических законов наследственности. Эта трактовка прочно укоренилась в западноевропейской и американской психологии.

Альфред Бине: диагностика умственного развития. С этих же позиций подходил к разработке тестов и французский психолог А.Бине (1857-1911). Бине исследовал этапы развития мышления у детей, задавая им вопросы на определение понятий («Что такое стул?», «Что такое лошадь?»). Обобщая ответы детей от трех до семи лет, он пришел к выводу, что за это время дети проходят три стадии в развитии понятий: «стадия перечислений», «стадия описания» и «стадия интерпретации».

В начале XX века Бине получил заказ от Министерства просвещения Франции на разработку метода, позволяющего выявлять при поступлении в школу детей, которые должны учиться во вспомогательных школах. Для этой цели Бине разработал серию вопросов разной степени сложности и на основании ответов детей определял уровень их интеллекта. Эти задания настолько хорошо показали себя при первых же пробах, что Бине решил создать тесты не только для различения нормальных и аномальных детей, но и для общей диагностики интеллектуального развития у всех детей от трех до восемнадцати лет. Для каждого возраста он создал задания разной степени сложности, исследующие разные стороны интеллектуального развития. Так, были задания на проверку словарного запаса, счета, памяти, общей осведомленности, пространственной ориентировки, логического мышления и т.д.

Для каждого возраста предназначалось не меньше пяти-семи заданий, причем Бине подчеркивал, что важно не столько содержание тестов, сколько их число. Он был убежден, что смысленный ребенок всегда лучше справится с заданием, а большое количество заданий поможет избежать случайностей. Наибольшей трудностью при конструировании тестов была необходимость строить их так, чтобы уровень знаний ребенка, его опыт не влиял на ответ. То есть тесты должны были исходить из того минимального опыта, который имеется у всех детей этого возраста. Только в таком случае, подчеркивал Бине, мы сможем отличить обученного ребенка от ребенка способного, так как дети с высоким интеллектом, но не прошедшие специальное обучение, будут в равном положении с детьми, которых учили в хороших учебных заведениях или дома.

(Это положение Бине остается актуальным и на сегодняшний день и является необходимым условием при разработке все новых тестов и модификации старых, а также при переводе и модификации зарубежных тестов. Примером того, как забвение этого принципа приводит к неверной диагностике, являются широко известные случаи применения тестов в России в 20-е годы, когда после революции и гражданской войны не только в деревнях, но и в городе дети плохо питались и уж тем более не знали о существовании таких экзотических фруктов, как бананы и апельсины. Одно из заданий теста Бине представляло собой задачу на деление. Ребенку предлагалось разделить шесть апельсинов между собой, мамой и папой. Многие дети даже восьми-девяти лет не могли решить эту задачу. Но проблема была не в том, что они не могли поделить шесть на три, а в том, что они не знали, что такое апельсин. К сожалению, такие ошибки случаются и в настоящее время, когда при тестировании детей из детского дома, для которых всякое упоминание о семье и родителях является аффектив-

ной ситуацией, им задают вопрос о том, хватит ли сервиза на шесть персон, который стоит у мамы в буфете, если к вам в гости пришли двое ваших друзей с родителями.)

«Умственный возраст» ребенка высчитывался при помощи специальной шкалы, сконструированной учеником Бине Т. Симоном, и располагался в промежутке между последними правильными ответами (три плюса подряд) и первыми тремя неправильными ответами (три минуса подряд).

Позднее немецкий психолог В.Штерн предложил ввести коэффициент интеллекта IQ, который является постоянной величиной и высчитывается по формуле

$$IQ = \frac{у.в.}{ф.в.} \times 100$$

где у.в. – умственный возраст, высчитываемый по шкале Бине-Симона, а ф.в. – физический (хронологический) возраст ребенка.

Нормой являлся коэффициент от 70 до 130%. Предполагалось, что ниже этого показателя находятся умственно отсталые дети, выше – одаренные.

Бине считал, что уровень интеллектуального развития постоянен и не зависит от возраста, то есть и в 3 и в 15 лет показатель у ребенка будет одним и тем же несмотря на изменения социальной среды, условий обучения и воспитания. Таким образом, он исходил из того, что интеллект является врожденным образованием и не изменяется в течение жизни, хотя и направляется на решение разных проблем.

Бине трижды обновлял и модифицировал свою шкалу (варианты 1905, 1908 и 1911 годов). Авторитет Бине был столь высок, что после его смерти во Франции эти тесты практически не пересматривались до 60-х годов.

Необходимо отметить, что несмотря на многие недочеты тесты Бине и сегодня являются одними из самых удачных и наиболее адекватно измеряют интеллектуальное развитие детей.

Направленность тестологии на оперативное решение практических задач обусловила ее быстрое и широкое распространение. Процедура измерения интеллекта воспринималась как средство, позволяющее на основе данных психологии, а не чисто эмпирически подойти к вопросам обучения, профотбора, оценки достижений и т. д. Низкий IQ рассматривался как показатель необходимости обучать ребенка в специальной школе. В высоком IQ видели основание, чтобы направить ребенка в школу для одаренных.

Г.Мюнстерберг (1863-1916) предложил тесты для профориентации и профотбора, которые создавались следующим образом: сперва они проверялись на группе рабочих, достигших лучших результатов, а затем тестированию подвергались вновь принимаемые на работу. Очевидно, что предпосылкой этой процедуры служила идея корреляции между психическими структурами, необходимыми для успешного выполнения деятельности, и теми структурами, благодаря которым испытуемый справляется с тестами. Корреляция же могла быть достоверной только статистически, поскольку природа самих структур оставалась загадочной.

Тесты на профпригодность требовали испытания иных качеств, чем тесты на умственное развитие. Наряду с чисто вербальными заданиями, основанными на оперировании словесными символами, появляются мануальные (ручные) тесты. Массовый характер тестирования побудил перейти от индивидуальных тестов к групповым. Крупным мероприятием американских психологов явилось тестирование 1 750 000 новобранцев в первую мировую войну.

§ 3. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ*

Интерес к особенностям детской психики в связи с задачами обучения и воспитания был свойствен всей передовой научно-педагогической мысли Нового времени, начиная от Х. Вивеса, Я.А. Коменского и Дж. Локка. Во второй половине XVIII века этот интерес, резко

* Параграф написан Т.Д. Марцинковской.

обострившийся в связи с подъемом экономической жизни и потребностью в новых формах образования, запечатлели труды Ж.-Ж. Руссо и И. Песталоцци. Последний прямо указывал, что хочет построить весь процесс обучения на психологической основе. Но такая основа еще не была подготовлена наукой.

Первая проба подробного и последовательного описания психического развития ребенка связана с именем немецкого философа Тидемана, опубликовавшего в 1787 году «Наблюдения за развитием душевных способностей ребенка». Указывая, что искусство воспитания до сих пор не опиралось на изучение развития душевных свойств с точной датировкой его периодов, Тидеман представил результаты своих наблюдений за одним мальчиком от рождения до трех лет. Он фиксировал, как постепенно, неделя за неделей, месяц за месяцем происходят изменения в сенсорике и двигательной области, как на восьмой неделе возникают аффекты, на седьмом месяце – произвольная артикуляция звуков и т. д.

Значительно более детальную картину поведения ребенка-дошкольника нарисовал в середине XIX века А. Кусмауль. Напомним, что это было время, когда традиционное ассоциативное учение о психической жизни стало приобретать направленность на анализ ее фактического состава. В идее постепенного усложнения душевных явлений под действием закона ассоциации начинали видеть не столько философскую доктрину, сколько инструмент эмпирической работы.

К детской психике, как наиболее доступному объекту такой работы, обращались А.Вен, И. Тен и др. Тен описал процесс усвоения речи своей дочкой и сопоставил его с историческим развитием языка. Основой обоих процессов считался универсальный механизм ассоциации.

Предпосылки выделения возрастной психологии в самостоятельную область. В конце XIX века в развитии возрастной психологии соединились два направления, которые до этого времени развивались параллельно и независимо друг от друга – исследования детского развития, которые были связаны с естествознанием и медициной, и этнографические исследования детства и языка, главным образом, изучение детских игр и сказок.

В это же время детская психология начала наконец, осознаваться учеными в качестве самостоятельной области психологической науки. Объективными предпосылками ее формирования были: а) требования педагогической практики; б) разработка идеи развития в биологии; в) появление экспериментальной психологии и разработка объективных методов исследования.

Еще в начале XIX века о необходимости учета психологических данных при формировании методов обучения дошкольников писал Фребель. В России о важности связи между педагогикой и психологией говорил К.Д.Ушинский. В своей работе «Человек как предмет воспитания» (1867) он писал: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях». Для этого надо исследовать влияние на детей таких форм культуры, как язык, религия, право, искусство, которые Ушинский называл образующими психики человека. Изучая формирование нравственного поведения детей, Ушинский отмечал значение «полурефлексов» то есть выученных рефлексов, привычек, которые становятся основой нравственной жизни и поведения человека и формируются в детстве.

По-настоящему задача связи между педагогикой и психологией встала с середины XIX века, в связи с развитием всеобщего обучения. До тех пор пока образование было преимущественно домашним, нетрудно было осуществлять индивидуальный подход к каждому ребенку, понять его особенности и интересы, сделать обучение для него легким и занимательным, подобрать индивидуальный темп обучения. В то же время при большом количестве детей в классах массовой школы такой индивидуальный подбор адекватных методик был неосуществим. Поэтому было необходимо исследовать общие для всех детей механизмы и этапы психического развития с тем, чтобы дать объективные рекомендации: когда, в каком воз-

расте и в какой последовательности можно обучать любых детей, какие приемы наиболее адекватны для детей определенного возраста.

Этими требованиями объясняется и тот круг проблем, которые решали ученые того времени: это были главным образом исследования движущих сил и этапов познавательного развития.

Такая тесная связь детской психологии с практикой вызывала справедливую озабоченность некоторых ученых, опасавшихся, что утилитаризм не даст возможности сформироваться теоретическим основам этой науки. Именно от такого понимания детской психологии предостерегал американский психолог В.Джеймс в своей книге «Беседы с учителями о психологии» (1899). Он считал, что психология не должна объяснять учителям, как учить детей. Психологические знания должны обратить внимание педагогов на необходимость исследовать внутреннюю жизнь учеников. Об этом же говорил и психолог Г. Мюнстерберг, который подчеркивал, что в отличие от психотехники (основателем которой он являлся) педагогика должна ориентироваться на психологические знания преимущественно при отклонениях от нормы (например, при исследовании причин утомляемости учеников, дефектов чувств).

Эти идеи психологов прошлого века не потеряли своей актуальности и в настоящее время, особенно в связи с развитием практической психологической службы.

Отцом детской психологии по праву считается английский эмбриолог и психолог В. Прейер. Если до него исследовали отдельные проблемы и давали беглые эскизы развития психики ребенка, то Прейер взялся за целостный анализ проблемы и систематическое наблюдение. В его книге «Душа ребенка» (1882) давалось описание психического и биологического развития ребенка с рождения до трех лет.

В. Прейер испытал влияние эволюционного подхода и в своей книге сделал попытку проследить психогенезис, выявив и описав последовательность отдельных моментов развития. Он сделал вывод, что в области психического развития проявляется биологическая наследственность, которая и является, в частности, основой индивидуальных различий. Прейер стремился не только раскрыть содержание детской души, описать развитие познавательных процессов, речи, эмоций ребенка, но и научить взрослых понимать детей с помощью объективных методов. С этой целью в приложении к своей книге Прейер поместил образец дневника, который намечал канву изучения детей каждого возраста.

Дневниковые наблюдения на протяжении длительного времени оставались единственным методом исследования психического развития детей. Уже И.Песталоцци вел дневник наблюдений за своими детьми. Большой интерес представляют упоминавшиеся выше дневниковые наблюдения Ч. Дарвина за развитием его сына Френсиса, которые были опубликованы в 1877 году.

Однако с расширением предмета психологических исследований недостаточность только дневниковых наблюдений становилась все более очевидной. Кроме того, субъективность дневниковых записей ограничивала область использования полученных материалов. Поэтому такое значение имело появление новых методов, дававших возможность объективного и непосредственного исследования генезиса психики ребенка.

Кроме методов, разработанных в экспериментальной лаборатории Вундта, большое значение имели исследования памяти, проведенные Эббингаузом, а также работы Гальтона, прежде всего его методы исследования индивидуальных различий. Накапливая данные о развитии детей, детская психология нуждалась и в методах математической обработки. Этой цели служили разработанные Гальтоном основы математической статистики, как и работы его ученика Пирсона, занимавшегося проблемами корреляции. Эти работы дали возможность в дальнейшем сформировать целую систему объективных методов психологического исследования детей, в том числе тесты и естественный и формирующий эксперименты.

Стенли Холл: рождение педологии. Развитие детской психологии в конце XIX – начале XX века было тесно связано с педологией – наукой о детях, созданной американским психологом Стоили Холлом (1844-1924). Холл был учеником Вундта, пройдя стажировку в его лаборатории в Лейпциге. Вернувшись в Америку, он организовал при Балтиморском

университете первую экспериментальную лабораторию по изучению ребенка, а также начал издавать журнал, посвященный проблемам детской психологии.

Исследуя психическое развитие ребенка. Холл пришел к выводу, что в его основе лежит биогенетический закон, сформулированный учеником Дарвина Э. Геккелем. Однако Геккель говорил о том, что зародыши в своем эмбриональном развитии проходят те же стадии, что и весь этот род за время своего существования. Холл же распространил действие биогенетического закона на человека, доказывая, что онтогенетическое развитие психики ребенка есть краткое повторение всех стадий филогенетического развития психики человека.

Созданная Холлом теория рекапитуляции утверждала, что последовательность и содержание этих этапов заданы генетически и потому ни уклониться, ни миновать какую-то стадию своего развития ребенок не может.

Ученик Холла Гетчинсон на основании теории рекапитуляции создал периодизацию психического развития, критерием в которой являлся способ добывания пищи. Он выделил пять основных фаз в психическом развитии детей (стадия рытья и копания, охоты, пастушества, земледелия и т.д.), подчеркивая, что только с семи-восьми лет ребенок вступает в эру цивилизованного человека и только с этого возраста его можно систематически обучать. При этом он исходил из идеи Холла о том, что обучение должно надстраиваться над определенным этапом психического развития, так как созревание организма подготавливает для этого основу.

И Холл, и Гетчинсон были убеждены, что прохождение каждой стадии обязательно для нормального развития, а фиксация на какой-то из них ведет к отклонениям и аномалиям в психике. Исходя из необходимости для детей проживания всех стадий психического развития человечества. Холл разработал и представление о механизме, который помогает переходу с одной стадии на другую. Так как реально ребенок не может перенестись в те ситуации, которые пережило человечество, то переход от одной стадии к другой осуществляется в игре, которая и является таким специфическим механизмом. Так появляются детские игры в войну, в казаков-разбойников и т.д. Важно не стеснять ребенка в проявлении своих инстинктов, которые таким образом изживаются.

В своей лаборатории Холл исследовал подростков и юношей, разработав для них специальные опросники, целью которых было изучение различных сторон их психики. Анкеты и опросники для подростков, учителей и родителей давали возможность составления комплексной характеристики детей, анализа их проблем с точки зрения как взрослых, так и самих подростков.

Созданная Холлом педология – комплексная наука о ребенке, основывается на идее педоцентризма. Ребенок является центром исследовательских интересов многих профессионалов-психологов, педагогов, биологов, педиатров, антропологов, социологов. Из всех этих областей в педологию входит та часть, которая имеет отношение к детям. Таким образом, данная наука объединяет все отрасли знаний, связанные с исследованием детского развития.

Хотя многие положения педологической концепции Холла были довольно скоро пересмотрены, но сама педология, созданная им, очень быстро завоевала популярность во всем мире и просуществовала почти до середины XX века. Эта популярность педологии была связана главным образом с ее ориентированностью на практику, т.е. связью с непосредственными нуждами педагогики и практической психологии. Действительно, в реальной педагогической практике учителя и воспитатели сталкиваются с целым комплексом проблем, среди которых и здоровье детей, и их психические качества, и социальный статус и образование их родителей. Именно эти задачи и помогала решать педология, развивая комплексный подход к исследованию детей.

Таким образом, С.Холл реализовал носившуюся в воздухе идею создания экспериментальной детской психологии, соединив воедино требования педагогической практики с достижениями современной ему биологии и психологии.

Пионерами педологии были врачи и биологи, так как в то время именно они владели большим количеством объективных методов исследования детей, которые еще не были

наработаны в психологии. Однако со временем на первый план выходит именно психологическая сторона исследований, и постепенно с 20-х годов child study (т.е. изучение ребенка другое название педологии) приобретает ярко выраженную психологическую направленность.

Массовое педологическое движение захватило как Америку, так и Европу, где его лидерами были Э. Мейман, Д. Селли, В. Штерн, Э. Клапаред.

Джеймс Семи: ассоцианизм в детской психологии. Развитие детской психологии в Англии связано с именем Д. Селли (1843-1923). В своих основных книгах «Очерки по психологии детства» (1895) и «Педагогическая психология» (1894-1915) он сформулировал основные положения ассоцианистического подхода к детскому развитию.

Селли исходил из того, что ребенок рождается только с предпосылками основных психических процессов, которые формируются уже при жизни. Такими предпосылками являются три элемента, составляющие основу главных образующих психики ума, чувства и воли. В течение жизни происходит ассоциация отдельных элементов (ощущений, движений), которые объединяются (интегрируются) в целостный образ предмета, в представление или понятие.

Хотя в теоретическом плане существенных открытий теория Селли не представляла, так как о структуре сознания и интеграции элементов на основе ассоциации говорили все представители этого направления, его труды имели большое значение для практической детской психологии и педологии. Селли исследовал, какие ассоциации и в каком порядке появляются в процессе психического развития детей (например, сначала – по сходству, потом – по смежности, потом – по контрасту), и выделил основные этапы в познавательном, эмоциональном и волевом развитии детей, которые необходимо учитывать при их обучении.

На основе этих положений последовательница Селли Монтессори разработала систему упражнений, способствующих интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста. Основой этой системы явилась тренировка ощущений, как основных элементов мышления, осознание и интеграция которых и ведет познавательное развитие детей.

Эрнст Мейман: педагогическая психология. Прикладному аспекту детской психологии и педологии уделил много внимания немецкий ученый Э. Мейман (1862-1915). Его трехтомник «Лекции по экспериментальной педагогике» (1907) представлял своего рода энциклопедию педагогической психологии, в которой не только было собрано все накопленное к тому времени этой наукой, но и предложены новые подходы к пониманию познавательного развития.

В своих теоретических подходах Мейман стремился соединить ассоцианистический подход Селли с теорией рекапитуляции Холла. Исходя из этого он предложил свою периодизацию, критерием которой являлись уже не абстрактные способы добывания пищи, а этапы интеллектуального развития.

Мейман считал, что детская психология должна изучать не только возрастные особенности психического развития, но и индивидуальные варианты развития, детскую одаренность и отсталость, врожденные склонности детей. При этом обучение и воспитание должны основываться как на знании общих закономерностей, так и на понимании индивидуальных различий психики конкретного ребенка.

При лаборатории Меймана была организована экспериментальная школа, которая существовала более двадцати лет и где разрабатывались различные программы обучения детей.

Эдуард Клапаред: идея саморазвития. Швейцарский психолог Э. Клапаред (1873-1940), поддерживая идею Холла о необходимости создания комплексной науки о ребенке – педологии, не принимал его интерпретации биогенетического закона. Клапаред считал, что известное сходство между филогенетическим развитием психики существует не потому, что в психике ребенка заложены стадии развития вида и древние инстинкты, которые тот должен изживать (как это предполагает теория рекапитуляции), но потому, что существует общая логика развития психики в филогенезе и онтогенезе. Именно эта общая логика

развития определяет сходство процессов (но не их тождество!). Поэтому не существует фатальной предопределенности в развитии ребенка, и внешние факторы (в том числе обучение) могут ускорить его ход и даже частично изменить направление.

Клапаред предложил разделить детскую психологию на прикладную и теоретическую, считая, что у них разный круг проблем. Задачей теоретической детской психологии он считал исследование законов психической жизни и этапов психического развития детей. Прикладную детскую психологию он разделял на психогностику и психотехнику. Психогностика имела целью диагностику, измерение психического развития детей, а психотехника была направлена на разработку методов обучения и воспитания.

Считая, что психическое развитие не нуждается в дополнительных стимулах или факторах, которые бы его подталкивали, Клапаред развивал идею о саморазвитии, саморазвертывании тех задатков, которые существуют у ребенка уже при рождении. Механизмами этого саморазвития являются игра и подражание.

При всей широте круга проблем, интересовавших Клапареда, в центре его исследовательских интересов стояло мышление и этапы его развития у детей. Он (как позднее и его ученик Ж.Пиаже) фактически отождествлял развитие мышления с психическим развитием, а потому критерием деления детства на периоды для него служил переход от одного вида мышления к другому.

Исследуя формирование интеллектуальной сферы детей, Клапаред открыл одно из основных свойств детского мышления – синкретизм, то есть нерасчлененность, слитность детских представлений о мире. Он утверждал, что психическое развитие продвигается от схватывания внешнего вида к называнию предмета (словесная стадия), а затем к пониманию его назначения, что уже является следствием развития логического мышления. О таком же направлении в развитии мышления детей – от слитности к расчлененности – говорил позднее Л.С.Выготский, оспаривая утверждение В.Штерна о том, что ребенок сначала понимает часть (единичный предмет) и лишь затем начинает соединять отдельные части в целостный образ мира.

Арнольд Гезелл: нормальное детство. Развитие детской психологии и педологии требовало не только четкого определения предмета и задач этих наук (что было сделано Мейманом и Клапаредом), но и разработки новых объективных методов изучения психического развития детей, которые по своей достоверности и объективности не уступали бы естественнонаучным (антропометрии, тестам Гальтона), но в то же время являлись бы именно психологически ми методами. Одним из первых такие методы, позволяющие быстро и надежно определить уровень развития интеллекта детей, как помнит читатель, разработал французский психолог А. Бине. Однако интеллектуальные тесты Бине исследовали детей от трех лет и старше и оставляли в стороне ранние возрасты. Этот пробел был восполнен американским психологом Гезеллом (1880-1961). Он создал Йельскую клинику нормального детства, в которой изучалось психическое развитие именно детей раннего возраста – от рождения до трех лет. Периоды младенчества и раннего детства были в центре научных интересов Гезелла в связи с тем, что он считал: за первые три года жизни ребенок проходит большую часть своего психического развития, ибо темп развития в этот период самый высокий. На этой основе Гезелл создал и периодизацию психического развития, в которой выделялось три периода: от рождения до года, от года до трех и от трех до восемнадцати лет. Причем, по Гезеллу, первый период характеризуется максимально высоким темпом психического развития, второй – средним, а третий – низким темпом.

В клинике Гезелла была разработана специальная аппаратура для объективной диагностики динамики психического развития маленьких детей, в том числе кино- и фотосъемка, «зеркало Гезелла» (полупроницаемое стекло, применяемое для объективного наблюдения за поведением детей). Он также использовал новые методы исследования: лонгитюдный (метод продольного изучения одних и тех же детей в течение определенного периода – чаще всего с рождения до подросткового возраста) и близнецовый (сравнительный анализ психического развития монозиготных – однояйцевых близнецов). На основе этих исследований была вы-

работана : система тестов и норм для детей от трех месяцев до шести лет последующим показателям: материка, речь, адаптивное поведение, личностно-социальное поведение. Модификация этих тестов (как и тестов Вине) лежит в основе современной диагностики психического развития детей.

Джеймс Марк Болдуин: культурное развитие ребенка. Английский психолог Д.М. Болдуин (1861-1934) был одним из немногих ученых рубежа XIX-XX веков, кто считал необходимым исследовать не только познавательное, но и эмоциональное и нравственное развитие ребенка. Он также считал необходимым изучать личность не изолированно от общественного процесса, но внутри него. В своем произведении «Духовное развитие с социологической и этической точки зрения (исследование по социальной психологии)» (1913) Болдуин отмечал, что необходим диалектический подход к анализу духовного развития, то есть изучение того, что представляет собой личность с социальной точки зрения, и изучение общества с точки зрения личности. Говоря о том, что в духовном развитии переплетаются приобретенные и врожденные качества, Болдуин отмечал, что и социальная среда и наследственность определяют уровень социальных достижений человека в данном обществе, так как в процессе социализации дети обучаются одинаковым вещам, всем даются одинаковые знания, одинаковые нормы поведения, моральные законы. Индивидуальные различия заключаются не только в скорости усвоения, но и в возможности адаптации к тем нормам, которые приняты в обществе. Поэтому, отмечал ученый, индивидуальные различия должны лежать в пределах того, чему должны выучиться и что должны принять индивиды.

В своих работах Болдуин доказывал, что современное ему общество влияет на формирование не только эмоций, но и личностных качеств детей. Процесс социализации, по мнению Болдуина, влияет и на формирование самооценки, так как «хороший» человек – это, как правило, хороший с точки зрения людей его круга. В самооценке, как и в оценке окружающих, проявляется общая система ценностей, закреплённая в обычаях, условностях, социальных учреждениях. При этом существует два круга норм (или санкций) – более узкий, относящийся непосредственно к тому семейному кругу, в котором живет ребенок, и более широкий – того социума, народа, страны, к которой он принадлежит. Так как все дети данного круга и данной нации попадают примерно в одинаковые условия и учатся одному и тому же, то у среднего уровня не существует противоречий между личными и общественными нормами. Такие противоречия возникают только у выдающихся людей, которые считают возможным поставить себя выше общества и жить по собственным законам. Так опять возникает мысль о сверхчеловеке. Однако – в отличие от Ницше – Болдуин подчеркивал, что это не обязательно асоциальная личность, это может быть человек, просто обогнавший свое время.

С позиций общественных норм и ценностей Болдуин рассматривает и такие понятия, как одаренность и гениальность. Для него в исследовании одаренности самое главное не установить разницу в IQ, а проанализировать, насколько одаренность данного человека принимается обществом. Таким образом, гений и общество должны быть согласны относительно пригодности новых мыслей, их соответствия общественным ценностям. Из этого понятно, почему Болдуин настаивал на необходимости для всех детей общественного обучения, в том числе и обучения игре. Он одним из первых отметил социальную роль игры и рассматривал ее как инструмент подготовки человека к жизни, к сложным социальным отношениям.

Придавая большое значение распространению психологических знаний, Болдуин основал в 1895 году один из первых научных психологических журналов «Психологическое обозрение». Изданный в 1901-1905 гг. под его редакцией «Словарь философии и психологии» стал значительным научным событием и впоследствии неоднократно переиздавался. Его концепция познавательного развития детей, изложенная в трехтомнике «Генетическая логика» (1903-1908), оказала влияние на взгляды Ж. Пиаже, который в тот период обучался в Женевском университете и был учеником одного из ближайших друзей Болдуина – Э. Клаппарда.

Карл Бюлер: стадии психического развития. Интеллектуальное развитие ребенка изучал К. Бюлер (1879-1963), психолог Вюрцбургской школы. Главное внимание он уделял

творческому мышлению, моменту инсайта, что привело его впоследствии к мысли, что интеллектуальный процесс – всегда в большей или меньшей степени процесс творчества.

В работе «Кризис психологии» (1927) Бюлер доказывал, что преодоление этого кризиса возможно путем интеграции трех основных психологических школ того времени – интроспективной психологии, бихевиоризма и культурологических исследований психического развития.

Развивая идею о роли творчества в психическом развитии, Бюлер создал эвристическую теорию речи. Речь не дается ребенку в готовом виде, но придумывается, изобретается им в процессе общения со взрослыми. Таким образом, Бюлер настаивал на том, что весь процесс формирования речи – это цепь открытий.

Интеллектуальное развитие детей Бюлер также считал творческим процессом. Изучая процесс решения задач, он пересматривает связь между ассоциацией и осознанием, заявляя, что ребенок связывает между собой только то, что уже осознал как целостность. То есть сначала происходит акт мышления, который заканчивается ассоциацией между осознанными параметрами. Это осознание есть творческий процесс и происходит мгновенно. Процесс мгновенного схватывания сути вещей Бюлер назвал «ага-переживание». Такое схватывание отношений есть процесс мышления, которое, по мнению Бюлера, не зависит от прошлого опыта и является творческим актом самого ребенка.

Анализируя связь мышления с творчеством, Бюлер приходит к мысли о том, что рисование оказывает влияние на интеллектуальное развитие детей. Он считал, что рисунок – графический рассказ, построенный по принципу устной речи, т.е. рисунок ребенка – не копия действия, а рассказ о нем. Поэтому, отмечал Бюлер, дети так любят рассказы в картинках, любят и рассматривать их, и самостоятельно рисовать. Бюлер говорил, что если в речи ребенок пользуется понятием, то в рисунке – схемой, которая является обобщенным образом предмета, а не его копией. Таким образом, схема является как бы промежуточным понятием, облегчая детям усвоение абстрактных знаний.

Разделяя идею Клаппареда о саморазвитии психики, Бюлер считал, что в основе психического развития лежат врожденные структуры, которые самораскрываются в процессе жизни. При этом он часто цитировал слова Гете: «Рожден для виденья, поставлен для смотренья», чтобы показать, что без упражнения, без обучения эти природные задатки никогда не раскроются или раскроются не в полной мере. Исходя из необходимости обучения для полноценного психического развития, Бюлер выделил три основных стадии психического развития: инстинкт; дрессура (образование условных рефлексов); интеллект (появление «ага-переживания», осознание проблемной ситуации).

При переходе от стадии к стадии помимо интеллекта развиваются и эмоции, причем удовольствие от деятельности смещается из конца в начало. Так, на стадии инстинкта сначала происходит действие, а затем наступает удовольствие от него (например, лягушка вначале прыгает за мухой, глотает ее, а затем получает удовольствие от еды). При дрессуре деятельность и удовольствие идут параллельно (собачка, прыгая через обруч, в награду получает кусочек сахара). И, наконец, при интеллекте человек может представить, какое удовольствие он получит, к примеру, от общения с другом, еще до начала этой деятельности. Именно интеллектуальная стадия является стадией культуры и дает возможность наиболее гибкого и адекватного приспособления к среде.

Говоря о значении детской игры для психического развития, Бюлер подчеркивал роль именно в формировании эмоций. Он вводит понятие функционального удовольствия, объясняя, что в игре нет продукта не потому, что она служит только для упражнения врожденных инстинктов, а потому, что игра и не нуждается в продукте, ее цель сам процесс игровой деятельности (игра, по его мнению, находится на стадии дрессуры). Таким образом, в теории игры появилось первое объяснение ее мотивации.

Маргарет Мид: этнопсихология детства. Большое влияние на развитие генетической психологии оказали работы этнопсихологов, исследовавших особенности психики детей,

воспитывающихся в разных культурных и социальных условиях, – прежде всего труды американской исследовательницы М. Мид (1901-1978).

Основное внимание М. Мид уделяла проблемам социализации детей в разных культурах, причем объектом ее изучения были не современные, а традиционные общества, традиционная, замкнутая культура, сохранившаяся в отдельных районах Полинезии и Латинской Америки. В своих работах «Взросление на Самоа» (1928), «Как растут на Новой Гвинее» (1930), «Пол и темперамент в трех примитивных обществах» (1935) Мид исследовала особенности происхождения возрастных кризисов (прежде всего подросткового) в разных социальных условиях, развитие половой идентификации у детей, а также влияние детородительских отношений на интеллект и личностные качества ребенка. Доказывая ведущую роль социокультурных факторов в психическом развитии детей, Мид показала, что особенности полового созревания, формирования структуры самосознания, самооценки зависят в первую очередь от культурных традиций данного народа, особенностей воспитания и обучения детей, доминирующего стиля общения в семье. Она ввела в психологию новый термин «инкультурация».

М. Мид показала, что существует ограниченный набор типов темперамента, каждый из которых характеризуется определенным сочетанием врожденных качеств и способов поведения (в частности, выражения эмоций). При этом социально одобряемое поведение (в том числе и в первую очередь половое) стилизуется культурой в соответствии с контрастирующими моделями темперамента. Поэтому те люди, чей темперамент несовместим с типом социальных эмоций, требуемым данной культурой, оказываются в уязвимом положении и их отчуждение от общества является, с точки зрения Мид, вполне закономерным и прогнозируемым.

Стремление исследовать механизмы передачи культурных ценностей от поколения к поколению привело М. Мид к изучению динамики формирования национального характера, этических и половых стандартов поведения, взаимоотношений между различными поколениями. Она выделила три типа культур в истории человечества: постфигуративные (дети учатся у своих предков), конфигуративные (дети и взрослые учатся в основном у своих сверстников) и префигуративные (взрослые могут учиться и у своих детей).

§ 4. ЗООПСИХОЛОГИЯ

Дарвин и подъем сравнительной психологии. Стремление к объективному методу получило существенную поддержку со стороны сравнительной психологии – отрасли знаний, имеющей своим объектом сопоставление различных ступеней психического развития в эволюционном ряду. Активный научный интерес пробудило к ней дарвиновское учение.

Наряду с классической работой «Выражение эмоций у животных и человека» (1872) Дарвин написал насыщенный фактами и идеями этюд «Инстинкт», а также «Биографический очерк одного ребенка» (1877), ставший важной вехой в изучении детского поведения.

Дарвиновские работы стали для психологии основополагающими в нескольких аспектах. Они реализовывали объективный метод применительно к биопсихическим феноменам, правда, в форме наблюдения, а не эксперимента. Но наблюдение естествоиспытателя может не уступать другим приемам исследования, о чем свидетельствовал триумф самого дарвиновского учения. Используя метод объективного наблюдения, Дарвин тщательно проанализировал, опираясь на обширный запас фактов, многообразие выразительных движений (главным образом при аффектах) у человека и животных и пришел к выводам об общем механизме их происхождения.

В центре интересов Дарвина находилось не чувство, как испытываемое особью переживание, а двигательная активность, его выражающая, т.е. то, без чего эмоциональная реакция не может произвести полезный эффект в окружающей среде. Выразительные движения – лишь отдельные моменты поведения в общем процессе непрерывной и жестокой борьбы за

существование. Оскаленные резцы, взъерошенная шерсть, раскрытый рот и т.д. – все это средства воздействия и приспособления. У человека они – рудименты, напоминающие о тех временах, когда за сжатыми кулаками следовала физическая схватка, а вставшие дыбом волосы производили на противника устрашающее впечатление. Благодаря ассоциативному сдвигу они перешли к современному человеку, у которого в угрожающих или опасных ситуациях замечаются фрагменты некогда реального действия.

Гипотеза Дарвина, при всей ее ограниченности и неспособности объяснить социально-историческую природу человеческих эмоций, вносила принцип объективного анализа в область тех актов, которые считались наиболее субъективными. Объяснял их Дарвин, обращаясь к реальному жизненному процессу, а не к заглядывающему внутрь себя сознанию.

Идея развития психики в различных вариантах существовала до Дарвина. Он доказал, что психическое у человека – лишь одно из ответвлений общего эволюционного древа. Это и стимулировало подъем сравнительной психологии.

Полные энтузиазма последователи Дарвина повсеместно искали то, что соединяет человека с органическим миром. Что касается области психологии, то здесь не обошлось без преувеличений, обусловленных неразработанностью объективного психологического знания об умственной деятельности.

Дарвин доказал преемственность и родство животных и человека в отношении внешне-го выражения эмоций. Противники же его учения, отвергая преемственность, подчеркивали своеобразие человеческого интеллекта. Это вынуждало дарвинистов обосновывать трактовку интеллектуальных особенностей человека как явлений, характерных для высшей фазы единого, качественно однородного эволюционного ряда.

Психика животных и психика человека. Первым обратился к этой задаче друг и сподвижник Дарвина Джон Романес (1848-1894), чье сочинение «Интеллект животных» (1882) приобрело большую популярность. Идеалистическая критика стремилась использовать уязвимые места этой книги для обвинения автора в том, что он антропоморфизует душевную жизнь животных и культивирует «метод анекдотов».

Слабость позиции Романеса в его подходе к психике животных была обусловлена ненадежностью представлений о психике человека, отразивших влияние интроспективной концепции. Если Дарвин ушел из-под этого влияния благодаря тому, что сосредоточился на объективном изучении телесных реакций при эмоциях, то Романесу этого избежать не удалось. Объективных критериев интеллектуальности не существовало. Оставалось ориентироваться на ее традиционную трактовку в психологии (в Англии – ассоциативной психологии).

Романес, отбиваясь от критиков, в своих последующих работах «Умственная эволюция у животных» (1883) и «Умственная эволюция у человека» (1887) обвинял их в недопустимом приеме: они исходят из сознания современного, цивилизованного человека и, сопоставляя его с психикой животных, немедленно находят множество отличительных признаков, создающих впечатление качественного несходства. Однако если спуститься «вниз», сравнив животных – предков человека (человекообразных обезьян) и детей, то обнаружится, что различие между детской психикой и более примитивными явлениями у животных существует «по степени, но не по роду».

В целом Романес выступал как натуралист, стремившийся утвердить преемственность и единство психики на протяжении всего эволюционного процесса и вовсе не игнорировавший различия между отдельными циклами и вариантами этого процесса. Он остро ощущал нужду в объяснении ступенчатости филогенетического и онтогенетического развития сознания. Однако его собственные гипотезы носили умозрительный характер. Они касались интеллекта как комбинирования идей – простых и сложных, конкретных и абстрактных. Лишь в сознании человека возникают абстрактные «понятийные» идеи, которых нет ни у одного другого живого существа. Историческая ограниченность взглядов Романеса состояла именно в том, что он применительно к психике защищал эволюцию без дарвинизма. Он представлял работу интеллекта по-локковски, а не по-дарвиновски, видя в ней усложнение элементов сознания, а не регуляцию поведения в проблемных жизненных ситуациях.

Волна работ по сравнительной психологии, поднятая дарвиновским учением, непрерывно возрастала. Особенный интерес начиная с 80-х годов вызывают «социальные» формы поведения беспозвоночных, в которых видели прототип человеческих отношений. Сюда относят труд Д.Леббона «Муравьи, осы и пчелы», энтомологические работы Ж.А.Фабра, исследования Августа Фореля, в особенности его «Опыты и критические замечания об ощущениях насекомых» и др.

«Закон экономии» Ллойд-Моргана. Зоопсихологи стали широко использовать психологические понятия, не прошедшие естественнонаучной проверки. Биологи незамедлительно отреагировали на это двумя направлениями. Оба направления существенно укрепили объективный метод изучения поведения в противовес субъективному. Одно возглавил Жак Леб, другое – Конвой Ллойд-Морган.

Ллойд-Морган (1852-1936), профессор зоологии и геологии в Бристоле, сыграл важную роль в укреплении престижа сравнительной психологии. Он выдвинул «закон экономии» (его принято называть канон Ллойд-Моргана), согласно которому недопустимо объяснять поведение исходя из более высокой психической способности, если оно может быть объяснено способностью, стоящей ниже в эволюционно-психологической шкале. Этот здравый взгляд, направленный против антропоморфизма, был изложен во «Введении в сравнительную психологию» (1894). Он подкреплялся большим количеством фактических сведений о поведении животных в различных ситуациях (некоторые из них специально создавались автором).

Ллойд-Морган полагал, что в ряде случаев животные действуют по методу проб и ошибок. Они достигают цели не сразу, но лишь после того, как перепробуют наугад другие возможности. В его понимании этот способ вовсе не означал «слепого» реагирования. Животное ищет путь, будучи вооружено определенными психическими средствами, недостаточными, однако, для вполне осмысленного действия.

Дискуссия о вариативности поведения. История свидетельствует, что новую психологию «делали» первоначально физиологи. К концу века настал черед зоологов. Перейдя к изучению приспособительного поведения, они попытались разобраться в его механизмах. Вновь с еще большей силой разгорается дискуссия, начатая биологом Пфлюгером и философом Лотце. Но на этот раз в ней появляются новые оттенки, в которых отразились изменения, произведенные Дарвином в понятии об организме и характере его взаимоотношений со средой.

В центре дискуссии стоял вопрос о вариативности поведения. Пфлюгер и Лотце относили ее за счет психических факторов, с тем, однако, существенным различием, что Пфлюгер понимал под этими факторами «сенсорную механику» как свойство серого вещества головного и спинного мозга, а Лотце – бессубстратную душу. В то же время оба одинаково оценивали рефлекторную дугу. Они видели в ней автоматически срабатывающий и сам по себе (без вмешательства психики) не подверженный изменениям механизм.

Теория эволюции заставила по-новому оценить возможности всех систем организма, в том числе и нервно-мышечной. Ее лабильность, изменчивость, подверженность общим законам эволюции становились все более очевидными. Школа Сеченова, а затем и школа Шеррингтона преобразуют механистическое воззрение на рефлекс в биологическое. В 80-х годах появляются работы американских физиологов, в которых доказывалось, что даже коленный рефлекс нельзя рассматривать как неизменный и изолированный феномен.

Мнение о том, что вариативность мышечных реакций детерминирована психикой как таковой, теряло своих сторонников. Теперь уже телесное устройство само по себе считалось способным к адаптивным и интегрированным актам без содействия со стороны психического начала, традиционная трактовка которого вносила нетерпимый для натуралиста налет субъективизма.

Жак Леб: теория тропизмов. Под давлением этих стремлений к трактовке адаптивного (вариативного) поведения, как противоположного психическому, сложилась теория Жака Леба (1859-1924).

Леб представлял механистическое направление. Нужно, однако, иметь в виду, что само это направление не оставалось со времен Декарта неизменным. Формула «организм – это машина» наполнялась одним содержанием у Леонардо да Винчи, Галилея, Декарта, Гартли, Ламетри и совсем иным – в биологии, где утверждались идеи дарвинизма, и опять-таки другим – в век кибернетики.

Каждая эпоха имеет свои задачи. Задача, которую решал Леб, состояла в том, чтобы объяснить исходя из принципа машинообразности приспособительную деятельность живых существ, их способность изменять поведение и научиться. К решению этой задачи Леб приступал с позиций, которые были неведомы его предшественникам. За исходное он брал не заранее данную конструкцию организма, приводимую в действие толчками, идущими из среды, а самое физико-химическую среду, силовые воздействия которой определяют, направляют и преобразуют эту конструкцию. Идея единства всего органического мира привела к открытию такой фундаментальной формы жизни, по отношению к которой все остальные являются производными. Ее Леб обозначил термином «тропизм».

Теория тропизмов сложилась в обстановке, когда многие приверженцы дарвиновского учения стремились совместить его с физико-химическим пониманием жизни. В 80-х годах Леб проводит ряд биологических исследований, давших фактическое обоснование теории тропизмов, провозглашенной в книге «Гелиотропизм животных и его соответствие гелиотропизму растений» (1890). Тропизм по своей структуре напоминает рефлекс, поскольку представляет закономерную и неотвратимую реакцию живого на внешнее воздействие. Однако он несравненно универсальнее рефлекса, так как определяет характер поведения не только живых существ, еще не обладающих нервной системой, но и растений. Рефлекс как самостоятельный тип реакции, производимой специализированным устройством, растворялся в общих физико-химических закономерностях протоплазмы.

В описание организма как «химической машины» вносились два существенных корректива. В качестве эквивалента того, что традиционно считалось ощущением, выступала действительно фундаментальная для сенсорной сферы функция различения; к ней присоединялась не менее фундаментальная мнемическая функция, представление о которой как о всеобщем свойстве живого было выдвинуто еще в 1870 году физиологом Герингом в речи «Память как общая функция организованной материи». Геринг имел в виду способность запечатления и воспроизведения. Леб также говорил об этом своеобразном свойстве, которое, по его словам, может быть имитировано машиной, подобной фонографу. Но этого, с точки зрения Леба, недостаточно для приобретения организмом опыта. Необходимо, чтобы два процесса, происходящие одновременно или в быстрой последовательности, оставляли следы, которые сливаются вместе, так что, если повторяется какой-либо процесс, необходимо должен повториться и другой.

Этот механизм, названный «ассоциативной памятью», объясняет, почему данный стимул способен не только вызвать эффект, соответствующий его природе и специфической структуре стимулированного органа, но и произвести дополнительный эффект, который прежде вызывали другие причины.

Можно ли приписать сознание инфузории? Наиболее решительно выступил против теории тропизмов американский зоолог Г.С.Дженнингс (1868-1947), сделавший на основании своих многочисленных экспериментов вывод о невозможности объяснить адаптивные, легко модифицируемые реакции простейших с помощью физико-химических категорий. Между стимулом и поведенческим эффектом нет однозначной связи, подчеркивал Дженнингс; в промежутке между ними действуют дополнительные факторы.

В целом ситуация, сложившаяся на рубеже XX века, напоминала то, что происходило в середине XIX века. Правда, биологический объект был другой: тогда – обезглавленная лягушка, теперь – инфузория. Но картина была сходная. Расхождения касались не фактов, в достоверности которых никто не сомневался, а их истолкования.

Кардинальный вопрос был сформулирован в заглавии статьи немецкого зоолога А.Бете «Должны ли мы приписывать муравьям и пчелам психические качества?» (1898). Сам Бете

отвечал на этот вопрос отрицательно и в следующей статье совместно с Т. Бором и И. Иксюлем изложил проект «объективирующей номенклатуры в физиологии нервной системы» (1899). Проект предусматривал переделку всей традиционной психологической терминологии в строго физиологическую (ощущение заменялось термином «рецепция», память – «резонанс» и т.п.). Расчет был на переход к вполне объективному анализу. Предпосылкой же проекта служило мнение, что психические явления недоступны естественнонаучному, объективному изучению. Однако это не встретило сочувствия у ряда натуралистов.

Дженнингса совершенно не соблазнила перспектива достигнуть объективных стандартов в изучении поведения живых существ ценой игнорирования психики. Он хорошо понимал, что препятствием является вопрос о природе факторов, которые действуют между стимулом и реакцией. По какому типу следует их мыслить? Леб утверждал, что подтипу физико-химических процессов, его противники – по типу психологических. Бете занял агностическую позицию: объективного описания достаточно для целей зоолога, так как субъективное непознаваемо.

Дженнингс не принял ни учение о тропизмах, ни позицию игнорирования внутренних факторов. Но можно ли инфузории приписать сознание? Дженнингс пытался пройти мимо Сциллы – механицизма и Харибды – антропоморфизма. И хотя он этого пути не нашел, сам поиск говорил о рождении новых тенденций. Два момента были выделены Дженнингсом в регуляции вариативного поведения. Прежде всего обмен веществ. Реакции на внешние силы в значительной своей части могут быть объяснены влиянием этих сил на обменные процессы внутри организма. Опыты показывали, что с изменением характера питания менялось и внешнее поведение. Но по какому принципу происходит это изменение? И тут Дженнингс высказал положение, совпавшее с уже известной нам точкой зрения Ллойд-Моргана: животное действует способом проб и ошибок. Он повторил на инфузориях ставший широко известным опыт Киннемана с макаками, которые должны были найти корм в одном из сосудов одинаковой величины, но различной формы. Инфузории и макаки решали задачу однотипно. Животное действовало хаотично, пока случайно не наталкивалось на нужное направление. Тогда число проб, ведущих к цели, и соответственно время, затрачиваемое на ее достижение, начинало сокращаться.

Ллойд-Морган и Дженнингс были зоологами, но логика исследования вынудила их решать психологические задачи. Они приступали к ним без предвзятой интроспекционистской установки. Они исходили из объективных проявлений жизнедеятельности и вместе с тем считали характер этих проявлений свидетельствующим о действии причин психологического, а не только физиологического порядка. Оба внесли существенный вклад в подготовку почвы для утверждения объективного метода в психологии.

Между Сциллой и Харибдой – механицизмом и антропоморфизмом. Наряду с формами поведения, приобретенными в индивидуальном опыте, объектом естественнонаучного анализа становятся инстинкты как системы действий, которые свойственны целому виду, отличаются постоянством и коренятся в общем механизме наследственности. Здесь также возникли коллизии, отразившие в общем виде столкновение механистического способа объяснения с субъективно-психологическим и неудовлетворенность передовой естественнонаучной мысли обоими этими подходами.

Постоянство, машинообразность инстинктов говорили как будто в пользу их безразличия к психическим моментам. Этот механистический взгляд укреплялся ввиду убеждения в его полном соответствии той картине мира, которую создало детерминистское естествознание. Положение, однако, осложнялось возникновением новой, детерминистской теории – дарвиновской биологии, с точки зрения которой невозможно было признать возникновение и развитие каких бы то ни было жизненных феноменов, не выполняющих полезной для организма работы. Поскольку психическое понималось как сознательное, дарвинисты, взявшиеся за изучение инстинктов, признали в качестве их неперменного фактора деятельность сознания.

Как уже отмечалось, вскоре этих дарвинистов (Романеса и др.) стали обвинять в том, что они насаждают «метод анекдотов» – приписывают животным сугубо человеческие формы переживаний, мышления, воли и т.д. Но «метод анекдотов» вовсе не был порождением невежества или дилетантизма. Он возник из попытки преодолеть несовместимое с дарвинизмом декартовское представление о животных как чистых автоматах и утвердить реальную ценность психического в эволюции жизни.

Поскольку, однако, дарвинисты в сравнительной психологии не имели первоначально никакого иного воззрения на психику, кроме выработанного в лоне интроспекционизма, их утверждения о наличии сознания у животных неизбежно становились антропоморфическими, а тем самым и несовместимыми с критериями научности. Отсюда возникала дилемма – либо механицизм, либо интроспекционизм, – которая может быть здесь (как и во всех других разделах психологии) преодолена только путем преобразования самого понятия о психическом. Мы видели, как логика развития научного знания влекла к преодолению этой дилеммы тех зоологов, которые изучали индивидуально-вариативное поведение животных.

Познаваемость психических актов. В области изучения инстинктов на рубеже XX века над этой дилеммой бился зоолог В.А.Вагнер (1849-1934) – основоположник зоопсихологии в России. Отстаивая эволюционный подход, он провел цикл экспериментальных исследований деятельности животных, главным образом при возведении ими различных построек (строительный инстинкт у пауков, водяной жук-серебрянка, городская ласточка и ее постройки, жизнь шмелей). Все эти работы служили обоснованием выдвинутой автором программы построения зоопсихологического знания исходя из объективного метода.

Проблема познаваемости психических актов приобрела в связи с изучением поведения животных новый смысл, какого она не имела прежде, на уровне изучения человека. Сперва эта проблема решалась в традиционно интроспективном плане. Романес подчеркивал, что, кроме суждения по аналогии, нет иной возможности познать психику не только животных, но и других людей. Как полагал этот натуралист, мы соотносим свои умственные состояния с действиями нашего собственного организма, а затем, наблюдая сходные действия других существ, решаем, что у этих существ имеются аналогичные внутренние процессы.

С развитием зоопсихологии, ориентировавшейся на точное и объективное исследование поведения, метод аналогии скомпрометировал себя, выродился в «метод анекдотов». Но тем самым лишалось объяснительной ценности и породившее его общее представление о путях познания психической активности любого организма, рассматриваемого как объект наблюдения и экспериментирования со стороны другого. И очень скоро сдвиги, совершившиеся на почве естественнонаучного анализа психики животных, оказали необратимое воздействие на анализ психики человека.

§ 5. СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

«Психология народов». Философские идеи о социальной сущности человека, его связях с исторически развивающейся жизнью народа получили в XIX веке конкретно-научное воплощение в различных областях знания. Потребность филологии, этнографии, истории и других общественных дисциплин в том, чтобы определить факторы, от которых зависит формирование продуктов культуры, побудила обратиться к области психического. Это внесло новый момент в исследования психической деятельности и открыло перспективу для соотношения этих исследований с исторически развивающимся миром культуры. Начало этого направления связано с попытками немецких ученых приложить схему Гербарта к умственному развитию не отдельного индивида, а целого народа.

Реальный состав знания свидетельствовал о том, что культура каждого народа своеобразна. Это своеобразие было объяснено первичными психическими связями «духа народа», выражающегося в языке, в мифах, обычаях, религии, народной поэзии. Возникает план создания специальной науки, объединяющей историка-филологические исследования с психо-

логическими. Она получила наименование «психология народов». Первоначальный замысел был изложен в редакционной статье первого номера «Журнала сравнительного исследования языка» (1852), а через несколько лет гербартианцы Штейнталь и Лазарус начали издавать специальный журнал «Психология народов и языкознание» (первый том вышел в 1860 году, издание продолжалось до 1890 года).

Мы уже отмечали, что Вундт после того, как его физиологическая психология зашла в тупик, обратился к «психологии народов». Но ни гербартовская, ни вундтовская концепции не могли сомкнуть психологию с историей культуры, так как обе эти концепции отличали субъективизм и антиисторизм.

В России сторонником «психологии народов» как самостоятельной отрасли выступил А.А. Потебня (см. ниже).

«Коллективный организм». В Англии Г.Спенсер, придерживаясь контовского учения о том, что общество является коллективным организмом, представил этот организм развивающимся не по законам разума, как полагал О.Конт, а по универсальному закону эволюции. Позитивизм Конта и Спенсера оказал влияние на широко развернувшееся изучение этнопсихологических особенностей так называемых нецивилизованных, или «первобытных», народов. В сочинениях самого Спенсера («Принципы социологии») содержался подробный обзор религиозных представлений, обрядов, нравов, обычаев, семейных отношений и различных общественных учреждений этих народов. Что касается интерпретации фактов, то эволюционно-биологический подход к культуре вскоре обнаружил свою несостоятельность в плане как социально-историческом, так и психологическом.

Вклад психоневрологов. Другое направление в изучении зависимости индивидуальной психики от социальных влияний связано с развитием неврологии. В частности, элемент социально-психологических отношений выступил в феноменах гипноза и внушаемости. Эти феномены показывали не только зависимость психической регуляции поведения одного индивида от управляющих воздействий со стороны другого, но и наличие у этого другого установки, без которой внушение не может состояться. Установка захватывала сферу мотивации. Так изучение гипнотизма подготавливало существенные для психологии представления. Их разработка велась во Франции двумя психоневрологическими школами – нансийской и парижской.

Клиникой в Нанси руководил А. Льебо, а затем И. Бернгейм. Нансийская школа, сосредоточившись на психологическом аспекте гипнотических состояний, вызывала их путем внушения и связывала с деятельностью воображения. Занимаясь лечением истерии, представители этой школы объясняли симптомы этого заболевания (паралич чувствительности или движений без органических поражений) внушением со стороны другого лица (суггестия) или самого пациента (автосуггестия), полагая, что и внушение, и самовнушение могут происходить бессознательно; гипноз – специальный случай обычного внушения.

Парижскую школу возглавлял Ж.Шарко (1825-1893), утверждавший, что гипнозу подвержены только лица, предрасположенные к истерии. Поскольку истерия, как полагал Шарко, – это нервно-соматическое заболевание, постольку и гипноз, будучи с ней связан, представляет патофизиологическое явление.

Спор между Напой и Парижем история решила в пользу первого. Вместе с тем обсуждение феноменов, ставших предметом спора, оказалось плодотворным не только для медицины, но и для психологии. Понятие о бессознательной психике, абсурдное с точки зрения интроспекционизма, отождествлявшего психику и сознание, формировалось (помимо влияния философских систем Лейбница, Гербарта, Шопенгауэра и др.) на основе эмпирического изучения психической деятельности. Его порождала медицинская практика.

Вопросы структуры личности, соотношения сознания и бессознательного, мотивов и убеждений, индивидуальных различий, роли социального и биологического в детерминации поведения подвергались анализу на патопсихологическом материале в работах французских ученых П.Жане (преемника Шарко), Т. Рибо, А. Бине и др.

Внушение и подражание. Под влиянием представлений о роли внушения в социальной детерминации поведения складывалась концепция Г. Тарда (1843-1904). В книге «Законы подражания» (1893) он, исходя из логического анализа различных форм социального взаимодействия, доказывал, что их основу составляет ассимиляция индивидом установок, верований, чувств других людей. Внушенные извне мысли и эмоции определяют характер душевной деятельности как в состоянии сна, так и при бодрствовании. Это позволяет отличить социальное от физиологического, указывал Тард в другой книге – «Социальная логика» (1895). Все, что человек умеет делать, не учась на чужом примере (ходить, есть, кричать), относится к разряду физиологического, а обладать какой-либо походкой, петь арии, предпочитать определенные блюда – все это социально. В обществе подражательность имеет такое же значение, как наследственность в биологии и молекулярное движение в физике. Как результат сложной комбинации причин возникают «изобретения», которые распространяются в людских массах под действием законов подражания.

Под влиянием Тарда Дж. Болдуин становится одним из первых пропагандистов идей социальной психологии в США. Он различал два вида наследственности – естественную и социальную. Чтобы быть пригодным для общественной жизни, человек должен родиться со способностью к обучению, великий метод всякого обучения – подражание. Благодаря подражанию происходит усвоение традиций, ценностей, обычаев, опыта, накопленных обществом и внушаемых индивиду.

В обществе непрерывно происходит «обмен внушениями». Вокруг индивида с момента рождения сплетаются «социальные внушения», и даже чувство своей собственной личности развивается у ребенка постепенно, посредством подражательных реакций на окружающую его личную среду.

Тард, Болдуин и другие сосредоточились на поиске специфических психологических предпосылок жизни отдельной личности в социальном окружении, механизмов усвоения ею общественного опыта, понимания других людей. Во всех случаях в центре анализа находилась психология индивида, рассматриваемая с точки зрения тех ее особенностей, которые служат предпосылкой взаимодействия людей, превращают индивида в личность, обеспечивают усвоение социальных фактов.

Э. Дюркгейм: коллективные представления. Иным путем пошел Э. Дюркгейм (1858-1917), выделивший в качестве главной задачи изучение этих фактов как таковых, анализ их представленности в сознании коллектива в целом безотносительно к индивидуально-психологическому механизму их усвоения.

В работах «Правила социологического метода» (1894), «Индивидуальные и коллективные представления» (1898) и других Дюркгейм исходил из того, что идеологические («нравственные») факты – это своего рода «вещи», которые ведут самостоятельную жизнь, независимую от индивидуального ума. Они существуют в общественном сознании в виде «коллективных представлений», принудительно навязываемых индивидуальному уму.

Мысли Кента о первичности социальных феноменов, их несводимости к игре представлений внутри сознания отдельного человека развились у Дюркгейма в программу социологических исследований, свободных от психологизма, заполонившего общественные науки – филологию, этнографию, историю культуры. Ценная сторона программы Дюркгейма со стояла в очищении от психологизма, в установке на позитивное изучение идеологических явлений и продуктов в различных общественно-исторических условиях. Под влиянием программы Дюркгейма раз вернулась работа в новом направлении, принеся важны конкретные научные плоды.

Однако эта программа страдала существенными методологическими изъянами, что, естественно, не могло не сказаться и на частных исследованиях. Дюркгеймовские коллективные представления выступали в виде своего рода самостоятельного бытия, тогда как в действительности любые идеологические продукты детерминированы материальной жизнью общества. Что касается трактовки отношений социального факта к психологическому, то и здесь позиция Дюркгейма наряду с сильной стороной (отклонение попыток искать корни

общественных явлений в индивидуальном сознании) имела и слабую. Это отметил Тард, писавший, что под предлогом очищения социологии лишают ее всего ее психологического, живого содержания.

Дюркгейм, отвечая Тарду, указывал, что он вовсе не возражает против механизмов подражания, однако эти механизмы слишком общи и потому не могут дать ключ к содержательному объяснению коллективных представлений. Тем не менее противопоставление индивидуальной жизни личности ее социальной детерминации, безусловно, оставалось коренным недостатком дюркгеймовской концепции.

Вместе с тем антипсихологизм Дюркгейма имел положительное значение для психологии. Он способствовал внедрению идеи первичности социального по отношению к индивидуальному, притом утверждаемой не умозрительно, а на почве тщательного описания конкретно-исторических явлений. Относительная прогрессивность взглядов Дюркгейма станет еще более очевидной, если их сопоставить с другими социально-психологическими концепциями, типичными для рассматриваемого периода. Эти концепции отличались открытым иррационализмом и телеологизмом. Оба признака характерны для двух направлений конца XIX – начала XX века: концепции ценностей и концепции инстинктов.

Концепция ценностей. Ограниченность физиологического объяснения свойств личности побудила Г. Мюнстерберга отстаивать мнение, что изучение характера человека, его воли и мотивов должно осуществляться в особых категориях, главной из которых является категория ценности, лежащая за пределами наук о природе, следовательно, и естественнонаучного изучения психики.

Немецкий философ В. Дильтей (1833-1911) воспитывался на гегелевском учении об «объективном духе». В статье «Идеи описательной психологии» (1894) он выступил с проектом создания наряду с психологией, которая ориентируется на науки о природе, особой дисциплины, способной стать основой наук о «духе». Дильтей назвал ее «описательной и расчленяющей» психологией. Конечно, термины «описание» и «расчленение» сами по себе еще не раскрывали смысла проекта. Это достигалось их включением в специфический контекст.

Описание противопоставлялось объяснению, построению гипотез о механизмах внутренней жизни; расчленение – конструированию схем из ограниченного числа однозначно определяемых элементов.

Взамен психических «атомов» новое направление предлагало изучать нераздельные, внутренне связанные структуры, на место механического движения – поставить целесообразное развитие. Так Дильтей подчеркивал специфику душевных проявлений. Как целостность, так и целесообразность вовсе не были нововведением, появившимся впервые благодаря «описательной психологии». С обоими признаками мы сталкивались неоднократно в различных системах, стремившихся уловить своеобразие психических процессов сравнительно с физическими. Новой в концепции Дильтея явилась попытка вывести эти признаки не из органической, а из исторической жизни, из той чисто человеческой формы жизнедеятельности, которую отличает воплощение переживаний в творениях культуры.

В центр человеческой истории ставилось переживание. Оно выступало не в виде элемента сознания в его традиционно-индивидуалистической трактовке (сознание как вместилище непосредственно данных субъекту феноменов), а в виде внутренней связи, неотделимой от ее воплощения в духовном, надиндивидуальном продукте. Тем самым индивидуальное сознание соотносилось с миром социально-исторических ценностей. Уникальный характер объекта исследования обуславливает, по Дильтею, уникальность его метода. Им служит не объяснение явлений в принятом натуралистами смысле, а их понимание, постижение. «Природу мы объясняем, душевную жизнь постигаем». Психология поэтому должна стать «понимающей» (*verstehende*) наукой.

Критикуя «объяснительную психологию», Дильтей объявил понятие о причинной связи вообще неприменимым к области психического (и исторического): здесь в принципе невозможно предсказать, что последует за достигнутым состоянием. Путь, на который он встал, неизбежно повел в сторону от магистральной линии психологического прогресса, в тупик

феноменологии и иррационализма. Союз психологии с науками о природе разрывался, а ее союз с науками об обществе не мог быть утвержден, поскольку и эти науки нуждались в причинном, а не в телеологическом объяснении явлений.

Вызов, брошенный Дильтеем «объяснительной психологии», не остался без ответа. С решительными возражениями выступил Эббингауз. Он указал, что нарисованная Дильтеем картина состояния психологии целиком фиктивна. Требование отказаться от гипотез и ограничиться чистым описанием звучит особенно неубедительно в эпоху, когда эксперимент и измерение резко расширили возможность точной проверки психологических гипотез. Источник раздоров между психологами, «войны всех против всех» – не гипотезы, а первичные факты сознания. «Ненадежность психологии ни в коем случае не начинается впервые с ее объяснений и гипотетических конструкций, но уже с простейших установлений фактов... Самое добросовестное спрашивание внутреннего опыта одному сообщает одно, другому же совершенно другое».

В этих возражениях Эббингауз отмечал как недостатки интроспекции, так и бесперспективность дильтеевского взгляда на приобретение достоверного знания о «могучей действительности жизни» путем внутреннего восприятия, которое основано на прямом усмотрении, на переживании того, что дано непосредственно.

В то же время в концепции Дильтея содержался рациональный момент. Она соотносила структуру отдельной личности с духовными ценностями, создаваемыми народом, с формами культуры. На эту идею ориентировался ученик Дильтея Э. Шпрангер (1882-1963), автор книги «Формы жизни» (1914). В ней описывалось шесть типов человеческого поведения в соответствии с основными областями культуры. В качестве идеальной характерологической модели выступал человек (личность) – теоретический, экономический, эстетический, социальный, политический и религиозный. Переживания индивида рассматривались в их связях с надындивидуальными сферами «объективного духа».

Концепция инстинктов. Другое социально-психологическое направление выдвинуло в качестве основы общественных связей не культурные ценности, а примитивные, темные силы. Во Франции Лебон (1841-1931) выступил с сочинением «Психология толпы», в котором доказывал, что в силу волевой неразвитости и низкого умственного уровня больших масс людей (толп) ими правят бессознательные инстинкты. В толпе самостоятельность личности утрачена, критичность ума и способность суждения резко снижены.

Переехавший в США английский психолог В. Мак-Дугалл в работе «Введение в социальную психологию» (1908) использовал понятие об инстинкте для объяснения социального поведения человека. Под инстинктами имелись в виду внутренние, прирожденные способности к целенаправленным действиям. Организм наделен витальной энергией, и не только общие ее запасы, но и пути ее «разрядки» предопределены ограниченным репертуаром инстинктов, единственного двигателя поступков человека как социального существа. Ни одно представление, ни одна мысль не может появиться без мотивирующего влияния инстинкта. Все, что происходит в области сознания, находится в прямой зависимости от этих бессознательных начал. Внутренним выражением инстинктов являются эмоции (так, ярость и страх соответствуют инстинкту борьбы, чувство самосохранения – инстинкту бегства и т.д.).

Концепция Мак-Дугалла приобрела огромную популярность на Западе, в особенности в Соединенных Штатах. Ею руководствовались социологи, политики, экономисты. По книге «Введение в социальную психологию» обучались сотни тысяч учащихся колледжей. В его теории видели воплощение «дарвиновского подхода» к проблемам социального поведения. Но дарвиновский подход, строго научный в области биологии, сразу же приобретал антиисторический смысл, как только его пытались использовать для объяснения общественных явлений, в том числе и общественной психологии.

Мы видели, что с развитием социальной психологии усиливались тенденции, нарождавшиеся в других ответвлениях психологической науки. Психические факты выводились не из интроспективно данного «потока сознания» индивида, а из системы общения между людьми. Интроспективная концепция тем самым подрывалась еще с одной стороны.

Благодаря исследованиям в этой области психологии, как и в других ее областях, ассоцианизм, «атомизм» (в смысле представления о том, что все содержание внутреннего мира складывается из психических элементов), интеллектуализм, психофизический параллелизм утрачивали былое влияние. Выдвигались новые проблемы, в частности связанные со специфическим характером психической деятельности индивида, когда ее объектом служит не физическая вещь, а другой человек. Большая группа проблем относилась к области, названной Спенсером «компаративной» (сравнительной) психологией. Здесь имелось в виду сравнительное изучение (с эволюционной точки зрения) уровней сознания, которые предшествуют его высшим формам (сознание первобытного человека, невротика, ребенка).

§ 6. ПСИХОТЕХНИКА

На протяжении веков педагогика и медицина представляли две главные области практического приложения психологических знаний. На рубеже XX века индустриальный прогресс, обратив интересы психологии к производственной, трудовой деятельности, обусловил зарождение психотехники (термин введен В.Штерном), под которой понималось использование психологии в экономике и промышленности. В 80-х годах XIX века американский инженер Ф.Тейлор (1856-1915) разработал систему интенсификации труда для рациональной организации производства (тейлоризм). Научная организация производства, проектирование трудовых процессов требовали точных знаний о нервно-психическом потенциале рабочих и возможностях его эффективного использования.

Тот же фактор, который породил тейлоризм, а именно непосредственная экономическая заинтересованность предпринимателей, стимулировал развитие психотехники. Для ее построения использовались достижения экспериментальной и дифференциальной психологии. Диапазон применения психотехники становится очень широким. Предпринимаются попытки определить оптимальную продолжительность рабочего времени. Развертываются экспериментальные исследования проблемы утомления, создаются методы анализа профессий и профессиональной пригодности.

Приобретает популярность так называемая профориентация. Здесь пионером выступил Парсон, автор книги «Выбор профессии», организовавший в Бостоне (США) специальное бюро. В задачу профориентации входило: а) помочь личности с помощью тестов приобрести возможно более достоверную информацию о своих психических свойствах; б) ознакомиться с требованиями, которые предъявляются к психофизической организации человека различными профессиями, а затем, в) сопоставив эти две группы сведений, дать рациональную рекомендацию.

Широкий план разработки индустриальной психологии (психотехники) содержала книга Г. Мюнстерберга «Психология промышленной производительности» (1913). Она стала важной вехой на пути сближения психологии с практикой. В ней рассматривались вопросы научного руководства предприятиями, профотбора и профориентации, производственного обучения, приспособления техники к психологическим возможностям человека и другие факторы повышения производительности рабочих и доходов предпринимателей. Мюнстерберг установил непосредственную связь с крупными американскими промышленными и транспортными компаниями. Они охотно направляли в его лабораторию испытуемых и руководствовались его рекомендациями при отборе рабочих и служащих. Преимущество экспериментально-психологических показателей по сравнению с интуицией и житейским опытом было очевидно. Заинтересованность предпринимателей в решении экономических задач психологическими средствами быстро возрастала, расширяя масштабы ассигнований и лабораторных работ.

Поворот психологии к промышленному производству совершился под давлением требований экономики. Но последствия этого поворота для психологии имели значение, выходящее далеко за пределы целей, ради которых фирмы субсидировали новое направление.

Средства, созданные в лабораторных условиях для изучения общих закономерностей душевной жизни задолго до рождения психотехники, проходили испытание практикой, безжалостной к теоретическим построениям, оторванным от реальности. Практика стала одной из главных разрушительных сил по отношению к старой концепции сознания.

Мюнстерберг, как и другие исследователи, создавшие психотехнику, первоначально вел работу в двух направлениях. С Целью диагностики для профотбора он, исходя из предположения, что психическая деятельность каждого человека представляет комплекс функций (память, внимание, общий интеллект, быстрота реакции и т. д.), определял с помощью тестов уровень развития этих функций, необходимый для успешного выполнения данной работы. Здесь применялись логика и техника дифференциальной психологии.

Другое направление исходило из анализа требований профессии к нервно-психическим функциям. Новаторским подходом отличалось изучение Мюнстербергом деятельности вагонновожатого с целью уменьшения аварийности на транспорте. Чтобы воспроизвести в лабораторных условиях соответствующую ситуацию, Мюнстерберг сконструировал модель (карту), изображавшую в виде знаков-символов поле восприятия и действия вагонновожатого. Испытуемые из числа водителей, направленных компанией на обследование, оперируя с моделью, единодушно свидетельствовали, что они испытывают те же ощущения, что и при вождении трамвая на оживленной улице. Время, затраченное на решение экспериментальной задачи, и количество совершенных при этом ошибок подсчитывались. Удовлетворительный результат рассматривался как показатель профессиональной пригодности.

В этой серии экспериментов Мюнстерберга содержались моменты, существенно отличающие их от традиционной схемы, общепринятой в «академической» экспериментальной психологии. Прежде всего, в качестве исходной бралась задача, выдвинутая практикой. Исходя из того, что задано производственным процессом, нужно было воспроизвести условия, в которых он осуществляется, т.е. смоделировать жизненную ситуацию. Преимущество модели в том, что она подобна символически обозначаемой реальности. Реакции испытуемого на символы в своих структурных особенностях также подобны действительным производственным операциям.

Все эти признаки перешли в дальнейшем из психотехники в инженерную психологию. Это означает, что, находясь в зависимости от общей психологии, ее теоретических и экспериментальных ресурсов, психотехника, в свою очередь, воздействовала на изменение общего характера психологической теории. Это изменение совершалось в том же генеральном направлении, которое характеризовало переход от прежней системы научных воззрений на сознание к новой.

Переход от искусственных условий обычной лаборатории к моделированию естественных условий деятельности внес в лабораторные методы заметные перемены. Главная из них – оттеснение на второй план показаний самонаблюдения. Они не интерпретировались, а использовались лишь в качестве индикатора соответствия внутренних состояний испытуемых при выполнении лабораторного задания их состоянию в обычном трудовом процессе. Таким образом, сближая лабораторное исследование с производством, психотехники наталкивались на реальные особенности психической деятельности, для анализа которых традиционные схемы были непригодны. Своей конкретной работой они не только упрочивали социальную значимость психологии, не только представляли на всеобщее научное обозрение поток новых фактов, но и преобразовывали облик психологической науки. Роль задачи в реализации психических функций, их своеобразное сочетание в целое, несводимое к расчлененным компонентам, отказ от взгляда на интроспекцию как на единственный канал приобретения собственно психологического знания – эти мотивы отчетливее всего звучали во всех областях психологии, вступившей в полосу кризиса.

Глава VII

ОСНОВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ*

§ 1. КРИЗИС ПСИХОЛОГИИ

Чем успешнее шла в психологии эмпирическая работа, резко расширявшая поле изучаемых психологией явлений, тем очевиднее становилась несостоятельность ее версий о сознании как замкнутом мире субъекта, зримом ему одному благодаря натренированной интроспекции под контролем инструкции экспериментатора. Крупные успехи новой биологии радикально меняли воззрения на все жизненные функции организма, в том числе психические.

Восприятие и память, навыки и мышление, установка и чувства трактовались теперь как своего рода «инструменты», позволяющие организму эффективно «орудовать» в жизненных ситуациях. Рушилось представление о сознании как особом замкнутом мире, изолированном острове духа. Вместе с тем новая биология направляла на изучение психики с точки зрения ее развития. Тем самым радикально расширялась зона познания объектов, недоступных для интроспективного анализа (поведение животных, детей, психически больных). Крах исходных представлений о предмете и методах психологии становился все более очевидным.

Глубокие преобразования испытывал категориальный аппарат психологии. Напомним об его основных блоках: психический образ, психическое действие, психическое отношение, мотив, личность. На заре научной психологии, как мы помним, исходным элементом психики считались показания органов чувств – ощущения. Теперь же взгляд на созна-

ние как устройство из атомов – ощущений – потерял научный кредит.

Было доказано, что психические образы – это целостности, которые лишь искусственным путем можно расщепить на элементы. Эти целостности были обозначены немецким термином «гештальт» (форма, структура) и под этим названием вошли в научный глоссарий психологии. Направление же, придавшее гештальту значение главной «единицы» сознания, утвердилось под именем гештальт-психологии.

Что касается психического действия, то и его категориальный статус изменился. В прежний период оно относилось к разряду внутренних, духовных актов субъекта. Однако успехи в применении объективного метода к изучению отношений между организмом и средой доказали, что область психики включает также внешнее телесное действие. Появилась мощная научная школа, возведшая его в предмет психологии. Соответственно направление, избравшее этот путь, исходя из английского слова «бихейвиор» (поведение), выступило под стягом бихевиоризма.

Еще одна сфера, открывшаяся психологии, при дала сознанию взамен первичного вторичное значение. Определяющей для психической жизни была признана сфера бессознательных влечений (мотивов), которые движут поведением и определяют своеобразие сложной динамики и структуры личности. Появилась приобретающая всесветную славу школа, лидером которой был признан З. Фрейд, а направление в целом (со множеством ответвлений) названо психоанализом.

Французские исследователи сосредоточились на анализе психических отношений между людьми. В работах ряда немецких психологов центральной вы ступила тема включенности личности в систему ценностей культуры. Особую новаторскую роль в истории мировой

* При участии Т. Д. Марцинковской.

психологической мысли сыграло учение о поведении в его особом, возникшем на почве русской культуры варианте.

Так появились различные школы, каждая из которых в центр всей системы категорий поставила одну из них – будь то образ или действие, мотив или

193

личность. Это и придало каждой школе своеобразный профиль.

Ориентация на одну из категорий как доминанту истории системы и придание другим категориям функции подчиненных – все это стало одной из причин распада психологии на различные – порой противостоящие друг другу – школы.

Это и создало картину кризиса психологии. Но если бы за противостоянием школ и враждой теорий не было корневой системы инвариантных категорий (получивших различную интерпретацию), приверженцы различных школ не могли бы понять друг друга, дискуссии между ними оказались бы бессмысленны, и никакой прогресс психологии не был бы возможен. Каждая школа оказалась бы замкнутой системой, и психологии как единой науки вообще не существовало бы. Между тем, вопреки неоднократным предупреждениям об ее распаде, психология продолжала наращивать свой эвристический потенциал. И дальнейшее развитие шло в направлении взаимодействия школ.

§ 2. СТРУКТУРАЛИЗМ

Рассмотрим, прежде всего, так называемую структурную школу – прямую наследницу направления, лидером которого являлся В.Вундт. Ее представители называли себя структуралистами, так как считали главной задачей психологии экспериментальное исследование структуры сознания. Понятие структуры предполагает элементы и их связь, поэтому усилия школы были направлены на поиск исходных ингредиентов психики (отождествленной с сознанием) и способов их структурирования. Это была вундтовская идея, отразившая влияние механистического естествознания.

С крахом программы Вундта наступил и закат его школы. Опустел питомник, где некогда осваивали экспериментальные методы Кеттелл и Бехтерев, Анри и Спирмен, Крепелин и Мюнстерберг. Многие из учеников, утратив веру в идеи Вундта, разочаровались и в его таланте. Компилятор, не сделавший никакого существенного вклада, кроме, может быть, доктрины апперцепции, – так отзывался о Вундте Стенли Холл, первый американский психолог, обучавшийся в Лейпциге. Как говорили, это было трагедией Вундта, что он привлек так много учеников, но удержал немногих. Однако один ученик продолжал свято верить, что только Вундт может превратить психологию в настоящую науку. Это был англичанин **Эдвард Титченер**.

Окончив Оксфорд, где он изучал философию, Титченер четыре года работал преподавателем физиологии. Сочетание философских интересов с естественнонаучными приводило многих в область психологии. Так случилось и с Титченером. В Англии 90-х годов он не мог заниматься экспериментальной психологией и отправился в Лейпциг. Пробыв два года у Вундта, он надеялся стать пионером новой науки у себя на родине, но там не было потребности в исследователях, экспериментирующих над человеческой «душой». Титченер уехал в Соединенные Штаты. Он обосновался в 1893 году в Корнельском университете. Здесь он проработал 35 лет, неуклонно следуя совместно с преданными учениками (число которых с каждым годом возрастало) программным установкам, усвоенным в Лейпцигской лаборатории. Титченер публикует «Экспериментальную психологию» (1901-1905), выдвинувшую его в ряд самых крупных психологов эпохи.

Перед психологией, по Титченеру, как и перед любой другой наукой, стоят три вопроса: «что?», «как?», «почему?».

Ответ на первый вопрос – это решение задачи аналитического порядка: требуется выяснить, из каких элементов построен исследуемый предмет. Рассматривая, как эти элементы комбинируются, наука решает задачу синтеза. И, наконец, необходимо объяснить, почему

возникает именно такая комбинация, а не иная. Применительно к психологии это означало поиск простейших элементов сознания и открытие регулярности в их сочетаниях (например, закона слияния тонов или контраста цветов). Титченер говорил, что на вопрос «почему?» психолог отвечает, объясняя психические процессы в терминах параллельных им процессов в нервной системе.

Под сознанием, учил Титченер, нужно понимать совсем не то, о чем сообщает банальное самонаблюдение, свойственное каждому человеку. Сознание имеет собственный строй и материал, скрытый за поверхностью его явлений, подобно тому, как от обычного, ненаучного взгляда скрыты реальные процессы, изучаемые физикой и химией. Чтобы высветить этот строй, испытуемый должен справиться с неотвязно преследующей его «ошибкой стимула». Она выражена в смешении психического процесса с наблюдаемым внешним объектом (стимулом этого процесса). Знание о внешнем мире оттесняет и затемняет «материю» сознания, «непосредственный опыт». Это знание оседает в языке. Поэтому вербальные отчеты испытуемых насыщены информацией о событиях и предметах внешнего мира. (Например, о стакане, а не о светлоте, о пространственных ощущениях и других психических компонентах, сопряженных с его воздействием на субъекта.) Научно-психологический анализ следует очистить от предметной направленности сознания. Нужен такой язык, который позволил бы говорить о психической «материи» в ее непосредственной данности.

В этой материи различались три категории элементов: ощущение (как простейший процесс, обладающий качеством, интенсивностью, отчетливостью и длительностью), образ и чувство. Никаких «надстроек» над ними не признавалось. Когда вюрцбургская школа сообщила, что к чувственным единицам сознания должна быть прибавлена еще одна – вневещественная «чистая мысль», свободная от образов, Титченер не принял этого взгляда, противопоставив ему свою «контекстную теорию значения».

Испытуемые в вюрцбургской лаборатории впадали, как он считал, в «ошибку стимула». Их сознание поглотили внешние объекты. Поэтому они и уверовали, что значение этих объектов представляет особую величину, нерастворимую в сенсорном составе опыта.

Представление о каком-либо объекте, по Титченеру, строится из совокупности чувственных элементов. Значительная их часть может покидать сознание, в котором остается лишь сенсорная сердцевина, до статочная, чтобы воспроизвести всю совокупность.

Если испытуемый при решении умственной задачи не осознает чувственно-образного состава значений, которыми он оперирует, то это ему не удастся только из-за недостаточной тренированности его интроспекции. Указанные моменты непременно участвуют в процессе мышления в трудноуловимой форме «темных» мышечных или органических ощущений, составляющих сенсорную сердцевину неосознаваемого контекста.

Титченер не терял надежды на то, что сочетание интроспекции с экспериментом и математикой, в конце концов, приблизит психологию к стандартам естественных наук. Между тем уже при жизни Титченера продуктивность исследований его школы стала пасть. Историк Р. Уотсон отмечает, что в течение последних 15 лет существования титченеровской лаборатории ее результаты не напоминали ранние работы ни по объему, ни по глубине. Причину упадка титченеровской школы следует искать в объективных обстоятельствах развития психологии. Школа эта сложилась на зыбкой почве интроспекционизма и по тому неизбежно должна была распасться. В 30-х годах многие из ее воспитанников продолжали активно работать, но никто уже не следовал программе структурализма.

§ 3. ВЮРЦБУРГСКАЯ ШКОЛА

В начале XX века в различных университетах мира действовали десятки лабораторий экспериментальной психологии. Только в Соединенных Штатах их было свыше сорока. Их тематика была различна: анализ ощущений, психофизика, психометрия, ассоциативный эксперимент. Работа велась с большим рвением, но существенно новые факты и идеи не рождались.

В.Джемс обращал внимание на то, что результаты огромного количества опытов не соответствуют вложенным усилиям. Но вот на этом однообразном фоне сверкнуло несколько публикаций в журнале «Архив об щей психологии», которые, как оказалось впоследствии, повлияли на прогресс науки не в меньшей степени, чем фолианты Вундта и Титченера. Публикации эти исходили от группы молодых экспериментаторов, стажировавшихся у профессора **Освальда Кюльпе** (1862-1915) в Вюрцбурге (Бавария). Профессор, уроженец Латвии (входившей в состав России), был мягкий, доброжелательный, общительный человек с широкими гуманитарными интересами. После обучения у Вундта он стал его ассистентом.

Известность Кюльпе принес «Очерк психологии» (1883), где излагались идеи, близкие к вундтовским. Но вскоре и он, возглавив лабораторию в Вюрцбурге, выступил против своего учителя. Проведенные в этой лаборатории несколькими молодыми людьми опыты оказались для первого десятилетия XX века самым значительным событием в экспериментальном исследовании человеческой психики.

В наборе экспериментальных схем вюрцбургской лаборатории поначалу как будто ничего примечательного не было. Определялись пороги чувствительности, измерялось время реакции, проводился ставший после Гальтона и Эббингауза широко распространенным ассоциативный эксперимент.

Все началось с небольшого, на первый взгляд, изменения инструкции испытуемому (в роли испытуемых обычно выступали попеременно сами экспериментаторы). От него требовалось не только, например, сказать, какой из поочередно взвешиваемых предметов тяжелее (в психофизиологических опытах), или отреагировать на одно слово другим (в ассоциативном эксперименте), но и сообщить, какие именно процессы протекали в его сознании перед тем, как он выносил суждение о весе предмета, или перед тем, как он произносил требуемое слово. Почему такого типа задачи прежде не ставились? Потому что иной была направленность исследовательского поиска. В психофизике, скажем, требовалось определить «едва заметное различие» между ощущениями. Отчет испытуемого рассматривался как информация о простейшем элементе сознания. В ассоциативном эксперименте нужно было выяснить, какой образ вызывает слово или сколько раз следует повторять раздражители, чтобы закрепилась связь между ними и т.д. Во всех случаях экспериментатора интересовало только одно – психические образы (хотя бы в виде наиболее элементарных качеств ощущений), т.е. эффекты действий испытуемого, а не сами эти действия (психические акты). Эффекты, в свою очередь, считались отражающими структуру интрапсихической сферы. Не удивительно, что при такой ориентации исследований идеи структурализма об «атомистическом» строении сознания казались прошедшими строгую экспериментальную проверку.

В поисках новых детерминант вюрцбургцы вышли за пределы принятой тогда экспериментальной модели (направлявшей работы и в психофизике, и в психометрии, и в ассоциативных экспериментах). Эта модель ограничивала опыт двумя переменными: раздражителем, воздействующим на испытуемого, и его ответной реакцией. Теперь была введена еще одна особая переменная: состояние, в котором находится испытуемый перед восприятием раздражителя.

Различные варианты экспериментов показывали, что в подготовительный период, когда испытуемый получает инструкцию, у него установка – направленность на решение задачи. Перед восприятием раздражителя (например, слово, на которое нужно ответить другим) эта установка регулирует ход процесса, но не осознается. Что касается функции чувственных образов в этом процессе, то они если и возникают, то сколько-нибудь существенного значения для решения задачи не имеют.

К важным достижениям вюрцбургской школы следует отнести то, что изучение мышления стало приобретать психологические контуры. Прежде считалось, что законы мышления – это законы логики, выполняемые в индивидуальном сознании согласно правилам образования ассоциаций. Поскольку же ассоциативный принцип является всеобщим, специфически психологическая сторона мышления вообще не различалась. Теперь же становилось оче-

видным, что эта сторона имеет собственные свойства и закономерности, отличные как от логических, так и от ассоциативных.

Особое строение процесса мышления объяснялось тем, что ассоциации в этом случае подчинялись де терминирующим тенденциям, источником которых служила принятая испытуемым задача.

Вюрцбургская школа вводила в психологическое мышление новые переменные: установку (мотивационную переменную), возникающую при принятии задачи; задачу (цель), от которой исходят детерминирующие тенденции; процесс как смену поисковых операций, иногда приобретающих аффективную напряженность; несенсорные компоненты в составе сознания (умственные, а не чувственные образы).

Эта схема противостояла традиционной, согласно которой детерминантой процесса служит внешний раздражитель, а сам процесс – «плетение» ассоциативных сеток, узелками которых служат чувственные образы (первичные – ощущения, вторичные – представления).

Наиболее существенным моментом у вюрцбургцев, как мы полагаем, явилась разработка категории психического действия как акта, имеющего свою детерминацию (мотив и цель), операционально-аффективную динамику и состав. Они вводили эту категорию «сверху», от правляясь от высших форм интеллектуального поведения. Но параллельно шел процесс внедрения этой категории «снизу», на уровне исследования элементарного приспособительного поведения живых существ. И здесь дарвиновская революция вела к новой трактовке интеллекта, для которой детерминантой является проблема, а не сам по себе раздражитель (ср. выдвинутое вюрцбургцами понятие о задаче – цели – и создаваемых целью детерминирующих тенденциях). Эта проблема возникает лишь при наличии у организма потребности (ср. понятие об установке у вюрцбургцев). Что касается вопроса, возможно ли мышление без образов, то он имел значение не столько в позитивном плане, сколько в плане разрушения той картины сознания, которую предлагал структурализм.

Мы умышленно, говоря о вюрцбургцах, поименно их не упоминали, так как стремились описать школу в целом. Теперь настало время назвать их имена – ведь каждому принадлежал определенный штрих в общей схеме.

Нарцисс Ах (1871-1946) реализовал в эксперименте предположение Кюльпе о том, что испытуемый «преднастроен» на выполнение задачи. Такую «преднастройку» он обозначил термином «детерминирующая тенденция», или «установка сознания». Последний термин звучал парадоксально, поскольку из опытов следовало, что эта тенденция (или установка) не осознается. Вскоре Ах внес в лексикон школы еще один термин – «сознанность» (*Bewußtsein*), чтобы обозначить особое (несенсорное) содержание сознания. Главная работа Аха в вюрцбургский период «О волевой деятельности и мышлении» (1905).

Карл Бюлер (1879-1963) работал в Вюрцбурге в 1907-1909 гг. Он внес в экспериментальную практику школы новую ориентацию, которая дала повод для наиболее острой критики со стороны Вундта. Методика заключалась в том, что перед испытуемым ставилась сложная проблема и он должен был, не используя хроноскопа, возможно более тщательно описать, что происходит в его сознании в процессе решения. В исторической литературе высказывается мнение, что «Бюлер, более чем кто-либо другой, сделал очевидным, что в опыте существуют данные, которые не являются сенсорными».

Уже после отъезда Кюльпе из Вюрцбурга (сперва в Бонн, а затем в Мюнхен) процесс мышления изучал Отто Зельц (1881-1944?). Ему принадлежит заслуга экспериментального анализа зависимости этого процесса от структуры решаемой задачи. Зельц ввел понятие об «антиципаторной схеме», которое обогатило прежние данные о роли установки и задачи. Главные работы Зельца – «О законе упорядоченного движения мысли» (1913), «К психологии продуктивного мышления и ошибки» (1922), «Закон продуктивной и репродуктивной духовной деятельности» (1924). Зельц погиб в нацистском концентрационном лагере.

Традиции экспериментального изучения мышления, созданные вюрцбургской школой, были развиты другими исследователями, к ней не принадлежавшими.

§ 4. ФУНКЦИОНАЛИЗМ

У истоков это направления, ставшего в начале XX века одним из господствующих в американской психологии, стоял австрийский психолог **Франц Brentano**.

Ф. Brentano (1838-1917) начал свою деятельность в качестве католического священника, оставив ее из-за несогласия с догматом о непогрешимости папы и перейдя в Венский университет, где стал профессором философии. Первый труд Brentano был посвящен психологии Аристотеля, а также ее интерпретации средневековыми католическими теологами, работавшими над понятием об интенции как особой направленности мысли. В незавершенной работе «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) Brentano предложил новую программу разработки психологии как самостоятельной науки, противопоставив ее господствовавшей в то время программе Вундта.

Главной для новой психологии он считал проблему сознания. Чем отличается сознание от всех других явлений бытия? Только ответив на этот вопрос, можно определить область психологии. В то время под влиянием Вундта господствовало мнение, что сознание состоит из ощущений, восприятий, представлений как особых, сменяющих друг друга процессов. С помощью эксперимента их можно выделить, подвергнуть анализу, найти те элементы или нити, из которых сплетается эта особая «ткань» внутреннего субъекта. Такое воззрение, утверждал Brentano, совершенно ложно, ибо оно игнорирует активность сознания, его постоянную направленность на объект. Для обозначения этого неперемennого признака сознания Brentano предложил термин «интенция». Она изначально присуща каждому психическому явлению и именно благодаря этому позволяет отграничить психические явления от физических.

Интенция – не просто активность. В ней совместно с актом сознания всегда сосуществует какой-либо объект. Психология использует, в частности, слово «представление», понимая под ним восстановление в памяти отпечатков виденного или слышанного. Согласно же Brentano следует говорить не о представлении, а о представлении, то есть о специальной духовной деятельности, благодаря которой осознается прежний образ. Это же относится и к другим психическим феноменам. Говоря, допустим, о восприятии, забывают, что в этом случае не просто происходит «всплывание» чувственного образа, а совершается акт восприятия этого содержания. Следует решительно разграничить акт и содержание, не смешивать их, и тогда станет совершенно ясно, что психология является наукой об актах сознания. Никакая другая наука, кроме нее, изучением этих особых интенциональных актов не занимается.

Описывая и классифицируя формы этих актов, Brentano приходил к выводу о том, что существует три основных формы: акты представления чего-либо, акты суждения о чем-либо как истинном или ложном и акты эмоциональной оценки чего-либо в качестве желаемого или отвергаемого. Вне акта объект не существует, но и акт, в свою очередь, возникает только при направленности на объект. Когда человек слышит слово, то его сознание устремляется сквозь звуковую, материальную оболочку к предмету, о котором идет речь. Понимание значения слова есть акт, и потому это психический феномен. Он разрушается, если брать порознь акустический раздражитель (звук) и обозначаемую им физическую вещь. Раздражитель и вещь сами по себе к области психологии не относятся.

Brentano решительно отвергал принятую в лабораториях экспериментальной психологии процедуру анализа. Он считал, что она извращает реальные психические процессы и феномены, которые следует изучать путем тщательного внутреннего наблюдения за их естественным течением.

Из конкретно психологических работ Brentano известны «Исследования по психологии чувств» и «О классификации психических феноменов». Другие его труды посвящены вопросам философии и аксиологии. Безусловно, очевидными он считал лишь психические феномены, данные во внутреннем опыте, тогда как знание о внешнем мире носит вероятностный характер.

Уроки Brentano, поставившего задачей описать, как работает сознание, оказали влияние на различные направления западной психологической мысли. Утвердив принцип активности, Brentano стал пионером европейского функционализма. Это было направление, которое противостояло так называемому структурализму в психологии, лидером которого выступил Вундт, считавший задачей новой психологической науки определение тех элементов, из которых складывается сознание, а также определение законов, по которым из них образуются психологические структуры. Против подобного взгляда на сознание как устройство «из кирпичей и цемента» и выступили функционалисты и их последователи. У Brentano учились и под прямым воздействием его идей находились многие психологи.

Идеи Brentano повлияли на Кюльпе и его вюрцбургскую школу. В числе обучавшихся философии в Вене у Brentano был З.Фрейд. В его учении понятие Brentano об интенции преобразовалось в версию «прикованности» психической энергии к внешним объектам (включая собственное тело индивида).

Идеи активности и предметности сознания, хотя в идеалистической интерпретации, утвердились благодаря Brentano в западноевропейской психологии.

Важную роль в разработке функционализма в его западноевропейском варианте сыграл немецкий психолог **Карл Штумпф**.

К. Штумпф (1848-1936) был профессором кафедры философии в Праге, Галле и Мюнхене. С 1894 года он работал в Берлинском университете, где организовал психологическую лабораторию. Под влиянием Brentano он считал предметом психологии исследование психологических функций, или актов (воспринимания, понимания, хотения), отличая их от феноменов (сенсорных или представляемых в виде форм, ценностей, понятий и им подобных содержаний сознания). Изучение феноменов Штумпф относил к особой предметной области – феноменологии, связывая ее с философией, а не с психологией.

Собственным предметом психологии Штумпф считал функции (или акты). Так, исследованию подлежит не красный цвет объекта (который представляет собой, согласно Штумпфу, феномен, а не функцию сознания), а акт (или действие) субъекта, благодаря которому человек осознает этот цвет в его отличии от других. Среди функций Штумпф различал две категории: интеллектуальные и эмотивные (или аффективные). Эмотивные функции состоят из противоположных пар: радость и печаль, желание и отвержение, стремление и избегание.

Эмоциональный оттенок могут приобрести и не некоторые явления, которые были названы «чувственными ощущениями».

С детства увлекаясь музыкой, Штумпф в большинстве своих экспериментальных работ сосредоточился на изучении восприятия музыкальных тонов. Эти работы были обобщены в его двухтомном труде «Психология тонов», внесшем самый крупный после Гельмгольца вклад в исследования психологической акустики. Полемизируя с Вундтом, Штумпф считал противоестественным расчленение показаний интроспекции на отдельные элементы. Результатам тех опытов, которые проводились на тренированными в интроспективном анализе психологами вундтовской школы, Штумпф противопоставил в качестве заслуживающих большего доверия свидетельства экспертов-музыкантов.

Штумпф рассматривал музыку как феномен культуры. Он создал архив фонограмм, где было 10 тысяч фонографических записей примитивной музыки различных народов. Принимал Штумпф участие в исследованиях по детской психологии, организовав немецкое «Общество детской психологии», а также по зоопсихологии (доказав, в частности, при обсуждении шумевшего феномена «умного Ганса» – лошади, которая выстукивала копытом «решение» математических задач, – что животное реагировало на еле заметные движения дрессировщика). Штумпф содействовал поездке своего ученика В.Келера в Африку для изучения поведения человекообразных обезьян. У него было много и других учеников, ставших впоследствии известными психологами.

При всем интересе к работам Brentano и Штумпфа наибольшее распространение функционализм по лучил в США, где он стал одним из ведущих психологических течений. Его программа, в противовес структурализму с его стерильным анализом сознания, ставила зада-

чей изучать, каким образом индивид посредством психических функций приспосабливается к изменчивой среде.

Развитие функционализма в Америке тесно связано с именем **Вильяма Джемса**.

В.Джемс (1842-1910) окончил Гарвардский университет, получив медицинское и художественное образование. В его психологических работах изложена не столько целостная система взглядов, сколько набор концепций, которые послужили основой различных подходов в современной психологии – от бихевиоризма до гуманистической психологии. Джемс сделал психологию одной из наиболее популярных наук в Америке. Он был первым профессором психологии в Гарвардском университете, создателем первой американской психологической лаборатории (1875), президентом Американской психологической ассоциации (1894-1895).

Джемс занимался многими проблемами – от изучения мозга и развития познавательных процессов и эмоций до проблем личности и психоделических исследований. Одним из основных вопросов для него являлось исследование сознания. Джемсу принадлежит идея о «потоке сознания», т.е. о непрерывности работы человеческого сознания, несмотря на внешнюю дискретность, вызванную частично бессознательными психическими процессами. Непрерывность мысли объясняет возможность самоидентификации несмотря на постоянные разрывы в сознании. Поэтому, например, просыпаясь, человек мгновенно осознает себя и ему «не нужно бежать к зеркалу для того, чтобы убедиться, что это он». Джемс подчеркивает не только непрерывность, но и динамизм, постоянную изменчивость сознания, говоря о том, что осознание даже привычных вещей постоянно меняется и, перефразируя Гераклита, который говорил о том, что нельзя войти два раза в одну и ту же реку, он писал, что мы не можем иметь в точности ту же самую мысль дважды.

Сознание не только непрерывно и изменчиво, но и селективно, избирательно, в нем всегда происходит принятие и отклонение, выбор одних предметов или их параметров и отвержение других. С точки зрения Джемса, исследование законов, по которым работает сознание, по которым протекает выбор или отвержение, и составляет главную задачу психологии. В этом вопросе была основная причина разногласий между школой функционализма Джемса и американским психологом Титченером, представлявшим школу структурализма. В отличие от Титченера, для Джемса первичным являлся не отдельный элемент сознания, а его поток как динамичная целостность. При этом Джемс подчеркивал приоритетность изучения именно работы сознания, а не его структуры. Изучая работу сознания, он приходит к открытию двух основных его детерминант – внимания и привычки.

Говоря об активности человека, ученый подчеркивал, что психика помогает в его практической деятельности, оптимизирует процесс социальной адаптации, повышает шансы на успех в любой деятельности.

Психологические взгляды Джемса тесно переплетены с его философской теорией функционализма, во главу угла которой ставится прагматизм. Поэтому Джемс большое внимание уделял прикладной психологии, доказывая, что ее значимость не меньше, чем теоретической психологии. Особенно важной, с его точки зрения, является связь психологии с педагогикой. Он даже опубликовал специальную книгу для педагогов «Беседы с учителями о психологии», в которой доказывал огромные возможности воспитания и самовоспитания, важность формирования у детей правильных привычек.

Джемс уделял значительное внимание проблеме личности, понимая ее как интегративное целое, что было принципиально новым в тот период. Он выделял в личности познаваемый и познающий элементы, полагая, что познаваемый элемент – наше эмпирическое Я, которое мы создаем как нашу личность, в то время как познающий элемент – наше чистое Я. Большое значение имело и выделение не скольких частей в структуре эмпирической личности – физической, социальной и духовной личности. Описывая их, Джемс говорил, что наше эмпирическое Я шире чисто физического, так как человек идентифицирует себя и со своими социальными ролями, и со своими близкими, расширяя свое физическое Я. В то же время эмпирическое Я может быть и уже физического, когда человек идентифицируется только с

определенными потребностями или способностями, отгораживаясь от других сторон своей личности.

Большое значение имело и описание Джемсом тех чувств и эмоций, которые вызывают разные структуры и части личности, – прежде всего описание самооценки (самодовольства и недовольства собой), о роли которой впервые заговорил именно он. Джемс вывел формулу самоуважения, которая представляет собой дробь, в числителе которой – успех, а в знаменателе – притязания.

Самоуважение = успех/притязания

Эта формула лежит в основе иерархии личностей, их стремления к самосовершенствованию и успеху, их болезней и неврозов, их оценки себя и испытываемых ими эмоций.

Джемс разработал одну из самых известных теорий эмоций (одновременно с датским психологом К. Ланге). Эта теория указывает на связь между эмоциями и физиологическими изменениями. Джемс говорил, что «мы опечалены, потому что плачем, приведены в ярость, потому что бьем другого, боимся, потому что дрожим», т. е. он доказывал, что физиологические изменения организма первичны по отношению к эмоциям. Несмотря на внешнюю парадоксальность этого взгляда, теория Джемса-Ланге получила широкое распространение благодаря как последовательности и логичности изложения, так и связи с физиологическими коррелятами. Представления Джемса о природе эмоций частично подтверждаются и современными исследованиями в области психофармакологии и психокоррекции.

Попытка Джемса выйти за пределы феноменов со знания и включить в круг научно-психологических объектов несводимое к этим феноменам реальное, устремленное к внешней среде предметное действие не удалась. Она не удалась из-за несовместимых с принципами научного познания философских установок – индетерминизма и субъективизма. Тем не менее, в психологическую теорию вводилась чуждая структуралистам проблема адаптивного двигательного акта, в связи с которой Джемс по-новому подходит к проблеме сознания.

Оставаясь в пределах психологии сознания с ее субъективным методом. Джемс придал трактовке сознания новую ориентацию, соотнеся его с телесным действием как инструментом приспособления к среде и с особенностями личности как системы, несводимой к совокупности ощущений, представлений и т.п.

Стремление Джемса трактовать личность как духовную тотальность, создающую себя «из ничего», оказалось в дальнейшем созвучным умонастроениям приверженцев экзистенциализма. «Именно Джемс был тот, кого мы сегодня должны назвать экзистенциалистом», – утверждает один из американских авторов.

Джемс много сделал для развития психологии как самостоятельной науки, независимой от медицины и философии. Хотя он и не является основоположником психологической школы или системы, им разработаны многие тенденции продуктивного развития психологической науки, намечен широкий план необходимых преобразований и направлений в этом развитии. Он поныне считается наиболее значимым и выдающимся американским ученым, оказавшим огромное влияние не только на психологическую науку, но и на философию и педагогику.

Наряду с Джемсом предтечей функционального направления принято считать **Джона Дьюи** (1859-1952). Приобретя в XIX веке большую известность как философ и педагог, Дьюи начинал свою карьеру в качестве психолога. Его книга «Психология» (1886) была первым американским учебником по этому предмету. Но не она определила его влияние на психологические круги, а небольшая статья «Понятие о рефлекторном акте в психологии» (1896), где он резко выступил против представления о том, что основными единицами поведения служат рефлекторные дуги.

Никто в психологии этого представления и не отстаивал. Тем не менее Дьюи требовал перейти к новому пониманию предмета психологии, признать таковым целостный организм в его неутомимой, адаптивной по отношению к среде активности. Сознание один из моментов в этом континууме. Оно возникает, когда координация между организмом и средой

нарушается, и организм, чтобы выжить, стремится приспособиться к новым обстоятельствам.

В 1894 году Дьюи был приглашен в Чикагский университет, где под его влиянием сформировалась группа психологов, вскоре объявивших себя в противовес последователям Вундта и Титченера функционалистами. Их теоретическое кредо высказал Джеймс Энджелл (1869-1949) в президентском адресе к Американской психологической ассоциации – «Область функциональной психологии» (1906). Здесь функциональная психология определялась как учение о психических (mental) операциях в противовес структуралистскому учению о психических элементах. Операции выполняют роль посредников между потребностями организма и средой. Главное назначение сознания – «аккомодация к новому». Организм действует как психофизическое целое, и поэтому психология не может ограничиться областью сознания. Ей следует устремиться в различных направлениях ко всему многообразию связей индивида с реальным миром и возможно более тесно сблизиться с другими науками – неврологией, социологией, антропологией, педагогикой.

Эти общие соображения не представляли ни новой теории (на ее создание Энджелл и не претендовал), ни новой исследовательской программы. Тем не менее, они привлекли в Чикаго большое количество студентов, желавших специализироваться в области психологии. Сложилась так называемая Чикагская школа, из которой вышли десятки американских психологов. Во главе ее после Энджелла стал Гарвей Кэрр (1873-1954). Позиции школы запечатлены в его книге «Психология» (1925), где эта наука определялась как изучение психической деятельности (mental activity). Этот термин, по Кэрру, является «общим именем для таких деятельностей, как восприятие, память, воображение, мышление, чувство, воля. Психическая деятельность состоит в приобретении, запечатлении, сохранении, организации и оценке опыта и его последующем использовании для руководства поведением».

Что касается методов, то в чикагской школе считалось целесообразным применять и интроспекцию, и объективное наблюдение (эксперимент трактовался как контролируемое наблюдение), и анализ продуктов деятельности. Чикагская школа Энджелла – Кэрра являлась научно-образовательной в том смысле, что в ней готовились в большом количестве кадры исследователей. Существенно новых теоретических идей и методов она не выдвинула, открытиями не прославилась. Ее идеи восходили к Джемсу, который экспериментами не занимался и, по собственному признанию, лабораторные занятия ненавидел.

Функциональная психология рассматривала проблему действия под углом зрения его биологически-адаптационного смысла, его направленности на решение жизненно важных для индивида проблемных ситуаций. Но в целом функционализм (как в «чикагском» варианте, так и в «колумбийском») оказался теоретически несостоятельным. Понятие «функция» в психологии (в отличие от физиологии, где оно имело прочное реальное основание) не было продуктивным. Оно не являлось ни теоретически продуманным, ни экспериментально обоснованным и справедливо отвергалось. Ведь под функцией понимался исходящий от субъекта акт (восприятия, мышления и др.), изначально направленный на цель или проблемную ситуацию. Детерминация психического акта, его отношение к нервной системе, его способность регулировать внешнее поведение – все это оставалось загадочным.

В атмосфере нараставшей слабости функционализма зарождается новое психологическое течение. На смену американскому функционализму приходит бихевиоризм.

§ 5. БИХЕВИОРИЗМ

Бихевиоризм, определивший облик американской психологии в XX столетии, радикально преобразовал всю систему представлений о психике. Его кредо выражала формула, согласно которой предметом психологии является поведение, а не со знание. (Отсюда и название – от англ. behavior, поведение.) Поскольку тогда было принято ставить знак равенства между психикой и сознанием (психическими считались процессы, которые начинаются и кончаются в сознании), возникла версия, будто, устраняя сознание, бихевиоризм тем самым ликвидирует психику.

Истинный смысл событий, связанных с возникновением и стремительным развитием бихевиористского движения, был иным и заключался не в аннигиляции психики, а в изменении понятия о ней.

Одним из пионеров бихевиористского движения был **Эдвард Торндайк** (1874-1949). Сам он называл себя не бихевиористом, а «коннексионистом» (от англ. «коннекция» – связь). Однако об исследователях и их концепциях следует судить не по тому, как они себя называют, а по их роли в развитии познания. Работы Торндайка открыли первую главу в летописи бихевиоризма.

Свои выводы Торндайк изложил в 1898 году в докторской диссертации «Интеллект животных. Экспериментальное исследование ассоциативных процессов у животных».* Термины Торндайк употреблял традиционные – «интеллект», «ассоциативные процессы», но содержанием они наполнялись новым.

* Эту работу И.П.Павлов считал пионерской в объективных исследованиях поведения.

После защиты диссертации Торндайк на протяжении 50 лет работал преподавателем учительского колледжа. Он опубликовал 507 работ по различным проблемам психологии.

То, что интеллект имеет ассоциативную природу, было известно со времен Гоббса. То, что интеллект обеспечивает успешное приспособление животного к среде, стало общепринятым после Спенсера. Но впервые именно опытами Торндайка было показано, что природа интеллекта и его функция могут быть изучены и оценены без обращения к идеям или другим явлениям сознания. Ассоциация означала уже связь не между идеями или между идеями и движениями, как в предшествующих ассоциативных теориях, а между движениями и ситуациями.

Весь процесс научения описывался в объективных терминах. Торндайк использовал идею Вена о «пробах и ошибках» как регулирующем начале поведения. Выбор этого начала имел глубокие методологические основания. Он ознаменовал переориентацию психологической мысли на новый способ детерминистского объяснения своих объектов. Хотя Дарвин специально не акцентировал роль «проб и ошибок», это понятие несомненно составляло одну из предпосылок его эволюционного учения. Поскольку возможные способы реагирования на непрестанно меняющиеся условия внешней среды не могут быть заранее предусмотрены в структуре и способах поведения организма, согласование этого поведения со средой реализуется только на вероятностной основе.

Эволюционное учение потребовало введения вероятностного фактора, действующего с такой же непреложностью, как и механическая причинность. Вероятность нельзя было больше рассматривать как субъективное понятие (результат незнания причин, по утверждению Спинозы). Принцип «проб, ошибок и случайного успеха» объясняет, согласно Торндайку, приобретение живыми существами новых форм поведения на всех уровнях развития. Преимущество этого принципа достаточно очевидно при его сопоставлении с традиционной (механической) рефлекторной схемой. Рефлекс (в его досеченовском понимании) означал фиксированное действие, ход которого определяется так же строго фиксированными в нервной системе путями. Невозможно было объяснить этим понятием адаптивность реакций организма и его обучаемость.

Торндайк принимал за исходный момент двигательного акта не внешний импульс, запускающий в ход телесную машину с подготовленными способами реагирования, а проблемную ситуацию, т.е. такие внешние условия, для приспособления к которым организм не имеет готовой формулы двигательного ответа, а вынужден ее построить собственными усилиями. Итак, связь «ситуация – реакция» в отличие от рефлекса (в его единственно известной Торндайку механистической трактовке) характеризовалась следующими признаками: 1) исходный пункт – проблемная ситуация; 2) организм противостоит ей как целое; 3) он активно действует в поисках выбора и 4) выучивается путем упражнения.

Прогрессивность подхода Торндайка по сравнению с подходом Дьюи и других чикагцев очевидна, ибо сознательное стремление к цели принималось ими не за феномен, который нуждается в объяснении, а за причинное начало. Но Торндайк, устранив сознательное

стремление к цели, удержал идею об активных действиях организма, смысл которых состоит в решении проблемы с целью адаптации к среде.

Итак, Торндайк существенно расширил область психологии. Он показал, что она простирается далеко за пределы сознания. Раньше предполагалось, что психолога за этими пределами могут интересовать только бессознательные явления, скрытые в «тайниках души». Торндайк решительно изменил ориентацию. Сферой психологии оказывалось взаимодействие между организмом и средой. Прежняя психология утверждала, что связи образуются между феноменами сознания. Она называла их ассоциациями. Прежняя физиология утверждала, что связи образуются между раздражением рецепторов и ответным движением мышц. Они назывались рефлексам. По Торндайку, коннексия – связь между реакцией и ситуацией. Очевидно, что это новый элемент. Говоря языком последующей психологии, коннексия – элемент поведения. Правда, термином «поведение» Торндайк не пользовался. Он говорил об интеллекте, о научении. Но ведь и Декарт не называл открытый им рефлекс рефлексом, а Гоббс, будучи родоначальником ассоциативного направления, еще не употребил словосочетание «ассоциация идей», изобретенное через полстолетия после него Локком. Понятие созревает раньше термина.

Работы Торндайка не имели бы для психологии пионерского значения, если бы не открывали новых, собственно психологических закономерностей. Но не менее отчетливо выступает у него ограниченность бихевиористских схем в плане объяснения человеческого поведения. Регуляция человеческого поведения совершается по иному типу, чем это представляли Торндайк и все последующие сторонники так называемой объективной психологии, считавшие за концы научения едиными для человека и остальных живых существ. Такой подход породил новую форму редукционизма. Присущие человеку закономерности поведения, имеющие общественно-исторические основания, сводились к биологическому уровню детерминации, и тем самым утрачивалась возможность исследовать эти закономерности в адекватных научных понятиях.

Торндайк больше чем кто бы то ни было подготовил возникновение бихевиоризма. Вместе с тем, как отмечалось, он себя бихевиористом не считал; в своих объяснениях процессов научения он пользовался понятиями, которые возникший позднее бихевиоризм потребовал изгнать из психологии. Это были понятия, относящиеся, во-первых, к сфере психического в ее традиционном понимании (в частности, понятия об испытываемых организмом состояниях удовлетворенности и дискомфорта при образовании связей между двигательными реакциями и внешними ситуациями), во-вторых, к нейрофизиологии (в частности, «закон готовности», который, согласно Торндайку, предполагает изменение способности проводить импульсы). Бихевиористская теория запретила исследователю поведения обращаться и к тому, что испытывает субъект, и к физиологическим факторам.

Теоретическим лидером бихевиоризма стал **Джон Браадус Уотсон** (1878-1958). Его научная биография поучительна в том плане, что показывает, как в становлении отдельного исследователя отражаются влияния, определившие развитие основных идей направления в целом.

После защиты диссертации по психологии в университете Чикаго Уотсон стал профессором университета Джона Гопкинса в Балтиморе (с 1908 года), где заведовал кафедрой и лабораторией экспериментальной психологии. В 1913 году он публикует статью «Психология с точки зрения бихевиориста», оцениваемую как манифест нового направления. Вслед за тем он публикует книгу «Поведение: введение в сравнительную психологию», в которой впервые в истории психологии был решительно опровергнут постулат о том, что предметом этой науки является сознание.

Девизом бихевиоризма стало понятие о поведении как объективно наблюдаемой системе реакций организма на внешние и внутренние стимулы. Это понятие зародилось в русской науке в трудах И.М.Сеченова, И.Л.Павлова и В.М.Бехтерева. Они доказали, что область психической деятельности не исчерпывается явлениями сознания субъекта, познаваемыми путем внутреннего наблюдения за ними (интроспекцией), ибо при подобной трактовке психики

неизбежно расщепление организма на душу (сознание) и тело (организм как материальную систему). В результате сознание отъединялось от внешней реальности, замыкалось в кругу собственных явлений (переживаний), ставящих его вне реальной связи земных вещей и включенности в ход телесных процессов. Отвергнув подобную точку зрения, русские исследователи вышли на новаторский путь изучения взаимоотношений целостного организма со средой, опираясь на объективные методы, сам же организм трактуя в единстве его внешних (в том числе двигательных) и внутренних (в том числе субъективных) проявлений. Этот подход намечал перспективу для раскрытия факторов взаимодействия целостного организма со средой и причин, от которых зависит динамика этого взаимодействия. Предполагалось, что знание причин позволит в психологии осуществить идеал других точных наук с их девизом «предсказание и управление».

Это принципиально новое воззрение отвечало потребностям времени. Старая субъективная психология повсеместно обнажала свою несостоятельность. Это ярко продемонстрировали опыты над животными, которые были главным объектом исследований психологов США. Рассуждения о том, что происходит в сознании животных при исполнении ими различных экспериментальных заданий, оказывались бесплодными. Уотсон пришел к убеждению, что наблюдения за состояниями сознания так же мало нужны психологу, как физика. Только отказавшись от этих внутренних наблюдений, настаивал он, психология станет точной и объективной наукой.

Общая тенденция перехода от сознания к поведению, от субъективного метода анализа психики к объективному наблюдалась на различных участках научного фронта. Прочитав (в немецком и французском переводе) книгу Бехтерева «Объективная психология», Уотсон окончательно утвердился во мнении, что условный рефлекс (Бехтерев называл его сочетательным) должен стать главной единицей анализа поведения. Знакомство с учением Павлова все лило в Уотсона уверенность, что именно условный рефлекс является ключом к выработке навыков, по строению сложных движений из простых, а также к любым формам научения, в том числе носящим аффективный характер.

Находясь под влиянием позитивизма, Уотсон доказывал, будто реально лишь то, что можно непосредственно наблюдать. Поэтому, по его плану, все поведение должно быть объяснено из отношений между непосредственно наблюдаемыми воздействиями физических раздражителей на организм и его так же непосредственно наблюдаемыми ответами (реакциями). Отсюда и главная формула Уотсона, воспринятая бихевиоризмом: «стимул – реакция» (S-R). Из этого явствовало, что процессы, которые происходят между членами этой формулы – будь то физиологические (нервные), будь то психические, психология должна устранить из своих гипотез и объяснений. Поскольку единственно реальными в поведении признавались различные формы телесных реакций, Уотсон заменил все традиционные представления о психических явлениях их двигательными эквивалентами.

Зависимость различных психических функций от двигательной активности была в те годы прочно установлена экспериментальной психологией. Это касалось, например, зависимости зрительного восприятия от движений глазных мышц, эмоций – от телесных изменений, мышления – от речевого аппарата и т. д.

Эти факты Уотсон использовал в качестве доказательства того, что объективные мышечные процессы могут быть достойной заменой субъективных психических актов. Исходя из такой посылки, он объяснял развитие умственной активности. Утверждалось, что человек мыслит мышцами. Речь у ребенка возникает из неупорядоченных звуков. Когда взрослые соединяют с каким-нибудь звуком определенный объект, этот объект становится значением слова. Постепенно у ребенка внешняя речь переходит в шепот, а за тем он начинает произносить слово про себя. Такая внутренняя речь (неслышная вокализация) есть не что иное, как мышление.

Всеми реакциями, как интеллектуальными, так и эмоциональными, можно, по мнению Уотсона, управлять. Психическое развитие сводится к учению, т. е. к любому приобретению знаний, умений, навыков – не только специально формируемых, но и возникающих стихий-

но. С этой точки зрения, научение – более широкое понятие, чем обучение, так как включает в себя и целенаправленно сформированные при обучении знания. Таким образом, исследования развития психики сводятся к исследованию формирования поведения, связей между стимулами и возникающими на их основе реакциями (S-R).

Исходя из такого взгляда на психику, бихевиористы делали вывод, что ее развитие происходит при жизни ребенка и зависит в основном от социального окружения, от условий жизни, т.е. от стимулов, поставляемых средой. Поэтому они отвергали идею возрастной периодизации, так как считали, что не существует единых для всех детей закономерностей развития в данный возрастной период. Доказательством служили и их исследования научения у детей разного возраста, когда при целенаправленном обучении уже двух-трехлетние дети научались не только читать, но и писать, и даже печатать на машинке. Таким образом, бихевиористы делали вывод, что какова среда, таковы и закономерности развития ребенка.

Однако невозможность возрастной периодизации не исключала, с их точки зрения, необходимости со здания функциональной периодизации, которая позволила бы установить этапы научения, формирования определенного навыка. С этой точки зрения, этапы развития игры, обучения чтению или плаванию являются функциональной периодизацией. (Точно так же функциональной периодизацией являются и этапы формирования умственных действий, разработанные в России П.Я.Гальпериным.)

Доказательства прижизненного формирования основных психических процессов были даны Уотсоном в его экспериментах по формированию эмоций.

Казалось бы, гипотеза Джемса о первичности телесных изменений, вторичности эмоциональных состояний должна была устроить Уотсона. Но он решительно ее отверг на том основании, что само представление о субъективном, переживаемом должно быть изъято из научной психологии. В эмоции, по Уотсону, нет ничего, кроме внутрителесных (висцеральных) изменений и внешних выражений. Но главное он усматривал в другом – в возможности управлять по заданной программе эмоциональным поведением.

Уотсон экспериментально доказывал, что можно сформировать реакцию страха на нейтральный стимул. В его опытах детям показывали кролика, которого они брали в руки и хотели погладить, но в этот момент получали разряд электрического тока. Ребенок испуганно бросал кролика и начинал плакать. Опыт повторялся, и на третий-четвертый раз появление кролика даже в отдалении вызывало у большинства детей страх. После того как эта негативная эмоция закреплялась, Уотсон пытался еще раз изменить эмоциональное отношение детей, сформировав у них интерес и любовь к кролику. В этом случае ребенку показывали кролика во время вкусной еды. В первый момент дети прекращали есть и начинали плакать. Но так как кролик не приближался к ним, оставаясь в конце комнаты, а вкусная еда (шоколадка или мороженое) была рядом, то ребенок успокаивался. После того как дети переставали реагировать плачем на появление кролика в конце комнаты, экспериментатор придвигал его все ближе и ближе к ребенку, одновременно добавляя вкусных вещей ему на тарелку. Постепенно дети переставали обращать внимание на кролика и под конец спокойно реагировали, когда он располагался уже около их тарелки, и даже брали его на руки и старались накормить. Таким образом, доказывал Уотсон, эмоциональным поведением можно управлять.

Принцип управления поведением получил в американской психологии после работ Уотсона широкую популярность. Концепцию Уотсона (как и весь бихевиоризм) стали называть «психологией без психики». Эта оценка базировалась на мнении, будто к психическим явлениям относятся только свидетельства самого субъекта о том, что он считает происходящим в его сознании при «внутреннем наблюдении». Однако область психики значительно шире и глубже непосредственно осознаваемого. Она включает также и действия человека, его поведенческие акты, его поступки. Заслуга Уотсона в том, что он расширил сферу психического, включив в него те телесные действия животных и человека. Но он добился этого дорогой ценой, отвергнув как предмет науки огромные богатства психики, несводимые к внешне наблюдаемому поведению.

В бихевиоризме неадекватно отразилась потребность в расширении предмета психологических исследований, выдвинутая логикой развития научного знания. Бихевиоризм выступил как антипод субъективной (интроспективной) концепции, сводившей психическую жизнь к «фактам сознания» и полагавшей, что за пределами этих фактов лежит чуждый психологии мир. Критики бихевиоризма в дальнейшем обвиняли его сторонников в том, что в своих выступлениях против интроспективной психологии они сами находились под влиянием созданной ею версии о сознании. Приняв эту версию за незыблемую, они полагали, что ее можно либо принять, либо отвергнуть, но не преобразовать. Вместо того, чтобы взглянуть на сознание по-новому, они предпочли вообще с ним разделаться.

Эта критика справедлива, но недостаточна для понимания гносеологических корней бихевиоризма. Если даже вернуть сознанию его предметно-образное содержание, превратившееся в интроспекционизме в призрачные «субъективные явления», то и тогда нельзя объяснить ни структуру реально го действия, ни его детерминацию. Как бы тесно ни были связаны между собой действие и образ, они не могут быть сведены одно к другому. Несводимость действия к его предметно-образным компонентам и была той реальной особенностью поведения, которая гипертрофированно предстала в бихевиористской схеме.

Уотсон стал наиболее популярным лидером бихевиористского движения. Но один исследователь, сколь бы ярким он ни был, бессилён создать научное направление.

Среди сподвижников Уотсона по крестовому походу против сознания выделялись крупные экспериментаторы **У.Хантер** (1886-1954) и **К.Лешли** (1890-1958). Первый изобрел в 1914 году экспериментальную схему для изучения реакции, которую он назвал отсроченной. Обезьяне, например, давали возможность увидеть, в какой из двух ящиков положен банан. Затем между ней и ящиками ставили ширму, которую через несколько секунд убирали. Она успешно решала эту задачу, доказав, что уже животные способны к отсроченной, а не только непосредственной реакции на стимул.

Учеником Уотсона был Карл Лешли, работавший в Чикагском и Гарвардском университетах, а затем в лаборатории Иеркса по изучению приматов. Он, как и другие бихевиористы, считал, что сознание безостаточно сводится к телесной деятельности организма. Известные опыты Лешли по изучению мозговых механизмов поведения строились по следующей схеме: у животного вырабатывался какой-либо навык, а за тем удалялись различные части мозга с целью выяснить, зависит ли от них этот навык. В итоге Лешли пришел к выводу, что мозг функционирует как целое и его различные участки эквивалентны, т. е. равноценны, и потому с успехом могут заменять друг друга.

Всех бихевиористов объединяла убежденность в бесплодности понятия о сознании, в необходимости покончить с «ментализмом». Но единство перед общим противником – интроспективной концепцией – утрачивалось при решении конкретных научных проблем.

И в экспериментальной работе, и на уровне теории в психологии совершались изменения, приведшие к трансформации бихевиоризма. Система идей Уотсона в 30-х годах уже не была более единственным вариантом бихевиоризма.

Распад первоначальной бихевиористской программы говорил о слабости ее категориального «ядра».

Категория действия, односторонне трактовавшаяся в этой программе, не могла успешно разрабатываться при редукции образа и мотива. Без них само действие утрачивало свою реальную плотность. Образ событий и ситуаций, на которые всегда ориентировано действие, оказался у Уотсона низведенным до уровня физических раздражителей. Фактор мотивации либо вообще отвергался, либо выступал в виде нескольких примитивных аффектов (типа страха), к которым Уотсон вынужден был обращаться, чтобы объяснить условно-рефлекторную регуляцию эмоционального поведения. Попытки включить категории образа, мотива и психосоциального отношения в исходную бихевиористскую программу привели к ее новому варианту – необихевиоризму.

§ 6. НЕОБИХЕВИОРИЗМ

Возглавили это движение американские психологи Э. Толмен и К.Халд.

Эдвард Толмен (1886-1959) свои основные идеи изложил в книге «Целевое поведение у животных и человека» (1932). Как и другие бихевиористы, экспериментальную работу он вел в основном на животных (белых крысах), считая, что законы поведения являются общими для всех живых существ, а наиболее четко и досконально могут быть прослежены на более элементарных уровнях поведения.

Подобно своим предшественникам, «классическим бихевиористам», Толмен отстаивал положение, что исследование поведения должно вестись строго объективным методом, без всяких произвольных допущений о недоступном этому методу внутреннем мире сознания. Однако Толмен возражал против того, чтобы ограничиваться в анализе поведения только формулой «стимул – реакция» и игнорировать факторы, которые играют незаменимую роль в промежутке между ними. Эти факторы он назвал «промежуточными переменными».

Раньше считалось, что эти факторы являются чисто внутренними, открытыми только для индивидуального субъекта, способного наблюдать за своим со-

222

знанием. Толмен доказывал, что и внутренние процессы можно «вывести наружу» и придать их исследованию такую же точность, как исследованию любых физических вещей. Для этого поведение следует рассматривать не как цепочку отдельных реакций, а с точки зрения его целостной организации. Такое целостное поведение Толмен описывал как систему, связанную со своим окружением сетью познавательных отношений. Организм ориентируется в ситуациях, к которым приспосабливается, благодаря тому, что выделяет определенные признаки, позволяющие различать «что ведет к чему». Он не просто сталкивается со средой, а как бы идет навстречу ей со своими ожиданиями, строя гипотезы и даже проявляя изобретательность в поисках оптимального выхода из проблемной ситуации.

В отличие от других бихевиористов, Толмен настаивал на том, что поведение не сводится к выработке двигательных навыков. По его экспериментальным данным, организм, постепенно осваивая обстановку, строит познавательную («когнитивную») карту того пути, которому нужно следовать для решения задачи. (В качестве главной задачи испытуемые животные в опытах Толмена должны были найти выход из лабиринта, чтобы получить подкормку и тем самым удовлетворить потребность в пище.) Уделяя большое внимание вопросам научения, Толмен выделил особый тип научения, которое было названо латентным (скрытым). Это скрытое, ненаблюдаемое научение играет роль, когда подкрепление отсутствует. И тем не менее оно способно изменять поведение.

Теория Толмена побудила пересмотреть прежние взгляды бихевиористов на факторы, которые регулируют адаптацию организма к среде. Среди этих факторов особо следует выделить целевую регуляцию действий живых существ, их способность к активной познавательной работе даже в тех случаях, когда речь идет о выработке двигательных навыков.

После экспериментов Толмена стала очевидна не достаточность прежних воззрений на поведение. Потребовался их пересмотр.

Кларк Халд (1884-1953) стремился придать психологической теории стройность и точность, свойственные физико-математическим наукам. Исходя из этого, он считал, что в психологии следует выдвинуть несколько общих теорем (подобно геометрии Эвклида или механике Ньютона), подвергнуть их экспериментальной проверке и в случае, если они опытом не подтвердятся, преобразовать их в более адекватные положения. Такой подход получил название гипотетико-дедуктивного метода.

Халд опирался в основном на учение И.Л.Павлова об условных рефlekсах, считая, что важнейшую роль при использовании этого понятия следует придать силе навыка. Для того чтобы эта сила проявилась, необходимы определенные физиологические потребности. Из всех факторов решающее влияние на силу навыка оказывает редукция потребности. Чем чаще она редуцируется, тем больше сила навыка. Величина редукции потребности определяет-

ся количеством и качеством подкреплений. Кроме того, сила навыка зависит от интервала между реакцией и ее подкреплением, а также от интервала между условным раздражителем и реакцией. Халд разделил первичное и вторичное подкрепление. Первичным подкреплением является, например, пища для голодного организма или удар электрическим током, вызывающий прыжок у крысы. Потребность соединена с раздражителями, реакция на которые, в свою очередь, играет роль подкрепления, но уже вторичного.

Халд полагал, что можно строго научно объяснить поведение организма без обращения к психическим образам, понятиям и другим интеллектуальным компонентам. По его мнению, для различения объектов достаточно такого образования, как потребность. Если в одном из коридоров лабиринта животное может найти пищу, а в другом – воду, то характер его движений однозначно определяется потребностью и больше ничем.

Холл первым поставил вопрос о возможности моделирования условно-рефлекторной деятельности. Он высказал предположение, что если бы удалось сконструировать из неорганического материала устройство, способное воспроизвести все существенные функции условного рефлекса, то, организовав из таких устройств системы, можно было бы продемонстрировать настоящее научение методом «проб и ошибок». Тем самым предвосхищались будущие кибернетические модели саморегуляции поведения.

Халд создал большую школу, стимулировавшую разработку применительно к теории поведения физико-математических методов, использование аппарата математической логики и построение моделей, на которых проверялись гипотезы о различных способах приобретения навыков.

Новый импульс развитию этого направления дала теория Б.Ф.Скиннера, разработавшего концепцию «оперантного бихевиоризма».

Берхауз Фредерик Скиннер (1904-1990) окончил Гарвардский университет, защитив в 1931 году докторскую диссертацию. В течение последующих пяти лет Скиннер работал в Гарвардской медицинской школе, занимаясь исследованием нервной системы животных. Большое влияние на его научные интересы оказали исследования Уотсона и работы Павлова по формированию и изучению условных рефлексов. После нескольких лет работы в Миннесотском университете и в университете Индианы Скиннер становится профессором Гарвардского университета, где оставался до конца жизни. Он становится членом национальной академии наук, его работы приобретают всемирную известность. Однако первоначальное стремление стать писателем приводит Скиннера к идее связать две его основные потребности – в науке и в искусстве, что реализуется в написанном им в 1949 году романе «Уолден-2». Здесь он описывал утопическое общество, основанное на разработанных им принципах обучения.

Стремясь переработать классический бихевиоризм, Скиннер исходил прежде всего из необходимости систематического подхода к пониманию человеческого поведения. Он считал необходимым исключить из исследования все фикции, к которым прибегают психологи для объяснения вещей, причин которых они не знают. К таким фикциям Скиннер относил многие понятия психологии личности (автономии, свободы, творчества). С его точки зрения, невозможно говорить о реальной свободе человека, так как он никогда сам не управляет своим поведением, которое детерминировано внешней средой.

Одной из центральных идей Скиннера является стремление понять причины поведения и научиться им управлять. В этом отношении он полностью разделял разработанные Торндайком и Уотсоном взгляды на социогенетическую природу психического развития, т. е. исходил из того, что развитие есть научение, которое обуславливается внешними стимулами. От констатации Скиннер переходит к разработке методов целенаправленного обучения и управления поведением. А потому в психологию он вошел в первую очередь как теоретик обучения, разработавший различные программы обучения и коррекции поведения.

Исходя из представления о том, что не только умения, но и знания представляют собой вариации по ведению, Скиннер разрабатывает его особый вид оперантное поведение. В принципе он исходил из того, что психика человека основана на рефлексам разного рода и разной

степени сложности. Однако, сравнивая свой подход к формированию рефлексов с подходом Павлова, Скиннер подчеркивал существенные различия между ними. Условный рефлекс, формируемый в экспериментах Павлова, он называл стимульным поведением, так как его формирование связано с ассоциацией между разными стимулами и не зависит от собственной активности субъекта. Так, собаке по звонку всегда дается мясо независимо от того, что она в этот момент делает. Таким образом происходит ассоциация между мясом и звонком, в ответ на который наблюдается слюноотделение. Однако, подчеркивал Скиннер, 'такая реакция быстро формируется, но и быстро исчезает без подкрепления: она не может быть основой постоянного поведения субъекта.

В противовес этому подходу, при оперантном обучении подкрепляется только поведение, операции, которые совершает субъект в данный момент. Большое значение имеет и тот факт, что сложная реакция разбивается на ряд простых, следующих друг за другом и приводящих к нужной цели. Так, при обучении голубя сложной реакции – выходу из клетки с помощью нажатия клювом на рычаг Скиннер подкреплял каждое движение голубя в нужном направлении, добиваясь того, что в конце концов он безошибочно выполнял эту сложную операцию. Такой подход к формированию нужной реакции имел большие преимущества по сравнению с традиционным. Прежде всего, это поведение было намного устойчивее, оно очень медленно угасало даже при отсутствии подкрепления. Скиннер обратил внимание на то, что даже одноразовое подкрепление может иметь значительный эффект, так как устанавливается хотя бы случайная связь между реакцией и появлением стимула. Если стимул был значимым для индивида, он будет пытаться повторить реакцию, которая принесла ему успех. Такое поведение Скиннер называл «суеверным», указывая на его большую распространенность.

Не меньшее значение имеет и тот факт, что обучение при оперантном обусловливании идет быстрее и проще. Это связано с тем, что экспериментатор имеет возможность наблюдать не только за конечным результатом (продуктом), но и за процессом выполнения действия (ведь оно разложено на составляющие, реализуемые в заданной последовательности). Фактически происходит экстериоризация, «вынесение вовне» не только исполнения, но и ориентировки и контроля за действием. Что особенно важно, такой подход возможен при обучении не только определенным навыкам, но и знаниям.

Разработанный Скиннером метод программированного обучения давал возможность оптимизировать учебный процесс, разработать корректирующие программы для неуспевающих и умственно отсталых детей. Эти программы имели огромные преимущества перед традиционными программами обучения, так как давали возможность учителю проконтролировать и, в случае необходимости, исправить процесс решения задачи, мгновенно замечая ошибку учащегося. Кроме того, эффективность и безошибочность выполнения повышали мотивацию учения, активность учащихся. Появлялась и возможность индивидуализировать процесс обучения в зависимости от темпа усвоения знаний.

Однако у этих программ был и существенный недостаток, так как экстериоризация, играющая положительную роль при начале обучения, тормозит развитие свернутых, умственных действий, так как не дает возможности интериоризовать действие и свернуть развернутую педагогом схему решения задачи.

Если программы обучения детей, разработанные Скиннером, были встречены с энтузиазмом и получили повсеместное распространение, то его подход к программированию поведения и так называемые программы, которые были разработаны с целью коррекции отклоняющегося поведения (у малолетних преступников, психически больных людей), подверглись обоснованной критике. Прежде всего речь шла о недопустимости тотального контроля за поведением (без которого невозможно применение этих программ), так как речь идет о постоянном положительном подкреплении желательного поведения и отрицательном подкреплении нежелательного. Кроме того, возникал вопрос и о правомерности награды за определенное количество набранных жетонов, и о наказании за их недостаточное количество, ибо при этом не должны быть нарушены основные права детей.

Несмотря на эти недостатки подход Скиннера дал реальную возможность корректировать и направлять процесс обучения, процесс формирования новых форм поведения. Он оказал огромное влияние на психологию. В современной американской науке Скиннер является одним из наиболее влиятельных авторитетов, превзойдя по количеству цитирования и сторонников даже Фрейда. При этом наибольшее влияние его теория оперантного поведения оказала на практику, дав возможность пересмотреть процесс научения и разработать новые подходы к обучению и новые программы.

§ 7. СОЦИАЛЬНЫЙ БИХЕВИОРИЗМ

Кроме процесса обучения, бихевиористы изучали и социализацию детей, приобретение ими социального опыта и норм поведения того круга, к которому они принадлежат.

Американский ученый **Джордж Мид** (1863-1931), работавший в Чикагском университете, попытался учесть своеобразие обусловленности человеческого поведения в своей концепции, названной социальным бихевиоризмом.

Исследования этапов вхождения ребенка в мир взрослых привели Д. Мида к мысли о том, что личность ребенка формируется в процессе его взаимодействия с другими. При этом в общении с разными людьми ребенок играет разные «роли». Таким образом, его личность является как бы объединением раз личных ролей, которые он на себя принимает. Большое значение как в формировании, так и в осознании этих ролей имеет игра, в которой дети впервые учатся принимать на себя различные роли и соблюдать определенные правила.

Теория Мида называется также и теорией ожидания, так как, по его мнению, дети проигрывают свои роли в зависимости от ожиданий взрослого. Именно в зависимости от ожиданий и от прошлого опыта (наблюдения за родителями, знакомыми) дети по-разному играют одни и те же роли. Так, роль ученика ребенок, от которого родители ожидают только отличных отметок, играет по-другому, чем ребенок, которого «сдали» в школу только по тому, что это надо и чтобы он хотя бы полдня не пугался дома под ногами.

Мид различает игры сюжетные и игры с правилами. Сюжетные игры учат детей принимать и играть различные роли, изменять их по ходу игры, как это потом придется делать в жизни. До начала этих игр дети знают только одну роль – ребенка в своей семье. Теперь они учатся быть и мамой, и летчиком, и поваром, и учеником. Игры с правилами помогают детям развивать произвольность поведения, овладевать теми нормами, которые приняты в обществе, так как в этих играх существует, как пишет Мид, «обобщенный другой», т.е. правило, которое дети должны выполнять. Понятие «обобщенный другой» было введено Милом для того, чтобы объяснить, почему дети выполняют правила в игре, но не могут еще их выполнить в реальной жизни. С его точки зрения, в игре правило является как бы еще одним обобщенным партнером, который со стороны следит за деятельностью детей, не позволяя им отклониться от нормы.

Большой интерес представляют и исследования асоциального (агрессивного) и просоциального поведения, предпринятые психологами этого направления. Так, Д.Доллард разработал теорию фрустрации (фрустрация – дезорганизация поведения, вызванная невозможностью справиться с трудностями). Теория Долларда утверждает, что сдерживание слабых проявлений агрессивности (которые явились результатом прошедших фрустраций) может привести к их сложению и создать очень мощную агрессивность. Согласно этому мнению, возможно, что все фрустрации, которые переживаются в детском возрасте, могут привести к агрессивности в зрелом возрасте. В настоящее время это широко распространенное мнение считается спорным. (Тем более, что ряд исследователей доказывают невозможность воспитания и развития детей без каких-либо фрустрационных ситуаций. Так, подсчитано, что ежедневно каждый ребенок до школьного возраста переживает около 90 фрустрационных ситуаций в семье и в детском саду, но только небольшое число этих фрустраций могут привести к агрессивному поведению.)

Большое значение имеют и работы Ф.Петермана, А.Бандуры и других ученых, посвященные коррекции отклоняющегося поведения.

Исследования процесса социализации детей привели бихевиористов и к открытию таких важных феноменов, как конформизм и негативизм. Необходимо отметить, что исследования ученых этой школы открыли многие законы и механизмы обучения и тем самым способствовали оптимизации процесса обучения и воспитания детей.

§ 8. ГЕШТАЛЬТ-ПСИХОЛОГИЯ

В те же годы, когда в Соединенных Штатах вспыхнул бихевиористский «бунт» против психологии сознания, в Германии другая группа молодых исследователей отвергла психологический «истеблишмент» с не меньшей решительностью, чем Уотсон. Эта группа стала ядром новой научной школы, выступившей под названием гештальт-психологии (от нем. Gestalt – форма, структура).

Ядро образовал триумвират, в который входили **Макс Вертгеймер** (1880-1943), **Вольфганг Келер** (1887-1967) и **Курт Коффка** (1886-1941). Они встретились в 1910 году во Франкфурте-на-Майне в Психологическом институте, где Вертгеймер искал экспериментально ответ на вопрос о том, как строится образ восприятия видимых движений, а Келер и Коффка были не только испытуемыми, но и участниками обсуждения результатов опытов. В этих дискуссиях зарождались идеи нового направления психологических исследований.

Схема опытов Вертгеймера была проста. Вот один из вариантов. Через две щели – вертикальную и отклоненную от нее на 20-30 градусов – про пускался с различными интервалами свет. При интервале более 200 миллисекунд два раздражителя воспринимались отдельно, как следующие друг за другом, при интервале менее 30 миллисекунд – одновременно; при интервале около 60 миллисекунд возникало восприятие движения. Вертгеймер назвал это восприятие фи-феноменом. Он ввел специальный термин, чтобы выделить уникальность этого явления, его несводимость (вопреки обще принятому в ту эпоху мнению) к сумме ощущений от раздражения сперва одних пунктов сетчатки, а затем других. Сам по себе результат опытов был тривиален. Вертгеймер использовал давно уже изобретенный стробоскоп, позволяющий при вращении с известной скоростью отдельных дискретных изображений создать видимость движения – принцип, приведший к созданию кинопроектора. Вертгеймер видел смысл своих опытов в том, что они опровергали господствующую психологическую доктрину: в составе сознания обнаруживались целостные образы, неразложимые на сенсорные первоэлементы.

Вспоминая об идейной атмосфере, в которой про водились эти опыты, один из их участников, Келер, писал 30 лет спустя:

«Мы все испытывали большое уважение к точным методам, посредством которых в то время исследовались определенные сенсорные данные и факты памяти. Но мы также очень сильно ощущали, что работа такого небольшого объема никогда не сможет дать нам адекватную психологию реальных человеческих существ. Одни были убеждены, что основатели экспериментальной психологии крайне несправедливы по отношению ко всем высшим формам психической жизни. Другие подозревали, что в самом основании новой науки скрыты некоторые посылки, делающие их работу стерильной».

Стало быть, ставя опыты, касающиеся частного вопроса, будущие гештальтисты ощущали как сверх задачу необходимость преобразования психологии. Они занялись этой наукой, будучи воодушевлены ее экспериментальными достижениями. Они и сами прошли хорошую экспериментальную выучку (Вертгеймер – в Вюрцбурге у Кюльпе, Келер и Коффка у Штумпфа в Берлине). И вместе с тем они испытывали неудовлетворенность ситуацией в психологии. В чем причина?

Как видно из воспоминаний Келера, причина их неудовлетворенности была в том, что высшие психические процессы оставались вне точного экспериментального анализа, который ограничивался сенсорными элементами и принципом ассоциаций. Хотя Вертгеймер получил в 1904 году (в самый разгар споров о внеобразном мышлении) докторскую степень в Вюрцбурге, где изучал именно эти высшие процессы, тем не менее, пути к новой психологии

как «науке о реальных человеческих существах» не нашел. Значит, верны подозрения, что стерильность психологических исследований коренится в ложности их исходных посылок. Тогда нет нужды идти экспериментальной психологии «вверх» – к актам мышления и воли. Следует пересмотреть ее основания, начиная от трактовки простейших чувственных феноменов. Одним из них и оказался открытый Вертгеймером целостный фи-феномен. Результаты его изучения были изложены в статье «Экспериментальные исследования видимого движения» (1912). От этой статьи принято вести родословную гештальтизма. Его главный постулат гласил, что первичными данными психологии являются целостные структуры (гештальты), в принципе невыводимые из образующих их компонентов. Гештальтам присущи собственные характеристики и законы. Свойства частей определяются структурой, в которую они входят. Мысль о том, что целое больше образующих его частей, была очень древней. Чтобы объяснить характер ее влияния на психологию, следует рассмотреть общий исторический фон (весь научно-теоретический «гештальт»), в пределах которого складывалась новая школа.

Прежде всего заслуживает внимания факт одновременного возникновения гештальтизма и бихевиоризма. Вертгеймер и Уотсон выступили с идеей реформы психологии одновременно в условиях нараставшей неудовлетворенности господствовавшими воззрениями на предмет, проблемы, объяснительные принципы психологии. Остро чувствовалась необходимость ее обновления. Как известно, в движении научного познания имеются как эволюционные периоды, так и периоды крутой ломки общепринятых представлений. Продуктом коренных сдвигов в психологическом познании явились и бихевиоризм, и гештальтизм. Их одновременное появление – показатель того, что они возникли как различные варианты ответа на запросы логики развития психологических идей. И действительно, оба направления были реакцией на сложившиеся научные стереотипы и протестом против них. Эти стереотипы выражали уже рассмотренные нами школы – структурная и функциональная.

Бихевиоризм выступил не только против структурализма, представленного в США нестигаемым Титченером, но также против функционализма Джемса – Энджелла. Оценивая гештальтизм, историки обычно подчеркивают, что для него главной мишенью служил структурализм с его трактовкой сознания как сооружения из «кирпичей (ощущений) и цемента (ассоциаций)». Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что гештальтисты с не меньшей решительностью отвергли и функционализм.

Гештальтисты сделали следующий шаг сравнительно с функционалистами, а именно отказались от дополнительных элементов (или актов), которые извне упорядочивают сенсорный состав сознания, придавая ему структуру, форму, гештальт, и утвердили постулат о том, что структурность изначально присуща самому этому составу.

Сведения об идейной генеалогии школы (и ее от дельных приверженцев) проливают свет на ее функцию в прогрессе познания. Гештальтисты были преемниками европейского функционализма (напомним, что Вертгеймер вышел из вюрцбургской школы, проделавшей, как мы видели, эволюцию от концепции «содержаний сознания» к концепции «актов»; Коффка и Келер обучались психологии у функционалиста Штумпфа), подобно тому, как бихевиористы являлись преемниками американского функционализма (напомним, что учителем Уотсона был Энджелл).

Преодоление антиномии механицизм – телеологизм стало исторической задачей, решить которую были призваны новые психологические школы – бихевиористская и гештальтистская. Это их роднило, это объясняет факт их одновременного зарождения. Другой вопрос – как они с ней справились.

Их решительно разделяло отношение к проблеме сознания.

Бихевиористы считали ее псевдопроблемой – со знанием устранялось из психологии, из научных объяснений поведения.

Гештальтисты, напротив, усматривали главную задачу в том, чтобы дать новую интерпретацию фактам сознания как единственной психической реальности. Гештальтистская критика «атомизма» в психологии являлась предпосылкой переориентации эксперимента с

целью выявления в сознании образных структур, или целостностей. Достичь этой цели без самонаблюдения было невозможно. Но и два прежних варианта интроспективного метода пришлось отвергнуть (вундтовский, требовавший от испытуемого отчета об элементах «непосредственного опыта», и метод членения сознания на «фракции», выработанный вюрцбургской школой).

Гештальтисты приняли третий вариант интроспективного метода, получивший название феноменологического. В поисках путей проникновения в реальность душевной жизни во всей ее полноте и непосредственности предлагалось занять позицию «наивного» наблюдателя, не отягченного предвзятыми представлениями об ее строении.

Эту точку зрения приняли не только гештальтисты, но и другая группа молодых исследователей, работавших в одном из главных центров экспериментальной психологии того времени – в Геттингенском университете. Они следовали не столько за своим учителем психологии маститым Г.Э.Мюллером, сколько за профессором философии этого университета Э. Гуссерлем (1859-1938), который вслед за Brentano учил, что феномены сознания достойны быть рассмотрены сами по себе в их непосредственной интуитивной данности.

Гуссерль видел свою задачу в том, чтобы реформировать логику, а не психологию. Но выдвинутая им идея феноменологического метода как «непредвзятого», освобожденного, свободного от банальных стереотипов описания психической реальности произвела глубокое впечатление на молодых сотрудников Г.Э. Мюллера, занимавшихся экспериментально-психологической работой. Среди них выделялись Д. Кати и Е. Рубин.

Кати, Рубин и другие психологи-экспериментаторы, перешедшие от «атомистского» понимания чувственного восприятия к целостному, проводили свои исследования в те же годы, когда складывалась гештальтистская школа, и эта школа впоследствии их широко использовала. В частности, открытый Рубином феномен «фигуры и фона» занял почетное место среди основных законов гештальта. Однако, хотя гештальтистов и сближала с геттингенскими психологами ориентация на новое, феноменологическое применение интроспекции, их программа была значительно шире и перспективнее. Их вдохновляла идея трансформации психологии в точную науку, строго следующую общим стандартам естествознания. Уже в первой работе Вертгеймера характеристика фи-феномена не ограничивалась его описанием: предполагалось, что он имеет физиологическую основу, которая усматривалась в «коротком замыкании», возникающем (при соответствующем временном интервале) между зонами мозга.

Установка на то, чтобы строить психологическое знание по типу физико-математического, отличала гештальтизм от других феноменологических концепций. Соратник Вертгеймера Келер имел наряду с психологической хорошую физико-математическую подготовку. Он обучался физике у одного из ее преобразователей, создателя теории квантов Макса Планка. Широкие естественнонаучные интересы отличали также Вертгеймера, у которого впоследствии установились дружеские отношения с Эйнштейном, даже принимавшим участие (в качестве интервьюируемого) в вертгеймеровских опытах.

И бихевиористы, и гештальтисты надеялись создать новую психологию по типу наук о природе. Но для бихевиористов моделью служила биология, для гештальтистов – физика. Понятие о гештальте не считалось, таким образом, уникально-психологическим, приложимым лишь к области сознания. Оно было предвестником общего системного подхода ко всем явлениям бытия. Зарождался новый взгляд на соотношение части и целого, внешнего и внутреннего, причины и цели.

Многие представители этого направления уделяли значительное внимание проблеме психического развития ребенка, так как в исследовании развития психических функций видели доказательства правильности своей теории.

Ведущим психическим процессом, который фактически определяет уровень развития психики ребенка, с точки зрения гештальтистов, является восприятие. Именно от того, как воспринимает ребенок мир, доказывали эти ученые, зависит его поведение и понимание ситуаций.

Сам процесс психического развития, с точки зрения гештальт-психологии, делится на два независимых и параллельных процесса – созревание и обучение. Один из основоположников этого направления Коффка подчеркивал их независимость, доказывая, что в процессе развития обучение может опережать созревание, а может отставать от него, хотя чаще они идут параллельно друг другу, создавая иллюзию взаимозависимости. Тем не менее, обучение не может ускорить процесс созревания и дифференциации гештальтов, процесс созревания не ускоряет обучение.

Доказательства этого подхода к развитию психики гештальтисты искали как в исследовании формирования познавательных процессов (восприятия, мышления), так и в развитии личности ребенка. Изучая. Процесс восприятия, они утверждали, что основные свойства восприятия появляются постепенно, с вызреванием гештальтов. Так появляется константность и правильность восприятия, а также его осмысленность.

Исследования-развития восприятия у детей, которые проводились в лаборатории Коффки, показали, что у ребенка имеется набор смутных и не очень адекватных образов внешнего мира. Постепенно в процессе жизни эти образы дифференцируются и становятся все более точными. Так, у новорожденных детей есть смутный образ человека, в гештальт которого входят и голос, и лицо, и волосы, и характерные движения. Поэтому маленький ребенок одного-двух месяцев может не узнать даже близкого взрослого, если он поменяет прическу или сменит привычную одежду на совершенно незнакомую. Однако уже к концу первого полугодия этот смутный образ дробится, превращаясь в ряд четких образов: лица, в котором выделяются как отдельные гештальты глаза, рот, волосы, появляются и образы голоса, тела. Развивается и восприятие цвета. Вначале дети воспринимают окружающее только как окрашенное или неокрашенное, при этом неокрашенное воспринимается как фон, а окрашенное – как фигура. По степенно окрашенное делится на теплое и холодное, и в окружающем дети выделяют уже несколько на боров «фигура-фон». Это неокрашенное-окрашенное теплое, неокрашенное-окрашенное холодное и т.д. Таким образом, единый прежде гештальт преращается в несколько, уже более точно отражающих цвет. Со временем и эти образы дробятся: в теплом выделяются желтый и красный цвета, а в холодном – зеленый и синий. Этот процесс происходит в течение длительного времени, пока, наконец, ребенок не начинает правильно воспринимать все цвета. Таким образом, Коффка приходил к выводу о том, что в развитии восприятия большую роль играет сочетание фигуры и фона, на котором демонстрируется данный предмет.

Он сформулировал один из законов восприятия, который был назван «трансдукция» Этот закон доказывал, что дети воспринимают не сами цвета, но их отношения.

Исследовал развитие восприятия у детей еще один представитель этой школы – Г. Фолькельт. Особое внимание он уделял изучению детских рисунков. Большой интерес представляют его эксперименты по исследованию рисования геометрических фигур детьми разного возраста. Так, при рисовании конуса четырех-пятилетние дети рисовали рядом круг и треугольник. Фолькельт объяснял это тем, что у них еще нет адекватного данной фигуре образа, а потому в рисунке они пользуются двумя похожими гештальтами. Со временем происходит их интеграция и уточнение, благодаря чему дети начинают рисовать не только плоскостные, но и объемные фигуры. Фолькельт проводил и сравнительный анализ рисунков тех предметов, которые дети видели, и тех, которые они не видели, а только ощупывали. При этом оказалось, что в том-случае, когда дети ощупывали, например, закрытый платком кактус, они рисовали только колючки, передавая свое общее ощущение от предмета, а не его форму. То есть происходило, как и доказывали гештальтисты, схватывание целостного образа предмета, его «хорошей» формы, а затем его просветление и дифференциация. Эти исследования имели большое значение для работ по исследованию зрительного восприятия в России, в школе А.В.Запорожца, и привели психологов этой школы к мысли о том, что существуют определенные образы сенсорные эталоны, которые лежат в основе восприятия и узнавания предметов.

Такой же переход от схватывания общей ситуации к ее дифференциации происходит и в интеллектуальном развитии – доказывал гештальт-психолог В. Келер. Он считал, что обучение ведет к образованию новой структуры и, следовательно, к иному восприятию и осознанию ситуации. В тот момент, когда явления входят в другую ситуацию, они приобретают новую функцию. Это осознание новых сочетаний и новых функций предметов и является образованием нового гештальта, осознание которого составляет суть мышления. Келер называл этот процесс «переструктурированием гештальта» и считал, что он происходит мгновенно и не зависит от прошлого опыта субъекта. Для того, чтобы подчеркнуть мгновенный, а не протяженный во времени характер мышления, Келер дал этому моменту переструктурирования на звание «инсайт», т.е. озарение. Как помнит читатель, Бюлер пришел к сходному выводу, назвав его «ага-переживание».

Келер провел эксперимент, в котором детям предлагалось достать машинку, расположенную высоко на шкафу. Для того чтобы ее достать, надо было использовать разные предметы – лесенку, ящик, стул. Оказалось, что если в комнате была лестница, дети быстро решали предложенную задачу. Сложнее было в том случае, если надо было догадаться использовать ящик. Но наибольшие затруднения вызывал вариант, когда в комнате не было других предметов, кроме стула, который надо было отодвинуть от стола и использовать как подставку. Келер объяснял эти результаты тем, что лестница с самого начала осознается функционально как предмет, помогающий достать что-то расположенное высоко. Поэтому ее включение в гештальт со шкафом не представляет для ребенка трудности. Включение ящика уже нуждается в некоторой перестановке, так как ящик может осознаваться в нескольких функциях. Что же касается стула, то он осознается ребенком не сам по себе, но уже включенным в другой гештальт – со столом, с которым он представляется ребенку единым целым. Поэтому для решения данной задачи детям надо сначала разбить целостный образ «стол-стул» на два, а затем уже стул соединить со шкафом в новый образ, осознав его новую функциональную роль.

К подобным же выводам о роли «инсайта» в переструктурировании прежних образов пришел и М. Вертгеймер, который исследовал процесс творческого мышления у детей и взрослых.

Понятие об инсайте (от англ. insight – усмотрение) стало ключевым в гештальт-психологии. Ему был придан универсальный характер. Оно стало основой гештальтистского объяснения адаптивных форм поведения, которые Торндайк и бихевиористы объясняли принципом «проб, ошибок и случайного успеха».

Так произошла первая конфронтация двух молодых, только еще зарождавшихся психологических направлений – гештальтизма и бихевиоризма. Смысл конфронтации обычно видят в характере ответа на вопрос, постепенно или мгновенно решается интеллектуальная (поведенческая) задача. В одном случае при инсайте нужный вариант действия находится сразу же, в другом он отбирается путем длительных поисков. Такое объяснение упускает из виду категориальные основания различий между двумя психологическими школами.

Ведь инсайт означал для гештальтистов переход к новой познавательной, образной структуре, соответственно которой сразу же меняется характер приспособительных реакций. Первично – понимание (сдвиг в образном «поле»), вторично – двигательное приспособление (перестройка в исполнительских звеньях действия). Концепция «проб и ошибок» игнорировала понимание (т.е. образно-ориентировочную основу действия), каким бы оно ни было – мгновенным или постепенным. Адаптация считалась достижимой за счет тех же факторов, которые обеспечивают приспособление организма к среде на всех уровнях жизнедеятельности, в том числе и на уровнях, где образ вообще отсутствует.

Водораздел между гештальтизмом и бихевиоризмом создала также, по общепринятому мнению, проблема целого и части. Гештальтизм отстаивал идею целостности в противовес бихевиористскому взгляду на сложную реакцию как сумму элементарных. Гештальтизм действительно положил немало сил на борьбу с «атомистскими» представлениями о сознании и

поведении. Но если ограничиться этим теоретическим аспектом, то остаются в тени различия более существенного, категориального порядка.

Бихевиоризм, как отмечалось, игнорировал об раз, видя в нем не психическую реальность, не регулятор поведения, а неуловимый, призрачный продукт интроспекции. Для гештальтизма учение о двигательных актах, лишенных образной ориентации по отношению к среде, представлялось изымающим из психической деятельности ее сердцевину. Однако на стороне бихевиористов было важное преимущество. Они могли дать своим фактам детерминистское объяснение. Двигательная реакция неизменно трактовалась ими как эффект, производимый объективно контролируемые не зависимыми переменными. Гештальтизм, следуя интроспективной традиции, считал единственными психологическими фактами непосредственно испытываемые субъектом феномены сознания. Ощущая несовместимость этой традиции с естественнонаучным подходом, гештальтисты пытались соотнести феноменальный «мир» с реальным, физическим.

В этом пункте наметились различия между близкими к гештальтистам психологами из геттингенской лаборатории, считавшими неправомерным выходить за пределы свидетельств самонаблюдения, и гештальтистским триумvirатом, который надеялся перестроить психологию по типу физики.

Сказанное проливает свет на несколько странный факт: первый программный труд гештальт-психологии, принадлежавший Келеру, был посвящен вопросам физической химии и назывался «Физические гештальты в покое и стационарном состоянии» (1920). Психолог, занимавшийся до этого акустическими ощущениями и зоопсихологией, обратился к коллоидной химии не из-за прихотливых изменений в профессиональных интересах. Теория гештальта не могла претендовать на серьезную роль без естественно научного обоснования. Поэтому она и начинается с келеровской книги о физических гештальтах. Келеру и его научным друзьям представлялось, что принцип гештальта – единый для различных порядков явлений – позволит по-новому решить психофизическую проблему, приводя сознание в соответствие с физическим миром и в то же время не лишая его самостоятельной ценности. Это решение выразилось в понятии изоморфизма.

Изоморфизм означает, что элементы и их отношения в одной системе взаимно однозначно соответствуют элементам и их отношениям в другой. Физиологическая и психологическая системы, согласно гештальтистской гипотезе, изоморфны друг другу (подобно тому как топографическая карта соответствует рельефу местности).

Вслед за работой Келера о физических гештальтах вышла книга Коффки «Основы психического развития» (1921), а затем программная статья Вертгеймера «Исследования, относящиеся к учению о гештальте» (1923). В этих работах была изложена программа нового направления, которое организовало свой журнал «Психологическое исследование» (до его закрытия при гитлеровском режиме вышло 22 тома). Келер занял после Штумпфа кафедру в Берлинском университете. К гештальтистскому триумvirату были близки доцент этого университета Курт Левин, создавший самостоятельную школу, невролог Курт Гольдштейн и др.

20-е годы ознаменовались серьезными экспериментальными достижениями гештальт-психологии. Они касались главным образом процессов восприятия, притом зрительного. Было предложено множество законов гештальта (их насчитывали 114). К ним, в частности, относились уже знакомые нам «фигура и фон» и «транспозиция» (реакция не на отдельные раздражители, а на их соотношение).

Принцип «транспозиции» иллюстрирует следующий модельный эксперимент, проведенный Келером над курами, у которых вырабатывалась дифференцировка двух оттенков серого цвета. Куры научались клевать зерна, разбросанные на светлом квадрате, отличая его от находившегося рядом темного. В контрольном опыте тот квадрат, который послужил положительным раздражителем, оказывался рядом с еще более светлым квадратом. Куры и выбирали этот последний. Они, таким образом, реагировали не на абсолютную светлоту, а на соотношение светлот (на «более светлое»). Их реакция, по Келеру, определялась законом «транспозиции».

Были предложены и другие законы. Так, под прегнантностью имелась в виду тенденция воспринимаемого образа принять законченную и «хорошую» форму. («Хорошей» считалась целостная фигура, которую невозможно сделать более простой или более упорядоченной.) Константность означала постоянство образа вещи при изменении условий ее восприятия.

Если первоначально свои критические стрелы гештальтисты направляли против традиционной «атомистской» трактовки сознания, то в дальнейшем, как уже говорилось, их главной мишенью стал бихевиоризм. Пытаясь показать его односторонность, неспособность охватить своими объяснительными понятиями образно-смысловую регуляцию поведения, гештальтисты, однако, сами оказались беспомощными перед этой регуляцией, ибо они, как и их противники, разъединили образ и действие. Ведь образ у гештальтистов выступал в виде сущности особого рода, подчиненной собственным имманентным законам. Его связь с реальным, предметным действием оставалась ничуть не менее загадочной, чем соотношение между действием и образом у бихевиористов.

Идея имманентной трансформации «когнитивного (познавательного) поля» безотносительно к реальной предметной деятельности создала тупиковую ситуацию и в гештальтистских исследованиях мышления человека. Этой проблеме была посвящена оставшаяся незаконченной книга Вертгеймера «Продуктивное мышление» (1945). Опыты проводились над детьми. Были использованы также интервью с Эйнштейном. Исходя из общего положения гештальтистов, что подлинное мышление является «инсайтным», а инсайт предполагает схватывание целого (на пример, принципа решения проблемы), Вертгеймер выступил против традиционной практики обучения в школе.

В основе этой практики лежала одна из двух концепций мышления – либо ассоцианистская (обучение строится на упрочении связей между элементами), либо формально-логическая. Обе препятствуют развитию творческого, продуктивного мышления. Вертгеймер доказывал, что творческое мышление зависит от чертежа, схемы, в виде которой представляется условие задачи или проблемной ситуации. От адекватности схемы зависит правильность решения, причем хорошая схема дает возможность посмотреть на нее с разных точек зрения, т.е. позволяет создать из элементов, которые входят в ситуацию, разные гештальты. Этот процесс создания разных образов с постоянными элементами и является процессом творчества, и чем больше различных значений получают предметы, включенные в эти образы, тем более высокий уровень творчества демонстрирует ребенок. Поскольку такое переструктурирование легче производить на образном (а не на вербальном) материале, то неудивительно, что Вертгеймер пришел к выводу: ранний переход к логическому мышлению мешает развитию творчества у детей. Он также говорил, что упражнение убивает творческое мышление, так как при повторении происходит фиксация одного и того же образа и ребенок привыкает рассматривать вещи только в одной позиции. Поэтому у детей, обучавшихся геометрии в школе на основе формального метода, несравненно труднее выработать продуктивный подход к задачам, чем у тех, кто вообще не обучался. Он стремился выяснить психологическую сторону умственных операций (отличных от логических операций), которая описывалась в традиционных гештальтистских терминах: «реорганизация», «группировка», «центрирование» и т. п. Детерминанты этих преобразований остались невыясненными.

Американские психологи получили первую информацию о гештальтизме в 1922 году, однако вначале встретили ее безразлично. Правда, тогда же Толмен, приступив к своим многолетним исследованиям по ведению крыс в лабиринте, заменил понятие о раздражителе понятием о знаковом гештальте. Но он был одинок. Кругом победно развевались знамена бихевиоризма.

Вскоре американские психологи смогли познакомиться с идеями новой школы непосредственно из уст ее лидеров. В 1924 году в Корнельский университет был приглашен для чтения лекций Коффка, в 1925 году в Гарвардский университет был приглашен Келер.

Идеи гештальтизма существенно повлияли на преобразование первоначальной бихевиористской доктрины и подготовили почву для необихевиоризма, который стал складываться на рубеже 30-х годов. К этому периоду главные представители гештальтистского

направления, спасаясь от нацизма, иммигрировали в Соединенные Штаты Америки и устроились в различных университетах и научных центрах. Это было внешним обстоятельством, обусловившим окончательный распад школы. Но имелись и внутренние причины.

Главная объяснительная схема гештальтистов оказалась квазидетерминистской, лишь по видимости напоминающей принципы естественных наук, близостью к которым своих построений гештальтисты особенно гордились. Аналогия с физикой ничуть не расширяла возможности причинного объяснения психических явлений. И когда впоследствии физик Р.Оппенгеймер, выступая на собрании Американской психологической ассоциации, сказал, что науке известна физическая теория поля, но с термином «психологическое поле» он никакой идеи соединить не может, в зале раздались смех и аплодисменты. Касаясь аналогий в науке, Оппенгеймер сказал:

«То, что сделали псевдоньютоналисты с социологией, просто смехотворно. Это же относится к объяснению психических явлений в механических понятиях. Когда я слышу, как слово «поле» употребляется и в физике, и в психологии, я испытываю нервозность, которую полностью объяснить не могу».

Что касается физических структур и полей, то они действительно не имеют другого основания, кроме физического. К сознанию такой подход неприменим. Сознание не является самостоятельным миром, и его динамика не может быть научно объяснена из него самого.

§ 9. ТЕОРИЯ «ПОЛЯ» КУРТА ЛЕВИНА

Теория немецкого психолога **К.Левина** (1890-1947) сложилась под влиянием успехов точных наук – физики, математики. Начало века ознаменовалось открытиями в физике поля, атомной физике, биологии. Заинтересовавшись в университете психологией, Левин пытался и в эту науку внести точность и строгость эксперимента, сделав ее объективной и экспериментальной. В 1914 году Левин получил докторскую степень. Получив приглашение преподавать психологию в Психологическом институте Берлинского университета, он сблизился с Коффкой, Келером и Вертгеймером, основателями гештальт-психологии. Близость их позиций связана как с общими взглядами на природу психического, так и с попытками в качестве объективной основы экспериментальной психологии выбрать физическую науку. Однако в отличие от своих коллег Левин сосредоточивается не на исследовании когнитивных процессов, а на изучении личности человека. После эмиграции в США Левин преподавал в Стенфордском и Корнельском университетах. В этот период он занимается главным образом проблемами социальной психологии и в 1945 году возглавляет исследовательский центр групповой динамики при Массачусетском технологическом институте.

Свою теорию личности Левин разрабатывал в русле гештальт-психологии, дав ей название «теория психологического поля». Он исходил из того, что личность живет и развивается в психологическом поле окружающих ее предметов, каждый из которых имеет определенный заряд (валентность). Эксперименты Левина доказывали, что для каждого человека эта валентность имеет свой знак, хотя в то же время существуют такие предметы, которые для всех имеют одинаково притягательную или отталкивающую силу. Воздействуя на человека, предметы вызывают в нем потребности, которые Левин рассматривал как своего рода энергетические заряды, вызывающие напряжение человека. В этом состоянии человек стремится к разрядке, т.е. удовлетворению потребности.

Левин различал два рода потребностей – биологические и социальные (квазипотребности).

Потребности в структуре личности не изолированы, они находятся в связи друг с другом, в определенной иерархии. При этом те квазипотребности, которые связаны между собой, могут обмениваться находящейся в них энергией. Этот процесс Левин называл коммуникацией заряженных систем. Возможность коммуникации, с его точки зрения, ценна тем, что делает поведение человека более гибким, позволяет ему разрешать конфликты, преодолевать различные барьеры и находить удовлетворительный выход из сложных ситуаций. Эта гибкость достигается благодаря сложной системе замещающих действий, которые фор-

мируются на основе связанных, коммуницирующих между собой потребностей. Таким образом, человек не привязан к определенному действию или способу решения ситуации, но может менять их, разряжая возникшее у него напряжение. Это расширяет его адаптационные возможности.

В одном из исследований Левина детей просили выполнить определенное задание, например, помочь взрослому помыть посуду или убрать комнату. В качестве награды ребенок получал какой-то приз, значимый для него. Поэтому все дети дорожили возможностью выполнить задание. В контрольном эксперименте взрослый приглашал ребенка помочь ему, но в тот момент, когда ребенок приходил, оказывалось, что кто-то уже помыл всю посуду. Дети, как правило, расстраивались, особенно в том случае, если им говорили, что их опередил кто-то из сверстников. Частыми были и агрессивные высказывания в адрес возможных конкурентов. В этот момент экспериментатор предлагал выполнить другое задание, подразумевая, что оно тоже значимо. Большинство детей мгновенно переключалось. Происходила разрядка обиды и агрессии в новом виде деятельности. Однако некоторые дети не могли быстро сформировать новую потребность и приспособиться к новой ситуации, а потому их тревожность и агрессивность увеличивались.

Левин приходит к мнению, что не только неврозы, но и особенности когнитивных процессов (такие феномены, как сохранение, забывание) связаны с разрядкой или напряжением потребностей.

Исследования Левина доказывали, что не только существующая в данный момент ситуация, но и ее предвосхищение, предметы, существующие только в сознании человека, могут определять его деятельность. Наличие таких идеальных мотивов поведения дает возможность человеку преодолеть непосредственное влияние поля, окружающих предметов, «встать над полем», как писал Левин. Такое поведение он называл волевым, в отличие от полевого, которое возникает под влиянием непосредственного сиюминутного окружения. Таким образом, Левин приходит к важному для него понятию временной перспективы, которая определяет поведение человека в жизненном пространстве и является основой целостного восприятия себя, своего прошлого и будущего.

Появление временной перспективы дает возможность преодолеть давление окружающего поля, что особенно важно в тех случаях, когда человек находится в ситуации выбора. Демонстрируя трудность для маленького ребенка преодолеть сильное давление поля, Левин провел несколько экспериментов, которые вошли в его фильм «Хана садится на камень». В нем, в частности, был заснят сюжет о девочке, которая не могла отвести взгляд от понравившегося ей предмета, и это мешало ей достать его, так как нужно было повернуться к нему спиной.

Большое значение для формирования личности ребенка имеет система воспитательных приемов, в частности наказаний и поощрений. Левин считал, что при наказании за невыполнение неприятного для ребенка поступка дети попадают в ситуацию фрустрации, так как находятся между двумя барьерами (предметами с отрицательной валентностью). Для того чтобы произошла разрядка, ребенок может или принять наказание, или выполнить неприятное задание. Однако намного легче для него постараться выйти из поля (пусть даже в идеальном плане, в плане фантазии). Поэтому система наказаний, с точки зрения Левина, не способствует развitiю волевого поведения, но только увеличивает напряженность и агрессивность детей. Более позитивна система поощрений, так как в этом случае за барьером, т. е. за предметом с отрицательной валентностью, следует предмет, вызывающий положительные эмоции. Однако оптимальной является система, при которой детям дается возможность выстроить временную перспективу с тем, чтобы снять барьеры данного поля.

Левин создал серию интересных психологических методик. Первую из них подсказало наблюдение в одном из берлинских ресторанов за поведением официанта, который хорошо помнил сумму, причитавшуюся с посетителей, но сразу же забывал ее, после того как счет был оплачен. Полагая, что в данном случае цифры удерживаются в памяти благодаря «системе напряжения» и исчезают с ее разрядкой, Левин предложил своей ученице

Б.В.Зейгарник экспериментально исследовать различия в запоминании незавершенных (когда «система напряжения» сохраняется) и завершенных действий. Эксперименты подтвердили левиновский прогноз. Первые запоминались приблизительно в два раза лучше*. Был изучен также ряд других феноменов. Все они объяснялись исходя из общего постулата о динамике напряжения в психологическом поле.

Принцип разрядки мотивационного напряжения объединял многие психологические школы. Он лежал в основе и бихевиористской концепции, и психоанализа Фрейда с его представлением о присущем каждому организму «квантуме» – стремящейся рас сеяться психической энергии.

Левиновский подход отличало два момента. Во-первых, он перешел от представления о том, что энергия мотива замкнута в пределах организма, к представлению о системе «организм-среда». Индивид и его окружение выступили в виде нераздельного динамического целого. Во-вторых, в противовес трактовке мотивации как биологически предопределенной константы, Левин полагал, что мотивационное напряжение может быть создано как самим индивидом, так и другими людьми (например, экспериментатором, который предлагает индивиду выполнить задание). Тем самым за мотивацией признавался собственно психологический статус. Она не сводилась более к биологическим потребностям, удовлетворив которые организм исчерпывает свой мотивационный потенциал.

Это открыло путь к новым методикам изучения мотивации, в частности уровня притязаний личности, определяемого по степени трудности цели, к которой она стремится. Уровень притязаний устанавливался самим испытуемым, принимающим решение взяться за задачу другой степени трудности, чем уже выполненная им (за которую он получил от экспериментатора соответствующую оценку). По его реакции на успех или неуспех, связанный с выполнением новой задачи и последующими выборами (когда он выбирает либо еще более трудные, либо, напротив, более легкие задачи), определяется динамика уровня притязаний. Эти опыты позволили подвергнуть экспериментальному анализу ряд важных психологических феноменов: принятие решения, реакцию на успех и неуспех, поведение в конфликтной ситуации.

Левин показал необходимость не только целостного, но и адекватного понимания себя человеком. Открытие им таких понятий, как уровень притязаний и «аффект неадекватности», который проявляется при попытках доказать человеку неправильность его представлений о себе, сыграло огромную роль в психологии личности, в понимании причин отклоняющегося поведения. Левин подчеркивал, что отрицательное влияние на поведение имеет и завышенный, и заниженный уровень притязаний, так как и в том, и в другом случае нарушается возможность установления устойчивого равновесия со средой.

Открытие временной перспективы и уровня притязаний во многом сближает Девиза с Адлером и с гуманистической психологией, которые также пришли к мысли о важности сохранения целостной личности, о необходимости осознания человеком структуры своей личности. Сходство этих концепций, к которым пришли ученые разных школ и направлений, говорит об актуальности данной проблемы, – о том, что, осознав влияние бессознательного на поведение, человечество приходит к мысли о необходимости провести границу между человеком и другими живыми существами, понять не только причины его агрессивности, жестокости, сладострастия (которые великолепно объяснил и психоанализ), но и основы его нравственности, доброты, культуры. Большое значение имело и стремление в новом мире, после второй мировой войны, показавшей хрупкость человека, преодолеть складывавшееся ощущение взаимозаменяемости людей, доказать, что люди – целостные уникальные системы, что каждый человек несет в себе свой внутренний мир.

* Установленная зависимость приобрела в психологии известность как «эффект Зейгарник» (или «коэффициент Зейгарник» выражающий отношение завершенных действий к незавершенным). Изучению этого эффекта посвящена большая литература.

Свои теоретические взгляды Левин изложил в книгах «Динамическая теория личности» (1935) и «Принципы топологической психологии» (1936). Эти книги вышли в Соединенных Штатах, где у Левина сложилась новая исследовательская программа, отразившая актуальные социальные запросы. От анализа мотивации поведения индивида, одиноко перемещающегося в своем психологическом пространстве, Левин переходит к исследованию группы, перенося на этот новый объект свои прежние схемы. Он становится инициатором разработки направления, названного «групповой динамикой». Теперь уже группа трактуется как динамическое целое, как особая система, компоненты которой (входящие в группу индивиды) сплавляются под действием различных сил. «Сущность группы, – отмечал Левин, – не сходство или различие ее членов, а их взаимозависимость. Группа может быть охарактеризована как «динамическое целое». Это означает, что изменения в состоянии одной части изменяют состояния любой другой. Степень взаимозависимости членов группы варьирует от несвязной массы к компактному единству».

В США Левин занимался и проблемами групповой дифференциации, типологией стилей общения. Ему принадлежит описание наиболее распространенных стилей общения (демократический, авторитарный, попустительский), а также исследование условий, способствующих выделению в группах лидеров, звезд и отверженных. Эти исследования Левина явились основой целого направления в социальной психологии.

Таким образом, К. Левин стал создателем новых областей как в психологии личности, так и в социальной психологии.

§ 10. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЖАНА ПИАЖЕ*

Швейцарский психолог **Жан Пиаже** (1896-1980) – один из наиболее известных ученых, чьи работы составили важный этап в развитии генетической психологии. Научные интересы Пиаже еще с юности были сосредоточены на биологии и математике. В 11 лет он опубликовал свою первую научную статью, посвященную воробьям-альбиносам. С этого же возраста он начинает работать в музее биологии. В университете он занимается преимущественно биологией и философией и в 1918 году получает докторскую степень за работу о моллюсках.

После окончания университета Пиаже едет в Цюрих, где знакомится с исследованиями К. Юнга и с техникой психоанализа (см. ниже). Этот опыт был ему необходим, так как он стремился соединить строго экспериментальный, лабораторный метод, свойственный биологическим исследованиям, с более информативным и свободным методом беседы, принятым в психоанализе. Разработке такого нового метода, который он собирался применить для изучения мышления детей, Пиаже посвятил не сколько лет. Этот метод получил название метода клинической беседы.

Большое значение для Пиаже имело его пребывание в течение двух лет в Париже, куда он был приглашен в 1919 году для работы над шкалами измерения интеллекта. В это же время он уделяет большое внимание изучению тех типичных ошибок, которые делают дети при решении достаточно простых, на первый взгляд, заданий теста Вине. В 1921 году Пиаже возвращается в Женеву, где Клапаред приглашает его на должность директора Института Ж.-Ж. Руссо. Одновременно Пиаже начинает читать лекции в Женевском университете и работать в Женевском доме малютки. Материалы, полученные им в этот период, легли в основу его первых книг «Мышление и речь ребенка», «Суждение и рассуждение ребенка», где он излагает основы своей концепции когнитивного развития детей, которые рассматривает как постепенный процесс, проходящий в своем развитии несколько стадий. Дневниковые записи, основанные на наблюдении за развитием собственных детей, дали Пиаже дополнительный материал для этой концепции. В последующие годы Пиаже сочетает преподавательскую работу (в качестве профессора Женевского университета) с различными административными

* Параграфы 10-14 написаны при участии Т.Д. Марцинковской.

должностями, публикует книги, в которых пересматривает и дополняет свои теоретические воззрения на природу и развитие мышления у детей. В 1949-1951 годах Пиаже создает свой основной труд «Введение в генетическую эпистемологию», а в 1955 году возглавляет созданный по его инициативе Международный центр по генетической эпистемологии в составе Женевского университета. В должности директора этого центра Пиаже состоял до конца жизни.

Свою теорию детского мышления Пиаже строил на основе логики и биологии. Он исходил из идеи о том, что основой психического развития является развитие интеллекта. В серии экспериментов он доказывал свою точку зрения, показывая, как уровень понимания, интеллект влияют на речь детей, на их восприятие и память. Дети в его опытах не видели и не помнили, на каком уровне была вода в сообщающихся сосудах, если не знали о связи между уровнем воды и пробкой, которой закрыт один из сосудов. Если же им рассказывали об этом свойстве сообщающихся сосудов, характер их рисунков изменялся, они начинали тщательно вырисовывать уровень воды (одинаковый или разный), а также пробку.

Таким образом, Пиаже приходит к выводу, что этапы психического развития – это этапы развития интеллекта, через которые постепенно проходит ребенок в формировании все более адекватной схемы ситуации. Основой этой схемы как раз и является логическое мышление.

Пиаже говорил, что в процессе развития происходит адаптация организма к окружающей среде. Интеллект потому и является стержнем развития психики, что именно понимание, создание правильной схемы окружающего обеспечивает адаптацию к окружающему миру. При этом адаптация является не пассивным процессом, а активным взаимодействием организма со средой. Эта активность – необходимое условие развития, так как схема, считает Пиаже, не дается в готовом виде при рождении, нет ее и в окружающем мире. Схема вырабатывается только в процессе активного взаимодействия со средой, или, как писал Пиаже, «схемы нет ни в субъекте, ни в объекте, она является результатом активного взаимодействия с объектом». Одним из любимых примеров Пиаже был пример ребенка, не владеющего понятием числа, который осознает его значение, перебирая камешки, играя с ними, выстраивая их в ряд.

Процесс адаптации и формирования адекватной схемы ситуации происходит постепенно, при этом ребенок использует два механизма ее построения: ассимиляцию и аккомодацию. При ассимиляции построенная схема жесткая, она не изменяется при изменении ситуации, наоборот, человек пытается все внешние изменения втиснуть в узкие, заданные рамки уже имеющейся схемы. Примером ассимиляции для Пиаже является игра, в рамках которой ребенок познает окружающий мир. Аккомодация связана с изменением готовой схемы при изменении ситуации, в результате чего схема действительно является адекватной, полностью отражая все нюансы данной ситуации. Сам процесс развития, по мнению Пиаже, является чередованием ассимиляции и аккомодации; до определенного предела ребенок старается пользоваться старой схемой, а затем изменяет ее, выстраивая другую, более адекватную.

Исследование этапов развития мышления и у самого Пиаже происходило постепенно.

Так, в 20-е годы он, исходя из связи между мышлением и речью, построил свои исследования развития мышления через изучение развития речи детей. Собирая типичные вопросы детей («Почему дует ветер?», «Ходит ли солнышко в гости к луне?», «Откуда берется дождь?»), Пиаже начал задавать эти вопросы самим детям. Он пришел к выводу, что процесс развития мышления – это процесс экстерниоризации, т.е. мышление появляется как аутистическое, внутреннее, а затем, пройдя стадию эгоцентризма, становится внешним, реалистическим. Таков же и процесс развития речи, которая из эгоцентрической (речи для себя) становится речью социальной, речью для других. Эта позиция Пиаже вызвала нарекания со стороны других психологов, прежде всего Л.С. Выготского и В.Штерна, которые доказали, что аутистическое мышление, как более сложное, не может предшествовать реалистическому (Штерн), что эгоцентрическая речь является промежуточной между внешней и внутренней, а не наоборот (Л.С. Выготский). Однако и в этот период Пиаже были сделаны открытия,

имевшие огромное значение для понимания формирования интеллекта детей. Это прежде всего открытие таких особенностей детского мышления, как эгоцентризм (неумение встать на другую точку зрения), синкретизм (нерасчлененность), трансдукция (переход от частного к частному, минуя общее), артифициализм (искусственность, созданность мира), анимизм (одушевленность), нечувствительность к противоречиям.

Наиболее значимыми были эксперименты Пиаже по исследованию эгоцентризма. Он задавал детям простые вопросы, в которых надо было посмотреть на ситуацию с точки зрения другого человека. Например, ребенка спрашивали, сколько у него братьев, а услышав ответ «У меня два брата», задавали следующий вопрос: «А сколько братьев у твоего старшего брата?». Как правило, дети терялись и не могли правильно ответить, говоря, что у брата только один брат, и забывая при этом себя. Более сложным был эксперимент с тремя горами. Детям предлагался макет с тремя горами разной высоты, на вершинах которых были расположены разные предметы – мельница, дом, дерево. Детям предъявляли фотографии и просили выбрать ту из них, на которой все три горы видны в том положении, в котором их видит ребенок в данную минуту. С этим заданием справлялись трех-четырёхлетние дети. После этого с другой стороны макета ставили куклу и экспериментатор просил ребенка выбрать ту фотографию, которая соответствует точке зрения куклы. С этим заданием дети уже не могли справиться. Как правило, даже шести-семилетние снова выбирали ту фотографию, которая отражала их позицию перед макетом, но не позицию куклы или другого человека. Это и привело Пиаже к выводу о трудности для ребенка встать на чужую точку зрения, об эгоцентризме детей.

Второй этап исследований Пиаже, начавшийся в 30-х годах, был связан с исследованием операциональной стороны мышления. Он разрабатывает специальные эксперименты. Фактически Пиаже был единственным исследователем, уделявшим внимание этой проблеме, так как Выготский, Штерн, Бюлер и др. исследовали в основном не процесс мышления, а продукты мыслительной деятельности.

В этот период Пиаже приходит к выводу, что психическое развитие связано с интериоризацией, так как первые мыслительные операции – внешние, сенсомоторные – впоследствии переходят во внутренний план, превращаясь в логические, собственно мыслительные. Пиаже также открывает главное свойство этих операций – их обратимость. Характеризуя понятие обратимости, он приводит в качестве примера арифметические действия – сложение и вычитание, умножение и деление, которые могут быть прочитаны как слева направо, так и справа налево, т. е. они обратимы.

Пиаже исследовал как переход от внешних операций к внутренним, логическим, так и формирование обратимости. Детям 5-7 лет давались задания, в которых исследовалась их способность понимать сохранение веса, числа и объема предметов. Так, им предъявляли два ряда кубиков, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Так как количество кубиков в обоих рядах, как и расстояние между ними, было одинаковым, то эти два ряда были одной длины. У детей спрашивали, равное ли количество кубиков в двух рядах, и те отвечали, что равное. Тогда на глазах у ребенка взрослый сдвигал кубики в одном ряду, так что они оказывались стоящими вплотную друг к другу. Естественно, длина данного ряда уменьшалась. После этого ребенку задавали вопрос, изменилось ли теперь количество кубиков в двух рядах. Дети, как правило, отвечали, что в коротком ряду кубиков стало меньше, чем в длинном. Аналогичные эксперименты были проделаны с исследованием сохранения веса (в круглом и сплюсненном кусочках пластилина) и объема, когда вода переливалась в сосуды с широким и узким доньшком так, что уровень воды в них был разным. При этом даже многие шестилетние дети считали, что количество воды в сосудах изменилось.

Пиаже давал детям картинки, на которых были изображены две лошади и четыре коровы, и спрашивал, каких животных больше. Дети правильно отвечали, что коров больше. Тогда Пиаже задавал вопрос, кого больше – животных или коров. И дети снова говорили, что коров больше, не понимая, что понятие «животные» включает в себя и лошадей и коров.

Исследования привели Пиаже к выводу, что до семи лет дети находятся на предоперациональной стадии, т.е. у них начинают формироваться внутренние мыслительные операции, но они еще несовершенны, необратимы. Только к семи годам дети начинают правильно решать предложенные задачи, но их логическое мышление связано только с конкретными проблемами, формальная логика у них только начинает развиваться. Лишь к подростковому возрасту формируется как конкретное, так и абстрактное логическое мышление.

Таким образом, периодизация интеллекта у Пиаже приобретает законченную и широко известную в настоящее время форму: стадия сенсомоторного интеллекта, стадия конкретных операций и стадия формальных операций. В каждой стадии Пиаже выделяет два этапа: появление необратимой операции данного уровня, а затем развитие ее обратимости. Сама периодизация является как бы развитием сложности и адекватности интеллекта, что заключается в переходе операций во внутренний план и приобретении ими обратимого характера.

Хотя Пиаже и не отрицал полностью роль обучения, однако наибольшей критике, как при его жизни, так и позднее подвергалась недооценка им роли среды и влияния взрослого в психическом развитии детей.

Пиаже – один из самых почитаемых и цитируемых исследователей, авторитет которого признан во всем мире и число последователей не уменьшается. Главное состоит в том, что он первый понял, исследовал и выразил качественное своеобразие детского мышления, показав, что мышление ребенка совершенно отличается от мышления взрослого человека. Разработанные им методы исследования уровня развития интеллекта давно стали диагностическими и играют большую роль в современной практической психологии. Те закономерности процесса мыслительной деятельности, которые были открыты Пиаже, остались непоколебленными, несмотря на большое количество новых фактов о детском мышлении. Открытая им возможность понять и сформировать детский ум является величайшей заслугой Пиаже.

§ 11. ПСИХОАНАЛИЗ (ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ)

Зигмунд Фрейд: основоположник психоанализа. Без преувеличения можно сказать, что австрийский психолог и психиатр Зигмунд Фрейд (1856-1939) является одним из тех ученых, кто во многом повлиял на все дальнейшее развитие современной психологии.

Ни одно психологическое направление не приобрело столь широкую известность за пределами этой науки, как фрейдизм. Это объясняется влиянием его идей на искусство, литературу, медицину, антропологию и другие области науки, связанные с человеком.

З.Фрейд назвал свое учение психоанализом по имени метода, разработанного им для диагностики и лечения неврозов. Второе название – глубинная психология – это направление получило по своему предмету исследования, так как концентрировало свое внимание на изучении глубинных структур психики.

Под влиянием Гете и Дарвина Фрейд выбрал медицинский факультет Венского университета, на который и поступил в 1873 году. В эти годы он работал в физиологической лаборатории доктора Э.Крюке. Эта работа во многом определила уверенность Фрейда в роли биологических основ психики, его внимание к сексуальным и физиологическим параметрам, определяющим бессознательные мотивы человека. Получив в 26 лет докторскую степень, Фрейд вследствие материальных затруднений вынужден был заняться частной практикой. Вначале он работает хирургом, однако, прослушав курс по психиатрии, заинтересовывается этой областью, прежде всего связью между психическими симптомами и физическими болезнями. К 1885 году он добивается престижного положения лектора в Венском университете. При помощи Крюке Фрейд получил стипендию для поездки в Париж в клинику Шарко. Эта стажировка не только открыла Фрейду роль гипноза в лечении истерии, но и подняла впервые завесу над бессознательным, продемонстрировав роль неосознанных мотивов в поступках чело века. По возвращении в Вену Фрейд совместно с психиатром Брейером исследует динамику истерии, опубликовав несколько работ на эту тему. Однако постепенно он отходит от Брейера, который настороженно отнесся к предположениям Фрейда о связи

неврозов с сексуальными отклонениями. Не принял Брейер и новый, предложенный Фрейдом метод лечения истерии – психоанализ.

Впоследствии, анализируя свой научный путь, Фрейд писал, что боялся принять ответственность за сделанное им открытие и старался разделить его с другими, боялся и самого этого открытия. Фрейд считал, что в своих отношениях с Крюке, Шарко и, особенно, с Брейером, он трансформировал свои отношения с отцом. Стремление заменить реального отца учителем вызвало и двойное отношение Фрейда к учителям – с одной стороны, восхищенное поклонение, с другой – желание найти свой собственный путь, превзойти своих учителей. Так постепенно вырисовываются контуры концепции Фрейда о «трансфере» и «Эдиповом комплексе», которые затем займут важное место в его теории личности.

Впервые Фрейд заговорил о психоанализе в 1896 году, а через год он начал проводить систематические самонаблюдения, которые фиксировал в дневниках до конца жизни. В 1900 году появилась его книга «Толкование сновидений», в которой он впервые опубликовал важнейшие положения своей концепции, дополненные в следующей книге «Психопатология обыденной жизни». Постепенно его идеи приобретали признание. В 1910 году его приглашают читать лекции в Америке, где его теория приобретает особую популярность. Его работы переводятся на многие языки. Вокруг Фрейда постепенно складывается кружок почитателей и последователей, в который входят К.Юнг, А.Адлер, Ш.Ференчи, О.Ранк, К.Абрахам. После организации психоаналитического общества в Вене его филиалы открываются во всем мире, психоаналитическое движение ширится. В то же время Фрейд становится все более догматичным в своих взглядах, не терпит ни малейших отклонений от своей концепции, пресекая все попытки самостоятельной разработки и анализа некоторых положений психотерапии или структуры личности, предпринимаемые его учениками. Это приводит к разрыву с Фрейдом самых талантливых его последователей Адлера, Юнга, Ранка.

По мере роста известности Фрейда росло и количество критических работ, направленных против не го. В 1933 году нацисты сожгли книги Фрейда в Берлине. После захвата гитлеровцами Австрии положение Фрейда становится опасным. Зарубежные психоаналитические общества собирают значительную сумму денег и фактически выкупают Фрейда. Он уезжает в Англию. Он умер в 1939 году, оставив после себя созданный им мир, уже полностью открытый для толкований и критики.

О том, что мыслью Фрейда правила общая логика преобразования научного знания о психике, говорит сопоставление пути, следуя которому он пришел к концепции бессознательной психики, с путями творчества других натуралистов. Отвергая альтернативу – либо физиология, либо психология сознания, они открывали особые психодетерминанты, не идентичные ни нейродетерминантам, ни лишенным реального причинного значения феноменам сознания, понятого как замкнутое бестелесное «поле» субъекта. В этом общем прогрессе научного познания психики важная роль наряду с Гельмгольцем, Дарвином, Сеченовым принадлежит Фрейду.

Во введении в научный оборот различных гипотез, моделей и понятий, охватывающих огромную не изведенную область неосознаваемой психической жизни, и состоит заслуга Фрейда. В своих исследованиях Фрейд разработал ряд понятий, запечатлевших реальное своеобразие психики и потому прочно вошедших в арсенал современного научного знания о ней. К ним относятся, в частности, понятия о защитных механизмах, фрустрации, идентификации, вытеснении, фиксации, регрессии, свободных ассоциациях, силе Я и др.

Десятилетиями погруженный в анализ причин заболеваний своих пациентов, страдавших от неврозов, Фрейд искал пути излечения в воздействии не на организм (хотя при неврозах наблюдаются органические симптомы), а на личность. Из его работ следовало, что, игнорируя мотивационно-личностное начало в человеке, имеющее свою историю и сложный строй, невозможно выяснить, что же нарушено в организации поведения, а не зная этого, невозможно вернуть его к норме. Многое подсказала клиническая практика. Изучение роли сексуальных переживаний и детских психических травм в формировании характера дало толчок развитию новых направлений исследований, в частности сексологии.

Фрейд выдвинул на передний план жизненные вопросы, которые никогда не переставали волновать людей, – о сложности внутреннего мира человека, об испытываемых им душевных конфликтах, о последствиях неудовлетворенных влечений, о противоречиях между «желаемым» и «должным». Жизненность и практическая важность этих вопросов вы годно контрастировали с абстрактностью и сухостью академической, «университетской» психологии. Это и обусловило тот огромный резонанс, который получило учение Фрейда как в самой психологии, так и далеко за ее пределами.

Вместе с тем на интерпретацию выдвинутых им проблем, моделей и понятий неизгладимую печать наложила социально-идеологическая атмосфера, в ко торой он творил.

Клинико-психологический анализ тех важных фактов, механизмов и детерминант, которые обнажила работа Фрейда в качестве врача-психотерапевта, отразился в теоретических схемах, согласно которым поведением людей правят иррациональные психические силы; интеллект – аппарат маскировки этих сил, а не средство активного отражения реальности; индивид и социальная среда находятся между собой в состоянии извечной и тайной войны.

Опыты с гипнозом (в частности, изучение так называемого постгипнотического внушения) показали, что чувства и стремления могут направлять поведение субъекта, даже когда они не осознаются им. Так, если внушить пациенту, чтобы он по пробуждении от гипнотического сна раскрыл зонтик, то он выполнит эту команду. Однако адекватно объяснить мотив своих действий он не сможет и попытается придумать фиктивную версию. Подобно го рода феномены подготавливали представление Фрейда о том, что сознание маскирует непостижимые для индивида мотивы его поступков. В дальнейшем от гипноза как метода психотерапии Фрейд отказался. Обычно это объясняют тем, что он в отличие от Брейера не мог столь же удачно пользоваться этим методом. Возможно, однако, что имелись и другие основания: при гипнозе внушаются команды, исходящие от врача, а это может оказать блокирующее воздействие на спонтанные, свободные от чьего бы то ни было внешнего давления тенденции личности.

Вместо гипноза Фрейд стал широко применять методику «свободных ассоциаций». К ней он пришел в ходе психотерапевтических сеансов. Первоначально во время этих сеансов он быстро задавал вопросы пациентам, время от времени перебивая их ответы своими замечаниями. Однажды он столкнулся с пациенткой, которая протестовала против того, что ей мешали беспрепятственно излить поток своих мыслей. После этого случая Фрейд изменил тактику и перестал вмешиваться в спонтанный рассказ больного. Он начал требовать, чтобы пациенты, находясь в расслабленном состоянии (лежа на кушетке), не ставя перед собой никаких интеллектуальных задач, непринужденно высказывали любые мысли, приходящие им в голову, какими бы странными они им ни казались.

Очевидно, что за измененной тактикой психотерапии стояли определенные взгляды на детерминацию речевых ассоциаций. Предполагалось, что их течение не случайно и не хаотично, а определенным образом детерминировано. В самом по себе мнении о строго причинном характере ассоциаций ничего оригинального не было. С момента своего возникновения ассоциативная теория являлась не чем иным, как распространением принципа причинности на область психических явлений.

Фрейд использовал «свободные ассоциации» для того, чтобы проследить ход мысли своих пациентов, скрытый не только от врача, но и от них самих. В их содержании Фрейд искал ключ к бессознательному. Он пытался выяснить, чему соответствуют ассоциации не в мире внешних объектов, а во внутреннем мире субъекта. Любые связи мыслей, взятые не отрешенно от личности, а как частица ее подлинной жизни, имеют двойную отнесенность: и к предметной реальности, существующей на собственных основаниях, и к реальности психической, воспроизводящей (отражающей) первую и наделенной собственными признаками. Фрейд стремился найти в ассоциациях смысловое содержание, но не предметное, а личностное. Очевидно, что эта задача была не из легких, поскольку внутреннее строение личности не менее сложно, чем строение мира, в котором она живет.

У Фрейда ассоциации выступали не как проекция объективной связи вещей, а как симптомы мотивационных установок личности. Особое внимание он обратил на замешательство, которое (неожиданно для самих себя) порой испытывали его пациенты при свободном, неконтролируемом ассоциировании слов. В этом замешательстве он искал намек на события, не когда нанесшие человеку душевную рану. Предполагалось, что особый механизм блокирует травмирующее представление, не допускает его в сознание. События прошлого не всплывают в памяти не из-за слабости ассоциаций, а из-за нежелания вспоминать. В пунктах, где испытуемый начинал запинаться, Фрейд искал нити, ведущие к вытесненным влечениям, на которые бдительное сознание наложило табу.

Занявшись анализом собственной психики, Фрейд не мог использовать ни гипноз, ни свободные ассоциации. Он выбрал другие психические феномены сновидения, в которых увидел «царскую дорогу к бессознательному».

В качестве силы, движущей душевную жизнь, Фрейд выдвинул могучее сексуальное начало – либидо. Мысль о том, что странности в поведении могут иметь сексуальные основания, возникла у неврологов до Фрейда. Об этом он услышал, будучи в Париже, от Шарко. Но признать роль полового влечения в неврозе еще не значило отказаться от физиологического объяснения. Фрейд вслед за Брейером считал поначалу, что все дело в нарушении баланса нервной энергии.

Однако в психотерапевтической практике всплыло обстоятельство, которое толкнуло Фрейда к решительному пересмотру своих взглядов. Это был случай с одной пациенткой, вошедшей в историю психоанализа под именем Анны О. Она страдала от истерических симптомов, выраженных в расстройстве зрения, речи, движений. Причина усматривалась в том, что ей приходилось сдерживать себя, чтобы не проявить в своем поведении чувства вины (из-за беспомощности) перед тяжело больным отцом*.

Брейер полагал, что эти симптомы являются эффектом самовнушения, и, поскольку девушка в состоянии гипноза могла «излить душу», ее рассказ трактовался как катарсис – освобождение от подавленных, мучительных чувств, их «отреагирование». Но тут произошло событие, которое спутало карты Брейера и Фрейда. Девушка стала выражать к доктору Брейеру сексуально окрашенное чувство любви. Брейера это привело в смятение, и он отказался от дальнейшей терапии. Фрейд же, продолжая изучать поведение Анны О., пришел к выводу, что пациент перенес на лечащего врача чувства любви, страха и другие, которые он испытывал к родителям. Фрейд выразил это явление в понятии, ставшем одним из главных в психоанализе, в понятии «трансфера» или переноса.

Генезис фрейдизма вновь сталкивает нас с тем «диалогом» основных ориентаций психологической мысли на природное, с одной стороны, и социальное с другой, который неизменно служил открытию специфической детерминации психических процессов в качестве отличных как от физиологических, так и от социальных.

Поведение страдающих истерией указывало, что в заболевании «замешаны» особые межличностные отношения, которые представляют собой иной по рядок явлений, чем нарушение баланса энергии в организме. Введенное Фрейдом понятие о трансфере и было еще одним когнитивным «гибридом», синтезировавшим в новый продукт прежнюю версию о нервной энергии и прежнее представление о роли связей индивида с другими людьми в его психической жизни.

Сами по себе эти связи имеют объективные, не зависящие от сознания субъекта основания. Независимой от психики мыслилась и нейродинамика, представление о которой использовалось врачами как объяснительный принцип. Исторический же смысл шага, совершенного Фрейдом, заключался в том, что знание, отнесенное к разным полюсам организму и социальным связям (и организм, и социальные связи мыслились в непсихологических терминах), вошло в синтез, породивший знание о собственно психологических детерминантах

* Описание этого случая стало отправным пунктом при изучении экспериментальных неврозов в школе И.П. Павлова.

поведения человека. Это знание выступило в превращенных формах, но за ним скрывалась психическая реальность.

Взгляды Фрейда можно разделить на три области: метод лечения функциональных психических заболеваний, теория личности и теория общества. При этом стержнем всей системы являются его взгляды на развитие и структуру личности.

Фрейд считал, что психика состоит из трех слоев – сознательного, предсознательного и бессознательного, – в которых и располагаются основные структуры личности. Содержание бессознательного, по мнению Фрейда, недоступно осознанию практически ни при каких условиях. Содержание предсознательного слоя может быть осознано человеком, хотя это и требует от него значительных усилий.

В бессознательном слое располагается одна из структур личности – Ид, которая фактически является энергетической основой личности. В Ид содержатся врожденные бессознательные инстинкты, которые стремятся к своему удовлетворению, к разрядке и таким образом детерминируют деятельность субъекта. Существуют два основных врожденных бессознательных инстинкта – инстинкт жизни и инстинкт смерти, которые находятся в антагонистических отношениях, создавая основу для фундаментального, биологического внутреннего конфликта. Неосознанность этого конфликта связана не только с тем, что борьба между инстинктами, как правило, происходит в бессознательном слое, но и с тем, что поведение человека вызывается одновременным действием обеих этих сил.

С точки зрения Фрейда, инстинкты являются каналами, по которым проходит энергия, формирующая нашу деятельность. Либидо, о котором так много писали и сам Фрейд и его ученики, и является той специфической энергией, которая связана с инстинктом жизни. Энергии, связанной с инстинктом смерти и агрессии, Фрейд не дал собственного имени, но постоянно говорил о ее существовании. Он также считал, что содержание бессознательного постоянно расширяется, так как те стремления и желания, которые человек не смог по тем или иным причинам реализовать в своей деятельности, вытесняются им в бессознательное.

Вторая структура личности – Эго, по мнению Фрейда, также является врожденной и располагается как в сознательном слое, так и в предсознании. Таким образом, мы всегда можем осознать свое Я, хотя это может быть для нас и нелегким делом. Если содержание Ид расширяется, то содержание Эго, на оборот, сужается, так как ребенок рождается, по выражению Фрейда, с «океаническим чувством Я», включая в себя весь окружающий мир. Со временем он начинает осознавать границу между собой и окружающим миром, локализовать Я до своего тела, сужая таким образом объем Эго.

Третья структура личности – Супер-Эго – не врожденная; она формируется в процессе жизни. Механизмом ее формирования является идентификация с близким взрослым своего пола, черты и качества которого и становятся содержанием Супер-Эго. В процессе идентификации у детей формируется так же Эдипов комплекс (у мальчиков) или комплекс Электры (у девочек), то есть комплекс амбивалентных чувств, которые испытывает ребенок к объекту идентификации.

Фрейд подчеркивал, что между этими тремя структурами личности существует неустойчивое равновесие, так как не только их содержание, но и направления их развития противоположны друг другу. Инстинкты, содержащиеся в Ид, стремятся к удовлетворению, диктуя человеку такие желания, которые практически невыполнимы ни в одном обществе. Супер-Эго, в содержание которого входят совесть, самонаблюдение и идеалы, предупреждает человека о невозможности осуществления этих желаний и стоит на страже соблюдения норм, принятых в обществе. Таким образом, Эго становится как бы ареной борьбы противоречивых тенденций, которые диктуются Ид и Супер-Эго. Такое состояние внутреннего конфликта, в котором постоянно находится человек, делает его потенциальным невротиком. Поэтому Фрейд подчеркивал, что не существует четкой грани между нормой и патологией. Возможность поддерживать свое психическое здоровье зависит от механизмов психологической защиты, которые помогают человеку если не предотвратить, то хотя бы смягчить конфликт между Ид и Супер-Эго.

Фрейд выделял несколько защитных механизмов, главными из которых являются вытеснение, регрессия, рационализация, проекция и сублимация.

Вытеснение является самым неэффективным механизмом, так как при этом энергия, протекающая по инстинктивным каналам, не реализуется в деятельности, но остается в человеке, вызывая рост напряженности. Желание вытесняется в бессознательное, человек о нем совершенно забывает, но оставшееся напряжение, проникая сквозь бессознательное, дает о себе знать в виде символов, наполняющих наши сновидения в виде ошибок, описок, оговорок. Символ, по мнению Фрейда, является не непосредственным отражением вытесненного желания, а его трансформацией. Поэтому он придавал такое значение «психопатологии обыденной жизни», т. е. толкованию таких явлений, как ошибки и описки, сновидения человека, его ассоциации. Отношение Фрейда к символике было одной из причин его расхождения с Юнгом, который считал, что существует непосредственная и тесная связь между символом и стремлением человека, и возражал против толкований, придуманных Фрейдом.

Регрессия и рационализация являются более успешными видами защиты, так как они дают возможность хотя бы частичной разрядки энергии, содержащейся в желаниях человека. При этом регрессия представляет собой более примитивный способ выхода из конфликтной ситуации. Человек может начать кусать ногти, портить вещи, жевать резинку или табак, верить в злых или добрых духов, стремиться к рискованным ситуациям и т.д., причем многие из этих регрессий настолько общеприняты, что даже не воспринимаются таковыми. Рационализация связана со стремлением Супер-Эго хоть как-то проконтролировать создавшуюся ситуацию, придав ей «добропорядочный» вид. Поэтому человек, не осознавая реальные мотивы своего поведения, прикрывает их и объясняет придуманными, но морально приемлемыми мотивами.

При проекции человек приписывает другим те желания и чувства, которые испытывает сам. В том случае, когда субъект, которому было приписано какое-либо чувство, своим поведением подтверждает сделанную проекцию, этот защитный механизм действует достаточно успешно.

Наиболее эффективным является механизм, который Фрейд назвал сублимацией. Он помогает направить энергию, связанную с сексуальными или агрессивными стремлениями, в другое русло, реализовать ее, в частности, в художественной деятельности. В принципе Фрейд и считал культуру продуктом сублимации и с этой точки зрения рассматривал произведения искусства, научные открытия. Наиболее успешным этот путь является потому, что на нем происходит полная реализация накопленной энергии, катарсис, или очищение, человека.

Либидозная энергия, которая связана с инстинктом жизни, является также основой развития личности, характера. Фрейд говорил о том, что в процессе жизни человек проходит несколько этапов, отличающихся друг от друга способом фиксации либидо, способом удовлетворения инстинкта жизни. При этом важно, каким именно способом происходит фиксация и нуждается ли человек при этом в посторонних объектах. Исходя из этого, Фрейд выделял три больших этапа.

Первый этап – либидо-объект – характерен тем, что ребенок нуждается в постороннем объекте для реализации либидо. Этот этап длится до одного года и носит название оральной стадии, так как удовлетворение происходит при раздражении полости рта. Фиксация на этой стадии происходит в том случае, когда ребенок в этот период не смог реализовать свои либидозные желания. Для этого типа личности характерна определенная зависимость, инфантильность.

Второй этап, который длится до начала полового созревания, называется либидо-субъект и характеризуется тем, что для удовлетворения своих инстинктов ребенку не требуется никакой внешний объект. Иногда Фрейд называл эту стадию нарциссизмом, считая, что для людей, у которых произошла фиксация на этой стадии, характерна ориентация на себя, стремление использовать окружающих для удовлетворения собственных нужд и желаний, эмоциональная отгороженность. Этап состоит из нескольких стадий. Первая, которая длится

примерно до трех лет, – анальная, при которой ребенок не только учится навыкам туалета, но у него начинает формироваться и чувство собственности. Фиксация на этой стадии формирует анальный характер, который характеризуется упрямством, часто жесткостью, аккуратностью и бережливостью. С трех лет ребенок переходит на следующую, фаллическую стадию, на которой дети начинают осознавать свои сексуальные отличия, интересоваться своими гениталиями. Эту стадию Фрейд считал критической для девочек, которые впервые начинают осознавать свою неполноценность в связи с отсутствием у них пениса. Это открытие, считал он, может привести к позднейшей невротизации или агрессивности, которая вообще характерна для людей, фиксированных на этой стадии. В этот период нарастает напряженность в отношениях с родителями, прежде всего с родителем своего пола, которого ребенок боится и к которому ревнует родителя противоположного пола. Эта напряженность ослабевает к шести годам, когда наступает латентный период в развитии сексуального инстинкта. В этот период, который длится до начала полового созревания, дети обращают большое внимание на учение, спорт, игры.

В подростковом возрасте дети переходят на третий этап, который также называется либидо-объект, так как для удовлетворения сексуального инстинкта человеку опять необходим партнер. Эта стадия также называется генитальной, так как для разрядки либидозной энергии человек ищет способы половой жизни, характерные для его пола и его типа личности.

Либидозную энергию Фрейд считал основой развития не только индивида, но и человеческого общества. Он писал, что вождь племени является своего рода отцом рода, к которому мужчины испытывают Эдипов комплекс, стремясь занять его место. Однако с убийством вождя в племя приходят вражда, кровь и междоусобица, и такой негативный опыт приводит к созданию первых законов, табу, которые начинают регулировать социальное поведение человека. Позднее последователи Фрейда создали систему этнопсихологических концепций, которая объясняла особенности психики различных народов способами прохождения основных этапов в развитии либидо.

Важнейшее место в теории Фрейда занимал его метод – психоанализ, для объяснения работы которого и были собственно созданы остальные части его теории. В своей психотерапии Фрейд исходил из того, что врач занимает в глазах пациента место родителя, доминирующее положение которого пациент признает безусловно. При этом устанавливается канал, по которому происходит беспрепятственный обмен энергией между терапевтом и пациентом, то есть появляется трансфер. Благодаря этому терапевт не только проникает в бессознательное своего пациента, но и внушает ему определенные положения, прежде всего свое понимание, свой анализ причин его невротического состояния. Этот анализ происходит на основе символической интерпретации ассоциаций, снов и ошибок пациента, т. е. следов его вытесненного влечения. Врач не просто делится с пациентом своими наблюдениями, но внушает ему свое толкование, которое пациент некритично принимает. Это внушение, по мнению Фрейда, и обеспечивает катарсис: принимая позицию врача, пациент как бы осознает свое бессознательное и освобождается от него. Поскольку основа такого выздоровления связана с внушением, эта терапия была названа директивной – в отличие от той, которая основана на равноправных отношениях пациента и врача.

Хотя не все аспекты теории Фрейда получили научное признание, а многие его положения на сегодняшний день кажутся принадлежащими скорее истории, чем современной психологической науке, невозможно не признать, что его идеи оказали положительное влияние на развитие мировой культуры – не только психологии, но и искусства, медицины, социологии. Фрейд открыл целый мир, который лежит за пределами нашего сознания, и в этом его огромная заслуга перед человечеством.

Ни одно течение в истории психологии не вызывало таких взаимоисключающих суждений и оценок, как фрейдизм. Идеи психоанализа, по свидетельству многих писателей (Д.Олдриджа, С.Цвейга), настолько проникли в «кровь» западной культуры, что многим ее представителям значительно легче мыслить ими, чем игнорировать их. Вместе с тем во многих странах психоанализ подвергается резкой критике.

Несмотря на существенную модернизацию многих положений Фрейда его последователями основные подходы к психическому развитию, заложенные в его теории, остались неизменными. К ним относятся прежде всего следующие положения:

1. понимание психического развития как мотивационного, личностного;
2. представление о развитии как адаптации к среде; хотя среда и не является всегда и полностью враждебной, однако она всегда противостоит конкретному индивиду;
3. представление о движущих силах психического развития как врожденных и бессознательных;
4. идея о том, что основные механизмы развития, также врожденные, закладывают основы личности и ее мотивов уже в раннем детстве и существенного изменения эта структура в дальнейшем уже не претерпевает.

Карл Густав Юнг: аналитическая психология. Швейцарский психолог К.Юнг (1875-1961) окончил университет в Цюрихе. Пройдя стажировку у психиатра П.Жане, он открывает собственную психологическую и психиатрическую лабораторию. В это же время он знакомится с первыми работами Фрейда, открывая для себя его теорию. Сближение с Фрейдом оказало решающее влияние на научные взгляды Юнга. Однако вскоре выяснилось, что, несмотря на близость позиций и стремлений, между ними существуют и значительные разногласия, примирить которые им так и не удалось. Эти разногласия были связаны, прежде всего, с разным подходом к анализу бессознательного. Юнг в отличие от Фрейда утверждал, что «не только самое низкое, но и самое высокое в личности может быть бессознательным». Не соглашаясь с пансексуализмом Фрейда, Юнг считал либидо обобщенной психической энергией, которая может принимать различные формы. Не менее значимым были и разногласия в толковании сновидений и ассоциаций. Фрейд считал, что сим воли являются заместителями других, вытесненных предметов и влечений. В противовес ему Юнг был уверен, что только знак, осознанно употребляемый человеком, замещает что-то другое, а символ является самостоятельной, живой, динамической единицей. Символ ничего не замещает, но отражает психологическое состояние, которое испытывает человек в данный момент. Поэтому Юнг был против символической интерпретации снов или ассоциаций, разрабатываемой Фрейдом, считая, что не обходимо идти вслед за символикой человека вглубь его бессознательного.

Определенные расхождения у ученых были и по вопросу психокоррекции. Фрейд считал, что зависимость пациента от психотерапевта постоянна и не может быть уменьшена, т.е. он придерживался концепции директивной терапии. В то же время Юнг полагал, что зависимость пациента от врача должна уменьшаться со временем, в последней фазе терапии, которую он называл трансформацией.

Окончательный разрыв произошел в 1912 году, после того как Юнг опубликовал книгу «Символы трансформации». Разрыв был болезненным для обеих сторон.

Постепенно Юнг пришел к мысли, что его интерпретация символа дает ему ключ к анализу не только сновидений, но и мифов, сказок, религии, искусства. Он исследовал не только европейскую, но и индийскую, китайскую, тибетскую культуры, их символику. Это и привело Юнга к одному из важнейших его открытий – открытию коллективного бессознательного.

Юнг считал, что структура личности состоит из трех частей: коллективного бессознательного, индивидуального бессознательного и сознания. Если индивидуальное бессознательное и сознание являются чисто личностными, прижизненными приобретениями, то коллективное бессознательное – своего рода «память поколений», то психологическое наследство, с которым ребенок появляется на свет. Юнг писал: «Содержание коллективного бессознательного лишь в минимальной степени формируется личностью и в своей сущности вообще не является индивидуальным приобретением. Это бессознательное – как воздух, которым дышит все и который не принадлежит никому».

Содержание коллективного бессознательного состоит из архетипов, которые являются формами, организующими и канализирующими психологический опыт индивида. Юнг часто

называл архетипы «первичными образами», так как они связаны с мифическими и сказочными темами. Он также считал, что архетипы организуют не только индивидуальную фантазию, но и коллективную. Они лежат в основе мифологии народа, его религии, определяя его само сознание.

Основными архетипами индивидуального бессознательного Юнг считал Эго, Персону, Тень, Аниму (или Анимус) и Самость. Эго и Персона находятся в основном в сознательных пластах психики индивида, в то время как другие главные архетипы располагаются в индивидуальном бессознательном.

Эго является центральным элементом личного сознания, как бы собирая разрозненные данные личного опыта в единое целое, формируя из них целостное и осознанное восприятие собственной личности. При этом Эго стремится противостоять всему, что угрожает хрупкой связности нашего сознания, старается убедить нас в необходимости игнорировать бессознательную часть души.

Персона – та часть нашей личности, которую мы показываем миру, какими мы хотим быть в глазах других людей. Персона включает в себя и типичные для нас роли, стиль поведения и одежды, способы самовыражения. Персона имеет и позитивное, и негативное влияние на нашу личность. Доминирующая Персона может подавить индивидуальность человека, развить в нем конформизм, стремление слиться с той ролью, которую навязывает человеку среда. В то же время Персона и защищает нас от давления среды, от любопытных взглядов, стремящихся проникнуть в нашу душу, помогает в общении, особенно с незнакомыми людьми.

Тень является центром личного бессознательного. Как Эго собирает данные о нашем внешнем опыте, так Тень фокусирует, систематизирует те впечатления, которые были вытеснены из сознания. Содержанием Тени являются те стремления, которые отрицаются человеком как несовместимые с его Персоной, с нормами общества. При этом, чем больше доминирует Персона в структуре личности, тем больше содержание Тени, так как индивиду необходимо вытеснять в бессознательное все большее количество желаний.

Фактически расхождения между Юнгом и Фрейдом больше всего относились именно к роли Тени в структуре личности. Юнг считал ее одной из составляющих этой структуры, в то время как Фрейд ставил ее в центр личности, исследуя главным образом именно ее содержание. В то же время Юнг не считал возможным избавиться от Тени, не признавать ее, ибо она является законной частью личности, и человек без Тени так же неполноценен, как и без других частей души. Самое вредное, с точки зрения Юнга, – не замечать, игнорировать Тень, в то время как внимательное отношение к ней, то, что Юнг называл «техникой обращения с Тенью», помогает преодолеть ее негативное влияние.

Анима (у мужчины) или Анимус (у женщины) – это те части души, которые отражают интерсексуальные связи, представления о противоположном поле. На их развитие большое влияние оказывают родители (мать – у мальчика и отец – у девочки). Этот архетип оказывает большое влияние и на поведение, и на творчество человека, являясь источником проекций, новых образов в душе человека.

Самость, с точки зрения Юнга, является центральным архетипом всей личности, а не только ее сознательной или бессознательной части; это «архетип по рядка и целостности личности». Ее главное значение в том, что она не противопоставляет разные части души (сознательную и бессознательную) друг другу, но соединяет их так, чтобы они дополняли друг друга. В процессе развития личность обретает все большую целостность и, индивидуализируясь, становится все более свободной в своем выражении и само познании.

Идеи о необходимости сохранения целостности и индивидуализации при развитии личности Юнг развивал уже в 50-е годы. К этому же времени относятся его положения о роли сознания в духовном росте и организации поведения. Такая трансформация некоторых положений психоанализа, принимавшихся Юнгом в начале века, была для него особенно важна: Юнг постоянно подчеркивал открытость своей концепции для нового в отличие от ортодоксальности теории Фрейда.

Исходя из структуры души, Юнг создает и свою типологию личности, выделяя два типа: экстраверты и интроверты. Интроверты в процессе индивидуализации обращают больше внимания на внутреннюю часть своей души, строят свое поведение исходя из собственных идей, собственных норм и убеждений. Экстраверты, наоборот, больше ориентированы на Персону, на внешнюю часть своей души. Они в отличие от интровертов прекрасно ориентируются во внешнем мире и в своей деятельности исходят главным образом из его норм и правил. Если интроверту угрожает полный разрыв контактов с внешним миром, то для экстравертов не меньшей опасностью является потеря себя. В своих крайних проявлениях экстраверты являются догматиками, а интроверты – фанатиками.

Однако Самость, стремление к целостности личности, как правило, не дает возможности одной из ее сторон полностью подчинить другую. Поэтому эти две части души как бы делят сферы своего влияния. Как правило, экстраверты хорошо строят отношения с большим кругом людей, учитывают их мнения и интересы; в то же время в узком кругу близких людей они открываются другой стороной своей личности, интровертной. Здесь они могут быть депрессивны, нетерпеливы, не учитывают мнения и позиции других людей. Общение с широким кругом мало знакомых людей чрезвычайно затруднительно для интроверта, который исходит только из своих позиций и не всегда может выстроить линию поведения, понять точку зрения собеседника. Интроверт либо настаивает на своем, либо просто уходит от контакта. В то же время в общении с близкими он, наоборот, раскрывается, верх берет его экстравертная, обычно подавляемая сторона личности, и он является мягким, заботливым и теплым семьянином. Как и Фрейд, Юнг часто иллюстрировал свои выводы ссылками на ту или иную историческую личность. Так, он относил Л.Н.Толстого к типичным экстравертам, а Ф.М.Достоевского – к интровертам.

Развитие Самости связано не только с типологией личности по линии интроверсии – экстраверсии, но и с развитием четырех основных психических процессов: мышления, чувствования, интуиции и ощущения. У каждого человека, считал Юнг, доминирует тот или иной процесс, который в сочетании с интро- или экстраверсией и индивидуализирует путь развития личности. Мышление и чувствование являются альтернативными способами принятия решения. Мышление ориентировано на логические посылки: люди с доминирующим мышлением превыше всего ценят абстрактные принципы, идеалы, порядок и системность в поведении.

Чувствующие люди, напротив, принимают решения спонтанно, ориентируясь на эмоции, предпочитая любые чувства, даже отрицательные, скуке и порядку. Если мышление и чувства характеризуют активных людей, способных принимать решения, то ощущение и интуиция характеризуют скорее способы получения информации, и люди этого типа более созерцательны. Ощущение ориентируется на прямой, непосредственный опыт, и ощущающие типы, как правило, лучше реагируют на непосредственную ситуацию, в то время как интуитивные – на прошлую и будущую. Для них то, что возможно, важнее того, что происходит в настоящем. Хотя все эти функции и присутствуют в человеке, доминирующей является какая-то из них, которая частично дополняется второй.

Хотя главным содержанием души Юнг считал ее бессознательные структуры, он не только не отрицал возможность их осознания, но и считал этот процесс одним из важнейших в личностном росте чело века. Один из вариантов такого осознания себя психотерапия, и врач-психотерапевт является помощником пациента, помогая ему понять себя, вернуть себе целостность.

Альфред Адлер: индивидуальная психология. А.Адлер (1870-1937) окончил медицинский факультет Венского университета, начав работу как врач-офтальмолог. Однако вскоре его интересы перемещаются в сторону психиатрии и неврологии.

В 1902 году Адлер становится одним из первых четырех членов кружка, образовавшегося вокруг создателя нового психологического направления Фрейда. В 1910 году по предложению Фрейда он становится первым президентом Венского психоаналитического общества. Однако вскоре Адлер начал развивать идеи, противоречившие некоторым основным

положениям Фрейда. Когда эти расхождения обострились, ему было предложено изложить свои взгляды, что он и сделал в 1911 году, отказавшись затем от поста президента общества. Спустя некоторое время Адлер официально оборвал свои связи с психоанализом, выйдя из общества вместе со своими сторонниками и организовав собственную группу, которая получила название Ассоциации индивидуальной психологии.

После первой мировой войны Адлер заинтересовался вопросами образования, основав первую воспитательную клинику в рамках венской системы школьного образования, а затем и экспериментальную школу, где претворялись в жизнь его идеи в области образования. Особое значение Адлер придавал работе с учителями, которые формируют ум и характер юношества. Для помощи родителям в воспитании детей им были организованы консультативные центры при школах, где родители и дети могли получить нужный им совет и помощь. К 1930 году только в Вене было 30 таких центров.

В 1935 году Адлер переезжает в США, где продолжает работать в качестве врача-психиатра, одновременно занимая пост профессора медицинской психологии.

Адлер стал основателем нового, социально-психологического направления. Именно в развитии этих своих новых идей он и разошелся с Фрейдом. Его теория очень мало связана с классическим психоанализом и представляет целостную систему развития личности.

Адлер отрицал положения Фрейда и Юнга о доминировании индивидуальных бессознательных инстинктов в личности и поведении человека, инстинктов, которые противопоставляют человека обществу и отделяют от него. Не врожденные инстинкты, не врожденные архетипы, а чувство общности с людьми, стимулирующее социальные контакты и ориентацию на других людей, – вот та главная сила, которая определяет поведение и жизнь человека, считал Адлер.

Однако было и нечто общее, объединявшее концепции этих трех психологов: все они предполагали, что человек имеет некоторую внутреннюю, присущую ему одному природу, которая оказывает влияние на формирование его личности. При этом Фрейд придавал решающее значение сексуальным факторам, Юнг – первичным типам мышления, а Адлер подчеркивал роль общественных интересов. В то же время Адлер был единственным из них, кто считал важнейшей тенденцией в развитии личности стремление сохранить в целостности свою индивидуальность, осознавать и развивать ее. Фрейд в принципе отвергал идею уникальности каждой человеческой личности, исследуя скорее то общее, что присуще бессознательному. Юнг хотя и пришел к идее о целостности и Самости личности, но значительно позже, в 50-х годах.

Мысль о целостности и уникальности личности является неоценимым вкладом Адлера в психологию. Не менее важна и введенная им идея о «творческом Я». В отличие от фрейдовского Эго, служащего врожденным инстинктам и потому определяющего путь развития личности в заданном направлении, Я Адлера представляет собой индивидуализированную систему, которая может менять направление развития личности, интерпретируя жизненный опыт человека и придавая ему различный смысл. Более того, Я само предпринимает поиски такого опыта, который может облегчить данному человеку осуществление его собственного, уникального стиля жизни.

Теория личности Адлера является хорошо структурированной системой и покоится на нескольких основных положениях, объясняющих многочисленные варианты и пути развития личности. Эти основные положения: 1) фиктивный финализм; 2) стремление к превосходству; 3) чувство неполноценности и компенсации; 4) общественный интерес (чувство общности); 5) стиль жизни; 6) творческое Я.

Идея фиктивного финализма была заимствована Адлером у немецкого философа Ганса Файнгингера, который писал, что все люди ориентируются в жизни посредством конструкций или фикций, которые организуют и систематизируют реальность, детерминируя наше поведение. У Файнгингера Адлер также почерпнул идею о том, что мотивы человеческих поступков определяются в большей степени надеждами на будущее, а не опытом прошлого. Эта конечная цель может быть фикцией, идеалом, который нельзя реализовать, но, тем не менее,

оказывается вполне реальным стимулом, определяющим устремления человека. Здоровый человек в принципе может освободиться от фиктивных надежд и увидеть жизнь и будущее такими, какие они есть на самом деле. Для невротиков же это оказывается невыполнимым, и разрыв между реальностью и фикцией еще больше усиливает их напряжение.

Стиль жизни, по Адлеру, – та детерминанта, которая определяет и систематизирует опыт человека. Он тесно связан с чувством общности, одним из трех врожденных бессознательных чувств, составляющих структуру Я. Чувство общности, или общественный интерес, является своеобразным стержнем, который держит всю конструкцию стиля, определяет ее содержание и направление. Хотя это чувство и является врожденным, оно может остаться неразвитым, что становится основой асоциального стиля жизни, причиной неврозов и конфликтов. Развитие чувства общности связано с близкими взрослыми, окружающими ребенка с детства, прежде всего с матерью. У отверженных детей, растущих с холодными, отгороженными от них матерями, чувство общности не развивается. Не развивается оно и у избалованных детей. Уровень развития чувства общности определяет систему представлений о себе и о мире, которая создается каждым человеком. Неадекватность этой системы препятствует личностному росту, провоцирует развитие неврозов.

Формируя свой жизненный стиль, человек фактически сам является творцом своей личности, которую он создает из сырого материала наследственности и опыта. Творческое Я, о котором пишет Адлер, является своеобразным ферментом, который воздействует на факты окружающей действительности и трансформирует их в личность человека, «личность субъективную, динамичную, единую, индивидуальную и обладающую уникальным стилем». Творческое Я сообщает жизни человека смысл, оно творит как цель жизни, так и средства для ее достижения. Таким образом, для Адлера процессы формирования жизненной цели, стиля жизни являются актами творчества, которые придают человеческой личности уникальность, сознательность и возможность управлять своей судьбой. В противовес Фрейду Адлер подчеркивал, что люди – не пешки, но сознательные целостности, самостоятельно и творчески создающие свою жизнь.

Если чувство общности определяет направление жизни, его стиль, то два других врожденных и бессознательных чувства – неполноценности и стремления к превосходству – являются своеобразными носителями энергии, необходимой для развития личности. Оба эти чувства являются позитивными, это стимулы для личностного роста, для самосовершенствования. Если чувство неполноценности воздействует на человека, вызывая в нем желание преодолеть свои недостатки, то стремление к превосходству вызывает желание быть лучше всех – не только преодолеть недостаток, но и стать самым умелым и знающим. Эти чувства, с точки зрения Адлера, стимулируют не только индивидуальное развитие, но и развитие общества в целом. Существует и специальный механизм, помогающий развитию этих чувств, – компенсация.

Адлер выделял четыре основных вида компенсации: неполная компенсация, полная компенсация, сверхкомпенсация и мнимая компенсация, или уход в болезнь.

Соединение видов компенсации с жизненным стилем и уровнем развития чувства общности дало возможность Адлеру создать одну из первых типологий личности детей.

Он считал, что развитое чувство общности, определяя социальный стиль жизни, дает возможность ребенку создать достаточно адекватную схему апперцепции. При этом дети с неполной компенсацией меньше чувствуют свою ущербность, так как они могут компенсироваться при помощи других людей, при помощи сверстников, от которых они не чувствуют отгороженности. Это особенно важно при физических дефектах, которые часто не дают возможности полной их компенсации и тем самым могут послужить причиной изоляции ребенка, остановить его личностный рост. В случае сверхкомпенсации человек старается обратить свои знания и умения на пользу людям, его стремление к превосходству не превращается в агрессию. Примером такой сверхкомпенсации при социальном жизненном стиле для Адлера служили Демосфен, преодолевший свое заикание, Ф.Рузвельт, преодолевший свой физический недуг.

При неразвитом чувстве общности у ребенка начинают уже в раннем детстве формироваться невротические комплексы, которые приводят к отклонениям в развитии личности. Неполная компенсация приводит к возникновению комплекса неполноценности, который делает неадекватной схему апперцепции, изменяет жизненный стиль, делая ребенка тревожным, неуверенным в себе, завистливым, конформным и напряженным.

Невозможность преодолеть свои дефекты, особенно физические, часто приводит к мнимой компенсации, при которой ребенок (а позднее взрослый человек) начинает спекулировать своим недостатком, стараясь извлечь привилегии из внимания и сочувствия, которым его окружают. Такой вид компенсации несовершенен: он останавливает личностный рост, формируя неадекватную, завистливую, эгоистическую личность.

В случае сверхкомпенсации у детей с неразвитым чувством общности стремление к самосовершенствованию трансформируется в невротический комплекс власти, доминирования и господства. Такие люди используют свои знания для приобретения власти над людьми, для порабощения их, думая не о пользе других, а о своих выгодах. При этом формируется неадекватная схема апперцепции, изменяющая стиль жизни. Эти люди подозревают окружающих в желании отнять у них власть и потому становятся подозрительными, жестокими, мстительными, тиранами и агрессорами. Для Адлера примерами такой личности были Нерон, Наполеон, Гитлер и другие авторитарные правители, а также тираны – не обязательно в масштабах целого народа, но и в рамках своей семьи.

Таким образом, одним из главных качеств личности, которое помогает ей устоять в жизненных невзгодах, преодолеть трудности и достичь совершенства, является умение сотрудничать с другими. Адлер писал, что если человек умеет сотрудничать, он никогда не станет невротиком, в то время как недостаток кооперации является корнем всех невротических и плохо приспособленных стилей жизни.

Теория Адлера явилась своеобразной антитезой фрейдовской концепции человека, оказала огромное влияние на гуманистическую психологию, психотерапию и психологию личности.

§ 12. НЕОФРЕЙДИЗМ

Карен Хорни: образ Я. К. Хорни (1885-1952) получила образование на медицинском факультете Берлинского университета. В 1918 году она поступила на работу в Берлинский психоаналитический институт, где проработала до 1932 года. Затем она переезжает в США, куда перебираются и другие известные немецкие ученые в связи с приходом к власти Гитлера. Хорни занимает пост заместителя директора Чикагского психоаналитического института, потом переезжает в Нью-Йорк, где преподает в Психоаналитическом институте, занимаясь параллельно терапевтической практикой. Как и многие последователи Фрейда, она постепенно разочаровывается в ортодоксальном психоанализе и основывает свою ассоциацию, преобразованную позднее в Американский институт психоанализа.

В отличие от Юнга и Адлера, которые подчеркивали, что разошлись с Фрейдом по принципиальным вопросам, Хорни говорила, что она лишь стремится исправить некоторые недостатки его теории. Однако ее стремление раздвинуть рамки ортодоксального фрейдизма на самом деле привели и ее к пересмотру отдельных положений теории Фрейда. Хорни приходит к выводу о доминирующем влиянии общества, социального окружения на развитие личности человека. Она доказывала, что развитие не предопределено только врожденными инстинктами, что человек может изменяться и развиваться в течение жизни. Эта возможность опровергает фатальную обреченность на невроз, о которой говорил Фрейд. По мнению Хорни, есть четкая грань между нормой и патологией и потому есть надежда на полное выздоровление даже у невротизированных людей.

Хорни исходила из того, что доминирующим в структуре личности являются не инстинкты агрессии или либидо, а бессознательное чувство беспокойства, которое Хорни называет чувством коренной тревоги. Хорни писала, что оно связано с «имеющимся у ребен-

ка ощущением одиночества и беспомощности в потенциально враждебном ему мире. Таким образом, в ее теории сохраняется не только идея Фрейда о значении бессознательного, но и его мысль об антагонизме между внешним миром и человеком.

Хорни считала, что причинами развития тревоги могут быть и отчуждение родителей, и чрезмерная их опека, подавляющая личность, враждебная атмосфера и дискриминация или, наоборот, слишком большое восхищение ребенком. Каким же образом все эти противоречивые факторы могут стать основой развития тревоги? Отвечая на этот вопрос, Хорни выделяет прежде всего два вида тревоги: физиологическую и психологическую. Физиологическая тревога связана со стремлением ребенка удовлетворить свои насущные потребности – в еде, питье, комфорте. Ребенок боится, что его вовремя не перепеленают, не покормят, и потому испытывает такую тревогу постоянно в первые недели своего существования. Однако со временем, если мать и окружающие о нем заботятся и удовлетворяют его нужды, это беспокойство уходит. В том же случае, если его потребности не удовлетворяются, тревога нарастает, являясь фоном для общей невротизации человека. Если избавление от физиологической тревоги достигается простым уходом и удовлетворением основных потребностей детей, то преодоление психологической тревоги – более сложный процесс, так как оно связано с развитием адекватного «образа Я». Введение понятия «образа Я» – одно из важнейших открытий Хорни. Она считала, что этот образ состоит из двух частей – знания о себе и отношения к себе. При этом в норме адекватность «образа Я» связана с его когнитивной частью, т. е. со знанием человека о себе самом, которое должно отражать его реальные способности и стремления. В то же время отношение к себе должно быть позитивным. Хорни считала, что существует несколько «образов Я» – Я реальное, Я идеальное и Я в глазах других людей. В идеале эти три «образа Я» должны совпадать между собой: только в этом случае можно говорить о нормальном развитии личности и ее устойчивости к неврозам. В том случае, если идеальное Я отличается от реального, человек не может к себе хорошо относиться, и это мешает нормальному развитию личности, вызывает напряженность, тревогу, неуверенность в себе, т. е. является основой невротизации. К неврозу ведет и несовпадение реального Я в глазах других людей. Причем в данном случае не важно, думают ли окружающие о человеке лучше или хуже, чем он думает о себе сам. Таким образом, и пренебрежение, негативное отношение к ребенку, и чрезмерное восхищение им ведут к развитию тревоги, так как и в том и в другом случае мнение других не совпадает с его реальным «образом Я».

Для того чтобы избавиться от тревоги, человек прибегает к психологической защите, о которой писал еще Фрейд. Однако Хорни пересматривает и это его положение. Фрейд считал, что психологическая защита помогает разрешать внутренние конфликты, возникающие между двумя структурами личности – Ид и Супер-Эго. С точки зрения Хорни, психологическая защита направлена не на преодоление конфликта между обществом и человеком, так как ее задача – привести в соответствие мнение человека о себе и мнение о нем окружающих, т. е. два «образа Я». Хорни выделяет три основных вида защиты, в основе которых лежит удовлетворение определенных невротических потребностей. Если в норме все эти потребности и, соответственно, все эти виды защиты гармонически сочетаются между собой, то при отклонениях одна из них начинает доминировать, приводя к развитию у человека того или иного невротического комплекса.

Защиту человек находит либо в стремлении к людям (уступчивый тип), либо в стремлении против людей (агрессивный тип), либо в стремлении от людей (устраненный тип).

При повышенном развитии стремления к людям человек надеется преодолеть свою тревогу за счет соглашения с окружающими, в надежде на то, что они в ответ на его конформную позицию не заметят (или сделают вид, что не замечают) неадекватность его «образа Я». Проблема в том, что при этом у субъекта развиваются такие невротические потребности, как потребность в привязанности и одобрении, потребность в партнере, который принял бы на себя заботу о нем, потребность быть предметом восхищения других людей, потребность в престиже. Как любые невротические потребности, они нереалистичны и ненасыщаемы. Добившись признания или восхищения от других, человек старается получить все боль-

ше и больше похвал и признания, испытывая страх перед малейшими, часто мнимыми признаками холодности или неодобрения. Такие люди совершенно не переносят одиночества, испытывая ужас от мысли, что их могут покинуть. Это постоянное напряжение и служит основой развития невроза.

Развитие защиты в виде ухода, стремления от людей дает возможность игнорировать мнение окружающих, оставшись наедине со своим «образом Я». Однако и в этом случае развиваются невротические потребности, в частности, потребность ограничивать свою жизнь узкими рамками, потребность в самостоятельности и независимости, потребность быть совершенным и неуязвимым. Не надеясь завязать теплые отношения с окружающими, такой человек старается быть независимым от других. Из боязни критики он старается казаться неприступным, хотя в глубине души остается неуверенным и напряженным. Все это приводит к полному одиночеству, изоляции, которая тяжело переживается и также может приводить к неврозу.

Попытка преодолеть тревогу, навязав другим людям свой «образ Я», также не приводит к успеху, так как в этом случае развиваются такие невротические потребности, как потребность в эксплуатации других, стремление к личным достижениям, к власти. Знаки внимания, уважения и покорности от окружающих кажутся таким людям все более недостаточными, в своей тревоге им надо все больше власти и доминирования.

Психотерапия, считала Хорни, помогает человеку понять самого себя и сформировать более адекватное представление о себе. Подход Хорни к понятию психологической защиты существенно повлиял на позиции современной психологии. Это признается большинством исследователей, как и ее роль в развитии социологической школы психоанализа.

Эрих Фромм: «бегство от свободы». Э.Фромм (1900-1980) окончил Франкфуртский университет. Он был приглашен специализироваться в области психоанализа сначала в Мюнхенский университет, а позднее – в знаменитый Берлинский психоаналитический институт. В 1933 году Фромм переезжает в США, где он вначале становится лектором Чикагского психоаналитического института, в котором работала и К.Хорни. Спустя некоторое время он перебирается в Нью-Йорк, где занимается частной практикой, параллельно читая лекции в ряде американских университетов.

Фромм считается наиболее социально-ориентированным из всех психоаналитиков, так как для него социальное окружение являлось не просто условием, но важнейшим фактором развития личности. При этом, в отличие от Адлера, который также придавал большое значение среде, Фромм под средой понимал не только ближайшее окружение человека, его семью и близких, но и то общественное устройство, при котором он живет. Фромм подчеркивал, что наибольшее значение для него имели идеи Маркса и Фрейда, которые он и хотел объединить в своей теории, особенно в ранний период. Если от Фрейда он взял идею о доминирующей роли бессознательного в личности человека, то от Маркса – мысль о значении социальной формации для развития психики, а также идею о развитии отчуждения при капитализме, понимая под этим психологическое отчуждение, отчуждение людей друг от друга.

Фромм пришел к выводу, что движущими силами развития личности являются две врожденные бессознательные потребности, находящиеся в состоянии антагонизма: потребность в укоренении и потребность в индивидуализации. Если потребность в укоренении заставляет человека стремиться к обществу, соотносить себя с другими его членами, стремиться к общей с ними системе ориентиров, идеалов и убеждений, то потребность в индивидуализации, напротив, толкает к изоляции от других, к свободе от давления и требований общества. Эти две потребности являются причиной внутренних противоречий, конфликта мотивов у человека, который всегда тщетно стремится каким-то образом соединить эти противоположные тенденции в своей жизни.

Стремление примирить эти потребности является, с точки зрения Фромма, двигателем не только индивидуального развития, но и общества в целом, которое также пытается уравновесить эти стремления.

Индивидуализация развивается в ущерб укорененности, о которой человек начинает тосковать, стремясь убежать от обретенной свободы. Это бегство от свободы, характерное для общества, где все друг другу чужие, проявляется не только в желании получить надежную работу, но и в идентификации, скажем, с политическим деятелем, который обещает надежность, стабильность и укорененность. Таким стремлением убежать от свободы, которая оказывается слишком трудной для человека, объяснял Фромм и приход фашизма, свидетелем которого он был в 30-е годы в Германии. Социализм тоже лишает людей индивидуальности, давая им в обмен стереотипность образа жизни, мышления и мировоззрения.

Единственным чувством, которое, по мнению Фромма, помогает человеку примирить эти две противоположные потребности, является любовь в самом широком понимании этого слова. В стремлении к индивидуализации люди обычно стремятся к свободе от других, от обязательств и догм, определяющих их жизнь в обществе. Желание свободы от всех и любой ценой не дает человеку возможности задуматься над тем, зачем ему нужна эта свобода. Поэтому, обретая ее, он не знает, что с ней делать, и у него возникает желание променять ее опять на укорененность. В то же время есть и другая свобода, «свобода для», то есть свобода, необходимая нам для осуществления наших намерений. Такая свобода требует освобождения не от всех связей, а только от тех, которые мешают в осуществлении задуманного. Поэтому обретение такой свободы и индивидуальности не тяготит человека, но, наоборот, принимается им с радостью. Именно такая свобода, свобода для жизни с близкими людьми, и рождается в любви. Она дает одновременно удовлетворение и потребности в индивидуализации, и потребности в укорененности, примиряет их и гармонизирует жизнь человека, его личность и отношения с миром. Поэтому Фромм говорил о необходимости построить на Земле новое общество – «гуманистический идеализм», основанный на любви людей друг к другу.

Фромм также говорил о механизмах психологии ческой защиты, с помощью которых человек стремится избежать внутриличностного конфликта. По Фромму, это садизм, мазохизм, конформизм и деструктивизм. При садизме и мазохизме происходит «укорененность» жертвы с палачом, которые зависят друг от друга и нуждаются друг в друге, хотя разность их позиций и дает им некое ощущение собственной индивидуальности. При конформизме чувство укорененности берет верх, в то время как при деструктивизме, наоборот, верх одерживает стремление к индивидуализации, стремление разрушить то общество, которое не дает человеку возможности укорениться в нем. Таким образом, хотя эти механизмы и помогают человеку преодолеть внутреннее несоответствие, они, тем не менее, не решают глобальных проблем.

Фромм приходит к выводу, что есть два способа реализации своей внутренней природы: способ быть и способ иметь.

Люди, которые живут, чтобы иметь, ориентированы на внешнюю сторону, на укорененность в обществе. Для них главное – продемонстрировать свое значение, придать себе вес в глазах других. При этом неважно, за счет чего они хотят придать себе значительность, чем они хотят обладать – знаниями, властью, любовью или религией. Главное – показать всем, что это их собственность. Отсюда их догматизм, нетерпимость, их агрессивность и неуверенность, так как они бессознательно боятся, что кто-то отберет у них незаслуженную собственность. Все это приводит к неврозу, делая потребность иметь ненасыщаемой и приводя ко все большей невротизации и напряженности человека.

Развитие по принципу быть характеризуется внутренней свободой и уверенностью в себе. Таким людям все равно, что о них думают другие, так как главное для них – не демонстрировать обладание знанием, религиозностью, властью или любовью, но быть, чувствовать себя любящим, религиозным, знающим человеком. В этом и реализуется индивидуальность, понимание своей самооценки. Такие люди не стремятся рвать связи с окружающими, к свободе от всего. Им нужна только свобода для самоосуществления, для того чтобы быть самими собой. Они уважают и стремление других быть самим собой, а потому они терпимы и неагрессивны в отличие от тех, кто живет по принципу иметь. Эти люди подходят к жизни

как к творчеству, выходя в акте творчества за пределы себя как творения, оставляя пределы пассивности и случайности своего существования и переходя в область целенаправленности и свободы. Именно в этой человеческой потребности в трансцендентности, в творчестве, в бытийности и лежат корни любви, искусства, религии, науки, материального производства.

Работы Фромма заложили основы направления, одно время популярного в западной психологии и получившего название «фрейд-марксизм». Одно из главных значений его работ в том, что они, оставаясь в русле основных положений психоанализа, отвечали и на новые, возникшие уже во второй половине XX века вопросы, соединяя идеи Фрейда и с Адлером, и с гуманистической психологией. По пытке на языке психоанализа отказать противоречивость позиции человека в его общении с окружающими, роль общества в развитии личности имели большое значение не только для психологии, но и для смежных наук – истории, социологии, философии, педагогики.

На фрейдистской почве возникло еще одно течение, сторонники которого попытались истолковать в понятиях психоанализа своеобразие культур но-исторического облика различных народов. Согласно одному из главных сторонников этого направления, американскому психиатру и этнологу Кардинеру, личность человека формируется культурой. Кроме естественной среды существует не материальная среда, состоящая из мифов, верований, легенд, рационализированных влечений. Под ее действием складывается «основная структура личности», свойственная всем индивидам, принадлежащим к данной культуре. Эта «основная структура» – продукт специфического для каждой культуры способа воспитания в детстве. Психологическое «строение» человека многопланово. Оно содержит уровень простейших биологических потребностей, над которым надстраивается «основная структура личности», заданная культурой, и уже на базе этого второго уровня складывается индивидуальный характер.

Кардинер исходил из фрейдистского понимания механизма развития личности и ее строения, дополнив его предположением, что влечения, отнесенные Фрейдом к разряду изначально присущих человеческому роду, свойственны отдельным формам культуры.

Развитие психоанализа не могло идти изолированно от новых тенденций, возникающих прежде всего в русле социального бихевиоризма и гуманистической психологии, предметом исследования которых также являлась структура личности. Влияние открытий, сделанных в смежных психологических школах, отразилось на концепциях таких исследователей как Г.С.Салливан, Э.Берн, Э.Эриксон.

Гарри Спок Салливан: межличностные отношения. Американский психолог и психиатр Г.С.Салливан (1892-1949), защитив докторскую диссертацию в 1917 году, начал свою карьеру как военный медик в первой мировой войне. Специализация в области практической психиатрии стимулировала его интерес к теоретической психологии. С 1923 года он является профессором в университетской Мерилендской медицинской школе, в 30-40-х годах читает лекции по психиатрии и психологии в различных университетах. В 1948 году он начинает издание двух журналов – «Журнала биологии и патологии» и «Журнала для изучения интерперсональных процессов».

Свою теорию Салливан назвал «интерперсональной теорией психиатрии». В ее основе лежат три принципа, заимствованные из биологии: принцип коммунального (общественного) существования, принцип функциональной активности и принцип организации. При этом Салливан модифицирует и соединяет в своей концепции два наиболее распространенных в США психологических направления – психоанализ и бихевиоризм.

Личность человека, по Салливану, является не врожденным качеством, но формируется в процессе общения младенца с окружающими, т.е. «личность – это модель повторяющихся межличностных, интерперсональных отношений». В своем развитии ребенок проходит несколько этапов – от младенчества до юношества, причем на каждом этапе формируется определенная модель. В детстве эта модель формируется на основе совместных со сверстниками игр, в предюношестве – на основе общения с представителями другого пола и т.д. Хотя ребенок не рождается с определенными социальными чувствами, они формируются у него

в первые дни жизни, их развитие связано со стремлением человека к разрядке напряжения, создаваемого его потребностями.

Салливен считал, что потребность и создает напряженность, и формирует способы ее преодоления динамизмы, которые являются не только моделями энергетических трансформаций, но и своеобразным способом накопления опыта, знаний, необходимых для удовлетворения потребностей, для адаптации. При этом существуют более и менее важные для жизни динамизмы, которые удовлетворяют разные по степени важности потребности. Главными, ведущими для всех людей потребностями Салливен считал потребность в нежности и потребность в избегании тревоги. Однако возможности их удовлетворения разные, так как для реализации потребности в ласке существуют определенные динамизмы, помогающие ребенку получать ее от близких. Источники же тревоги настолько многообразны и непредсказуемы, что нельзя полностью исключить возможность неприятных, вызывающих беспокойство событий из жизни человека. Таким образом, эта потребность в избегании тревоги становится ведущей для личности и определяет формирование «Я-системы», лежащей в ее основе.

Говоря о «Я-системе», Салливен выделяет три ее структуры – хорошее Я, плохое Я и не-Я. Стремление к персонификации себя как хорошего Я и избегание мнений о себе как о плохом Я являются наиболее важными для личности, так как мнение о себе как о плохом является источником постоянной тревоги. Для защиты своей положительной персонификации человек формирует специальный механизм, который Салливен назвал избирательным вниманием. Этот механизм отсеивает все раздражители, которые могут принести тревогу, изменить мнение человека о себе. Так как основные причины тревоги кроются в общении с другими людьми, то избирательное внимание регулирует не только собственную персонификацию, но и образы других людей.

Исходя из идеи о приоритетном влиянии общения на развитие личности, Салливен, естественно, уделял большое внимание изучению характера общения, формированию образов окружающих. Ему принадлежит основополагающее для социальной психологии изучение роли стереотипов в восприятии людьми друг друга, исследование формирования контролирующих моделей, которые оптимизируют процесс общения.

Хотя Салливен разделял мнение психоаналитиков о бессознательном характере основных потребностей (в частности, потребностей в нежности и избегании тревоги), однако он оспаривал мнение об их врожденном характере, как и о врожденности агрессивного инстинкта. Он считал, что и агрессия, и беспокойство с неизбежностью развиваются у ребенка уже в первые дни его жизни. Он заражается беспокойством от матери, которая волнуется, хорошо ли ему, сыт ли он, здоров ли. В дальнейшем появляются уже собственные причины для беспокойства, стимулирующие развитие избирательного внимания. Неудовлетворение важных для ребенка потребностей приводит к развитию агрессии, причем в зависимости от того, какая структура Я-системы более развита – хорошее Я или плохое Я, доминирует тот или иной способ решения ситуации. Так, при доминировании плохого Я вина чаще всего перекладывается на других. Эти идеи Салливена легли в основу некоторых тестов.

Теория Салливена явилась одной из первых попыток соединить различные подходы к пониманию закономерностей развития личности. Успешность этого опыта привела к стремлению современных психологов заимствовать наиболее значимые взгляды и открытия из разных психологических школ, расширяя рамки традиционных направлений. Работы Салливена оказали большое влияние не только на психологию личности, но и на социальную психологию, положив начало многочисленным исследованиям особенностей восприятия при общении людей.

Эрик Эриксон: Эго-психология. А.Фрейд и норвежский психоаналитик Э. Эриксон являются основателями концепции, которая получила название «эгопсихология». Согласно этой концепции главной частью структуры личности является не бессознательное Ид, как у З.Фрейда, а ее сознаваемая часть Эго, которая стремится к сохранению своей цельности и индивидуальности. В теории Э.Эриксона (1902-1994) не только пересматривается позиция

Фрейда в отношении иерархии структур личности, но и существенно изменяется понимание роли среды, культуры, социального окружения ребенка, которые, с точки зрения Эриксона, имеют огромное значение для развития.

Отправным пунктом для Эриксона были его изыскания в области культурной антропологии, социальной этологии и этнопсихологии, которые он осуществил, изучая жизнь индейцев различных племен, проживающих на севере Калифорнии и в штате Южная Дакота. Результаты этих исследований стимулировали интерес Эриксона к изучению личностей, групп и этносов, которые впоследствии стали традиционными объектами внимания психоисториков. В годы второй мировой войны Эриксон исследовал американских подводников и личность Адольфа Гитлера, что послужило одним из стимулов к созданию психоистории.

Наиболее существенным моментом «психоисторического» метода Эриксона стало стремление объединить в «психоисторическом контексте» психологию индивида и общества на основе синтеза теоретических представлений и результатов полевых наблюдений.

Утверждая доминирующее значение психических факторов в историческом процессе, Эриксон подчеркивал особую роль личностного начала в жизни. Он полагал, что психическая жизнь людей почти зеркально отражает исторические события, и что их личностные кризисы соответствуют социальным кризисам и характеризуются той же структурой. В силу этого, анализируя развитие личности, можно с большой степенью точности реконструировать развитие истории.

Утверждая, что личность вообще, а выдающаяся в особенности может выступать и выступает в роли своеобразного индикатора исторического процесса, Эриксон подчеркивал, что особая роль в истории, которую играют лидеры, обусловливается способностью этих людей выводить разрешение различных индивидуальных кризисов за пределы собственной личности и умением возлагать преодоление их на все свое поколение.

Эриксон считал, что развитие личности продолжается всю жизнь, а не только первые шесть лет, как полагал Фрейд. Влияет на этот процесс не только узкий круг людей, как считал традиционный психоанализ, но и общество в целом. Сам этот процесс Эриксон называл формированием идентичности, подчеркивая важность сохранения и поддержания личности, цельности Эго, которое является главным фактором устойчивости к неврозам.

Он выделил восемь основных этапов развития идентичности, в течение которых ребенок переходит от одной стадии осознания себя к другой, причем каждая стадия дает возможность для формирования противоположных качеств и черт характера, которые осознает в себе человек и с которыми он себя идентифицирует.

Первая стадия – до одного года. В это время развитие детерминируется в основном близкими людьми, родителями, которые формируют у ребенка чувство базового доверия или недоверия, т.е. открытости к миру или настороженности, закрытости.

Вторая стадия – от одного года до трех лет. В это время у детей развивается чувство автономности или чувство зависимости от окружающих – вследствие того, как взрослые реагируют на первые попытки ребенка добиться самостоятельности.

Третья стадия – от трех до шести лет. В это время у детей развивается либо чувство инициативы, либо чувство вины – в зависимости от того, насколько благополучно протекает процесс социализации ребенка, насколько строгие правила поведения ему предлагаются и насколько жестко взрослые контролируют их соблюдение.

Четвертая стадия – от шести до четырнадцати лет. В это время у ребенка развивается либо трудолюбие, либо чувство неполноценности. В этот период школа, учителя и одноклассники играют доминирующую роль в процессе самоидентификации. От того, насколько успешно ребенок учится, как у него складываются отношения с учителями и как они оценивают его успехи в учении, и зависит развитие этих качеств.

Пятая стадия – от четырнадцати до двадцати лет. Она связана с формированием у подростка чувства ролевой инициативы или неопределенности. На этой стадии главным является общение со сверстниками, выбор профессии, способа достижения карьеры, т. е. выбор пу-

тей построения своей дальнейшей жизни. Поэтому в это время большое значение имеет адекватное осознание себя, своих способностей и своего предназначения.

Шестая стадия – от двадцати до тридцати пяти лет – связана с развитием близких, интимных отношений с окружающими, особенно противоположного пола. При отсутствии такой связи у человека развивается чувство изоляции.

Седьмая стадия – от тридцати пяти до шестидесяти-шестидесяти пяти лет – является одной из важнейших, так как она связана со стремлением человека либо к постоянному развитию, творчеству, либо к покою и стабильности. В этот период большое значение имеет работа, тот интерес, который она вызывает у человека, его удовлетворение своим статусом, а также его общение со своими детьми, воспитывая которых он может развиваться и сам. Желание стабильности, отверженцы и боязнь нового останавливают процесс саморазвития и являются губительными для личности, считает Эриксон.

Восьмая, последняя, стадия наступает после шестидесяти-шестидесяти пяти лет. В этот период человек пересматривает свою жизнь, подводя итоги прожитым годам. У него формируется чувство удовлетворения, осознание идентичности, целостности своей жизни, принятие ее в качестве своей. В противном случае человеком овладевает чувство отчаяния, жизнь кажется состоящей из отдельных, не связанных между собой эпизодов и прожитой зря. Такое чувство является губительным для личности и ведет к ее невротизации.

Это чувство отчаяния может появиться и раньше, но всегда оно связано с потерей идентичности, с «отверждением», частичным или полным, каких-то эпизодов жизни или свойств личности.

Эриксон постоянно подчеркивал важность сохранения цельности, непротиворечивости структуры личности, пагубность внутренних конфликтов. Психологи до Эриксона не подвергали сомнению необходимость преодоления чувства неполноценности или вины. Эриксон, хотя и не считал эти качества положительными, тем не менее, утверждал, что для детей с развитым чувством базового недоверия, зависимостью гораздо важнее оставаться в русле уже заданного пути развития, чем менять его на противоположный, не свойственный им, так как он может нарушить цельность их личности, их идентичность. Поэтому для ребенка попытки развить инициативу, активность могут оказаться губительными, в то время как неуверенность в своих силах поможет ему найти адекватный для него способ жизни. Эти взгляды Эриксона особенно важны для практической психологии, для коррекции и формирования индивидуального стиля поведения.

Большое значение придавал Эриксон и внешней стабильности системы, в которой живет человек, так как изменение ориентиров, социальных норм и ценностей также нарушает идентичность и обесценивает жизнь человека.

§ 13. ТЕОРИЯ ШТЕРНА

Немецкий психолог **Вильям Штерн** (1871-1938) получил образование в Берлинском университете, где он учился у Г. Эббингауза. После получения докторской степени его приглашают в 1897 году в университет в Бреслау, где он проработал профессором психологии до 1916 года. Оставаясь профессором этого университета, Штерн основывает в 1906 году в Берлине Институт прикладной психологии и одновременно начинает издание «Журнала прикладной психологии», в котором он, вслед за Мюнстербергом, развивает концепцию психотехники. Однако наибольший интерес у него вызывают исследования психического развития детей. Поэтому он в 1916 году принимает предложение стать преемником детского психолога Э. Меймана на посту заведующего психологической лабораторией в Гамбургском университете и редактора «Журнала по педагогической психологии». В это время Штерн является также одним из инициаторов организации Гамбургского психологического института, который был открыт в 1919 году. В 1933 году Штерн эмигрирует в Голландию, а затем переезжает в США, где ему предложили должность профессора в Дьюкском университете, которую он и занимал до конца жизни.

Штерн был одним из первых психологов, поставивших в центр своих исследовательских интересов анализ развития личности ребенка. Изучение целостной личности, закономерностей ее формирования было главной задачей разработанной им теории персонализма. Это было особенно важно в начале века, так как исследования детского развития в то время сводились преимущественно к изучению познавательных процессов. Штерн также уделил внимание этим вопросам, исследуя этапы развития мышления и речи. Однако он стремился исследовать не изолированное развитие отдельных когнитивных процессов, а формирование целостной структуры, персоны ребенка.

Штерн считал, что личность – самоопределяющаяся, сознательно и целенаправленно действующая целостность, обладающая определенной глубиной (сознательным и бессознательным слоями). Он исходил из того, что психическое развитие – саморазвитие, которое направляется и определяется той средой, в которой живет ребенок. Эта теория получила название теории конвергенции, так как в ней учитывалась роль двух факторов – наследственности и среды – в психическом развитии. Влияние этих двух факторов Штерн анализировал на примере некоторых основных видов деятельности детей, главным образом игры. Он впервые выделил содержание и форму игровой деятельности, доказывая, что форма является неизменной и связана с врожденными качествами, для упражнения которых и создана игра. В то же время содержание задается средой, помогая ребенку понять, в какой конкретно деятельности он может реализовать заложенные в нем качества. Таким образом, игра служит не только для упражнения врожденных инстинктов, но и для социализации детей.

Развитие Штерн понимал как рост, дифференциацию и преобразование психических структур. При этом он, как и представители гештальт-психологии, понимал развитие как переход от смутных, неотчетливых образов к более ясным, структурированным и отчетливым гештальтам окружающего мира. Этот переход к более четкому и адекватному отражению окружающего проходит через несколько этапов, характерных для всех основных психических процессов. Психическое развитие имеет тенденцию не только к саморазвитию, но и к самосохранению, т.е. к сохранению врожденных особенностей каждого индивида, прежде всего индивидуального темпа развития.

Штерн стал одним из основателей дифференциальной психологии, психологии индивидуальных различий. Он доказывал, что существует не только общая для всех детей определенного возраста нормативность, но и нормативность индивидуальная, характеризующая конкретного ребенка. В числе важнейших индивидуальных свойств он как раз и называл индивидуальный темп психического развития, который проявляется и в скорости обучения. Нарушение этого индивидуального темпа может привести к серьезным отклонениям, в том числе к неврозам. Штерн также был одним из инициаторов экспериментального исследования детей, тестирования. В частности, он усовершенствовал способы измерения интеллекта детей, созданные А.Вине, предложив измерять не умственный возраст, а коэффициент умственного развития – IQ.

Сохранение индивидуальных особенностей возможно благодаря тому, что механизмом психического развития является интроцепция, т.е. соединение человеком своих внутренних целей с теми, которые задаются окружающими. Потенциальные возможности ребенка при рождении достаточно неопределенны, он сам еще не осознает себя и свои склонности. Среда помогает осознать себя, организует его внутренний мир, придавая ему четкую, оформленную и осознанную структуру. При этом ребенок старается взять из среды все, что соответствует его потенциальным склонностям, ставя барьер на пути тех влияний, которые противоречат его внутренним наклонностям. Конфликт между внешним (давлением среды) и внутренними склонностями ребенка имеет и положительное значение, ибо именно отрицательные эмоции, которые вызывает это несоответствие у детей, и служат стимулом для развития самосознания. Фрустрация, задерживая интроцепцию, заставляет ребенка всмотреться в себя и в окружающее для того, чтобы понять, что именно нужно ему для хорошего самочувствия и что конкретно в окружающем вызывает у него отрицательное отношение. Таким образом, Штерн

доказывал, что эмоции связаны с оценкой окружающего, помогают процессу социализации и развитию рефлексии.

Целостность развития проявляется не только в том, что эмоции и мышление тесно связаны между собой, но и в том, что направление развития всех психических процессов идет одинаково – от периферии к центру. Поэтому сначала у детей развивается созерцание (восприятие), потом представление (память), а затем мышление.

Штерн считал, что в развитии речи ребенок (примерно в полтора года) делает одно значительное открытие – он открывает значение, слова, открывает то, что каждый предмет имеет свое название. Этот период, о котором впервые заговорил Штерн, стал потом отправной точкой в исследованиях речи практически для всех ученых, занимавшихся этой проблемой. Выделив пять основных этапов в развитии речи у детей, Штерн не только детально описал их, но и выделил основные тенденции, определяющие это развитие, главной из которых является переход от пассивной речи к активной и от слова к предложению.

Большое значение имело исследование Штерном своеобразия аутистического мышления, его сложности и вторичности по отношению к реалистическому, а также анализ роли рисования в психическом развитии детей. Главным здесь является обнаружение роли схемы, помогающей детям перейти от представлений к понятиям. Эта идея Штерна помогла открытию новой формы мышления – наглядно-схематического, или модельного.

Таким образом, можно без преувеличения сказать, что В.Штерн повлиял практически на все области детской психологии (от изучения когнитивных процессов до личности, эмоций, периодизации детского развития), как и на взгляды многих психологов, занимавшихся проблемами психики ребенка.

§ 14. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Большое влияние оказал персонализм и на возникшую в середине XX века гуманистическую психологию.

Гуманистическая психология, появившаяся как направление, альтернативное психологическим школам середины века, прежде всего бихевиоризму и психоанализу, сформировала собственную концепцию личности и ее развития.

Центром этого направления стали США, а лидирующими фигурами – К. Роджерс, Р. Мэй, А. Маслоу, Г. Олпорт. Американская психология, отмечал Олпорт, имеет мало собственных оригинальных теорий. Но она сослужила большую службу тем, что способствовала распространению и уточнению тех научных вкладов, которые были сделаны Павловым, Вине, Фрейдом, Роршахом и др. Теперь, писал Олпорт, мы можем сослужить аналогичную службу в отношении Хайдеггера, Ясперса и Бинсвангера.

Влияние экзистенциалистской философии на новое направление в психологии не означает, что последнее явилось лишь ее, психологическим дубликатом. В качестве конкретно-научной дисциплины психология решает собственные теоретические и практические задачи, в контексте которых и следует рассматривать обстоятельства зарождения новой психологической школы.

Каждое новое направление в науке определяет свою программу через противопоставление установкам уже утвердившихся школ. В данном случае гуманистическая психология усматривала неполноценность других психологических направлений в том, что они избегали конфронтации с действительностью в том виде, как ее переживает человек, игнорировали такие конституирующие признаки личности, как ее целостность, единство, неповторимость. В результате картина личности предстает фрагментарной и конструируется либо как «система реакций» (Скиннер), либо как набор «измерений» (Гилфорд), агентов типа Я, Оно и Сверх-Я (Фрейд), ролевых стереотипов. Кроме того, личность лишается своей важнейшей характеристики – свободы воли – и выступает только как нечто определяемое извне: раздражителями, силами «поля», бессознательными стремлениями, ролевыми предписаниями. Ее собственные стремления сводятся к попыткам разрядить (редуцировать) внутреннее напря-

жение, достичь уравновешенности со средой; ее сознание и самосознание либо полностью игнорируются, либо рассматриваются как маскировка «грохотов бессознательного».

Гуманистическая психология выступила с призывом понять человеческое существование во всей его непосредственности на уровне, лежащем ниже той пропасти между субъектом и объектом, которая была создана философией и наукой нового времени. В результате, утверждают психологи-гуманисты, по одну сторону этой пропасти оказался субъект, сведенный к «рацио», к способности оперировать абстрактными понятиями, по другую – объект, данный в этих понятиях. Исчез человек во всей полноте его существования, исчез и мир, каким он дан в переживаниях человека. С воззрениями «бихевиоральных» наук на личность как на объект, не отличающийся ни по природе, ни по познаваемости от других объектов мира вещей, животных, механизмов, коррелирует и психологическая «технология»: разного рода манипуляции, касающиеся обучения и устранения аномалий в поведении (психотерапия).

Основные положения нового направления – гуманистической школы психологии личности, которая и является в настоящее время одной из наиболее значительных психологических школ, сформулировал **Гордон Олпорт**.

Г.Олпорт (1897-1967) рассматривал создаваемую им концепцию личности как альтернативную механицизму поведенческого подхода и биологическому, инстинктивному подходу психоаналитиков. Олпорт возражал и против переноса фактов, связанных с больными людьми, невротиками, на психику здорового человека. Хотя он и начинал свою карьеру как врач-психотерапевт, но очень быстро отошел от врачебной практики, сосредоточившись на экспериментальных исследованиях здоровых людей. Олпорт считал необходимым не просто собирать и описывать наблюдаемые факты, как это практиковалось в бихевиоризме, но систематизировать и объяснять их. «Собирание «голых фактов» делает психологию всадником без головы», – писал он и свою задачу видел не только в разработке способов исследования личности, но в создании новых объяснительных принципов личностного развития.

Одним из главных постулатов теории Олпорта было положение о том, что личность является открытой и саморазвивающейся. Человек прежде всего социальное существо и потому не может развиваться без контактов с окружающими людьми, с обществом. Отсюда неприятие Олпортом положения психоанализа об антагонистических, враждебных отношениях между личностью и обществом. При этом Олпорт утверждал, что общение личности и общества является не стремлением к уравновешиванию со средой, но взаимообщением, взаимодействием. Таким образом, он резко возражал и против общепринятого в то время постулата, что развитие – это адаптация, приспособление человека к окружающему миру, доказывая, что человеку свойственна как раз потребность взорвать равновесие и достигать все новых и новых вершин.

Олпорт одним из первых заговорил об уникальности каждого человека. Каждый человек неповторим и индивидуален, так как является носителем своеобразного сочетания качеств, потребностей, которые Олпорт называл *trite* – черта. Эти потребности, или черты личности, он разделял на основные и инструментальные. Основные черты стимулируют поведение и являются врожденными, генотипическими, а инструментальные оформляют поведение и формируются в процессе жизни, т. е. являются фенотипическими образованиями. Набор этих черт и составляет ядро личности.

Важным для Олпорта является и положение об автономности этих черт, которая развивается со временем. У ребенка еще нет этой автономности, так как его черты еще неустойчивы и полностью не сформированы. Только у взрослого человека, осознающего себя, свои качества и свою индивидуальность, черты становятся по-настоящему автономными и не зависят ни от биологических потребностей, ни от давления общества. Эта автономность черт человека, являясь важнейшей характеристикой его личности, и дает ему возможность, оставаясь открытым для общества, сохранять свою индивидуальность. Таким образом Олпорт решает проблему индентификации-отчуждения, которая является одной из важнейших для всей гуманистической психологии.

Олпорт разработал не только свою теоретическую концепцию личности, но и свои методы системного исследования психики человека. Для этой цели он создает многофакторные опросники. Наибольшую известность приобрел опросник Миннесотского университета (MMPI), который используется в настоящее время (с рядом модификаций) для анализа совместимости, профпригодности и т.д. Со временем Олпорт пришел к выводу, что интервью дает больше информации и является более надежным методом, чем анкета, потому что позволяет в ходе беседы менять вопросы, наблюдать за состоянием и реакцией испытуемого. Четкость критериев, наличие объективных ключей для расшифровки, системность выгодно отличают все разработанные Олпортом методы исследования личности от субъективных проективных методик психоаналитической школы.

Абрахам Маслоу (1908-1970) окончил Висконсинский университет, получив степень доктора психологических наук в 1934 году. Его собственная теория, которую ученый выработал к 50-м годам XX века, появилась на основе детального знакомства с основными психологическими концепциями, существовавшими в тот период (как и сама идея о необходимости формирования третьего пути, третьего психологического направления, альтернативного психоанализу и бихевиоризму).

В 1951 году Маслоу приглашают в Бренденский университет, где он занимает пост председателя психологического отделения почти до самой смерти. Последние годы жизни он также был и президентом Американской психологической ассоциации.

Говоря о необходимости формирования нового подхода к пониманию психики, Маслоу подчеркивал, что он не отвергает старые подходы и старые школы, не является антибихевиористом или антипсихоаналитиком, но является антидоктринером, т.е. выступает против абсолютизации их опыта.

Одним из самых больших недостатков психоанализа, с его точки зрения, является не столько стремление принизить роль сознания, сколько тенденция рассматривать психическое развитие с точки зрения адаптации организма к окружающей среде, стремления к равновесию со средой. Как и Олпорт, он считал, что такое равновесие является смертью для личности. Равновесие, укорененность в среде отрицательно влияют на стремление к самоактуализации, которое и делает человека личностью.

Не менее активно Маслоу выступал и против сведения всей психической жизни к поведению, что было свойственно бихевиоризму. Самое ценное в психике – ее самость, ее стремление к саморазвитию – не может быть описано и понято с позиций поведенческой психологии, а потому психология поведения должна быть не исключена, но дополнена психологией сознания, психологией, которая исследовала бы «Яконцепцию» личности.

Маслоу почти не проводил глобальных, крупно масштабных экспериментов, которые характерны для американской психологии, особенно для бихевиоризма. Его небольшие, пилотажные исследования не столько нащупывали новые пути, сколько подтверждали то, к чему он пришел в своих теоретических рассуждениях. Именно так он подошел к исследованию «самоактуализации» – одного из центральных понятий своей концепции гуманистической психологии.

В отличие от психоаналитиков, которых интересовало главным образом отклоняющееся поведение, Маслоу считал, что исследовать человеческую природу необходимо, «изучая ее лучших представителей, а не каталогизируя трудности и ошибки средних или невротических индивидуумов». Только так мы можем понять границы человеческих возможностей, истинную природу человека, недостаточно полно и четко представленную в других, менее одаренных людях. Выбранная им для исследования группа состояла из восемнадцати человек, при этом девять из них бы ли его современниками, а девять – историческими личностями (А.Линкольн, А.Эйнштейн, В.Джеймс, Б.Спиноза и др.).

Эти исследования привели его к мысли о том, что существует определенная иерархия потребностей человека, которая выглядит следующим образом:

- физиологические потребности – пища, вода, сон и т.п.;
- потребность в безопасности – стабильность, порядок;

- потребность в любви и принадлежности – семья, дружба;
- потребность в уважении – самоуважение, признание;
- потребность в самоактуализации – развитие способностей.

Одно из слабых мест теории Маслоу заключалось в том, что он утверждал: эти потребности находятся в раз и навсегда заданной жесткой иерархии и более высокие потребности (в самоуважении или в самоактуализации) возникают только после того, как удовлетворяются более элементарные. Не только критики, но и последователи Маслоу показали, что очень часто потребность в самоактуализации или в самоуважении являлась доминирующей и определяла поведение человека несмотря на то, что его физиологические потребности не были удовлетворены, а иногда и препятствовали удовлетворению этих потребностей. Впоследствии и сам Маслоу отказался от столь жесткой иерархии, объединив все потребности в два класса: потребности нужды (дефицита) и потребности развития (самоактуализации).

В то же время большинство представителей гуманистической психологии приняло термин «самоактуализация», введенный Маслоу, как и его описание «самоактуализирующейся личности».

Самоактуализация связана с умением понять себя, свою внутреннюю природу и научиться «сонастраиваться» в соответствии с этой природой, строить свое поведение исходя из нее. Это не одномоментный акт, а процесс, не имеющий конца, это способ «проживания, работы и отношения с миром, а не единичное достижение». Маслоу выделял в этом процессе наиболее значимые моменты, которые изменяют отношение человека к самому себе и к миру и стимулируют личностный рост. Это может быть мгновенное переживание – «пик-переживание» или для тельное – «плато-переживание».

Описывая самоактуализирующуюся личность, Маслоу говорил, что такому человеку присуще принятие себя и мира, в том числе и других людей. Это, как правило, люди адекватно и эффективно воспринимающие ситуацию, центрированные на задаче, а не на себе. В то же время им свойственно и стремление к уединению, к автономии и независимости от окружающей среды и культуры.

Так в теорию Маслоу входят понятия идентификации и отчуждения, хотя полностью эти механизмы не были раскрыты. Однако общее направление его рассуждений и экспериментальных исследований дает нам возможность понять его подход к психическому развитию личности, его понимание связей между личностью и обществом.

Ученый считал, что именно осознанные стремления и мотивы, а не бессознательные инстинкты составляют суть человеческой личности. Однако стремление к самоактуализации, к реализации своих способностей наталкивается на препятствия, на не понимание окружающих и собственные слабости. Многие люди отступают перед трудностями, что не проходит бесследно для личности, останавливает ее рост. Невротики – это люди с неразвитой или неосознанной потребностью в самоактуализации. Общество по самой своей сути не может не препятствовать стремлению человека к самоактуализации. Ведь любое общество стремится сделать чело века своим шаблонным представителем, отчуждает личность от ее сути, делает ее конформной.

В то же время отчуждение, сохраняя «самость», индивидуальность личности, ставит ее в оппозицию к окружающему и также лишает ее возможности самоактуализироваться. Поэтому человеку необходимо сохранить равновесие между этими двумя механизмами, которые, как Сцилла и Харибда, стерегут его и стремятся погубить. Оптимальными, считал Маслоу, являются идентификация во внешнем плане, в общении с окружающим миром, и отчуждение во внутреннем плане, в плане развития самосознания. Именно такой подход дает человеку возможность эффективно общаться с окружающими и в то же время оставаться самим собой. Эта позиция Маслоу сделала его популярным в среде интеллектуалов, так как во многом отражала взгляды этой социальной группы на взаимосвязь между личностью и обществом.

Оценивая теорию Маслоу, необходимо отметить, что он был едва ли не первым психологом, обратившим внимание не только на отклонения, трудности и негативные стороны

личности. Одним из первых он исследовал достижения личного опыта, раскрыл пути для саморазвития и самосовершенствования любого человека.

Карл Роджерс (1902-1987) окончил Висконсинский университет, отказавшись от карьеры священника, к которой готовился с юности. Он увлекся психологией, и работа в качестве практикующего психолога в Центре помощи детям дала ему интересный материал, который он обобщил в своей первой книге «Клиническая работа с проблемными детьми» (1939). Книга имела успех, и Роджерса пригласили на должность профессора в университет Огайо. Так началась его академическая деятельность. В 1945 году Чикагский университет предоставил ему возможность открыть консультационный центр, в котором Роджерс разрабатывал основы своей недирективной «терапии, центрированной на клиенте». В 1957 году он переходит в Висконсинский университет, где ведет курсы психиатрии и психологии. Он пишет книгу «Свобода учиться», в которой отстаивает право студентов на самостоятельность в их учебной деятельности. Однако конфликт с администрацией, считавшей, что профессор предоставляет слишком много свободы своим студентам, привел к тому, что Роджерс ушел из государственных университетов и организовал Центр для изучения личности – свободное объединение представителей терапевтических профессий, в котором и работал до конца жизни.

В своей теории личности Роджерс развернул определенную систему понятий, в которых люди могут создавать и изменять свои представления о себе, о своих близких. В этой же системе разворачивается и терапия, помогающая человеку изменить себя и свои отношения с другими. Как и для других представителей гуманистической психологии, идея ценности и уникальности человеческой личности является центральной для Роджерса. Он считает, что тот опыт, который возникает у человека в процессе жизни, и который он называл «феноменальным полем», индивидуален и уникален. Этот мир, создаваемый человеком, может совпадать или не совпадать с реальной действительностью, так как не все предметы, входящие в окружающее, осознаются субъектом. Степень тождественности этого поля реальной действительности Роджерс называл конгруэнтностью. Высокая степень конгруэнтности означает: то, что человек сообщает другим, то, что происходит вокруг, и то, что он осознает в происходящем, более или менее совпадают между собой. Нарушение конгруэнтности приводит к росту напряженности, тревожности и, в конечном счете, к невротизации личности. К невротизации приводит и уход от своей индивидуальности, отказ от самоактуализации, которую Роджерс, как и Маслоу, считал одной из важнейших потребностей личности. Развивая основы своей терапии, ученый соединяет в ней идею конгруэнтности с самоактуализацией.

Говоря о структуре Я, Роджерс особое значение придавал самооценке, в которой выражается сущность человека, его самость.

Роджерс настаивал на том, что самооценка должна быть не только адекватной, но и гибкой, меняющейся в зависимости от ситуации. Это постоянное изменение, избирательность по отношению к окружающему и творческий подход к нему при отборе фактов для осознания, о котором писал Роджерс, доказывает связь его теории не только со взглядами Маслоу, но и с концепцией «творческого Я» Адлера, повлиявшей на многие теории личности второй половины XX века. При этом Роджерс не только говорил о влиянии опыта на самооценку, но и подчеркивал необходимость открытости навстречу опыту. В отличие от большинства других концепций личности, настаивающих на ценности будущего (Адлер) или влиянии прошлого (Юнг, Фрейд), Роджерс подчеркивал значение настоящего. Люди должны научиться жить в настоящем, осознавать и ценить каждый момент своей жизни. Только тогда жизнь раскроется в своем истинном значении и только тогда можно говорить о полной реализации, или, как называл это Роджерс, о полном функционировании личности.

У Роджерса, соответственно, был свой особый подход к психокоррекции. Он исходил из того, что психотерапевт должен не навязывать свое мнение пациенту, а подводить его к правильному решению, которое последний принимает самостоятельно. В процессе терапии пациент учится больше доверять себе, своей интуиции, своим ощущениям и побуждениям. Начиная лучше понимать себя, он лучше понимает других. В результате и происходит то «озарение», которое помогает перестроить свою самооценку, «переструктурировать

гештальт», как говорит Роджерс. Это повышает конгруэнтность и дает возможность принять себя и окружающих, снижает тревожность и напряжение. Терапия происходит как встреча терапевта с клиентом или – в групповой терапии – как встреча терапевта и не скольких клиентов. Созданные Роджерсом «кинкауинтер-группы», или группы встречи, являются од ной из самых распространенных в настоящее время технологий психокоррекции и обучения.

Глава VIII

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ*

§ 1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ

Духовная жизнь русского общества была тесно связана с общим ходом развития запад-ной культуры. Вместе с тем она отражала своеобразие социального и исторического пути развития России, оказывая существенное влияние на формирование отечественной науки. Шестидесятые годы XIX века – один из самых знаменательных этапов в русской истории и русской науке. Ослабление цензурного гнета, открытие многих либеральных изданий, возоб-новление университетских курсов по философии и психологии пробудили надежды прогрес-сивной части общества на то, что и в России наконец произойдет реформирование уклада, просвещение.

* При участии Т.Д.Марцинковской.

Шестидесятые-семидесятые годы XIX века остались в эмоциональной памяти поколе-ний как годы освобождения, причем имелась в виду не только отмена крепостного права, но и общее духовное раскрепощение человеческой личности. Реформы давно ожидались и тре-бовались мыслящей частью общества, как вполне созревшая народная потребность, как ис-торическая необходимость. Трудность преобразователей была в том, что они не находили и не могли найти готовых исторических указаний, на которые могли бы опереться в своей дея-тельности. Оказавшись на перепутье реформа-Россия должна была решить, как ей двигаться дальше, какой путь соответствует русскому характеру.

Изменение социальной ситуации в России в шестидесятые годы привело к определен-ности, осознанности смутного до того переживания своей самобытности. Процесс реформи-рования затрагивал практически все общественные группы, стремление к самопознанию, описанию своих национальных психологических качеств существовало во всех слоях обще-ства, т.е. это был тот редкий момент, когда национальная идея становится идеей всего обще-ства, хотя и не всеми в достаточной степени осознается. Таким образом, резкое изменение социальной ситуации, связанное с коренными реформами жизни народа, кардинальное изме-нение его уклада, быта с необходимостью заставило образованную часть общества задумать-ся и осмыслить свою историю, понять истоки традиций, былин и мифов, понять происхож-дение своих положительных и отрицательных качеств. Эти проблемы и стали центральными не только для социологии, философии и юриспруденции, но и для психологии того времени.

Так как просвещение, т.е. распространение знаний, происходило в России главным об-разом при помощи журналов, то становится ясной их исключительная роль в развитии отече-ственной науки и культуры. Центром либеральной интеллигенции стал журнал «Вестник Ев-ропы», с которым сотрудничали ведущие ученые и писатели того времени – И.С.Тургенев, Л.Н.Толстой, И.А.Гончаров, И.М.Сеченов, К.Д.Кавелин, А.Н.Пыпин, Н.И.Костомаров и дру-гие. Под руководством ученого и публициста М.М.Стасюлевича этот журнал превратился в литературно-политический сборник и являлся одним из центров культурной жизни, по ре-дакционным статьям и хроникам которого можно судить о развитии общественного сознания в России во второй половине XIX века.

Для психологии это было связано с тем, что параллельно возникло и стремление к осо-знанию русского менталитета, к выделению и описанию психологических особенностей рус-ского народа, или, по терминологии того времени, к изучению «национального характера», «народной души», под которыми подразумевались главным образом установки, ценности,

верования, общие для всех членов общества. В понятие «народной души» часто включали и язык, являющийся родным для представителей данной нации, а также наиболее распространенные мифы, легенды, пословицы, традиции.

Первая попытка осмыслить национальный характер русских людей не умозрительно, но опираясь на конкретные сведения о нем, принадлежала философу Н.И.Надеждину. В 30-х годах XIX века он издавал журнал «Телескоп», где опубликовал взбудоражившее общество «Философическое письмо» Л.Я.Чаадаева. Полное негодования против национального самодовольства и духовного застоя, оно имело и для издателя журнала, и для автора письма печальные последствия. Чаадаева объявили сумасшедшим, Надеждина выслали.

Работая в Русском географическом обществе, Надеждин предложил программу широкомасштабного описания силами самих русских людей «наблюденных и замеченных» особенностей народа всюду, «где только чувствуется Русь». При этом имелись в виду «разбор и оценка удельного достоинства ума и народной нравственности, как оно проявляется в составляющих народ личностях». Программа была разослана по различным губерниям, и добровольные собиратели сведений из числа учителей, врачей, чиновников, священников направляли в Общество сотни рукописей, описывающих умственные и нравственные особенности жителей великой империи. В числе материалов были характеристики языка, быта, особенностей материальной культуры, в которых осели сведения о психическом складе русского человека, о его «идолах и идеалах».

§ 2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Середина века. В середине XIX века, в период, связанный с формированием собственных взглядов на человека и его роль в обществе, а главное – с развитием рефлексии своей самобытности, своих научных и психических особенностей, начала формироваться и самобытная отечественная психология, начался поиск путей ее построения, ее методологии и собственно предмета, ее отличий от других наук и различий с европейской психологией.

Это были годы расцвета естественных наук в России, на которых сосредоточился главный интерес общества и где происходили основные научные достижения. Это наложило естественнонаучный, материалистический отпечаток и на развитие психологии. В то же время как естественные, так и гуманитарные науки того времени имели тенденцию к созданию универсальных теорий, каждая из которых претендовала на открытие основных закономерностей развития человека и общества. Этот подход виден в концепциях А.В.Веселовского, А.А.Потебни, И.М.Сеченова, К.Д.Кавелина и других ученых того времени. Однако дело не только в том, что ученые этого периода занимались широким кругом вопросов, так как широта охвата возможна и при систематизации изучаемого материала. Но бывают эпохи, когда научное мышление проявляет широту в открывании новых перспектив, в создании новых точек зрения, не только объединяющих и систематизирующих уже открытые, известные факты, но и проливающих на них новый свет, ставящих новые задачи не только перед данными исследователями, но и перед учеными следующих поколений. Именно такими и были 60-80-е годы XIX века, таким ученым был Сеченов, такими были и Кавелин, и Веселовский, и Потебня.

Два направления в проблеме человека. Прежде всего необходимо было разработать методологию новой науки, понять, какой ей надлежит быть – естественной или гуманитарной. Из ответа на этот вопрос вытекало и то, на основе такой науки следует формировать психологию – на основе философии, с которой она и была связана главным образом до того времени, или на основе физиологии, как того требовали новые веяния науки и общественные предпочтения. Практически было предложено две концепции построения психологии.

У истоков каждой из них стояли выдающиеся мыслители. У первой – Николай Чернышевский, у второй – Памфил Юркевич и Владимир Соловьев. Они заложили в России традиции человекопознания исходя из противостоявших друг другу способов осмысления природы личности. На взрыхленной каждым направлением почве рождались в дальнейшем учения,

развивавшие их исходное идейное содержание в новых социокультурных условиях и соответственно запросам логики научного творчества.

К антропологическому принципу Чернышевского восходит русский путь в науке о поведении – от И.М.Сеченова до И.Л.Павлова и А.А.Ухтомского. К теологическому принципу В.С.Соловьева восходит апология «нового религиозного сознания» в трудах Н.А.Бердяева, С.Н. и Е.Н.Трубецких, С.Л.Франка и др. И новое учение о поведении, и апология «нового религиозного сознания» являлись плодами русской мысли, двух ее мощных течений – естественнонаучного и религиозно-философского.

Динамика обоих течений пронизывала представления о человеке, складывавшиеся в этот период в русском общественном сознании. Те, чьей интеллектуальной активностью строился этот образ, прежде чем занять собственную, противостоящую другой идейную позицию, испытали неудовлетворенность этой другой.

Антропологический принцип в философии П.Г.Чернышевского. Предпосылкой понимания природы человека согласно этому принципу является отклонение дуализма. «Никакого дуализма в человеке не видно. Если бы человек имел, кроме реальности своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаружилась бы в чем-нибудь, а так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее в человеке происходит по одной реальной его натуре, то другой натуры в нем нет», – полагал Чернышевский.

Идея единства человеческого организма обосновывалась и онтологически (он является сгустком природных сил и элементов, присущих мирозданию в целом), и гносеологически (он познается тем же способом, как и остальные реалии этого мироздания). Соответственно и психика, как один из жизненных процессов этого организма, не является самостоятельной сущностью и не требует, чтобы быть познанной, иных средств, чем те, которыми наука добывает истину о других вещах.

П.Д.Юркевич о душе и внутреннем опыте. Первым оппонентом Чернышевского выступил философ П.Д.Юркевич. Главным его аргументом против идеи единства организма служило учение о «двух опытах». «Сколько бы мы ни толковали об единстве человеческого организма, писал Юркевич, – мы всегда будем познавать человеческое существо двояко: внешними чувствами – тело, его органы и внутренним чувством – душевные явления».

Юркевич отстаивал «опытную психологию», согласно которой психические явления принадлежат к миру, лишенному всех определений, свойственных физическим телам, и познаваемы в своей сущности только субъектом, который непосредственно их переживает.

Слово «опыт» давало повод говорить, что психология, использующая этот внутренний опыт, является эмпирической областью знания и тем самым обретает достоинство других строго опытных наук. Антропологический принцип Чернышевского отвергал этот эмпиризм, создавая философскую почву для утверждения взамен субъективного метода – объективного. Этот же принцип, постулируя единство человеческой природы во всех ее проявлениях (стало быть, и психических), отвергал прежнюю, восходящую к Декарту концепцию рефлекса, согласно которой организм расщеплялся на два яруса – автоматических телесных движений (рефлексов) и действий, управляемых сознанием и вслед.

Противники Чернышевского полагали, что имеется только одна альтернатива этой «двухъярусной» модели поведения, а именно – воззрение на это поведение как чисто рефлекторное. Человек, тем самым, обретал образ нервно-мышечного аппарата. Поэтому Юркевич требовал остаться на том пути, который был указан Декартом.

По Чернышевскому же, следует идти другим путем: признавая родство телесных и психических явлений, использовать достижения физиологии для раскрытия своеобразия последних.

Обращаясь к спору между Чернышевским и Юркевичем, захватившему в начале 60-х годов русскую печать, мы оказываемся у истоков всего последующего развития русской психологической мысли. Идеи антропологического принципа привели к новой науке о поведении. Она строилась на объективном методе в противовес субъективному (который, как мы видели, определил программы разработки психологии на Западе). Наука о поведении ис-

пользовала открытое физиологией детерминистское понятие о рефлексе, чтобы преобразовать его в целях объяснения психических процессов на новой основе, сохранившей по завету антропологического принципа организм как целостность, где телесное и духовное нераздельны и неслиянны.

Опираясь на положения, высеченные конфронтацией двух направлений русской философско-психологической мысли, Сеченов предложил свой подход к разработке коренных проблем психологии (отличный от изложенного в те же годы Вундтом).

К.Д.Кавелин о культурной детерминации психики. Константин Дмитриевич Кавелин был профессором права Московского и Петербургского университетов. Основной темой его научных исследований была проблема нравственности в разных ее аспектах. В концепции Кавелина зарождаются контуры отечественной психологии личности, так как в его работах на первый план выдвигается прежде всего идея самоценности личности, ее свободы и независимости от давления общества. В своей работе «Задачи этики» (1887) он доказывал, что нравственная личность человека является «живым двигателем» всей индивидуальной и общественной жизни людей. Он также считал, что эта нравственная личность имеет объективные моральные основы, которые руководят ее деятельностью. Поэтому важнейшими чертами как философии, так и психологии, правоведения и других наук являются, с его точки зрения, антропологизм и этическая направленность. Эта позиция Кавелина в дальнейшем была развита мыслителями 90-х годов – такими как Л.М.Лопатин, Н.О.Лосский, Н.А.Бердяев.

В работе «Задачи психологии» Кавелин писал, что роль психологии состоит в том, чтобы вооружить общество знаниями о психических явлениях и о законах деятельности души, направить развитие нравственности, морального поведения человека. Большое внимание Кавелин уделял исследованию культуры – как ее этическим аспектам, так и ее национальным особенностям.

Этнопсихологическая проблематика была одной из важнейших в его творчестве. Этнографические исследования привели его к мысли о том, что анализ продуктов народного творчества может являться методом изучения национальной психологии так же, как и анализ продуктов индивидуального творчества способствует изучению индивидуальной психики. Таким образом, он приходит к выводу о возможности объективного опосредованного исследования психики, так как психическая жизнь оставляет во внешнем мире следы, представляющие собой знаки и символы, т.е. продукты культуры. Свойства национальной психики проявляются и в науке, и в религии. Таким образом, в своих этнографических и этнопсихологических исследованиях Кавелин, независимо от Вундта и Тейлора, пришел к сходным выводам.

Применение этого метода к анализу пути развития российской науки позднее даст возможность Кавелину исследовать ее особенности, вычленив те черты, которые впоследствии были приняты многими исследователями как основные и характерные. Это этическая проблематика, или вопрос о свободе воли, который являлся центральной проблемой для большинства русских психологов и философов. По Кавелину, суть цивилизации – в умственном и нравственном развитии отдельной личности, и, таким образом, именно личность, а не коллектив является юнгой общественного развития. Таким образом, он формулирует и свой принцип культурного прогресса – он возможен лишь там, где есть развитая личность. Исторические и этнографические исследования привели Кавелина к убеждению, что культуру нельзя изучать только физиологическим методом, а личность человека является результатом не только физиологии, но и истории и культуры.*

* Подробно о дискуссии между Кавелиным и Сеченовым по поводу предмета и задач психологии см.: Ярошевский М.Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.

Кавелин утверждал, что психология – та наука, в которой должны соединиться физиология и философия, так как в отдельности они не могут объяснить всей сложности человеческой природы, в том числе и такую важнейшую проблему, как творчество. Утверждая, что психику нельзя свести к физиологии, так как физиология – лишь условие возникновения

психических явлений, Кавелин доказывал, что психическое, как несводимое к материальному, не может и подчиняться материальным законам и, главное, закону причинности, т.е. детерминизму, отрицающему свободу воли человека. По Кавелину, без свободы воли нет личности, так как она формируется в борьбе с внешними обстоятельствами. Он считал, что душа есть живая психическая реальность, вырабатывающая из себя под влиянием окружающего материального мира особый нравственный порядок, служащий образцом для преобразования материальных сочетаний. Это взаимоотношение двух порядков – материального и психического не определяется законом причинности, а потому и возможна свобода воли, свобода человеческой деятельности. Таким образом, не отрицая в принципе необходимость физиологических исследований психического, Кавелин выступил против понимания психологии только как естественной науки, доказывая необходимость ее связи с философией.

А.А.Потебня: язык народа как орган, образующий мысль. Как помнит читатель, психологизм был присущ возникшему в середине XIX века в Германии направлению, выступившему под именем «психологии народов». Психология народов притянула на изучение народного, а не индивидуального сознания. В своем проекте психологии как самостоятельной науки Вундт предусматривал два раздела: физиологическую психологию, объектом которой служит индивид, и этническую, исследующую по продуктам культуры (языку, мифу) душу творящего их народа. Ни в одном, ни в другом Вундт не был оригинален. Физиологическая психология опиралась на лабораторные опыты, открывшие закономерности работы органов чувств. Что же касается психологии народов (этнопсихологии), то первыми ею занялись гербартианцы Штейнталь и Лазарус, издававшие специальный журнал «Психология народов и языкознание». Издатели руководствовались идеей о том, что первоэлементы психики (согласно Герbartу, ими служат представления) объясняют «дух народа», каким его запечатлевают язык, обычаи, мифы и другие феномены культуры.

Это и был путь психологизма. В научный оборот вошли факты, которые не интересовали физиологическую психологию. Однако опора на гербартианскую концепцию «статики и динамики представлений», уходящую корнями в индивидуалистическую трактовку души, не могла объяснить, каким образом факторы культуры формируют психический склад народа.

Радикально иную позицию занял русский мыслитель Александр Афанасьевич Потебня. В своей книге «Мысль и язык» он, следуя принципу историзма, анализировал эволюцию умственных структур, которыми оперирует отдельный индивид, впитывающий эти структуры благодаря усвоению языка. Творцом языка является народ как «один мыслитель, один философ», распределяющий по разделам плоды накопленного в ходе истории общенационального опыта. Мыслящие на этом языке индивиды воспринимают действительность сквозь призму запечатленных в нем внутренних форм.

Потебня тем самым стал инициатором построения культурно-исторической психологии, черпающей информацию об интеллектуальном строе личности в объективных данных о прогрессе национального языка как органа, образующего мысль.

Вопрос о «духе народа», о национальном своеобразии его психологического склада рассматривался исходя из запечатленных в языке свидетельств исторической работы этого народа.

Изменение социальной ситуации в конце XIX века. Социальная ситуация, сложившаяся в русском обществе в 90-х годах XIX века, привела к изменениям в идеологических и научных установках ученых. В России XIX века образовалось по крайней мере две группы интеллигенции, которая занималась проблемами гуманитарных наук. Обе группы имели ярко выраженную идеологическую, ценностную окраску. Эта идеология, выработанная на основе разного понимания исторического развития и значения того или иного исторического периода, влияла и на становление методологических основ формирующейся психологической науки. В 60-70-е годы большее распространение имели либерально-народнические взгляды, ориентирующие Россию на общечеловеческий, с европейским уклоном, путь развития. Привлекательность этой позиции постепенно снижалась начиная с 80-х годов, и к концу века на первый план вышла противоположная позиция, в которой превалировали охранительные

тенденции, нацеливающие Россию на поиски самобытных, присущих только ей путей развития.

Анализируя причины неудачи общественной мысли и самостоятельной общественной деятельности, Стасюлевич справедливо замечал, что поиск этих причин является задачей прежде всего психологии. Разочарование в положительной науке и поворот к религии, к мистике, характерные для этого периода, явились закономерным процессом, следствием чрезмерных ожиданий, возлагаемых на естествознание и другие положительные науки. Невозможность получения немедленного результата бросила многих ученых в другую крайность – к полному отказу от объективного исследования психики и к интерпретации получаемых данных в терминах чувства и веры, а не логики и знания. В то же время усиливался и интерес к искусству, которое в конце XIX – начале XX века достигло в России небывалого расцвета во всех областях. В принципе можно сказать, что в то время общество развивалось по закону компенсации, т.е. упадок общественной жизни, потеря веры в положительное научное знание, неуверенность в собственном завтрашнем дне как бы компенсировались, изливались в искусство.

Эти социальные и мировоззренческие изменения привели к тому, что в психологии произошла перемена курса с психологии материалистической, ориентированной на естествознание, на, психологию идеалистическую, связанную преимущественно с философией и социологией. После господства материализма и позитивизма и увлечения естественными науками начинается возрождение интереса к философии.

Кроме мировоззренческих, были и чисто научные причины произошедших изменений. С одной стороны, развитие психологии показало невозможность применения к ней естественнонаучных методов в полном объеме, в особенности к исследованию явлений гипнотизма, бессознательных структур психики. С другой стороны, успех философии А.Шопенгауэра и Э.Гартмана, нашедших себе в России многочисленных поклонников, доказал недостаточность объяснительных принципов позитивизма, особенно для раскрытия специфики познавательных процессов. Это заставило не только философов, но и естествоиспытателей, стремящихся к цельному мировоззрению, вновь обратиться к философии. Интересно, что вышедшая в 1881 году книга Н. И. Пирогова «Вопросы жизни из дневника врача», в которой он обосновывает свою телеологическую точку зрения и обнаруживает себя как глубокий и самостоятельный религиозный мыслитель, была очень тепло и сочувственно встречена в обществе. В то же время подобные книги, появившиеся в 60-70-х годах, неизбежно отвергались как научным, так и вообще общественным мнением. Характерный поворот мнений в естествознании виден и в книге 1906 года «Сборник по философии естествознания», хотя не исчезла и ориентация психологов на естественные науки, стремление к построению объективной психологии, исследующей поведение человека и животных, основы которой были заложены Сеченовым. В новых условиях идеи И.М.Сеченова разрабатывались И.П.Павловым, В.М.Бехтеревым, В.А.Вагнером и другими исследователями.

§ 3. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРОФЕССОРА*

Университетские психологические школы. В 1863 году после долгого перерыва было возобновлено преподавание философии в Российских университетах, при этом в курс философии вошли психология и логика, которые хотя и не были до того запрещены, но находились в забвении. Конечно, длительный перерыв не мог не сказаться на уровне преподавания этих наук, поэтому прежде чем оказать заметное влияние на русское общество гуманитарные науки, психология в их числе, должны были organizоваться и упрочиться. Достаточно долго, пока новые университетские школы приобретали влияние, научные идеи возникали и распространялись в обществе как бы сами собой. Поэтому психология длительное время развивалась вне академического русла и вне академических идеалов, формируясь преимущественно в общественных кружках и в публицистике. Это привело к формированию одного из важнейших отличий русской психологии: ее развитие направляется не кафедрой, как на Западе, а литературой.

* Параграф написан Т.Д.Марцинковской.

Однако эта ситуация изменяется к концу XIX века, когда во всех крупных университетах России появляются кафедры психологии (приписанные, как правило, к филологическому и историческому отделениям). На этих кафедрах и формируется новая отечественная психология, здесь появляются ученые, составившие цвет российской психологической науки и определившие почти на тридцать лет путь ее развития.

В Московском университете профессором философии с 1863 года по 1874 год был П.Д.Юркевич, о выступлении которого против антропологического принципа Чернышевского и, тем самым, против естественнонаучного объяснения психики уже было сказано. Это выступление, скорее всего, и побудило московское университетское начальство пригласить Юркевича из Киевской духовной академии.

Отстаивая версию о вечности и неизменности идей (в духе платонизма), Юркевич соединял с этим учение о том, что постижение истины не является чисто познавательным актом, а сопряжено с религиозными убеждениями человека, с его верой и любовью к Богу.

Юркевич оказал большое влияние на студента физико-математического факультета Владимира Соловьева, который одно время был завзятым материалистом и поклонником Бюхнера, объяснявшего душу движением молекул. После смерти Юркевича на освободившуюся кафедру претендовали его ученик В.С.Соловьев и профессор Варшавского университета Матвей Михайлович Троицкий. Последний был назначен ординарным профессором, а Соловьев – доцентом.

Троицкий в свое время, будучи слушателем Киевской духовной академии, также обучался философии у Юркевича. Это было в начале 50-х годов. С тех пор многое изменилось в русском обществе, и чуждая Юркевичу идея связи психологии с быстро развивавшимися естественными науками приобрела у молодого поколения аксиоматический характер. Это сказывается на дальнейшей работе Троицкого. Он, воспитанный на психологических концепциях Бенеке, Гербарта, Дробиша и других немецких авторитетов, склонных к построениям, чуждым методологии естественных наук, делает выбор в пользу английских психологов. Преимущество их позиции он видит в опоре на индукцию как способ обобщения частных фактов в противовес умозрительному выведению фактов из метафизических постулатов о душе и ее свойствах.

Первой книгой Троицкого, которую он представил в качестве своей докторской диссертации, было сочинение «О немецкой философии в текущем столетии», где он противопоставлял английскую психологию немецкой. Он поддерживал индуктивный метод и английский ассоцианизм и резко критиковал Канта и всю немецкую линию в философии и психологии. В то время в России как раз была популярна немецкая психология Гербарта и Вундта, поэтому-то диссертация Троицкого и подверглась в Москве резкой критике. Троицкий и в следующих своих работах развивает идеи ассоцианистической психологии, доказывая, что все психические процессы формируются благодаря различным законам ассоциаций: смежности, сходства, контраста. Интересно, что в своих трудах он, в традициях отечественной психологии, большое внимание уделяет проблеме нравственности и практическому использованию психологических знаний.

Образование Московского психологического общества, во главе которого встал Троицкий, как и издание первого научного психологического журнала «Вопросы философии и психологии», тесно связаны с мыслями о пользе и просвещении, т.е. с основными идеями народничества, воодушевлявшими тогда отечественную интеллигенцию.

Апология опытного познания в противовес метафизическим системам воспринималась как нечто еретическое, хотя «опыт» в понимании Троицкого означал нечто иное, чем понимали под ним Сеченов и другие естествоиспытатели. Имелось в виду изучение того, что говорит субъекту наблюдение за собственными состояниями сознания, иначе говоря – прямые свидетельства интроспекции. Это была линия позитивизма, которую Троицкий первым проводил в русской психологии в противовес доминировавшей до него на университетских кафедрах философии метафизической и схоластической трактовке психических явлений. Тем

не менее, позитивистский подход сохранял принцип противопоставления душевных явлений телесным, которые трактовались в качестве «внешних для нашего сознания» и потому не входящих в предметную область психологии. Эта установка руководила пером Троицкого, когда он писал второй свой большой труд «Наука о духе» (в 2-х т., 1888). Хотя Вл. Соловьев замечал, что по этой книге «никакой западный европеец ничему не научился бы», для русского читателя книга содержала свежие идеи, близкие представлениям Вена и Спенсера, вносящим, в частности, в психологию принцип развития.

Если Троицкий стремился в своей психологической теории разграничить области знания и веры, то другой московский психолог – К.Ф.Самарин, наоборот, считал, что такое разграничение в принципе невозможно. Самарин также отрицал зависимость поведения от внешних условий, доказывая, что такое подчинение свидетельствует о пассивности души, об отсутствии у нее свободы воли. Естественно, что при таком подходе он практически отвергал психологию как объективную науку, доказывая, что ни психология, ни философия не могут ни понять душу человека, ни выработать в ней нравственные начала. Это дело только религии, к которой и должны обратиться люди и которая единственно может дать им идеалы.

По взглядам на роль психологии и ее место в системе гуманитарных наук близко был к Самарину и А.А.Козлов, который в своей книге «Философские этюды» писал, что в России философские знания могут приобрести характер верховной истины, которая обнимет результаты всех наук, в том числе и психологии. Основу развития отечественной психологии Козлов видел в распространении психологических знаний в обществе, прежде всего взглядов немецких ученых. Представляет несомненный интерес попытка Козлова соединить рационалистический характер теории Лейбница с традициями российской науки. Так, он доказывал, что именно монадология, где ученый рассматривает активность монады в стремлении к истине, отвечает характеру российской науки, объясняет ее стремление к абсолютному знанию. При этом Козлов, как и Самарин, исходил из мысли о приоритете цельного, интуитивного знания над логическим. Эти идеи развивал в дальнейшем и ученик Козлова Н.О.Лосский.

Ценность научной деятельности Козлова была прежде всего в ее просветительском характере, так как он старался познакомить своих читателей и слушателей с последними новинками европейской науки. Для российской интеллигенции 70-80-х годов критические статьи ученого, его обстоятельные и живые изложения различных взглядов были весьма ценны. В то же время его собственные взгляды, особенно оформившиеся в конце жизни, не имели такого отклика. И только в начале XX века, в работах Н.О.Лосского и С.Л.Франка, его мысли о субстанциональности человеческой души, ее цельности и активности получили общественное признание.

Вл.С.Соловьев: неохристианская концепция души. Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900) является одной из центральных фигур в российской науке XIX века как по значительности того, что им сделано, так и по тому огромному влиянию, которое он оказал на взгляды многих современников и которое заметно не только в работах ученых – Бердяева, Булгакова, Лосского, Лопатина, но и в художественной литературе, прежде всего в поэзии символистов. Окончив с отличием Московский университет, он в 1874 году уезжает в Петербург, где защищает свою магистерскую диссертацию «Кризис западной философии». Она вызвала большой резонанс не только в науке, но и в широких кругах петербургской и московской интеллигенции, так как Соловьев выступил против позитивизма, который господствовал в то время в России. После зарубежной стажировки он получает должность профессора в Московском университете, где вскоре защищает и докторскую диссертацию.

Хотя Соловьев не оставил законченной научной системы, а скорее только план ее, ряд не всегда согласующихся друг с другом эскизов или особых приемов для разрешения отдельных проблем, тем не менее именно его искания во многом сделали проблему нравственности, формирования личности человека, проблему воли одной из центральных для психологии того времени. Соловьев был основателем направления, получившего название христианской философии, однако его система была совершенно лишена того догматизма, который она

приобрела у некоторых его последователей. Он считал ложной идею разделения христианства на католическое и православное и был одним из основателей экуменизма.

Теория Соловьева фактически обозначила кульминационную точку того поворота в мышлении, который произошел в конце 80-х годов XIX столетия и знаменовал собой признание религиозной жизни и некоторое разочарование в единой державии науки, в особенности естествознания. При этом в его философии рационалистические элементы сознательно соединялись с мистическими. Стремление к активности и универсализму объединяли Соловьева с шестидесятниками, так как духовная структура знаменитой реформаторской эпохи была ему присуща в значительной степени. По многим проблемам Соловьев является антагонистом Л.Н.Толстого. Оба мыслителя уделяли большое внимание проблеме взаимосвязи науки и веры, но в то время как западник-рационалист Толстой отрицал науку, мистик Соловьев признавал ее права, что подчеркивает парадоксальность русской мысли.

Проблема религиозной этики стояла в центре внимания обоих мыслителей, но этика рационалиста Толстого привела его к отрицанию государства и анархизму, к учению о непротивлении злу, в то время как понимание этической задачи, возложенной на человека, повело Соловьева по другому пути. Свою философию он называл мистицизмом, т.е. таким воззрением, которое признает недостаточность эмпиризма и рационализма и, не отвергая их относительной истинности, требует пополнения их другими источниками знаний, имеющимися в цельном разуме. Этот иной источник есть вера, свидетельствующая нам о существовании трансцендентального мира, к которому неприменимы признаки, заимствованные из мира явлений. Он считал, что трансцендентальный мир (всеединое целое, или Бог) имеет непосредственное отношение к человеку, который занимает среднее положение между безусловным началом, или всеединым целым, и преходящим миром явлений, не заключающим в себе истины. Из этого понимания места и роли человека в теории Соловьева вытекает и психологическая концепция Франка и Лосского, которые дополняют и развивают его главные мысли.

Одним из наиболее ценимых Соловьевым философов, особенно в конце жизни, был Платон с его стремлением к созданию системы объективного идеализма и с его разочарованием (как и у Соловьева в его последние годы) в возможности идеей воспламенить или переделать человека. Платоновская концепция мира видоизменена Соловьевым в двух отношениях: дуализм Платона примирен у него, во-первых, с идеей постепенного развития бытия в пяти царствах, идеей постепенного возвышения, начиная от мертвой материи и кончая разумным и нравственным царством, во-вторых, с христианским пониманием положения человека и смысла истории. В центре истории стоит божественная личность Христа, победившая смерть и таким путем приобщившая мир преходящих явлений к вечной жизни, к безусловному началу. Появление Христа в середине исторического процесса дает определенный смысл этому процессу, долженствующему завершиться царством Божиим, победой любви над смертью – ибо Бог есть любовь. Эта концепция возлагает на человека очень важную и сложную задачу, ибо через него идет путь развития бытия.

Соловьев считал, что мертвая материя, пройдя через среду человеческую, одухотворяется, становится живой. Прогресс человеческого духа совершается только по одному пути, по пути личного нравственного совершенствования, ради которого свободная воля должна делать постоянные усилия. Эти усилия становятся реальной силой, если к ним присоединяется воздействие свыше, т.е. то, что в религиозной жизни именуется благодатью. Это положение было очень важно именно для российских ученых, так как их концепции были, как правило, антропологичны, ориентированы на человека.

Таким образом. Соловьев первым осознал новые приоритеты и в философии, и в психологии и разработал новый подход к исследованию человека, его души и его предназначения на Земле, подход, который стал господствующим в конце XIX – начале XX века в России.

Л.М.Лопатин: психическая жизнь как духовное творчество. Одним из наиболее близких друзей и соратников Соловьева был Лев Михайлович Лопатин (1855-1920), профес-

сор философии Московского университета. Отстаивая центральное место психологии в системе других наук, он видел ее как методологию всех наук о человеке. В своей книге «Положительные задачи философии» (1911) Лопатин писал о значении немецкой научной школы для отечественной психологии, обосновывая положительную роль метафизики в науке того времени. С его точки зрения, гносеологию построить невозможно без признания некоторых метафизических предпосылок, а именно без признания чужого одушевления и внешнего мира. Все реальное – духовно, считал Лопатин, и в активности нашего Я и раскрывается настоящая реальность. Мир, таким образом, есть система живых центров, единых в своей основе, в абсолюте, в личном Боге. Лопатин исходил из того, что все в мире связано и обусловлено друг другом. Поэтому так важен для него был тезис о прямом и непосредственном знании внутреннего мира: познанию достаточно иметь хоть одну твердую точку, в которой оно видит истинную действительность, чтобы постигнуть и всю остальную реальность в ее основных очертаниях. Не отрицая значения эксперимента и физиологии для психологии, Лопатин все же считал ее по преимуществу философской, а не естественной наукой, причем главное связующее звено между психологией и философией он видел в теории познания. В своем «Курсе психологии» (1903) он писал, что всякая теория познания (философская) вырастает на психологическом фундаменте и, наоборот, психологическое исследование мышления соединяется или переходит в философскую теорию познания.

Одно из центральных мест в психологической системе Лопатина занимала воля, с помощью которой происходит объективация явлений внутреннего мира, так же, как и осознание реальности внешнего мира. С его точки зрения, стремление к чему-то происходит от нас, от наших желаний, в то время как остановка, препятствие в реализации наших стремлений происходит от внешнего мира. Поэтому, сознавая свое стремление, мы создаем и препятствие, мешающее его реализации: они оба реальны для нас, и таким образом происходит осознание субъектом реальности внешнего мира.

Особое внимание Лопатина к проблеме воли вытекало и из того, что свободу воли он связывал с развитием нравственности, а саму этическую проблематику, как и большинство российских ученых, рассматривал как одну из главных для психологической науки. Доказывая, что свобода воли не противоречит закону детерминации, ученый считал: моральная свобода человека заключается в том, что мы сами творим в себе свой нравственный мир и изменяем его своими усилиями, т.е. подлинная свобода заключается вовсе не в том, чтобы действовать без мотивов, но в том, что мы поступаем по мотивам, а не по внешним толчкам. Важной является и мысль о том, что свобода духа выражается в творчестве, которое простирается и на область нравственных действий.

Влияние идей Соловьева проявляется не только в этом положении Лопатина, но и в его утверждении о том, что не только сознание, но все проявления духа – от простейших ощущений до логических размышлений – проникнуты творчеством. Заложенному в ней стремлением к творчеству душа и отличается от физического мира, где действительно нового ничего не возникает, в то время как жизнь состоит в постоянном раскрытии новых проявлений, новых актов. Таким образом, вся психическая жизнь есть порождение духовного творчества, а нравственное добро является высшим проявлением сознательного личного творчества.

Лопатин был также одним из основателей журнала «Вопросы философии и психологии» и председателем психологического общества после смерти Николая Яковлевича Гротов 1899 году.

Н.Я.Грот: личность и свобода воли. Н.Я.Грот (1852-1899) был сыном ученого-филолога Я.К.Грота. После окончания историко-филологического факультета Петербургского университета и стажировки за границей он защищает магистерскую, а затем докторскую диссертацию, где развивает свою концепцию логики и эмоций. Именно проблема эмоционального развития становится одной из важнейших в творчестве Грота.

В 1886 году М. М. Троицкий передает ему заведование кафедрой Московского университета, а с 1887 года он возглавляет и Московское психологическое общество, которым руководил десять лет. Развивая свою программу построения психологии, Грот исходил из того,

что она должна быть объективной естественной экспериментальной наукой, что именно психология должна лежать в основе наук о человеке. Он был активным сторонником практического использования психологии, ее связи с педагогикой, медициной и юриспруденцией. В своей работе «Основания экспериментальной психологии» (1896) Грот писал, что развитие экспериментальной психологии имеет большое значение не только для будущего развития психологии, но и для всех гуманитарных наук, что новое развитие психологической науки связано с объединением, конвергенцией разных психологических теорий на основе эксперимента.

Особое внимание в своих работах Грот обращал на развитие эмоций и чувств, связывая их не только с мыслями, но и с ощущениями, т.е. говоря об «эмоциональном тоне ощущений». Одна из его первых книг так и называлась – «Психология чувств», в ней он пытался применить законы дифференциации и интеграции, открытые в физиологии, к психологии. Книга появилась в 1880 году и была одним из первых отечественных экспериментальных исследований эмоций. В качестве основной единицы душевной жизни Грот выделял «психический оборот», который состоял из четырех основных моментов – ощущений, чувствований, умственной переработки и волевого решения, переходящего в действие. Таким образом, именно Грот заложил основы отечественной психологии эмоций, доказав их значение для развития познания и личности человека.

Значительное место в его исследованиях, как и у большинства психологов того времени, занимала проблема свободы воли. Оспаривая популярный тогда взгляд Шопенгауэра, который писал, что сферой свободы воли является сфера внеиндивидуальная, Грот вводил эти отношения внутрь человека, а для объяснения их действия использовал распространенную в то время теорию сохранения энергии, рассматривая ее в качестве основы баланса психических и биологических сил человека. Он считал, что в человеке существует два основных стремления: отрицательное, которое заключается во влечении к чувственному, материальному существованию, – и положительное, которое состоит в стремлении к вечности. В норме эти идеальные стремления и являются высшими человеческими чувствами, а свобода личности выражается в осознании возможности и падения личности (к жизни только материальной) и возрождения (к жизни в вечности). Таким образом, проблема свободы воли может быть понята и решена лишь на основе самосознания человека, на основе осознания свободы выбора той или иной формы деятельности.

По выражению Вл. Соловьева, Грот был «многодум», т.е. не мог остановиться на одной точке зрения, последовательно переходя к другим, более глубоким и содержательным.

Большое значение придавал Грот просветительской деятельности, распространению психологических знаний в обществе. Сознывая, что университетская наука в России еще молода и эти знания доступны небольшому слою людей, он, как и многие профессора Московского и Петербургского университетов, стремился к чтению открытых лекций, созданию общедоступных курсов. Это, в частности, привело его к работе в Московском психологическом обществе, к созданию вместе с Вл.Соловьевым журнала «Вопросы философии и психологии», редактором которого он являлся в течение семи лет, проявив себя в журнале как собиратель русской философской мысли. И общество, и журнал просуществовали до 1918 года, сыграв большую роль в формировании психологической науки в России.

Н.О.Лосский: теория интуитивизма и идеал-реализма. Последователем Соловьева считал себя профессор Петербургского университета Николай Онуфриевич Лосский (1870-1965), хотя в его теории интуитивизма концепция Соловьева претерпела значительные трансформации. На взгляды Лосского большое влияние оказал и его учитель Козлов. Лосский доказывал, что знание является переживанием, сравнимым с другими переживаниями. В книге «Обоснование интуитивизма» (1906) он раскрывал сущность своего подхода: переживание отражает сущность объектов-окружающего мира прямо и непосредственно. Объектами знаний-переживаний, с его точки зрения, являются прежде всего эстетические, религиозные, нравственные и правовые нормы, т.е. то, что непосредственно связано с эмоциями.

Пытаясь решить проблему свободы воли на основе интуитивизма, Лосский в работе «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма» (1903) утверждал, что волевая активность является своеобразным видом творчества, точнее – своеобразным видом творческой энергии, так как воля сила, которая создает какое-то новое явление. Как и одушевленность, волевую активность можно прямо и непосредственно ощутить, а потому существование специфического волевого элемента (как и наличие души у человека) не нуждается в каких-то дополнительных доказательствах. Свободу воли Лосский связывал со своей теорией идеал-реализма, доказывая, что человек как носитель конкретно-идеального бытия стоит выше законов природы и проявления его собственной духовной силы осуществляются только сообразно его интересам и потребностям. В теории идеал-реализма Лосский хотел соединить два противоположных стремления – и к абсолютному, идеальному, и к реальному, связанному с практической жизнью. Индивидуалистическое мировоззрение сводит цель жизни человека к самосохранению, но такие люди, стремясь к одной цели, становятся все более похожими друг на друга. С точки зрения Лосского, крайний индивидуализм в итоге приводит к утрате самой идеи индивидуума. Сохранить и развить понятие личности можно только в учении идеал-реализма, которое сочетает индивидуальное с универсальным, соединяя человека с другими людьми в их переживаниях.

Значительное место в психологических исследованиях Лосского занимал и вопрос о специфике ментальности, «русского характера», которую он проанализировал в книге «Характер русского народа». Эта работа представляет значительный интерес как по количеству собранного материала, так и по описанию выбранных качеств, хотя анализ психологических причин их формирования и развития субъективен.

С.Л.Франк: душа человека. С многими положениями концепции идеал-реализма Лосского был согласен профессор Московского университета Семен Людвигович Франк (1877-1950).

Его наиболее значительной психологической работой явилось сочинение «Душа человека» (1917). Главная идея этого произведения – в стремлении вернуть в психологию понятие души взамен понятия душевных явлений, которые, с точки зрения Франка, не имеют самостоятельного значения и потому не могут быть предметом науки. Он считал, что основой психологии является и должна являться философия, а не естествознание, ибо психология изучает не реальные процессы предметного бытия в их причинной или другой естественной закономерности, а дает «общие логические разъяснения идеальной природы и строения душевного мира и его же идеального отношения к другим объектам бытия». Доказывая необходимость и возможность исследовать душу. Франк ссылается на интуитивизм Лосского: при помощи озарения, интуиции мы можем мгновенно познать состояние своей души, ее глубину и целостность в единстве связи с прошлым и будущим.

Франк в своей работе разводит такие понятия как душевная жизнь, душа и сознание. В аномальных случаях, подчеркивал он, душевная жизнь как бы выходит из берегов и затопляет сознание. Именно по этим случаям и можно дать некоторую характеристику душевной жизни как состояния рассеянного внимания, в котором соединяются предметы и смутные переживания, связанные с ними. Приходя фактически к тем же выводам, что и психоанализ. Франк пишет о том, что под тонким слоем затвердевших форм рассудочной культуры тлеет жар великих страстей, темных и светлых, которые в жизни и отдельной личности, и народа в целом могут прорвать плотину и выйти наружу, сметая все на своем пути, ведя к агрессии, бунту и анархии.

Таким образом, с точки зрения Франка, главным содержанием души является слепая, хаотическая, иррациональная душевная жизнь. При этом – опять-таки в унисон с психоанализом – он доказывает, что в игре и в искусстве человек выплескивает наружу эту свою смутную, неосознанную душевную жизнь и тем самым дополняет узкий круг осознанных переживаний. Именно бессознательное является, по Франку, главным предметом психологических исследований, так как главными характеристиками душевной жизни являются ее бесформенность, слитность, т.е. непротяженность и вневременность. В душе происходит

объединение многообразных разнородных и противоборствующих сил, формирующихся и объединяющихся под действием чувственно-эмоциональных и сверхчувственно-волевых стремлений, которые и образуют таким образом как бы два плана, или два уровня, души. Смутная душевная жизнь, связанная с эмоциями и чувствами, является низшим уровнем души, который связывается с телом. Предметные знания, самосознание являются как бы промежуточным слоем, отделяющим бессознательную душевную жизнь от жизни духовной, которая и является центром души. Духовная жизнь не зависит от тела и его ограничений, так как несет на себе отпечаток Бога. Таким образом, душа является промежуточным началом между временным потоком эмпирического телесно-предметного мира и актуальной сверхвременностью духовного бытия, другими словами – как бы промежуточной инстанцией между землей и небом. Поэтому истина всегда есть понятие абсолютное, религиозно-трансцендентальное, так как она отражает связь личного духа с мировым целым, или слияние души человека с душой мира.

Психология, разрабатывавшаяся Франком и Лосским, предлагала свое понимание отечественной науки, подразумевая, что русская душа и русская наука самым тесным образом связаны именно с христианскими ценностями, а потому отечественная философия и психология и должны развиваться как интуитивные и христианские. Догматический характер эта философия имела преимущественно у светских философов, в то время как христианские философы-богословы Алексей Введенский и позже Павел Флоренский старались примирить светскую и христианскую идеологию, соединить христианство с реальной жизнью, ввести его в мир. Пытаясь объяснить этот факт, Алексей Введенский писал: светским ученым кажется, что для развития религии недостаточно веры – надо обратить ее в знание. Но люди истинно верующие не пытаются сделать это, так как уверены в силе самой веры, в то время как светские философы, в глубине души не уверенные в силе веры, хотят подкрепить ее знанием.

Против слияния веры и знания, лишаящих психологию ее объективного, экспериментального основания, выступали и профессора Петербургского университета Владиславлев и Введенский.

М.И.Владиславлев: соединение этики и эстетики. Михаил Иванович Владиславлев (1840-1890) был не только профессором, но и ректором Петербургского университета.

Благодаря ему психология в этом учебном заведении стала одной из ведущих дисциплин. Он не только переводил и популяризировал взгляды немецких психологов, прежде всего Канта (как впоследствии и его ученик Введенский), Ноу разрабатывал собственный курс опытной психологии, центральное место в котором занимали проблемы воли и нравственности.

В своей теории Владиславлев стремился соединить эксперимент с идеалистическим взглядом на душу. Применив энергетический закон к психологии, что было новинкой в 70-80-е годы XIX века, Владиславлев пытался связать энергетическую теорию с забыванием и воспроизведением, считая, что бессознательные состояния и забывание характеризуются минимумом энергии. Он разделял волюнтаристский подход Вундта, причем своеобразие психологических взглядов самого Владиславлева, изложенных в его учебнике «Психология» (1881), проявляется именно в трактовке воли и ее роли в психическом развитии человека, в формировании его этических и эстетических идеалов. Это соединение этики и эстетики не случайно и является одной из основных отличительных черт его психологии. Исходя из своей концепции психики, Владиславлев рассматривал искусство как практическую психологию и как школу нравственности. Он дал детальное описание разницы эмоционального воздействия живописи, музыки, поэзии и прозы, представляющее и сегодня значительный интерес.

А.И.Введенский: знание и вера. Учеником Владиславлева был Александр Иванович Введенский (1856-1925), который преподавал философию в Петербургском университете, занимая должность профессора. Под руководством Введенского в 1897 году было образовано Философское общество при Петербургском университете (по аналогии с Московским обществом), которое просуществовало до 1917 года. Введенский доказывал, что психика может

быть экспериментально исследована (с помощью как измерительных приборов, так и естественных неизмерительных методов), и стремился сделать ее теоретической, а не прикладной наукой, проверяя все психологические постулаты логикой. Таким образом, в отличие от Лосского и Франка, он рассматривал психологию как рациональную, а не интуитивную науку.

Введенский хотел приблизить отечественную психологию к европейской, не лишая ее, однако, собственного лица. С его точки зрения, это было тем более возможно, что критическая философия, разработанная Кантом, последователем которого являлся Введенский, несла на себе отпечаток морализаторства, нравственного императива. Как и для российской науки, главным для нее был вопрос не только познания, но и развития нравственности, что являлось основой для взаимного сближения.

Формирование современной объективной психологии было основной целью, которой посвящены практически все сочинения Введенского. Главный свой труд он так и назвал – «Психология без всякой метафизики» (1917), подчеркивая этим и необходимость, и возможность построения объективной психологии. Основным положением своей психологической теории ученый считал «психофизический закон Введенского» или закон всеобщих признаков одушевленности, который был изложен в работе «О пределах и признаках одушевления» (1892). Он считал, что одушевленность или неодушевленность не может быть объективно доказана и потому является метафизическим понятием.

Исследуя проблему мышления, Введенский разделял понятия интуитивного мышления и интуитивизма. Интуитивное мышление, считал Введенский, безусловно существует. Однако он резко критиковал такое понятие, как интуитивизм, не относя его к мышлению, так как это, с его точки зрения, скорее не мысль, а чувство, возникающее без опоры на знание.

Одной из центральных психологических проблем для Введенского было соотношение знания и веры. Он считал, что метафизика должна быть оставлена вере, в то время как науке позволительно пользоваться ею только в виде рабочих гипотез. Этим своим утверждением Введенский как раз и становился в оппозицию по отношению к концепциям Франка и особенно Лосского, резкая полемика с которым продолжалась до 20-х годов.

Работы Введенского имели большое значение для отечественной психологии, соединяя воедино европейскую и российскую традиции в понимании задач и предмета психологии, а также различных способов исследования психики – субъективных и объективных.

На рубеже веков в развитии гуманитарных наук в России под влиянием принципа антропологизма получили распространение идеи психологизации культурно-исторических проблем. Наибольшее влияние теория психологизма оказала на литературоведение и юриспруденцию. В литературоведении психологическое влияние связано прежде всего с именем Д.Н.Овсяника-Куликовского и его теорией психологии творчества. В юриспруденции психологизм проявился главным образом в работах Л.И.Петражицкого, посвященных развитию нравственных и правовых чувств.

Д.Н.Овсяннико-Куликовский: психология творчества. Изменение научных приоритетов в начале XX века выразилось не только в появлении новых концепций личности, рассматривавших ее в русле философских и религиозных детерминант, но и в обращении к проблемам психологии творчества. Соединение этих двух тенденций было не случайно, так как, с точки зрения ученых, исследовавших проблему творчества, оно могло быть продуктом только личной, а не коллективной деятельности.

Одним из основателей нового направления стал Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский. В отличие от своего учителя А.А.Потебни он не смог преодолеть психологизм в трактовке социально-культурных процессов. Овсяннико-Куликовский пытался объяснить процесс художественного творчества, исследуя механизм его появления из глубин индивидуальных переживаний и понимая это возникновение как самопорождение, саморазвитие духа. Он считал науку, искусство, религию разновидностями «отвердевшего» индивидуального духа, поэтому доказывал, что для их понимания надо подняться к истокам творческой деятельности, которая всегда индивидуальна. Для исследования этой индивидуальной психиче-

ской деятельности он применяет закон сохранения энергии, называя его законом сохранения, экономии умственных сил, а также вводит в психологию творчества идеи эксперимента и наблюдения, разделяя творцов на субъективных наблюдателей и объективных экспериментаторов. Овсяннико-Куликовский выделил в субъекте постоянное, неустанное активное начало, которое и реализуется, проявляется в творчестве. В объекте же он видел ту же самую деятельность, но уже кристаллизовавшуюся, застывшую в своем результате. Из такого взгляда следовало, что главным объектом анализа творчества является не содержание, а форма художественного произведения. Это совпадало и с общей тенденцией развития не только эстетики, но и всего мировоззрения общества, уставшего от народнической социальной ангажированности, утилитарности искусства и потянувшегося к «чистому искусству», т.е. искусству формальному. Новым социальным установкам соответствовало и то, что в центре внимания психологии творчества оказывалась национальная и индивидуальная особенность субъекта, – а не идеология определенной социальной группы. Психология творчества поднимала важнейшие для отечественной науки проблемы, связанные с развитием в человеке личностного начала, проявлениями которого являются нравственность и творчество.

Л.И.Петражицкий: правовые и нравственные чувства. Лев Иосифович Петражицкий (1867-1931), развивая теорию психологизма, связывал психологию с юриспруденцией. В своих работах, посвященных развитию нравственных и правовых чувств, он доказывал, что право есть психический фактор общественной жизни и потому оно действует изнутри, через психику, а не извне, через давление общества. Таким образом, право (как и наука, и искусство) существует только в переживаниях отдельных людей и является кристаллизованной формой индивидуально-психической деятельности. Действие права состоит, доказывал ученый, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержанию от них и, во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера и искоренении других, т.е. в воспитании народной психики. Первое Петражицкий называл мотивационным, или импульсивным, действием права, а второе – педагогическим действием. Таким образом, Петражицкий пересмотрел современные ему взгляды на предмет права, исследуя прежде всего способы формирования правовой и нравственной мотивации.

Исследования Петражицкого показывали, что колебания правового сознания у народа не являются какой-то врожденной особенностью национального духа, а отражают влияние культуры и социального окружения. Такой подход дал ему возможность прийти к важному положению своей теории – обоснованию роли мотивов и эмоций в процессе социализации человека, в процессе усвоения. Им нравственных и правовых норм.

Некоторые итоги. Описанные теории дают возможность выделить несколько основных свойств, характерных для большинства отечественных психологических концепций. К этим свойствам относятся антропологизм российской науки, ее стремление все исторические и социальные изменения рассматривать с точки зрения человека, его практической пользы. Отсюда ориентация научного знания на практику, на реальную пользу, а также преобладание нравственных, этических проблем в российской психологии. При этом отечественные исследователи стремились не только к решению этических вопросов, но и к изучению их истории, динамики развития. В отличие от европейской психологии, в которой сверхличным объединяющим началом было признано мышление, рациональное в душе человека, отечественная психология, не отрицая сверх-личных элементов сознания, видела их прежде всего в нравственности, также разрабатываемой не отдельными личностями, а целыми народами, нациями.

§ 4. РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ

Первые шаги. Успехи психологии были обусловлены внедрением в нее эксперимента. Это относится и к ее развитию в России. Научная молодежь стремилась освоить метод эксперимента. Многие из тех, кто увлекся психологией, отправлялись с этой целью в Германию, в Лейпциг, ставший благодаря Вундту Меккой экспериментальной психологии. Эксперимент

требовал организации специальных лабораторий. Психолог Н.Н. Ланге организовал лабораторию в Новороссийском университете (Одесса). В Московском университете лабораторную работу вел А.А. Токарский, в Юрьеве (ныне Тарту) В.В. Чиж, в Харькове – Л.И. Ковалевский, в Казани – В.М. Бехтерев (при психиатрической клинике).

В 1893 году Бехтерев переехал в Петербург, заняв кафедру нервных и душевных болезней в Военно-медицинской академии. Его любимым детищем стал организованный им в Петербурге в 1907 году Психоневрологический институт. Здесь лабораторией психологии ведал А.Ф.Лазурский (1874-1917), врач по образованию. Последний разрабатывал характерологию как учение об индивидуальных различиях. Объясняя их, он выделил (совместно с С.Л.Франком) две сферы: эндопсихику как прирожденную основу личности и экзосферу, понимаемую как система отношений личности с окружающим миром. На этой базе Лазурский построил классификацию личностей. Неудовлетворенность лабораторно-экспериментальными методами побудила его выступить с планом разработки естественного эксперимента как метода, при котором преднамеренное вмешательство в поведение человека совмещается с естественной и сравнительно простой обстановкой опыта. Благодаря этому становится возможным изучать не отдельные функции, а личность в целом.

Г.И.Челпанов: создание Института экспериментальной психологии. Главным центром разработки проблем экспериментальной психологии стал созданный в Москве Г.И.Челпановым на средства мецената С.И.Щукина Институт экспериментальной психологии.

Было построено исследовательское и учебное заведение, равного которому по условиям работы и оборудованию в то время в других странах не было (официальное открытие института состоялось в марте 1914 года). Обладая большим организаторским и педагогическим талантом, Челпанов приложил немало усилий для обучения экспериментальным методам будущих научных работников в области психологии.

Положительной стороной деятельности института являлась высокая экспериментальная культура проводившихся под руководством Г.И.Челпанова исследований. Из круга молодых сотрудников этого института вышло несколько крупных отечественных психологов (К.Н.Корнилов, Н.А.Рыбников, Б.Н.Северный, В.Н.Экземплярский, А.А.Смирнов, Н.И.Жинкин и др.), работавших в советское время.

При организации эксперимента Челпанов продолжал отстаивать как единственно допустимую в психологии такую разновидность эксперимента, которая имеет дело со свидетельствами наблюдений субъекта за состояниями собственного сознания. Иначе говоря, решающее отличие психологии от остальных наук усматривалось в ее субъективном методе. Сам этот метод к тому времени претерпел в работах западных психологов изменения, и это отразилось на позиции Челпанова, всегда находившегося в курсе мировой психологической литературы.

В 1917 году институт начал издавать печатный орган «Психологическое обозрение» (под редакцией Г.И.Челпанова и Г.Г.Шпета). Первый выпуск открывался программной статьей Челпанова «Об аналитическом методе в психологии». По этой статье нетрудно судить о программе, которая предлагалась в ту пору институтом. Теперь Челпанова не устраивала даже вюрцбургская школа, которую он недавно высоко ставил. Он подвергает критике мнение Аха о том, что нельзя считать исследование психологическим, если оно не использует эксперимент. Ведь сам эксперимент, утверждал Челпанов, базируется на первичных понятиях. Они существуют априорно как элементы идеального знания, обладающего абсолютной достоверностью. Извлечь эти элементы можно только из внутреннего опыта путем их непосредственного усмотрения. Это и есть аналитический метод, который должен лечь в основу всех видов конкретного психологического исследования – экспериментального, генетического и т.д.

Челпанов отмечал сходство предлагаемого им метода с феноменологией Гуссерля.* Так завершилась его эволюция в качестве «эмпирического» психолога. Сперва он пропагандировал вундтовский эксперимент, затем – данные вюрцбургцев, сделавших упор на внутренней

активности и вневещности мышления, и, наконец, главную задачу психолога он увидел в том, чтобы «очистить» сознание от влияния используемых в экспериментах стимулов (физических и вербальных) и созерцать образующие его начальные сущности.

* Феноменологический подход, который отныне Челпанов и Шпет считали ведущим для психологии, исходил из учения о «чистом» сознании, структура которого определяется духовными сущностями.

Н.Н.Ланге: естественнонаучная ориентация психологии. Совсем другую позицию занял профессор Новороссийского университета (Одесса) Н.Н.Ланге (1858-1921). Именно он в те годы выступал как главный оппонент Челпанова.

Николай Николаевич Ланге окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где обучался у Владиславлева. После стажировки во Франции и Германии (в Лейпцигском психологическом институте Вундта) он стал профессором Новороссийского университета, где проработал до конца дней. Первая крупная психологическая работа Ланге – «Элементы воли» (опубликована в 1890 году в журнале «Вопросы философии и психологии»). Как уже было сказано, он создал в университете при кафедре философии кабинет экспериментальной психологии с целью развития психологии как объективной науки и преподавания ее как учебной дисциплины. Это была первая университетская лаборатория экспериментальной психологии в России. Последний обобщающий труд Ланге – книга «Психология» (1914). Наряду с научной он активно занимался и общественной деятельностью, защищая принципы общедоступности образования, организовывал деятельность школ, пытаясь реализовать там принципы трудового обучения и методы пробуждения у детей научных интересов и умения самостоятельно мыслить.

Разрабатывая объективные методы исследования сознания, Ланге изучает акт внимания и становится автором моторной теории внимания. В соответствии с этой теорией колебания внимания при так называемых двойственных изображениях (когда, например, рисунок воспринимается то как лестница, то как нависшая стена) определяются движениями глаз, оббегающих изображенный контур. Моторная теория внимания Ланге принесла ему широкую известность, в том числе на Западе.

Работы Ланге ознаменовали начало открытой борьбы за утверждение экспериментального метода в отечественной психологии, которая в то время определялась главным образом как наука о сознании, открываемом субъекту его самонаблюдением. Этому воззрению, сопряженному с субъективным методом, Ланге противопоставил понятие о психическом мире – огромном целом, простирающемся по планете, – «от едва брезжащей зари сознания у низших животных и до высокого его развития у исторического и социального человека». Следуя генетическому стилю мышления, Ланге представил систему движений, совершаемых организмом, в образе ступеней, «лестницы форм». Тем самым он предвосхитил идею различных уровней построения движений. Он также пересмотрел (вслед за Сеченовым) исходное понятие о рефлексе как своего рода «дуге», которое он заменил схемой «кольца».

Ланге выделил ряд стадий в психической эволюции, соотнося их с изменениями, претерпеваемыми нервной системой. К ним он относил: стадию недифференцированной психики, недифференцированных ощущений и движений инстинктивного типа, стадию индивидуально-приобретенного опыта и, наконец, как качественно новую ступень – развитие психики у человека как социокультурного существа. С переходом к человеку психическая регуляция поведения меняется. Если у животных действует биологическая наследственность, то у людей передача от одного поколения к другому всей совокупности достигнутой культуры осуществляется через подражание и обучение, т.е. путем социальной преемственности. Ланге писал, что «душа человеческой личности в 99 % случаев есть продукт истории и общественности». В связи с этим решающая роль отводится языку: «Язык с его словарем и грамматикой формирует всю умственную жизнь человека, вводя в его сознание все те формы и категории, которые исторически развивались в предыдущих поколениях». В значении любого слова, писал Ланге, можно найти множество «полей сознания», уходящих все глубже в неопределенную темную даль. Говоря его словами, океан истории мысли плещется за каждым словом.

Таким образом, в конце концов Ланге переходил от дарвинизма к истинному историзму. В этих его суждениях отразилась одна из общих тенденций развития мировой психологической мысли. Работы Ланге явились самым крупным достижением русской экспериментальной психологии в дооктябрьский период.

§ 5. РУССКИЙ ПУТЬ В НАУКЕ О ПОВЕДЕНИИ

Достойный памятник русского ума. Мы уже отмечали, что в середине XIX века в науках о жизни происходили революционные события. Наиболее крупные из них были связаны с триумфом эволюционного учения Дарвина, успехами физико-химической школы, изгнавшей витализм из биологии, и разработкой Бернардом учения о саморегуляции внутренней среды организма,

Вместе с тем в системе знаний об организме обнажились белые пятна. Наименее освоенным научной мыслью – оказался отдельный организм как целостность, противостоящая среде и взаимодействующая с ней. Эта активность организма в предметной внешней среде, с которой он неразлучен, выраженная в реальных действиях, получила название поведения.

Если Германия дала миру учение о физико-химических основах жизни, Англия – о законах эволюции, Франция – о стабильности внутренней среды организма, то Россия дала науку о поведении. Создателями этой новой науки, отличной от физиологии (изучающей отдельные органы и функции живого тела и взаимосвязи их в его целостное устройство) и от психологии (изучающей психику сознательную и бессознательную), были русские ученые – И.М.Сеченов, И.П.Павлов, В.М.Бехтерев, А.А.Ухтомский. У них были свои школы и ученики, и их уникальный вклад в мировую науку получил всеобщее признание.

Под влиянием созданной в России науки о поведении в Соединенных Штатах Америки возник бихевиоризм, о котором мы уже говорили. Бихевиоризм от начала XX века до наших дней определяет общий облик американской психологии. Но путь, на который вышли воспитанные на трудах русских ученых (прежде всего И.П.Павлова) американские бихевиористы, существенно отличался от развития науки о поведении в России. Объясняется это тем, что в России и в США наука о поведении развивалась в различных социально-культурных ареалах.

На протяжении всей истории человеческой мысли над ее попытками разгадать тайну человеческой природы неизменно тяготела диада: душа и тело, мозг и сознание. С возникновением науки о поведении диада сменилась триадой: организм – поведение – сознание (психика). Это столкнуло научное изучение живых существ со множеством новых задач. Приверженность диаде неизбежно вела к дуализму. Но, как сказал в свое время еще молодой Н.Г.Чернышевский, никакого дуализма в человеке не видно. Он – человек представляет собой целостное существо (этим, конечно, своеобразие форм, образующих целостность, не отрицается).

Понятие о поведении позволяет объяснить интегральный характер жизненных проявлений, ибо, будучи особой активностью организма (а не бесплотного духа), оно способно реализовать ее в той предметной среде, где ему «приказано выжить». В этом смысле понятие «поведение» можно назвать междисциплинарным. Ибо оно включает и то, что присуще живому телу, и то, что присуще живой душе, но в то же время несводимо ни к одному, ни к другому. Под конец жизни, подводя итоги своего огромного опыта (35 лет) изучения поведения, И.П.Павлов сказал: он испытывает радость по поводу того, что ему «вместе с «полком дорогих сотрудников» удалось, вслед за Иваном Михайловичем Сеченовым, приобрести для могучей власти естественно-научного исследования вместо половинчатого весь нераздельно организм». Под «половинчатым» он понимал организм, расщепленный на душу и тело, сознание и мозг. В том же, что объектом объективной, точной науки стал весь нераздельно организм, он с полным основанием видел, говоря его словами, «целиком нашу русскую неоспоримую заслугу в мировой науке, в общей человеческой мысли». Создание науки о поведении и явилось, опять-таки говоря словами И.П.Павлова, «достойным памятником русского ума».

И.М.Сеченов – основатель науки о поведении. В начале 60-х годов XIX века в книжке журнала для врачей «Медицинский вестник» появилась статья, слух о которой распространился «по всей Руси великой». Один ссыльный вспоминал, что встретил в далекой Сибири купчиху, которая сообщила ему: в Петербурге профессор Сеченов учит, что «души нет, а есть только рефлексы» (вроде тех, что Базаров и другие тургеневские герои изучают у лягушек). Статья принадлежала Сеченову и называлась «Рефлексы головного мозга». По свидетельству современников, в то время не считался образованным человек, на прочитавший этого трактата. Что же в нем доказывалось? Почему трактат вызвал среди читающей публики такую бурю? Даже герои Льва Толстого употребляли это выражение: «рефлексы головного мозга».

Применив хорошо известное слово «рефлекс», Сеченов придал ему совершенно новый смысл. Он сохранил восходящую к Декарту идею о том, что рефлекс происходит объективно, машинообразно, наподобие того, как машинообразно работают различные автоматизмы в нашем теле (например, сердце). Слово «машина» было метафорой. Оно указывало на то, что наши действия совершаются по строгим законам, которые не зависят от вмешательства какой-то внешней, бестелесной силы. Они должны быть безостаточно поняты из устройства и работы «машины – тела».

В свое время много шума наделал трактат французского философа XVIII века Ламетри «Человек-машина». Автор из страха перед властями опубликовал его под именем какого-то безвестного англичанина. И когда вышел из печати сеченовский трактат, враги материализма стали обвинять Сеченова в том, что он пытается реанимировать идеи этого безбожного француза. Но русская интеллигенция была достаточно образованна, чтобы понять сеченовский вызов. Употребляя термин «рефлекс», он наполнил его таким содержанием, которое сохраняло высокое достоинство человеческой личности и вместе с тем показывало возможность строго научного объяснения высших проявлений личности.

Кратко рассмотрим, во что превратилась старинная модель рефлекса под руками Сеченова. Рефлекс, как было признано всеми, состоит из трех главных звеньев. Первое, начальное звено – внешний толчок – раздражение центростремительного нерва, которое передается в мозг (второе звено), а оттуда отражается (слово «рефлекс» и означает «отражение») по другому нерву (центробежному) к мышцам (это, как считалось, – третье, завершающее звено). Все три звена (блока) были Сеченовым переосмыслены и к ним добавлен четвертый, о котором мы расскажем дальше.

Итак – первый блок. Им, согласно новой сеченовской схеме, является не просто физическое внешнее раздражение, но такое раздражение, которое становится чувствованием – сигналом. Иначе говоря, рефлекс начинается с различения (благодаря органам ощущений) тех внешних условий, в которых совершается ответное действие. Поэтому оно изначально не является «слепым» толчком. Организм, говоря современным языком, получает информацию о среде, в которой он будет действовать. Сеченов назвал этот принцип «началом согласования движения с чувствованием – сигналом». Это и есть тот первичный акт поведения, который отличает открытое Сеченовым неклассическое понимание рефлекса от всех прежних трактовок этого понятия. Здесь перед нами наяву выступает идея неразлучной связи организма со средой. Это движение – не простое отражение наподобие того, как луч отражается от зеркальной поверхности. Оно совершается только потому, что сообразуется с условиями внешней среды благодаря сигналам, идущим от нее к органам восприятия и различения этих сигналов. Но и этим дело не ограничивается.

Сеченов выдвинул оригинальный взгляд на работу мышцы, отвечающей на толчки из внешней среды. Мышца, по Сеченову, это не только рабочая машина, выполняющая команды мозга. Задолго до Сеченова было открыто, что мышцы обладают чувствительностью. Но не только в том смысле, что мы ощущаем в них боль или усталость. Мышца – такова важнейшая мысль Сеченова – служит также органом познания. В ней имеются нервные (сенсорные, чувствительные) окончания, которые сигнализируют о том, в каких внешних пространственно-временных условиях совершается действие. Более того, дальнейшие исследования

привели Сеченова к гипотезе, согласно которой именно работающая мышца производит операции анализа, синтеза, сравнения объектов и способна, как это доказывалось еще Гельмгольцем, производить бессознательные умозаключения (иначе говоря мыслить).

Из этого явствует, что лишь по видимости рефлекторная работа завершается сокращением мышцы. Познавательные эффекты ее работы передаются «обратно» в центры головного мозга и на этом основании изменяется картина (образ) воспринимаемой среды. Поэтому в механизме поведения, реализуемом по типу рефлекса, в отличие от рефлекторной дуги, действует рефлекторное кольцо. Не прерывно происходит кольцевое управление поведением организма в среде. Оно образует тот фундамент, на котором складывается другой, более высокий уровень отношений организма со средой. Последний отличается тем, что поведение становится психически регулируемым. Если раньше главным началом служило, как сказано, «согласование движения с чувствованием – сигналом», то теперь возникает новый уровень ориентации организма в окружающем мире. Происходит переход от поведенческого уровня к психическому. На базе рефлекторно организованного поведения возникают психические процессы.

Сигнал преобразуется в образ восприятия предмета, т.е. в психический образ. Но тогда и действие становится уже другим. Оно – не простая реакция на сигнал (как это было на поведенческом уровне). Оно соотнобразуется с «картиной» среды, которую осваивает организм. Из движения оно превращается в психическое действие. До-психическое поведение становится психически регулируемым. Соответственно изменяется и характер умственной работы. Если раньше она являлась бессознательной (когда, например, работа мышечной системы глаза позволяла определять расстояние между предметами, их величину и т.д. чисто «автоматически», без вмешательства сознания), то теперь, как было аргументированно показано Сеченовым в трактате «Элементы мысли» (первое издание опубликовано в 1878 году), из элементарных операций мысли преобразуются в самые сложные.

Но здесь мы уже перешли из области науки о поведении в другую область, оперирующую другими категориями, – в область психологии. Напомним, что это было в тот период, когда назрело время отделения психологии от философии. И Сеченов, опираясь на разработанное им. учение о поведении, предлагает свой проект создания новой, объективной психологии.

Он пишет трактат «Кому и как разрабатывать психологию?» (187-3). Сеченов взялся за него, поскольку решил ответить на обвинения, выдвинутые против рефлекторной теории К. Д. Кавелиным в книге «Задачи психологии». По существу же это был ответ не только Кавелину, но всем, кто считал Сеченова отрицателем психологии, апологетом версии, что психика сводится к рефлексам, изучаемым на лягушке. Он доказал, что не отрицает психологию, которую назвал «родной сестрой физиологии».

Он убежден, что ее передовые тенденции, уже возникшие в этой науке в трудах таких ученых, как Гельмгольц, Дондерс и др., и обещающие ей прогресс в будущем, бесспорно свидетельствуют в пользу объективного метода в противовес субъективному (интроспективному), который был тогда господствующим во вновь возникающих лабораториях. Это был первый в истории план построения психологии как объективной науки, которая не может ограничиваться тем, что «нашептывает обманчивый голос самосознания». И дальнейший ход развития психологического познания доказал правоту Сеченова.

Рассмотрев преобразования, внесенные Сеченовым в различные звенья рефлекторной схемы, мы не коснулись одного из важнейших, а именно, относящегося к центральному звену этой схемы – головному мозгу. Работая в Париже, в лаборатории Клада Бернара, Сеченов открыл так называемое центральное торможение. С этим открытием были связаны крупные преобразования и в физиологии, и в учении о поведении, и в психологии. До Сеченова, объясняя деятельность высших нервных центров, физиологи оперировали одним понятием – понятием о возбуждении. Открытие Сеченова показало, что раздражением центров можно не только вызывать ответные действия организма (рефлексы), но и задерживать их. Это откры-

тие ярко показывает, как порой тесно связаны научные решения с социальными задачами, за которые берется ученый.

Напомним, что после великой реформы 1861 года русское общество сотрясали острейшие идейные столкновения. Центром споров стал антропологический принцип (именно этим термином Чернышевский обозначил свою знаменитую статью в журнале «Современник»). Иначе говоря – принцип, позволяющий объяснить природу человека как целостного телесно-духовного существа. Дискуссии о душе и теле приобрели остроту, какой русские интеллектуалы прежде не знали. Но вопрос осмысливался не только как чисто научный. Речь шла о таком поведении организма, которое не только приспосабливается к среде, но и обладает внутренней силой сопротивления непосредственно действующим раздражителям, способностью не идти у них на поводу, а противостоять им и следовать собственной внутренней программе. Открытие торможения доказывало, что организм обладает такой способностью.

Объектом экспериментов Сеченова были высшие нервные центры лягушки. Но ставя эти эксперименты, он имел в виду человека и его поведение. Об этом говорит, в частности, и его попытка изучить торможение не только на животном, но и на самом себе. Конечно, он не рисковал здоровьем других. В качестве подопытного он избрал самого себя, поставив на себе мучительный и небезопасный эксперимент.

Открытие центрального торможения использовалось Сеченовым не только для объяснения того, как формируется волевая личность. Когда рефлекс обрывается, не перейдя в движение, то это, по Сеченову, вовсе не означает, что первые две трети рефлекса оказались зрящими. Не получив внешнего выражения, завершающая часть рефлекса (а она, как отмечалось, несет в качестве движения познавательную нагрузку) «уходит вовнутрь», превращается в мысль, хотя и незримую, но продолжающую служить организатором поведения. Этот процесс преобразования внешнего во внутреннее получил имя интериоризации.

Понятие об интериоризации оказалось весьма продуктивным и было использовано в дальнейшем многими психологами, в том числе Жане и Фрейдом.

Сеченовым была создана научная школа – сперва как небольшой коллектив, который под руководством лидера, в прямом общении с ним, разрабатывал конкретную научную программу. Такая школа у него была в течение нескольких лет, когда совместно с группой учеников он экспериментально доказал, вопреки критикам, что существует феномен центрального торможения. Программа была исчерпана. Убедительные доказательства гипотезы получены. Его вчерашние сотрудники занялись другими темами.

Около Сеченова не было больше исследовательского коллектива. Но под научной школой следует понимать не только подобное малое объединение, которое распадается, когда решена научная задача и вчерашние ученики берутся за другие вопросы, сулящие им укрепление своего авторитета в научном мире, где железно действует «запрет на повтор». Ибо наука – не только «научение» (о чем говорит сам корень этого слова), но и – непременно – производство нового знания.

В разработке науки о поведении и объективной психологии Сеченов пошел дальше своим путем, в одиночку. Но семя им было брошено. И из этого идейного семени выросла особая школа. Чтобы отличить ее от малого научного коллектива, назовем ее школой – исследовательским направлением. Это направление превратилось на почве русской науки в могучее разветвленное древо, со множеством линий развития в различных направлениях физиологии, психологии, медицины, педагогики, других ветвей знания. Самой величественной и знаменитой из этих линий развития стало учение И.П.Павлова о высшей нервной деятельности (поведении).

И.П.Павлов – создатель учения об условно-рефлекторной деятельности. Если Сеченов разрабатывал свое учение в одиночку, то Иван Петрович Павлов (1849-1936) создал огромный коллектив, к которому примыкали ученые из многих стран. По существу им была создана интернациональная, международная школа, равной которой мировая наука не знает. Он был великим командармом армии исследователей, энергией которой учение о поведении составило мощный раздел современного научного знания.

С именем Павлова ассоциируется, прежде всего, понятие об условном рефлексе. Термин «рефлекс» был паролем научного объяснения поведения у Сеченова. И мы видели, каким помолодевшим вышло это древнее понятие из сеченовских рук. Павлов пошел вперед. Впитав сеченовскую идею нераздельности организма и среды и сигнальной регуляции отношений между ними, Павлов изобрел множество экспериментальных моделей, на которых изучалось, каким образом организм приобретает новые формы поведения, перестраивает сложившиеся.

Живое существо действует в неразлучной с ним среде, представляющей огромное количество раздражителей, на которые оно ориентируется и с которыми должно совладать.

Не все раздражители из этого потока становятся для организма сигналами. Есть раздражители, которые безусловно вызывают ответную реакцию (типа реакции зрачка на свет, отдергивания руки от горячего предмета и т.п.). Раздражители этих рефлексов принято называть безусловными. Но имеется и другая категория раздражителей. Организм не остается безразличным к ним только в том случае, если их действие становится биологически значимым, т.е. способным принести ему пользу или вред – не своим воздействием на живое тело, а сигнальной функцией. Эти раздражители указывают на условия, которых следует избегать или к которым нужно стремиться путем соответствующих действий (рефлексов). Эти рефлексы получили название условных.

Для порождения условного рефлекса нужен не только раздражитель, воспринимаемый органами чувств (в виде звука, запаха и т. д.), но и подкрепление правильности реакции на него. Именно тогда раздражитель трансформируется в сигнал. Сигнал и подкрепление, достигаемое действием организма, образуют основу поведения. Сигнал указывает на «картину среды», в которой оказался организм. Подкрепление позволяет организму выжить в этой среде (спастись от опасности или добыть нужную пищу).

Сочетание сигнала с подкреплением позволяет организму набираться опыта. Выработка условных рефлексов – основа обучения, приобретения опыта. Зная набор условий, от которых зависит создание условного рефлекса, можно предписать программу поведения. Павлов доказал это на множестве экспериментов.

Свою теорию, обобщающую эти эксперименты, Павлов доложил впервые на Международном медицинском конгрессе в Мадриде в 1903 году. Он назвал ее на первых порах «экспериментальной психологией и психопатологией на животных». Однако сперва от слова «психология» отказался, даже ввел в своей лаборатории штраф за его употребление. В большинстве умов оно соединялось со словом «душа», а «душа» как объяснительный принцип, настаивал Павлов, натуралисту не нужна.

Силу своей теории Павлов видел в том, что, вслед за Сеченовым, он мыслил о поведении строго детерминистски и объективно.

Из этого вовсе не следовало, что Павлов, подобно американским бихевиористам, считал, что нужно вообще разделаться с сознанием и изгнать его, как фикцию, из науки. В этом случае он оказался бы на позициях примитивного дуализма и редукционизма (в чем, кстати, его не раз обвиняли). Это не соответствовало ни его исходному замыслу, ни его поискам путей сближения с психологией. Это видно, в частности, если обратиться к представлению Павлова о сигнальных системах как регуляторах поведения.

Воспринимаемые органами чувств сигналы вызывают в организме не только нервные, физиологические процессы. Полезное и вредное выступает в виде психических образов (первым сигналам, согласно Павлову, соответствуют ощущения и восприятия). Поэтому сигнальная функция придает рефлексу двойственный характер. Он, подчеркивал Павлов, является столько же физиологическим, сколь и психическим явлением.

Павлов ставил свои эксперименты над животными, сначала собаками, затем – обезьянами. Главная же его надежда, как заявил ученый в первом же своем сообщении об условных рефлексах, заключалась в том, чтобы наука пролила свет на «муки сознания». Это заставило Павлова заняться нервно-психическими больными. Переход от изучения животных к исследованию организма человека привел его к выводу, что следует разграничивать два разряда

сигналов, управляющих поведением. Если поведение животных регулируется первой сигнальной системой (эквивалентами которой являются чувственные образы), то у людей в процессе общения формируется вторая сигнальная система, в которой в качестве сигналов выступают элементы речевой деятельности (слова, из которых она строится). Именно благодаря им в результате анализа и синтеза чувственных образов возникают обобщенные умственные образы (понятия).

Если сигнал ведет к успеху (или, говоря языком Павлова, подкрепляется, то есть удовлетворяет потребность организма), то между ним и реакцией на него организма устанавливается связь. Она прокладывается в том главном центре, который соединяет воспринимающие органы (рецепторы) с исполнительными (эффекторными) органами – мышцами, железами. Этот центр – кора больших полушарий головного мозга. Связи при повторении становятся все более прочными, хотя и остаются временными. Если в дальнейшем они не подтверждаются полезным для организма результатом (не подкрепляются), то прежние условные рефлексы задерживаются, тормозятся. Организм постоянно учится различать сигналы, отграничивать полезные и вредные от бесполезных. Этот процесс называется дифференцировкой.

Варьируя бесчисленное число раз вместе с много численными учениками условия образования, преобразования, сочетания рефлексов, Павлов открыл законы высшей нервной деятельности. За каждым, на первый взгляд, несложным опытом стояла целая система разработанных павловской школой понятий (о сигнале, временной связи, подкреплении, торможении, дифференцировке, управлении и др.), позволяющая причинно объяснять, предсказывать и модифицировать поведение.

Противники Павлова неизменно инкриминировали ему механицизм (тем более, что он постоянно говорил: мозг и человек – это, грубо говоря, машина; но под машиной подразумевалась система). В действительности же, как мы могли убедиться, детерминистская методология Павлова была не механистической, а биологической.

Поэтому в ходе дальнейших исследований Павлов существенно расширил объяснительный потенциал своей исходной схемы. Если в первый период он делал упор на внутриорганическом подкреплении (потребность в пище) как главном, самом могучем, факторе, то в дальнейшем в его теоретических представлениях намечается сдвиг в направлении расширения биологической (а затем и социальной) основы формирования условных рефлексов.

Незыблемым постулатом павловской концепции являлось положение о том, что условный рефлекс возникает на основе безусловного. Теоретические контуры этой картины со множеством экспериментальных вариантов придавали ей репутацию классической. «Но будущее научного исследования, – любил говорить Павлов, – темно и чревато неожиданностями».

В указанной картине появились коррективы, при том относящиеся именно к тем ее пунктам, которые навечно закрепились за рефлексом. Это было связано с чрезвычайно важными инновациями. Они предвещали грядущие сдвиги в общем строе исследований поведения. К этому вела логика познания его организации.

В то же время на динамике этого познания сказывались процессы в социокультурном мире, где наступала эпоха потрясений и стрессов, конфликтов и переворотов. Впереди была первая мировая война. Полная тревог и надежд в своей жажде перемен, Россия шла к революции. И вряд ли случайно, что перед самой мировой войной в Павловской лаборатории началось изучение проблем, которые в дальнейшем стали относить к категории эмоциональных стрессов.

Первая из таких проблем касалась соотношения условных рефлексов, имеющих «полярное» подкрепление, которое в одном случае удовлетворяло потребность организма в пище, в другом – угрожало его существованию. Раздражая сильным электрическим током кожу собаки (вызывая болевое ощущение), его превращали (путем подкрепления) в условный сигнал пищевой реакции. Усиление тока (требующее оборонительной двигательной реакции) вызывало позитивную секреторную реакцию.

С этого момента ведет свое начало развитие учения Павлова об «экспериментальных неврозах». Не возможно было объяснить в терминах нейродинамики, почему неожиданно для экспериментатора возникало состояние срыва рефлексов, когда поведение приобретало характер, который впоследствии стали называть невротическим. Силы, которые вступали в действие, следовало искать не в корковой нейродинамике, а за ее пределами, а именно – в поле поведения. Именно в нем вспыхивают конфликты, пламя которых «взрывает» нейромеханизмы и придает реакциям патологический характер. Нам неизвестно, когда Павлов познакомился с теорией Фрейда. Но русская литература к тому времени уже была наводнена психоаналитическими сочинениями. О том, что на новый план экспериментов его навело чтение Фрейда, Павлов упомянул не в публикациях (где ссылок на венского психолога вообще нет), а на одной из «павловских сред». Сшибка двух противоположных нервных процессов (раздражительного и тормозного) таков, по Павлову, механизм неврозов.

Невролог Р.Джерард вспоминал, как, посетив в начале 30-х годов Павлова в Ленинграде, он узнал от него, что стимулом к опытам по экспериментальным неврозам послужило знакомство с работой Фрейда. Через неделю Джерард приехал в Вену и рассказал о своей беседе с Павловым Фрейду, который воскликнул: «Это бы мне страшно помогло, если бы он рассказал об этом несколько десятилетий раньше!»

В период, непосредственно предшествовавший революции в России, интересы Павлова устремляются к анализу движущих сил поведения, его мотивов. Он выступает с докладом о «рефлексе цели», «рефлексе свободы», говорит о «рефлексе рабства». Здесь явно сказалась роль социальной перцепции, изменившей в новой, смутной общественной атмосфере направленность его научной мысли.

Биологическое понятие о рефлексе (за которым стоял прочно испытанный в эксперименте физиологический механизм, детерминистски объяснивший взаимодействие организма со средой – поведение) Павлов «применял» к социальным явлениям.

«Рефлекс цели, – подчеркивал Павлов, – имеет огромное жизненное значение, он есть основная форма жизненной энергии каждого из нас». Рефлекторная концепция ставит деятельность организма в зависимость от внешних влияний. В то же время, вводя понятие о рефлексе цели, Павлов указывал на важность энергетического потенциала живой системы.

В научном плане выделение Павловым рефлекса цели означало включение принципа мотивационной активности в детерминистскую схему анализа поведения. Вместе с тем обращение к одному лишь научному плану недостаточно, чтобы объяснить зарождение у Павлова нового понятия. В данном случае категориальный сдвиг был обусловлен воздействием той напряженной социальной атмосферы, в которой работал ученый. Ею овеян весь павловский текст. Павлов впервые заговорил о рефлексах применительно к людям, имея, однако, в виду не объяснение их действий работой механизма, изученного на собаках, а энергию мотива. Ее нарастание у каждого русского человека представлялось ему фактором, который позволит покончить с дрянными историческими наносами. Обратим внимание на дату доклада и аудитории, в которой он был прочитан. Это было в 1916 году. Аудиторией же являлся съезд по экспериментальной педагогике. К русскому учительству обращался великий физиолог, призывая его воздействовать на «опекаемую массу» во имя возрождения творческой силы народа.

Объективная психология В. М. Бехтерева. Идеи, сходные с павловскими, развивал в книге «Объективная психология» (1907) Владимир Михайлович Бехтерев (1857-1927). Между воззрениями этих двух ученых имелись различия, но оба стимулировали психологов на коренную перестройку представлений о предмете психологии.

Разрабатывая свою объективную психологию как психологию поведения, основанную на экспериментальном исследовании рефлекторной природы человеческой психики, Бехтерев тем не менее не отвергал сознание, включая, в отличие от бихевиоризма, и его в предмет психологии. Признавал он и субъективные методы исследования психики, в том числе и самонаблюдение. Он исходил из того, что рефлексологические исследования, в том числе рефлексологический эксперимент, не заменяют, но дополняют данные, получаемые при психо-

логических исследованиях, при анкетировании и самонаблюдении. В принципе, говоря о связи между рефлексологией и психологией, можно провести аналогию о соотношении между механикой и физикой, так как известно, что все многообразные физические процессы можно в принципе свести к явлениям механического движения частиц. Аналогичным образом можно допустить, что все психологические процессы сводятся в конечном счете к различным типам рефлексов. Но если из общих понятий о материальной точке нельзя извлечь свойства реальной материи, то невозможно и вычислить логически конкретное многообразие изучаемых психологией фактов только из формул и законов теории рефлексов. В дальнейшем Бехтерев исходил из того, что рефлексология в принципе не может заменить психологию, и последние работы его Психоневрологического института, в частности исследования В.Н.Осиновой, Н.М.Щелованова, В.Н.Мясищева, постепенно выходят за рамки рефлексологического подхода.

Говоря о значении рефлексологии, Бехтерев подчеркивал, что научнообъясняющая функция, содержащаяся в понятии рефлекса, основана на предпосылках механической и биологической причинности. Принцип механической причинности, с его точки зрения, опирается на закон сохранения энергии. Согласно этой мысли все, в том числе и самые сложные и тонкие формы поведения, можно рассмотреть как частные случаи действия общего закона механической причинности, так как все они не что иное, как качественные трансформации единой материальной энергии. В таком стремлении связать психическую деятельность с энергетическими законами, в частности с законом сохранения энергии, Бехтерев не был одинок. Такие попытки были достаточно популярны в начале века не только в отечественной, но и в мировой психологии и были связаны с переложением теории энергетизма Маха в теории психологизма, предпринимаемым Вундтом, Овсянником-Куликовским и другими психологами.

Однако Бехтерев не ограничивался теорией энергетизма, связывая рефлекс и с биологией, с точки зрения которой жизнь есть сумма сложных физиологических процессов, обусловленных взаимодействием организма со средой и приспособлением к среде. С этой точки зрения, рефлекс есть способ установления некоторого относительно устойчивого равновесия между организмом и комплексом условий, действующих на него. Таким образом появляется одно из основных положений Бехтерева о том, что отдельные жизненные проявления организма приобретают черты механической причинности и биологической направленности и имеют характер целостной реакции организма, стремящегося отстоять и утвердить свое бытие в борьбе с меняющимися условиями среды.

Исследуя биологические механизмы рефлекторной деятельности, Бехтерев отстаивал мысль о воспитуемости, а не наследуемом характере рефлексов. В своей книге «Основы общей рефлексологии» (1923) он доказывал, что не существует врожденного рефлекса рабства или свободы, и утверждал, что общество как бы осуществляет социальный отбор, создавая нравственную личность, и, таким образом, именно социальная среда является источником развития человека. Наследственность же задает лишь тип реакции, но сами реакции воспитываются обществом. Доказательством такой пластичности, гибкости нервной системы, ее зависимости от окружающей среды являлись, по мнению Бехтерева, исследования генетической рефлексологии, доказавшие приоритетность среды в развитии рефлексов младенцев и детей раннего возраста.

В Психоневрологическом институте Бехтерева был заложен опыт строго объективного исследования ребенка – его поведения, мимики, речи. Исследовались и соответствие психических процессов внешним раздражителям, настоящим и прошлым, а также наследственные особенности детей. Важная для Бехтерева мысль о необходимости изучения целостной реакции организма совпадала с требованиями детской психологии. Рефлексологический подход к детскому развитию и рефлексологические методы исследования были чрезвычайно распространены в 10-20-е годы XX столетия, заменяя подчас собственно психологические методы исследования душевной жизни детей.

Наибольшее значение имели разработанные Бехтеревым рефлексологические методы изучения младенцев. Первая попытка такого исследования была осуществлена им в 1908 го-

ду, им же был разработан и обоснован метод генетического рефлексологического исследования, который он считал одним из важнейших достижений своей школы.

Изучая психику младенцев, Н.М.Щелованов и его сотрудники получили важнейшие факты, которые дали возможность установить этапы развития детей младенческого возраста и разработать методы диагностики этого развития. Полученные лабораторией генетической рефлексологии материалы позволили установить основные закономерности психического развития детей раннего возраста: слуховое и зрительное сосредоточение, комплекс оживления, кризис одного года, – без знания которых невозможно представить современную детскую психологию.

Большой интерес представляли и проводившиеся в Педологическом институте (возникшем на базе Психоневрологического института) исследования «трудных» детей, которыми руководили В.Н.Осинова и В.Н.Мясишев. В результате были разработаны не некоторые меры по предотвращению агрессивных реакций у «трудных» детей при переходе из одной среды в другую, незнакомую. Были созданы и основы классификации «трудных» детей исходя из их личных особенностей, под которыми понимались не только индивидуальные качества, но и тип воспитания в семье.

Бехтерев считал проблему личности одной из важнейших в психологии и был одним из немногих психологов начала XX века, которые трактовали в тот период личность как интегративное целое. Созданный им Педологический институт Бехтерев рассматривал как центр по изучению личности, которая является основой воспитания. Как ни были разносторонни интересы Бехтерева, он всегда подчеркивал, что все они концентрировались вокруг одной цели – изучить человека и суметь его воспитать. Бехтерев фактически ввел в психологию понятия индивида, индивидуальности и личности, считая, что индивид – это биологическая основа, над которой надстраивается социальная сфера личности. Большое значение имели и исследования структуры личности, в которой Бехтерев выделял пассивную и активную, сознательную и бессознательную части. Интересно, что, как и Фрейд, он отмечал доминирующую роль бессознательных мотивов во сне или при гипнозе и считал необходимым исследовать влияние опыта, приобретенного в это время, на сознательное поведение. Исследуя отклоняющееся поведение, он исходил из ограниченности тех способов коррекции, которые во главу угла ставили положительное подкрепление желательного поведения и отрицательное – нежелательного. Он полагал, что любое подкрепление может зафиксировать реакцию. Избавиться от нежелательного поведения можно, создав более сильный мотив, который вберет в себя всю энергию, затрачиваемую на нежелательное поведение. Таким образом, Бехтерев во многом предвосхитил идеи о роли сублимации и канализации энергии в социально приемлемом русле, разрабатываемые психоанализом.

Бехтерев отстаивал очень важную мысль о том, что во взаимоотношениях коллектива и личности приоритетной является именно личность, а не коллектив. Из этой позиции он исходил, исследуя коллективную соотносительную деятельность, объединяющую людей в группы. Он выделил людей, склонных к коллективной или индивидуальной соотносительной деятельности, изучая, что происходит с личностью, когда она становится участником коллектива, и чем вообще реакция коллективной личности отличается от реакции отдельно взятой личности. В своих экспериментах, посвященных влиянию внушения на деятельность человека, Бехтерев впервые обнаружил такие явления, как конформизм, групповое давление, которые только через несколько лет стали изучаться в западной психологии. Доказывая, что развитие личности невозможно без коллектива, Бехтерев вместе с тем подчеркивал: влияние коллектива не всегда благотворно, ибо любой коллектив нивелирует личность, стараясь сделать ее шаблонным выразителем своей среды. Обычаи и общественные стереотипы ограничивают личность и ее деятельность, лишая ее возможности свободно проявлять свои потребности. Личная свобода и общественная необходимость, индивидуализация и социализация – две стороны общественного процесса, идущего по пути социальной эволюции. При этом самоопределение личности представлялось Бехтереву подвижным процессом, равнодействующая которого постоянно смещается то в одну, то в другую сторону. Говоря о стереотипиза-

ции личности, ее отчуждении от своей внутренней сути при социализации, Бехтерев фактически развивал те же мысли, что и представители появившейся в то время на Западе экзистенциальной философии, положения которой легли в основу одной из наиболее популярных современных теорий личности – гуманистической. Таким образом, можно предположить, что и в русле школы Бехтерева зарождались основы еще одной отечественной теории личности, формирование которой было остановлено в самом начале.

А. А. Ухтомский – учение о доминанте. Алексей Алексеевич Ухтомский (1875-1942) – один из самых выдающихся русских физиологов. Он разработал важнейшую категорию как физиологической, так и психологической науки – понятие о доминанте. Это понятие позволило трактовать поведение организма системно, в единстве его физиологических и психологических проявлений.

Принцип системности утверждался в категориальной апперцепции Ухтомского в новой принципиально важной интерпретации, отразившей общие сдвиги в научном мышлении начала XX века, сопряженные, в частности, с теорией относительности

Идея истории организма как системы не была новым словом. Новым являлся интегральный подход к пониманию отношений между пространственными и временными параметрами целостного объекта. Нераздельность пространства и времени Ухтомский обозначил введенным им в широкий научный оборот понятием о хронотопе. «И в окружающей нас среде, и внутри нашего организма конкретные факты и зависимости даны нам как порядок и связи в пространстве и времени между событиями».

Он делал основной упор на центральной фазе целостного рефлекторного акта, а не на сигнальной, как первоначально И.П.Павлов, и не на двигательной, как В.М.Бехтерев. Но все три восприимчива сеченовской линии прочно стояли на почве рефлекторной теории, решая каждый под своим углом зрения поставленную И.М.Сеченовым задачу детерминистского объяснения поведения целостного организма. Если целостного, а не половинчатого, то непременно охватывая системой своих понятий феномены, относящиеся столько же к психологии. Таковым являлось, в частности, представление о сигнале, перешедшее к И.П.Павлову от И.М.Сеченова. Таковым же являлось и учение А.А.Ухтомского о доминанте. Считать доминанту полностью физиологическим принципом – значит утратить существенную часть эвристического потенциала этого понятия.

Под доминантой Ухтомский понимал системное образование, которое он называл органом, понимая, однако, под этим не морфологическое, «отлитое» и постоянное образование, с неизменными признаками, а всякое сочетание сил, могущее привести при прочих равных условиях к одним результатам. Поэтому согласно Ухтомскому каждая наблюдаемая реакция организма определяется характером взаимодействия корковых и подкорковых центров, актуальными потребностями организма и историей организма как целостной системы. Тем самым утверждался системный подход к взаимодействию, который противопоставлялся воззрению на мозг как на комплекс рефлекторных дуг. При этом мозг рассматривался как орган «предупредительного восприятия, предвкушения и проектирования среды».

Представление о доминанте как общем принципе работы нервных центров так же, как и сам этот термин, было введено Ухтомским в 1923 году. Под доминантой он понимал господствующий очаг возбуждения, который, с одной стороны, накапливает импульсы, идущие в нервную систему, а с другой одновременно подавляет активность других центров, которые как бы отдают свою энергию господствующему центру, т.е. доминанте. Особое значение Ухтомский придавал истории системы, считая, что ритм ее работы воспроизводит ритм внешнего воздействия. Благодаря этому нервные ресурсы ткани в оптимальных условиях не истощаются, а возрастают. Активно работающий организм, согласно Ухтомскому, как бы «тащит» энергию из среды, по этому активность организма (а на уровне человека – его труд) усиливает энергетический потенциал доминанты. При этом доминанта, по Ухтомскому, – это не единый центр возбуждения, а «комплекс определенных симптомов во всем организме – и в мышцах, и в секреторной работе, и в сосудистой деятельности».

В психологическом плане доминанта является нечем иным, как мотивационным потенциалом поведения. Активное, устремленное к реальности, а не отрешенное от нее (созерцательное) поведение, так же, как активное (а не реактивное) отношение к среде, выступают как два необходимых аспекта жизнедеятельности организма.

Свои теоретические воззрения Ухтомский испытывал как в физиологической лаборатории, так и на производстве, изучая психофизиологию рабочих процессов. При этом он считал, что у высокоразвитых организмов за видимой «обездвиженностью» таится напряженная психическая работа. Следовательно, нервно-психическая активность достигает высокого уровня не только при мышечных формах поведения, но и тогда, когда организм по видимости относится к среде созерцательно. Эту концепцию Ухтомский назвал «оперативным покоем», иллюстрируя его известным, примером: сравнением поведения щуки, застывшей в своем бдительном покое, с поведением «рыбей мелочи», неспособной к этому. Таким образом, в состоянии покоя организм удерживает неподвижность с целью детального распознавания среды и адекватной реакции на нее.

Для доминанты также характерна инертность, т.е. склонность поддерживаться и повторяться, когда внешняя среда изменилась и раздражители, некогда вызывавшие эту доминанту, более не действуют. Инертность нарушает нормальную регуляцию поведения, она становится источником навязчивых образов, но она же выступает в качестве организующего начала интеллектуальной активности. Следы прежней жизнедеятельности могут существовать одновременно в виде множества потенциальных доминант. При недостаточной согласованности между собой они могут привести к конфликту реакций. В этом случае доминанта играет роль организатора и подкрепителя патологического процесса.

Механизмом доминанты Ухтомский объяснял широкий спектр психических актов: внимание (его направленность на определенные объекты, сосредоточенность на них и избирательность), предметный характер мышления (вычленение из множества раздражителей среды отдельных комплексов, каждый из которых воспринимается организмом как определенный реальный объект в его отличиях от других). Это «разделение среды на предметы» Ухтомский трактовал как процесс, состоящий из трех стадий: укрепление наличной доминанты, выделение только тех раздражителей, которые являются для организма биологически интересными, установление адекватной связи между доминантой (как внутренним состоянием) и комплексом внешних раздражителей. При этом наиболее отчетливо и прочно закрепляется в нервных центрах то, что переживается эмоционально.

Ухтомский считал, что истинно человеческая мотивация имеет социальную природу и наиболее ярко выражается в доминанте «на лицо другого». Он писал, что «только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого». И именно с этого момента сам человек впервые заслуживает того, чтобы о нем говорили как о лице. Это, согласно Ухтомскому, одна из самых труднодостижимых доминант, которую человек призван воспитывать в себе.

Идеи, развитые Ухтомским, связывают в единый узел психологию мотивации, познания, общения и личности. Его концепция, явившаяся обобщением большого экспериментального материала, широко используется в современной психологии, медицине и педагогике.

§ 6. ПУТИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В 20-50-е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

Реактология. Попытки выйти из тупика, созданного конфронтацией между психологией сознания, опиравшейся на субъективный метод, и успешно развивавшимся с опорой на объективный метод бихевиоризмом, предпринял в России К.Н.Корнилов (1879-1957). Он выступил, когда в стране утвердился в качестве господствующей идеологии марксизм с его философским кредо – диалектическим материализмом. Используя идею диалектического единства, Корнилов надеялся преодолеть как агрессивную односторонность рефлексологии Бехтерева и Павлова (она претендовала на единственно приемлемое для материалиста объясне-

ние поведения), так и субъективизм интроспективного направления (лидером которого в России был Г.И.Челпанов).

Основным элементом психики Корнилов предложил считать реакцию. В ней объективное и субъективное нераздельны. Реакция наблюдается и измеряется объективно, но за этим внешним движением скрыта деятельность сознания. Став директором бывшего челпановского института, Корнилов предложил сотрудникам изучать психические процессы в качестве реакций (восприятия, памяти, воли и т. д.). Он даже переименовал соответствующие лаборатории. Фактически же экспериментальная работа свелась к изучению скорости и силы мышечных реакций.

Таковой на деле оказалась предложенная Корниловым «марксистская реформа психологии». С Корниловым разошлось большинство психологов. Одни покинули институт, не приняв программу превращения психологии в «марксистскую науку». Другие, считая марксистскую методологию перспективной для поисков выхода психологии из кризиса, пошли иным путем.

Психология социального бытия Г.Г.Шпета. Предложенный Корниловым путь развития отечественной психологии только на основе марксистской методологии был не единственным, разрабатывавшимся в те годы. В этот период была предпринята попытка сформировать новую психологию, ориентированную на философию и альтернативную как марксистской психологии, так и науке о поведении.

Эта попытка была сделана учеником Челпанова и немецкого философа Гуссерля (у которого он проходил стажировку в Геттингенском университете) Густавом Густавовичем Шпетом (1879-1937). В 1923 году Шпет стал вице-президентом ГАХНа – Государственной академии художественных наук, возглавив также и философскую секцию академии, которая определяла ее научные ориентации. Психология социального бытия, разрабатываемая Шпетом, предполагала анализ социально-исторических причин, обуславливающих развитие психики человека, в том числе его мышление и речь, его индивидуальные и национальные психические особенности, а также исследование, проблемы психологических основ культуры, которая была особенно значима для Шпета.

Г.Г.Шпет еще в Киеве становится учеником Челпанова, принимая активное участие в работе его психологического семинара. После переезда Челпанова в Москву Шпет по его приглашению также перебирается в этот город. Благодаря Челпанову Шпет сразу же входит в редакцию журнала «Вопросы философии и психологии» и в Московское психологическое общество, в котором он начинает активную работу. Научные дискуссии, которые велись в Психологическом обществе, показали Шпету, что он не одинок в своей неудовлетворенности теорией психологизма и экспериментальной психологией, которые, с точки зрения Лопатина и других ученых, не могли существовать без философской методологической основы. В заседаниях Московского психологического общества, как и в работе редколлегии журнала, участвовали не только философы и психологи, но и историки, лингвисты, искусствоведы. Таким образом, еще в десятилетия у Шпета появляется пример пользы и значения межпредметных связей, которые позже станут одной из основ деятельности ГАХНа.

Важнейшим достижением академии явилось осуществление того комплексного, межкультурного подхода, о котором писали многие отечественные ученые – Кавелин, Веселовский, Ковалевский, Ключевский, Грот. Однако уникальность позиции ГАХНа проявилась не только в том, что она наиболее полно выразила антропологизм и стремление к универсализму, характерные для отечественной науки, но и в том, что в основу философских исследований бытия было положено изучение культуры, социального бытия, наиболее полным и окончательным выражением которого, по мнению Шпета, является искусство. Он считал, что именно в искусстве соединяются действительность и наука, разорванные в процессе познания, и философия искусства, таким образом, становится философией «предельного бытия». В своих программных докладах в академии «Границы научного литературоведения» и «Искусство как вид знания» Шпет доказывал, что будущее не только искусства, но и науки (в том числе философии, психологии, эстетики) – в межкультурном взаимодействии, на базе

которого и будет сформировано новое понимание, новое качество и науки, и культуры, и жизни.

Творчество Шпета отличало стремление к созданию универсальных научных методологических принципов, объясняющих данные не только гуманитарных, но и естественных наук.

Формирование этой методологии и находилось в центре исследовательских интересов ученых ГАХНа. Однако в 1929 году ГАХН закрывают, а Шпет, как и многие другие профессиональные психологи (в том числе и Челпанов), остается без работы. В 1935 году его арестовывают и высылают сначала в Енисейск, а потом в Томск, где он был арестован вторично и, расстрелян в 1937 году.

Арестованы были и многие коллеги Шпета по академии. Таким образом, попытка построения еще одной психологической школы была резко пресечена.

Точно так же несколько позднее была пресечена и попытка построения детской психологии и педологии.

Разгром педологии. Понять, как происходило развитие психологии, не обратившись к проблеме ее отношений с педологией, попросту невозможно.

Возникнув в конце XIX века на Западе (см. выше), педология, или наука о ребенке, в начале XX века распространяется в России как широкое педологическое движение, получив значительное развитие в годы, непосредственно предшествовавшие Октябрьской революции. В русле этого движения оказались работы психологов А.Л.Нечаева, Г.И.Россолимо, И.А.Сикорского, К.И.Поварнина, а также педагогов Л.Ф.Лесгафта и Ф.Ф.Эрисмана.

После 1917 года педологическая работа в России бурно развивается. Можно сказать, что все изучение психологии детей проводилось под эгидой педологии.

В первые годы советской власти появились и новые имена и новые проблемы, главной из которых была задача построения новой, марксистской детской психологии. Именно в этом видели свою цель А.Б.Залкинд, Л.П.Блонский, К.Н.Корнилов и др. Начало двадцатых годов связано с зарождением новой школы, формированием новых методов обучения. В этой обстановке и происходит интенсивное развитие педологии, которая ставила теперь своей задачей помочь в воспитании нового человека нового общества.

Первый педологический съезд состоялся в конце 1928 – начале 1929 года. На съезде была выработана общая платформа развития отечественной детской психологии. Достаточно сказать о новом понимании психического развития, которое было разработано М.Я.Басовым и Л.С.Выготским. Появление этих концепций доказывает, что 20-30-е годы были периодом расцвета, взлета отечественной детской психологии, и идеи, появившиеся в то время, еще в течение долгого периода направляли теоретические разработки ученых. Однако этот плодотворный период был недолгим. Уже в начале 30-х годов появляются критические статьи, направленные против педологии и детской психологии и связанные с их как действительными, так и мнимыми ошибками. Критику вызывало не только отсутствие квалифицированных психологов-практиков в учебных заведениях, но и теоретические положения педологии – ее механистичность, нередко эклектический подход к переработке психологических (особенно зарубежных) теорий. Но главной причиной критики являлось то, что цель, поставленная педологией, – формирование активной, творческой личности и индивидуальный подход к каждому ребенку – не являлась актуальной в условиях тогдашней социальной действительности. Закончилось формирование тоталитарного государства, пронизанного жесткой иерархической системой. В стране наступила эпоха сталинщины. Свобода, ушедшая из жизни общества, уходила и из жизни школы, которая вместо отношений кооперации, сотрудничества между учителями и учениками вводила иерархические отношения подчинения и послушания.

Все это привело к появлению известного постановления 1936 года «О педологических извращениях в системе наркомпросов» и директивному «закрытию» педологии. При этом вместе с действительными ошибками было выброшено и все позитивное, что было сделано

этой наукой, было прервано развитие психологических школ и традиций, что является необходимым условием формирования науки.

Постановлением 1936 года педология фактически была запрещена. Она была объявлена антимарксистской, реакционной буржуазной лженаукой. Полностью были ликвидированы все педологические учреждения и учебные факультеты. Педологов увольняют с работы, арестовывают. Постановление 1936 года выплеснуло с водой и предмет внимания «псевдоученых» – ребенка.

В педологической науке было два основных направления – социогенетическое и биогенетическое. Лидером первого являлся А.Б. Залкинд (1888-1936), лидером второго – П.П. Блонский (1884-1941). Залкинд вместе с Блонским еще в начале 20-х годов был инициатором перестройки психологии на основе марксизма. Будучи одним из лидеров отечественной педологии, Залкинд пережил вместе с ней все ее взлеты и падения. Пытаясь отвести от этой науки обвинения в «антинародности и асоциальности», он согласился подготовить первый вариант постановления ЦК о педологии. Однако его стремление ценою многих компромиссов уберечь науку от разгрома не оправдалось. Прочитав постановление, которое вышло в июле 1936 года, где педология была объявлена «лженаукой», Залкинд скоропостижно скончался от инфаркта.

Как уже сказано, лидером биогенетического направления был Павел Петрович Блонский. Он отверг трактовку психологии как науки о душе или о явлениях сознания, полагая, что ее доступным научному методу объектом является поведение. При этом Блонский рассматривал поведение под углом зрения его развития, как особый исторический процесс, зависящий от социальных воздействий. Особое значение он придавал практической направленности психологии, позволяющей «политику, судье, моралисту» действовать эффективно.

Разница между представителями биогенетического и социогенетического направлений была не только во взглядах на роль наследственности и среды, а и в вопросе о том, насколько биологические механизмы, лежащие в основе психического развития, пластичны и гибки, т.е. насколько среда может на них воздействовать. Сам факт воздействия среды, как и связь этих воздействий с нервной системой, не отрицался ни одним направлением. Но

375

так как границы пластичности и гибкости нервной системы понимались по-разному, то и наибольшие расхождения заключались в оценке методов обучения и воспитания, предлагаемых психологами разных направлений.

Кроме проблемы биологического и социального, Блонский исследовал этапы формирования личности детей, причем большое внимание уделял проблемам одаренности и трудно-воспитуемости.

Наибольшее значение для детской психологии имели работы Блонского, посвященные памяти и мышлению.

Л.С. Выготский: теория высших психических функций. Лев Семенович Выготский (1896-1934) – один из выдающихся русских психологов и философов. Считая первоначально, что новая психология призвана интегрироваться с рефлексологией в единую науку, Выготский осуждал рефлексологию за дуализм, поскольку, игнорируя сознание, она выносила его за пределы телесного механизма поведения. В статье «Сознание как проблема поведения» (1925) он намечает план исследования психических функций, исходя из их роли в качестве непременных регуляторов поведения, которое у человека включает речевые компоненты. Опираясь на положение Маркса о различии между инстинктом и сознанием, Выготский доказывает, что благодаря труду происходит «удвоение опыта» и человек приобретает способность «строить дважды: сперва в мыслях, потом на деле».

Марксизм утверждал, что человек – природное существо, но природа его социальна, и поэтому рассматривал телесные, земные основы человеческого бытия как продукт общественно-исторического развития. Разрыв между природным и культурным привел в учениях о человеке к концепции двух психологий, каждая из которых имеет свой предмет и оперирует собственными методами.

Для естественнонаучной психологии сознание и его функции причастны тому же порядку вещей, что и телесные действия организма. Поэтому они открыты для строго объективного исследования и столь же строго причинного (детерминистского) объяснения.

376

Для другой психологии предметом является духовная жизнь человека в виде особых переживаний, которые возникают у него благодаря приобщенности к ценностям культуры, а методом – понимание, истолкование этих переживаний.

Все помыслы Выготского были сосредоточены на том, чтобы покончить с версией о «двух психологиях», которая расщепляла человека.

Понимая слово как действие (сперва речевой комплекс, затем-речевую реакцию), Выготский усматривает в нем особого социокультурного посредника между индивидом и миром. Он придает особое значение его знаковой природе, благодаря чему качественно меняется структура душевной жизни человека и его психические функции (восприятие, память, внимание, мышление) из элементарных становятся высшими. Трактруя знаки языка как психические орудия, которые в отличие от орудий труда изменяют не физический мир, а сознание оперирующего ими субъекта, Выготский предложил экспериментальную программу изучения того, как благодаря этим структурам развивается система высших психических функций. Эта программа успешно выполнялась им совместно с коллективом сотрудников, образовавших школу Выготского.

В центре интересов этой школы было культурное развитие ребенка. Наряду с нормальными детьми Выготский большое внимание уделял аномальным (страдающим от дефектов зрения, слуха, умственной отсталости), став основоположником особой науки дефектологии, в разработке которой отстаивал гуманистические ценности.

Первый вариант своих теоретических обобщений, касающихся закономерностей развития психики в онтогенезе, Выготский изложил в работе «Развитие высших психических функций», написанной в 1931 году.

Принципиальное нововведение, сразу же отграничившее его теоретический поиск от традиционной функциональной психологии, заключалось в том, что в структуру функции вводились особые регуляторы, а именно- знаки, которые создаются культурой.

Знак (слово) – «психологическое орудие», посредством которого строится сознание. Это понятие бы-

377

ло своего рода метафорой. Оно приносило в психологию восходящее к Марксу объяснение специфики человеческого общения с миром. Специфика заключается в том, что общение опосредовано орудиями труда. Они изменяют внешнюю природу и в силу этого – самого человека. Речевой знак, согласно Выготскому, это также своего рода орудие. Но особое орудие. Оно направлено не на внешний мир, а на внутренний мир человека и преобразует его. Ведь прежде чем человек начинает оперировать словами, у него уже имеется доречевое психическое содержание. Этому «материалу», полученному от более ранних уровней психического развития (элементарных функций), психологическое орудие придает качественно новое строение. И тогда возникают высшие психические функции, а с ними вступают в действие законы культурного развития сознания, качественно иного, чем «натуральное», природное развитие психики (какое наблюдается, например, у животных).

Понятие о функции, выработанное функциональным направлением, радикально менялось. Ведь это направление, усвоив биологический стиль мышления, представляло функцию сознания по типу функций организма. Выготский сделал решающий шаг из мира биологии в мир культуры. Следуя этой стратегии, он приступил к экспериментальной работе по изучению изменений, которые производит знак в традиционных психологических объектах: внимании, памяти, мышлении. Опыты, которые проводились на детях – как нормальных, так и аномальных, побудили под новым углом зрения интерпретировать проблему развития психики.

Новшества Выготского не ограничились идеей о том, что высшая функция организуется посредством психологического орудия. Не без влияния гештальтизма он вводит понятие о психической системе. Ее компонентами являются взаимосвязанные функции. Развивается не отдельно взятая функция (память или мышление), но целостная система функций. При этом в различные возрастные периоды соотношение функций меняется. (Например, у дошкольника ведущей функцией среди других является память, у школьника – мышление.)

Развитие высших функций совершается в общении. Учтя уроки Жана, Выготский трактует процесс развития сознания как интериоризацию. Всякая функция возникает сначала между людьми, а затем становится «частной собственностью» ребенка. В связи с этим Выготский вступил в дискуссию с Пиаже по поводу так называемой эгоцентрической речи. Выготский экспериментально показал, что эта речь, вопреки Пиаже, не сводится к оторванным от реальности влечениям и фантазиям ребенка. Она исполняет роль не аккомпаниатора, а организатора реального практического действия. Размышляя с самим собой, ребенок планирует его. Эти «мысли вслух» в дальнейшем интериоризируются и преобразуются во внутреннюю речь, сопряженную с мышлением в понятиях.

«Мышление и речь» (1934) – главная, обобщающая книга Выготского. В ней он, опираясь на обширный экспериментальный материал, проследил развитие понятий у детей. Теперь на передний план выступило значение слова. История языка свидетельствует, как изменяется значение слова от эпохи к эпохе. Выготским же было открыто развитие значений слов в онтогенезе, изменение их структуры при переходе от одной стадии умственного развития ребенка к другой. Когда взрослые общаются с детьми, они могут не подозревать, что слова, ими употребляемые, имеют для них совершенно другое значение, чем для ребенка, поскольку детская мысль находится на другой стадии развития и потому строит содержание слов по особым психологическим законам.

Важность открытия этих законов для обучения и развития маленького мыслителя очевидна. Выготский обосновал идею, согласно которой «только то обучение является хорошим, которое забегает вперед развитию». В связи с этим он ввел понятие о «зоне ближайшего развития». Под ней имелось в виду расхождение между уровнем задач, которые ребенок может решить самостоятельно или под руководством взрослого. Обучение, создавая подобную «зону», и ведет за собой развитие.

В данном процессе внутренне сомкнуты не только мысль и слово, но и мысль и движущий ею мотив (по терминологии Выготского – аффект). Их интегралом является переживание как особая целостность, которую Выготский в конце своего рано оборвавшегося творческого пути назвал важнейшей «единицей» развития личности. Он трактовал это развитие как драму, в которой имеется несколько «актов» – возрастных эпох.

Важное значение в развитии ребенка Выготский придавал кризисам, которые тот испытывает при переходе от одной возрастной ступени к другой.

Умственное развитие трактовалось Выготским как нераздельно сопряженное с мотивационным (по его терминологии – аффективным), поэтому в своих исследованиях он утверждал принцип единства «аффекта и интеллекта». Однако реализовать программу исследований, анализирующих этот принцип развития, ему помешала ранняя смерть. Сохранились лишь подготовительные материалы в виде большой рукописи «Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование». Основное содержание исследования составляет анализ «Страстей души» Декарта – работы, которая согласно Выготскому определяет идейный облик современной психологии чувств с ее дуализмом низших и высших эмоций. Выготский полагал, что перспектива преодоления дуализма заложена в «Этике» Спинозы, однако каким образом удастся перестроить психологию, опираясь на философию Спинозы, он не показал.

Труды Выготского отличала высокая методологическая культура. Изложение конкретных экспериментально-теоретических проблем неизменно сопровождалось философской рефлексией. Наиболее ярко это сказалось как в работах о мышлении, речи, эмоциях, так и при анализе путей развития психологии и причин ее кризиса в начале XX века. Выготский полагал, что кризис имеет исторический смысл. Его рукопись, которая была впервые опублико-

вана только в 1982 году (хотя написана в 1927 году), так и называлась – «Исторический смысл психологического кризиса». Этот смысл, как считал Выготский, заключался в том, что распад психологии на отдельные направления, каждое из которых предполагает собственное, несовместимое с другими понимание предмета и методов психологии, закономерен. Преодоление этой тенденции к распаду науки на множество отдельных наук требует создания особой дисциплины «общей психологии» как учения об основных общих понятиях и объяснительных принципах, позволяющих этой науке сохранить свое единство. В таких целях философские принципы психологии должны быть перестроены и эта наука должна быть избавлена от спиритуалистических влияний, от версии, согласно которой главным методом в ней должно стать интуитивное понимание духовных ценностей, а не объективный анализ природы личности и ее переживаний.

В связи с этим Выготский намечает проект (также не реализованный, как и многие другие его замыслы) разработки психологии «в терминах драмы». Он пишет о том, что «динамика личности – это драма». Драматизм выражен во внешнем поведении в том случае, когда происходит столкновение людей, исполняющих различные роли «на сцене жизни». Во внутреннем плане драматизм связан, например, с конфликтом между разумом и чувством, когда «ум с сердцем не в ладу».

Хотя ранняя смерть не позволила Выготскому реализовать многие перспективные программы, его идеи, раскрывшие механизмы и законы культурного развития личности, развития ее психических функций (внимания, речи, мышления, аффектов), наметили принципиально новый подход к коренным вопросам формирования личности. Это существенно обогатило практику обучения и воспитания детей. Идеи Выготского получили широкий резонанс во всех науках, исследующих человека, в том числе в лингвистике, психиатрии, этнографии, социологии. Они определили целый этап в развитии гуманитарного знания в России и поныне сохраняют свой эвристический потенциал.

§ 7. ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

М.Я. Басов: человек – деятель в среде. Другой подход к разработке предметной области психологии как наметили исследователи, которые развивали идею формирования сознания и его проявлений в горниле деятельности. Понятие о деятельности многозначно. Сеченов говорил о психических деятельности, понимая их как процессы, которые совершаются по типу рефлекторных (в особом, рассмотренном выше сеченовском понимании). Павлов ввел понятие о высшей нервной деятельности, Бехтерев – о соотносительной деятельности, Выготский говорил о психических функциях как деятельности сознания. Но с обращением к марксизму, для которого прототипом любых форм взаимоотношений человека со средой является труд, трактовка деятельности приобрела новое содержание.

Пионером выделения деятельности в особую, ни к каким другим формам жизни не сводимую категорию выступил Михаил Яковлевич Басов (1892-1931).

Басов как психолог первоначально примыкал к функциональному направлению, где сознание понималось как система взаимосвязанных психических функций. Но во взгляде Басова на эту систему имелся особый аспект. Ее центром он считал волю как функцию, предполагающую усилия личности по достижению осознанной цели. Это было связано с его общей установкой на научный, экспериментальный анализ активности субъекта. В особенности его интересовал конфликт между волевым импульсом и произвольными, не зависящими от сознания движениями. Этот вопрос он изучал путем объективного наблюдения за развитием поведения ребенка. Поскольку изучение было сосредоточено не на внешних движениях самих по себе (рефлексах), а на их внутреннем смысле, Басов, чтобы отграничить свой подход от подхода рефлексологов и бихевиористов, применил вместо термина «поведение» (который они использовали, чтобы обозначить предмет своих исследований) термин «деятельность».

Басов подчеркивал, что понимает под деятельностью «предмет особого значения», такую область, «которая имеет задачи, никакой другой областью не разрешаемые». Если до Басова в воззрениях на предмет психологии резко противостояли друг другу сторонники давно признанного убеждения, согласно которому этим предметом является сознание, и сторонники нового убеждения, считавшие, что этим предметом является поведение, то после Басова картина изменилась. Он как бы поднялся над этим конфликтом, чего требовала сама логика развития науки. Откликаясь на ее запросы, К. Н. Корнилов видел выход в том, чтобы соединить под эгидой понятия о реакции факт сознания (переживание субъекта) и факт поведения (его мышечное движение).

Басов же предложил другое решение. Нужно, считал он, перейти в совершенно новую плоскость. Подняться и над тем, что осознает субъект, и над тем, что проявляется в его внешних действиях. Не механически объединить одно и другое, а включить их в качественно новую структуру. Он назвал ее деятельностью.

Из чего состоит деятельность, из каких элементов складывается? Приверженцы структурализма считали, что психическая структура складывается из элементов сознания, гештальтисты – из динамики психических форм (гештальтов), функционалисты – из взаимодействия функций (восприятия, памяти, воли и т.п.), бихевиористы – из стимулов и реакций, рефлексологи – из рефлексов.

Басов предложил считать деятельность особой структурой, состоящей из отдельных актов и механизмов, связи между которыми регулируются задачей. Структура может быть устойчивой, стабильной (например, когда ребенок овладел каким-то навыком). Но она может также каждый раз создаваться заново (например, когда задача, которую решает ребенок, требует от него изобретательности). В любом случае деятельность является субъективной. За всеми ее актами и механизмами стоит субъект, говоря словами Басова, «человек как деятель в среде».

Центральной для Басова, который был поглощен изучением ребенка и факторов его формирования как личности, выступала проблема развития деятельности, ее истории. Именно это составляет главное содержание его книги «Основы общей педологии» (1928). Но чтобы объяснить, как строится и развивается деятельность ребенка, следует, согласно Басову, взглянуть на нее с точки зрения высшей ее формы, каковой является профессионально-трудовая деятельность (в том числе и умственная).

Труд – особая форма взаимодействия его участников между собой и с природой. Он качественно отличается от поведения животных, объяснимого условными рефлексам. Его изначальным регулятором служит цель, которой подчиняются и тело, и душа субъектов трудового процесса. Эта цель осознается ими в виде искомого результата, ради которого они объединяются и тратят свою энергию. Иными словами, психический образ того, к чему стремятся люди, а не внешние стимулы, влияющие на них в данный момент, загодя «как закон» (говоря словами Маркса) подчиняет себе отдельные действия и переживания этих людей.

Игры детей и их обучение отличаются от реального трудового процесса. Но и они строятся на психологических началах, присущих труду: осознанная цель, которая регулирует действия, осознанная координация этих действий и т.п.

Дальнейшее развитие принцип деятельности получил в трудах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева.

С.Л. Рубинштейн: единство сознания и деятельности. Басов, руководивший педологическим отделением Ленинградского педагогического института им. Герцена, пригласил в 1930 году заведовать кафедрой психологии Сергея Леонидовича Рубинштейна (1889-1960). Основной тематикой исследований Рубинштейна были проблемы методологии науки. Опираясь на труды К. Маркса, он обосновал принцип единства сознания и деятельности, который позволил дать новаторскую трактовку сознания не как внутреннего мира, познаваемого субъектом только посредством самонаблюдения, а как высшего уровня организации психической деятельности, предполагающего включенность личности в контекст ее жизненных связей с объективным миром.

Как отмечалось, вопрос о системном и смысловом строении сознания был центральным для Выготского, а вопрос о структуре деятельности – для Басова. В то же время роль предметной деятельности в построении сознания оставалась вне поля зрения Выготского, а категория сознания – вне поля зрения Басова. Сомкнуть сознание с процессом деятельности, объяснив, каким образом оно формируется в этом процессе, – таков был подход Рубинштейна к предмету психологии. Это существенно изменяло перспективу конкретных исследований, призванных теперь исходить из того, что «все психические процессы выступают в действительности как стороны, моменты труда, игры, учения, одного из видов деятельности. Реально они существуют лишь во взаимосвязи и взаимопереходах всех сторон сознания внутри конкретной деятельности, формируясь в ней и определяясь».

Идея о том, что общение человека с миром не является прямым и непосредственным (как на биологическом уровне), но совершается не иначе, как посредством его реальных действий с объектами этого мира, изменяла всю систему прежних взглядов на сознание. Его зависимость от предметных действий, а не от внешних предметов самих по себе становится важнейшей проблемой психологии.

Сознание, ставя цели, проектирует активность субъекта и отражает реальность в чувственных и умственных образах. Предполагалось, что природа сознания является изначально социальной, обусловленной общественными отношениями. Поскольку же эти отношения изменяются от эпохи к эпохе, то и сознание представляет собой исторически изменчивый продукт.

Основу связей субъекта с объективным миром составляет деятельность человека, который, изменяя мир, изменяется сам. Исходя из этого положения, Рубинштейн разработал принцип единства воздействия и изучения, согласно которому психология раскрывает свои тайны в процессе преобразования исследуемых объектов посредством практических действий.

На основе принципа единства сознания и деятельности Рубинштейном был проведен большой цикл экспериментальных исследований ключевых проблем психологии, прежде всего касающихся когнитивных процессов (восприятия и памяти, речи и мышления). Исследования проводились на кафедре психологии Педагогического института в Ленинграде – кафедре, которая стала одним из крупнейших исследовательских центров в стране. Обобщая на основе своих теоретических представлений результаты этих работ, Рубинштейн методологически осмыслил их в фундаментальном труде «Основы общей психологии» (1940).

В период Великой Отечественной войны Рубинштейн проявил высокое гражданское мужество: в тяжелейших условиях ленинградской блокады он возглавил работу коллектива Педагогического института и его последующую эвакуацию. С 1942 года Рубинштейн в Москве организует два крупных научно-исследовательских центра: кафедру психологии в Московском государственном университете и сектор психологии в Институте философии Академии наук, впоследствии преобразованный в самостоятельный институт. Одновременно он руководит Институтом психологии вновь организованной Академии педагогических наук, где продолжает успешно вести методологическую работу и руководить эмпирическими исследованиями в различных областях психологической науки.

В центре его интересов выступают проблемы детерминации психических явлений, в связи с чем он разрабатывает новую концепцию объяснения детерминации, направленную против механистических взглядов. Согласно этой концепции внешние причины воздействуют на объект посредством внутренних условий, которые в свою очередь формируются в процессе взаимодействия человека с миром.

Успешная деятельность Рубинштейна была на некоторое время прервана по идеологическим мотивам в связи с начавшейся «борьбой против космополитизма», имевшей целью противопоставить советских ученых ученым Запада. Рубинштейн был снят со всех занимаемых должностей. Тем не менее он продолжал работать, развивая новые философско-психологические воззрения в книгах «Бытие и сознание» (1957) и «Принципы и пути разви-

тия психологии» (1959). Проблемам личности и нравственных аспектов ее жизни посвящена оставшаяся незавершенной работа «Человек и мир» (опубликована в 1973 году).

А.Н. Леонтьев: строение деятельности. Положение о том, что все совершающееся в психической сфере человека укоренено в его деятельности, развивал также Алексей Николаевич Леонтьев (1903-1979). Сперва он следовал линии, намеченной Выготским. Но затем, высоко оценив идеи Басова о «морфологии» (строении) деятельности, он предложил схему ее организации и преобразования на различных уровнях: в эволюции животного мира, в истории человеческого общества, а также в индивидуальном развитии человека – «Проблемы развития психики» (1959).

Леонтьев подчеркивал, что деятельность – особая целостность. Она включает различные компоненты: мотивы, цели, действия. Их нельзя рассматривать порознь, они образуют систему. Различие между деятельностью и действием он пояснял на следующем примере, взятом из истории деятельности людей в первобытном обществе. Участник первобытной коллективной охоты в качестве загонщика вспугивает дичь, чтобы направить ее к другим охотникам, которые скрываются в засаде. Мотивом его деятельности служит потребность в пище. Удовлетворяет же он свою потребность, отгоняя добычу, из чего следует, что его деятельность определяется мотивом, тогда как действие – той целью, которая им достигается (вспугивание дичи) ради реализации этого мотива.

Аналогичен психологический анализ ситуации обучения ребенка. Школьник читает книгу, чтобы сдать экзамен. Мотивом его деятельности может служить сдача экзамена, получение отметки, а действием усвоение содержания книги. Возможна, однако, ситуация, когда содержание само станет мотивом и увлечет учащегося настолько, что он сосредоточится на нем независимо от экзамена и отметки. Тогда произойдет «сдвиг мотива (сдача экзамена) на цель (решение учебной задачи)». Тем самым появится новый мотив. Прежнее действие превратится в самостоятельную деятельность.

Из этих простых примеров видно, насколько важно, изучая одни и те же объективно наблюдаемые действия, раскрывать их внутреннюю психологическую подоплеку.

Обращение к деятельности как присущей человеку форме существования позволяет включить в широкий социальный контекст изучение основных психологических категорий (образ, действие, мотив, отношение, личность), которые образуют внутренне связанную систему.

§ 8. О СУДЬБАХ РУССКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Мы прочертили пунктиром основные линии развития психологической мысли в России и наметили реперные точки, по которым можно было бы проследить в историческом времени ее основные проблемы и достижения. Речь шла главным образом о научных путях и научных достижениях. Но их цена определяется не только успехами познания, открытием новых фактов и закономерностей, проливающих свет на психическую организацию живых существ. Эти успехи непосредственно соотносились с общественными запросами, с развитием культуры, с созданием новой картины поведения человека, влияющей на его самосознание, образ жизни и понимание смысла своего существования. Особенно резко это выступает в критические моменты истории народа, как об этом говорят судьбы развития русской психологической мысли после реформ 1861 года.

Именно в этот период в России зародилась наука о поведении и его психической регуляции. Предпосылки к этому созрели во всемирно-исторической эволюции научного познания. Логика развития знания о жизни открыла три направления действия законов этой эволюции. Сперва немецкой физико-химической школой была открыта нераздельность живого с потоком мировой энергии. Затем в учении англичанина Дарвина развернулась величественная панорама зависимости отдельного организма от миллионнолетних биологической эволюции с жесточайшей борьбой каждого вида за выживание. Отстоять же свою стабильность

этот организм, как выяснилось, способен благодаря внутреннему телесному устройству, открытому французом Бернаром. Но отдельная особь как целостная индивидуальность, сопряженная с внешней средой посредством особых орудий и механизмов, не стала специальным объектом причинного исследования ни для одного из этих трех направлений. Таковым объектом она выступила в России, став «корнем» развития четвертого направления, преобразовавшего физиологию и психологию и создавшего новую науку о поведении.

Почему это произошло именно в России? Почему именно в этой стране появилось племя молодых талантов, энергией которых был произведен взрыв творчества? Причины следует искать не в «чистой» логике развития познания, хотя она и являлась неременной предпосылкой «взрыва». Что бы он произошел, требовался «горючий материал». Его же после отмены крепостного права было в России предостаточно.

Философской «звездой» для рвавшегося из «темного царства» поколения «новых людей» служил принцип антропологизма. Этот принцип, согласно которому исходным началом и главным предметом всякого философствования является человек, различно трактовался его адептами. Не вдаваясь в историю, напомним лишь об его нынешних вариациях в западном мире, где он выступил в философской антропологии, экзистенциализме, феноменологии, персонализме. Все эти направления в поисках смысла бытия индивида в мире принимают за исходное его неповторимую самоценность, заданную однократной глубинной тайной переживания, по отношению к которой все остальное – вторично. Все остальное – это телесное, с одной стороны, социальное – с другой. Русскому менталитету эта концепция индивидуальности была изначально чужда. В социополитическом плане индивидуализм в России отвергался с различных позиций: славянофильской «соборности», официальной «народности» и, наконец, народничества, защищавшего интересы простолюдинов – людей труда. Именно в последнем смысле исповедовал «антропологический принцип» журнал «Современник», для которого И.М.Сеченов по просьбе Н.А.Некрасова специально писал свою программную статью.

Воспринятый Сеченовым антропологический принцип отличался от других вариантов антропологизма следующим: 1) человек представляет собой единство телесного и психического, скрепленное (рефлекторным по типу) реальным поведением, без которого это единство рушится; 2) психическая регуляция человеческого поведения детерминирована нравственными ценностями; 3) она открыта для строго причинного объяснения, но причины и законы психических явлений качественно отличны от механических и физиологических; 4) она познаваема объективными методами, как и любые другие объекты бытия, 5) поскольку все акты сознательной и бессознательной психической жизни зависят от внешних и внутренних условий, научное познание этих условий позволит, воздействуя на них, изменить человека в лучшую сторону.

Подобная трактовка антропологизма применительно к психологии, радикально отличаясь от других его форм, придала русской мысли особую направленность, иную, чем доминировавшая на Западе философия человека (с ее индивидуализмом, дуализмом души и тела, – индетерминизмом, убежденностью в открытости психической жизни субъекта только для заглядывающего внутрь нее сознания).

Сеченовская концепция стала не только ядром, излучавшим идеи, которые десятилетиями оплодотворяли многие направления отечественной науки. Эта концепция стала символом веры всей передовой интеллигенции.

На протяжении десятилетий новаторские принципы объяснения поведения и его психической регуляции, разработанные Сеченовым и его последователями – Павловым, Бехтеревым, Ухтомским, Выготским и созданными ими школами, – существенно обогатили как теоретические представления о психике и закономерностях ее развития, так и практику обучения, воспитания, лечения. Глубокие преобразования испытал общий строй детерминистского объяснения психических функций, а также структуры личности в целом.

Социальной ситуации в России было противопоставлено созерцательное отношение личности к действительности. Одной из особенностей разработки новаторских учений об этой

личности стало ее рассмотрение с позиций ее способности активно вторгнуться в жаждущий изменения мир. Отсюда и пронизывающая передовую русскую биологическую и психологическую мысль тенденция рассматривать свои объекты под вектором времени. Иначе говоря, обостренный интерес к развитию, устремленному в будущее. Идея активности не «заземлялась» на решение задач адаптации к наличным условиям бытия. Напротив, исследовательский поиск сосредоточился на заложенном в самой природе жизни стремлении к преодолению наличного уровня развития и прорыву в будущее, которое должно быть самой этой жизнью заранее спроектировано.

Эту идею активно отстаивал Николай Александрович Бернштейн (1866-1966), концепция которого о саморегуляции «живого движения» и уровнях его построения сперва укрепляла кибернетический стиль мышления, а затем в описании активности организма сделала упор на его уникальной способности строить образ «потребного будущего».

Еще более широко, в космических масштабах, представлял движение от биологической оболочки планеты (биосферы) к новой, пронизанной разумом оболочке – ноосфере, имеющей личностное начало, другой выдающийся русский мыслитель – В.И.Вернадский (1863-1945).

Владимир Иванович Вернадский жил в Петербурге в одном доме с Иваном Петровичем Павловым. Двери их квартир были рядом. Об одной из бесед с Павловым Вернадский писал:

«Разговор с ним коснулся самых последних вопросов, до которых доходят точные знания, – научного охвата сознания. Удивительно, как он ярко и последовательно доходит до пределов и как хорошо объясняет чисто математически».

Оба великих мыслителя, сосредоточившись на малых деталях, касающихся их специальных знаний, будь то какой-нибудь минерал, будь то слюноотделение у собаки, – воспринимали эти детали сквозь думы, касающиеся «самых последних вопросов». Как явствует из текста письма Вернадского, речь шла о научном охвате сознания, стало быть, об его месте во Вселенной.

Мысли о Вселенной, о будущем человечества и его разума сочетались у этих мыслителей с самыми актуальными социальными интересами. В те же дни, когда Павлов беседовал с Вернадским (перед самой Февральской революцией), он вводит понятие «рефлекса свободы», противопоставляя ему «рефлекс рабства», и завершает свой доклад об этом такой фразой: «Как часто и многообразно рефлекс рабства проявляется на русской почве и как полезно сознать это».

В другом докладе (в эти же месяцы) Павлов писал о «загнанном исторически на русской почве рефлексе цели», выражая надежду, что «мы сделаемся тем, чем мы должны и можем быть, судя по многим эпизодам нашей исторической жизни и по некоторым взмахам нашей творческой силы». Но через несколько лет во введении к его главному труду «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения)» у Павлова звучит тревога по поводу того, что человек, «направляемый какими-то темными силами, действующими в нем самом, причиняет сам себе невыразимые страдания войнами и революциями с их ужасами, воспроизводящими межживотные отношения». Спасение, полагал тогда Павлов, во всемогущем естествознании, которое «выведет из теперешнего мрака и очистит от теперешнего позора в сфере межличностных отношений» Это писалось в ноябре 1922 года.

Наука успешно развивалась. Новые темы и факты переполняли лаборатории, но надежда на то, что благодаря науке развеется позор в сфере межличностных отношений и на ее основе сформируются люди, высокие нравственные качества которых преобразуют социальную жизнь, становилась все более иллюзорной.

Сталинская инквизиция прочно утвердилась на русской земле. Наступил период репрессированной науки.

На протяжении нескольких десятилетий сталинской инквизиции среди сотен миллионов жителей великой империи только один открыто и повседневно подвергал критике чудовищные злодеяния. Это был Иван Павлов.

«Мы жили и живем, – писал он в правительство, – под неослабевающим режимом террора и насилия. Тем, кто злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовольствием приводят это в исполнение, так и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли можно остаться существами чувствующими и думающими человечно. И, с другой стороны, тем, которые превращены в забитых животных, едва ли можно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства. Когда я встречаюсь с новыми случаями из отрицательной полосы нашей жизни (а их легион), я терзаюсь ядовитым укором, что оставался и остаюсь среди нее. Не один же я так чувствую и думаю. Пощадите же родину и нас».

Ныне апологеты коммунистических идей, возвеличивая Сталина, видят у него единственный «просчет»: преследование тех, кто произносил критические слова в адрес режима. Все его чудовищные преступления в различных сферах народной жизни, в том числе и в сфере науки, предаются забвению в пропагандистских речах тех, кто считает народ страдающим исторической амнезией.

Уже в предреволюционные годы, развивая новаторские идеи предшествующих десятилетий, формировалось особое поколение русских интеллектуалов. Ни в одной стране тогда, на изломе двух эпох, не было столь самобытного множества людей науки, создавших особый культурный слой. В истреблении его – одно из величайших преступлений сталинщины (наряду с истреблением крестьянства, духовенства, предпринимателей, военачальников)! Перед нами беспрецедентный в мировой истории феномен репрессированной науки. Под ним следует понимать не только все, что было прямым результатом репрессий в смысле истребления людей, книг, целых наук. Репрессированным оказалось все научное сообщество, деформированы его ценностные устои, сложившиеся, как мы видели, в докоммунистический период, когда те, кто исповедовал нормы нравственности, всем своим поведением утверждали их и в социуме, и в мире науки, формируя тем самым новые поколения исследователей, составивших славу и гордость России.

Наука о поведении (в качестве отличной от физиологии и психологии, но нераздельно связанной с ними) была создана в России. Второй ее родиной стали США. Здесь, однако, она претерпела трансформацию соответственно потребностям той социально-культурной среды, где ее идентифицировали с психологией.

Категория поведения сама по себе не избавляла от индивидуализма. Открытые биологией принципы адаптации, гомеостаза и др. вполне могли с ним сочетаться. В России же доминировала идея активности, установка не на сохранение стабильности (поддержание гомеостаза в отношениях с внешней средой), а на прорыв к более высоким уровням развития, к более сложным и совершенным формам поведения и психической организации.

Антигомеостатизм, как показано, был присущ и сеченовской концепции торможения, и павловским представлениям о человеке как о самосовершенствующейся системе, и воззрениям Выготского на активность поведения, и трактовке Ухтомским энергии организма, и понятию Бернштейна о «потребном будущем», и идее Вернадского о движении к ноосфере.

Отличающие русский путь («антигомеостатические») прорывы к будущему, к новым формам бытия были сопряжены не только с преобразованием принципа развития применительно к естественнонаучному объяснению нервно-психической организации поведения. В их подтексте просвечивало общее воззрение на мироздание и грядущее место в нем человека и его духовной жизни. Особенно отчетливо это проступает в представлениях Вернадского о ноосфере.

В этом плане знаменательна картина эволюции мироздания и места человека в нем, каковой она предстала перед философским взором Владимира Соловьева.

«Эволюция, – писал он, – не есть только процесс развития и совершенствования, но и процесс собирания Вселенной. Растения физиологически вбирают в себя окружающую среду (неорганические вещества и физические воздействия, благодаря которым они питаются и растут); животные сверх того, что питаются растениями, и психологически вбирают в себя (в свое сознание) уже более широкий круг соотносящихся с ними через ощущения явлений; человек, кроме того, разумом включает в себя и отдаленные, непосредственно не ощущаемые круги бытия, он может (на высокой ступени развития) обнять все в одном или понять смысл всего; наконец, Богочеловек, или сущий Разум (Логос) не от-

влеченно только понимает, а в действительности осуществляет смысл всего [...] обнимая и связывая его своею личною силой любви».

В религиозной форме Соловьев высказал положение, созвучное движению мысли Вернадского. «Высшим кругом бытия» у Соловьева выступил Логос. При этом в своей концепции Соловьев охватил, наряду с эволюцией природы и человека, высшие и абсолютные ценности, к воцарению которых направлен ход мирового процесса. Созвучность исканий мыслителей в различных сферах русской культуры говорит об укорененности в ней идей, формировавших науку о поведении соответственно духу этой культуры с ее «лица необщим выраженьем».

Послесловие

История – память науки. Человек, лишившийся памяти, становится существом мгновения. Его настоящее безвозвратно исчезает в прошлом и мертво для будущего.

В понятиях, которыми оперирует современная наука, сохраняется их «родословная». Знание ее позволяет лучше осмыслить проблему, исследуемую посредством этих понятий, выяснить, как эта проблема возникла, какими способами решалась, какие из этих способов вели к эффективным решениям, а какие оказались бесперспективными.

Благодаря знанию истории ученый подобен человеку, умудренному опытом своих прежних удачных и ошибочных действий. Но в отличие от этого человека он осваивает не собственный малый опыт, а многотрудный опыт прежних поколений искателей истины.

Каждый новый шаг в науке начинается с «истории вопроса». Незнание истории ведет к тавтологии в науке, в частности к тому, что давние представления выдаются за открытия. Но тогда наука засоряется, движется на холостом ходу, не решает своей главной задачи, а именно – производства нового знания. История науки выполняет также интегративную функцию. Она раскрывает связь психологии с другими науками, о чем сказано выше, а также связь между различными отраслями психологии. Особенно это важно в наши дни, когда психология распалась на множество различных направлений.

Чтобы познать человека, выяснить, на что он способен, мы обращаемся к его прошлым поступкам; другого источника сведений о нем не существует. Равным образом узнать, что представляет собой наука, в нашем случае – психологическая наука, на что она способна, можно из ее истории, из информации о том, что ей удалось прежде сделать. Благодаря рефлексии, обращенной к прошлому, строится образ современной науки.

Вскоре и эта наука станет достоянием истории, одним из былых событий в динамике великого исторического опыта.

Проблемы и замыслы, идеи и исследовательские действия современного психолога – лишь один из моментов общей траектории всемирно-исторического движения научно-психологической мысли. Чем отчетливее предстает перед нами картина этого движения, тем зорче мы ориентируемся в нынешней ситуации, тем лучше понимаем, откуда идем и какие пути уже были испытаны.

Не зная о своем прошлом или даже отрицая его, научная мысль «вскормлена» им. Изобретая новые концепции, открывая новые факты, она соображается – благодаря обращению к научно реконструированной истории – со своими прежними просчетами и успехами.

Изучение истории науки проливает свет на объективную логику ее развития, подчиняющую себе волю и мысль исследователя. Научное исследование – это вечный поиск ответов на вопросы «почему» и «как». Каким образом происходят данный процесс или явление, каковы их механизмы? Почему и как человек поступает, думает, запоминает, чувствует? На протяжении веков вопросы оставались теми же, менялись лишь ответы.

Вспомним, как отвечали на вопрос о причинах различий в психическом складе людей Гиппократ и Фрейд или как объясняли процессы мышления Платон и Гартли, Пиаже и Блонский. Путеводной нитью, позволяющей историку выйти из нескончаемого лабиринта гипотез и теорий, открытий и фактов, касающихся загадочных механизмов душевной жизни, служит принцип детерминизма. Следуя ему, можно выделить ряд этапов в эволюции психологических идей.

Античное понятие о душе как разновидности огненного вещества (Гераклит, Демокрит) стало настоящей интеллектуальной революцией. Она разрушила анимистические представления о том, что в телах обитают отлетающие от них невидимые духи (анимизм). Душа как разновидность атомов, как часть мироздания была поставлена в зависимость от физических законов. Более зрелое, естественнонаучное объяснение души как неотделимой от живого тела формы, данное Аристотелем, обусловило главные успехи психологии. Зависимость душевных явлений от организма и его материальной среды идеализм считал несущественной. Вместе с тем мыслители-идеалисты Августин, Лейбниц, Гегель поставили ряд великих проблем, которые стимулировали движение психологической мысли в течение столетий.

Новый этап в развитии детерминизма открыла научная революция XVII века. Сотворенная человеком машина выступила как модель объяснения и человека, и природы. От представления об организме как машине (отсюда – учения о рефлексе, ассоциации, аффекте и др.) детерминистская мысль перешла к формуле «человек – машина».

В середине XIX века возник новый – биологический – детерминизм. Тогда же начали укрепляться представления о социальной сущности сознания человека (Маркс, Дюркгейм). Биологический детерминизм дал мощный импульс развитию психологии. Сознание не могло более считаться неким избыточным продуктом жизни, который так же мало влияет на нее, как гудки локомотива на его движение. Жизнь организма зависит от того, что необходимо для его выживания и развития, и психика играет в этом активную роль регулятора. Если раньше детерминизм делал акцент на телесных, физических (внешние раздражители, процессы в мозгу) причинах психических явлений (восприятие, память, внимание и др.), то теперь экспериментальные научные данные показывали, что эти психические явления сами служат причиной поведения и подчинены собственным законам. С открытием биологами и физиологами зависимости жизни организма от психики (как особой активной, высшей и развивающейся формы жизни) возникла психология как самостоятельная наука.

Таким образом, стало ясно, что существует психическая причинность, несводимая к объяснениям, предложенным другими дисциплинами, прежде всего биологией (изучавшей устройство и работу организма, головного мозга) и социологией (рассматривавшей влияние на индивида социальной среды). Эту причинность образует система детерминант, которые запечатлел категориальный аппарат психологии.

Какую бы частную задачу ни решал человек: почему ребенок поступил так, а не иначе, в чем различия между сексуальной жизнью женщины и мужчины, можно ли с этим парнем «пойти в разведку», каким образом лучше выучить иностранный язык, почему у знакомого странности в поведении, как избежать конфликта с соседом, почему человек невнимателен или непонятлив и т. д., – во всем этом бесчисленном количестве вопросов неотвратимо заключен психологический смысл. Отвечать на них приходится повседневно. Но чтобы найти научный, аргументированный, а не житейский ответ, необходимо владеть категориальным аппаратом психологии, тем особым «органом», работа которого позволяет высветить психическую реальность на доступную (на данной фазе эволюции знаний) глубину. Причем постижение этого аппарата, логики его работы возможно не иначе как путем концентрированного анализа исторического опыта многих поколений.

Изучение категориального аппарата, как уже говорилось, – особая задача. Чтобы понять его отличие от познаваемых с его помощью психических явлений, сравним его с воспринимающим внешние объекты глазом. Поступающая от глаза информация говорит о красках, линиях, формах. Но чтобы узнать, как работает сам орган зрения, мы должны отвлечься от внешнего мира, обратиться к совершенно другому объекту, а именно к зрительной систе-

ме. Такой же «поворот взора» (рефлексию) следует произвести, чтобы отвлечься от какой-либо научной теории или научной школы и узнать, как она возникла и чем обогатила наше знание о мире (в данном случае психическом).

Об одном из «стержней» категориального аппарата – принципе причинности – уже было сказано немало. Кроме него категориальный аппарат включает и другие глобальные объяснительные принципы, в первую очередь системности и развития. Как и принцип детерминизма, принцип системности изначально историчен. Системно мыслили Аристотель и Павлов, Дарвин и Басов, Келер и Ухтомский, великое множество других исследователей. В их системном подходе можно найти много общего, но главное выявляется тогда, когда мы узнаем, чем он обогащается из века в век, что нового вносит в научную картину душевной жизни. Это же относится и к принципу развития: будучи продуктом длительного развития, он поразному объяснял психику в различные периоды.

Вместе с тем недостаточно указать на эти три принципа, чтобы объяснить роль категориального аппарата науки в построении психологического знания. Ведь причинность, системность, развитие служат рычагами научного исследования не только в психологии, но и во всех дисциплинах – от астрономии до языкознания. Повсюду ищут причины явлений, изучают их упорядоченность (Солнечная система, система языка) и закономерности развития. Для создания же собственной структуры психологической мысли нужно в ее исследовательском аппарате найти категории, которые запечатлели бы уникальность, самобытность психических явлений. Эти категории – образа, мотива, действия, отношения, личности – образуют систему наиболее общих понятий, «впаянную» в категориальный аппарат, сквозь «магический кристалл» которого психика выдает науке свои тайны.

Историческое исследование призвано «диагностировать» ценность, новизну и оригинальность знания, определив тем самым, удалось ли продвинуться вперед в познании природы вещей или дело ограничилось заменой одних слов другими.

Перед нами прошли разные стадии в научном познании психики – от древности до наших дней. В их смене есть определенная логика, своего рода закономерность. Дерево познания ветвится по своим законам, постичь которые можно, лишь обратившись к истории рождения, преобразования и гибели конкретных воззрений на психические формы жизни.

Проникновение в тайны истории не только предостерегает от повторения прежних ошибок и открытия давно известного; анализ логики развития науки делает также возможным вероятный прогноз ее дальнейшей эволюции. Память науки, подобно памяти человека, сберегается ради будущего.

Изучая историю науки, мы убеждаемся в правоте вывода, к которому пришел Эйнштейн, который, работая над книгой по истории физического знания, назвал ее «драмой идей». Не менее драматична история психологического познания, в потоке которой рождались и завоевывали многие умы смелые теории, рушившиеся, однако, в борьбе с более жизнеспособными и верными реальности. Но их падение не было напрасным. Из него извлекали уроки новые искатели истины о человеческой природе. В силу этого драма идей оборачивалась драмой людей. Люди же как социальные существа были детьми своего времени и отражали его властные запросы.

Особенности демократии в Древней Греции породили, как мы видели, обострение интереса к человеку, его познавательным и нравственным возможностям, его душевным качествам.

Это и создало идейную атмосферу, определившую гигантский взлет психологической мысли в эпоху античности. На закате этой эпохи, с переходом к феодальному обществу, создавшему новую идеологическую настроенность, враждебную позитивному изучению человека и его места в природе, совершается радикальный пересмотр всех достижений древнего мира и их приспособление к новой социальной ситуации.

Развитие капиталистического производства, обусловив научную революцию в естествознании, изменило в связи с этим (а также в связи с новым положением индивида в социальном мире) весь строй представлений о личности, ее поведении и сознании.

В конце XIX века общественные запросы стимулировали появление и быстрое распространение психологических лабораторий соответственно интересу к тем методам и проблемам, которые представлялись перспективными с точки зрения практики. Так, в начале XX века стремительно развиваются диагностические методы, используемые прежде всего как средства тестирования умственных способностей.

Зарождается тестологическое движение, выдвинувшее таких лидеров, как Дж. Кеттелл, Штерн, Вине, Симон, Термен и других.

С научно-психологической точки зрения, системы тестов были крайне несовершенными и встречали оппозицию со стороны многих серьезных исследователей, но тестологическое движение продолжало разворачиваться в нарастающих масштабах именно потому, что оно было связано с такой ответственной, имеющей непосредственное отношение к нуждам общественного производства задачей, как отбор кадров.

Это движение не оставалось в пределах первоначальных схем тестирования, но распространилось с диагностики умственных способностей на диагностику творческого потенциала личности, ее мотивации, ее организаторского таланта. С чем было связано это изменение и расширение круга тестируемых качеств? С изменением познавательных запросов психологов, устремившихся от одних сторон личности к другим? Не только и не столько с этим, как со сдвигами в характере физического и умственного труда, с его нарастающей «компьютеризацией» (и, соответственно, возросшей нуждой в работниках, способных выполнять творческие и организаторские функции, которые не могут быть переданы компьютерам).

Развитие психологии творчества, психологии организаторской деятельности, информационной психологии и других современных направлений также не может быть объяснено исходя из самой по себе внутренней логики разработки психологических проблем, как не могут быть объяснены из этой логики такие, например, явления, как требования стоиков «вырывать страсти с корнем из души» или выступление идеологов революционной Франции XVIII века против учения о прирожденности психических свойств.

Общественные потребности воздействуют на ход научно-психологической эволюции не только непосредственно, но и посредством других наук, с которыми психология теснейшим образом связана.

Прежде всего, следует отметить влияние физики и биологии, а в XX веке также технических наук и кибернетики.

Самое непосредственное отношение к психологии имеют коренные философские проблемы, касающиеся познания и этической регуляции поступков, движущих сил человеческой деятельности и места личности в истории и во Вселенной в целом («мысль как планетарное явление» – В.И.Вернадский).

Психология в нашей стране возникла в борьбе за новую Россию, свободную от рабства и барства. Именно этими идеалами вдохновлялись в пред- и послереволюционные годы передовые русские психологи, полагавшие, что наконец-то появился на Земле свободный человек, обучая и воспитывая которого они выполняют великую историческую миссию. Этот социальный порыв определил главные достижения психологии советского периода.

Атмосфера эпохи сталинщины, надолго затянувшаяся после смерти тирана, вынуждала людей науки оглядываться на указующий перст партократии, превращая психологию, как и многие другие дисциплины, в репрессированную науку. И все же, вопреки всем идеологическим сложностям, работа на проблемном поле психологии не оскудела.

В традициях отечественной науки, в ее историческом опыте – потенции и будущее отечественной психологии. «Мы сделаемся тем, чем мы должны и можем быть судя по многим эпизодам нашей исторической жизни и по некоторым взмахам нашей творческой силы», – говорил И.П.Павлов на III съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде (1916). В этих эпизодах он, по собственному признанию, черпал энергию в минуты мрачных раздумий о происходящем.

История не настолько беспечна, чтобы оставлять память о прошлом ради праздного любопытства. Если она и сохраняет записи о порой появляющихся на ее поверхности эфе-

мерных фигурах, то только для того, чтобы предостеречь от возможности пустоцветов на могучем древе человеческого познания. Живое же продолжает питать новые побеги, устремляя ввысь мысль искателей истины. Природа психического такова, что, как учит исторический опыт, она может выдавать свои тайны только в системе междисциплинарных связей (биологического, социального, технического знания). В постоянном взаимодействии с другими науками, в диалоге с ними психология не утрачивает, а укрепляет собственное достоинство, свое «лица необщее выражение».

Чем ответственнее роль науки в судьбе человечества, тем важнее осмыслить ее природу, ее возможности, ее закономерности. История является тем великим полигоном, где на протяжении столетий проходят испытание познавательные возможности человека, той единственной лабораторией, где могут быть постигнуты возможности науки, ее сильные и слабые стороны. Чем более длительный период мы берем, тем отчетливее (как и в жизни и истории отдельной личности) выступают возможности науки в неповторимом потоке событий. За их изменчивым покровом начинают просвечивать из века в век действующие механизмы развития, и все более вразумительным становится ответ на вопрос о том, на что способна наука. В данном случае – наука о психике, как самом сложном явлении в известной нам Вселенной.

Рекомендованная литература

- Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.
- Анциферова Л. И., Ярошевский М. Г. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.
- Аристотель. О душе. М., 1937.
- Аристотель. Соч. Т. 1. М., 1975
- Басов М. Я. Избранные психологические произведения. М., 1975.
- Бернштейн Н. А. Очерк по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Бехтерев В. М. Объективная психология. М., 1991.
- Бехтерев В. М. Объективное изучение личности. Пг., 1923.
- Блонский П. П. Избранные педагогические и психологические произведения. В 2-х т. М., 1979.
- Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985.
- Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
- Бэкон Ф. Новая Атлантида. М., 1954.
- Бэкон Ф. Новый Органон. М., 1938.
- Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка. М., 1930.
- Валлон А. От действия к мысли. М., 1956.
- Введенский А. И. Психология без всякой метафизики. Пг., 1917.
- Выготский Л. С. Собр. соч.. В 6-ти т. М., 1982.
- Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976.
- Гербарт И.-Ф. Избранные произведения. М., 1938.
- Геродот. История. М., 1993.
- Гоббс Т. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1964, Т. 2.
- Грановский Т. Д. Лекции по истории средневековья. М., 1964.
- Грот Ц. Я. Основы экспериментальной психологии. М., 1986.
- Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
- Джемс У. Психология. М., 1991.
- Ждан А. Н. История психологии: от античности до наших дней. М., 1990.
- Зеньковский В. В. Психология детства. Екатеринбург, 1995.
- Ибн-Сина. Канон врачебной науки. Кн. 1. Ташкент 1954.
- Из истории русской психологии. М., 1961.
- История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986.
- История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М., 1990.
- Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.

- Коффка К. Основы психического развития. М.-Л., 1934.
- Лазурский А. Ф. Общая и экспериментальная психология. СПб., 1912.
- Ланге Н. Н. Психология. М., 1914.
- Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разуме. М.-Л., 1936.
- Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. Т. 1, 2. М., 1983.
- Личность в XX столетии. М., 1979.
- Локк Д. Избранные философские произведения. В 2 т. М., 1960. Т. 1.
- Лопатим Л. М. Аксиомы философии. М., 1996.
- Лопатим Л. М. Философские характеристики и речи. М., 1995.
- Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1936.
- Материалисты Древней Греции. М., 1955.
- Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
- Никольская А. А. Возрастная и педагогическая психология дореволюционной России. Дубна, 1995.
- Овчаренко В. И. Психоаналитический глоссарий. Минск, 1994.
- Павлов И. П. Полн. собр. соч. В 6 т. М.-Л., 1951. Т. 3.
- Петровский А. В. Вопросы теории и истории психологии. М., 1984.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. В 2-х т. Ростов-на-Дону, 1996.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1994.
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.
- Платон. Соч. В 3-х т. М., 1968.
- Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989.
- Психологическая наука в СССР. В 2-х т. М., 1959.
- Психология: словарь под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990.
- Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2-х т. М., 1989.
- Сеченов И. М. Избранные произведения. В 2 т. М., 1958. Т. 2.
- Смирнов А. А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.
- Соловьев В. С. Избранное. СПб., 1994.
- Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1.
- Уарте Х. Исследование способностей к наукам. М., 1960.
- Уотсон Д. Психология как наука о поведении. Одесса, 1925.
- Ухтомский А. А. Доминанта. Л., 1966.
- Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991.
- Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы личности. М., 1993.
- Фрейд З. «Я» и «ОНО». В 2-х т. Тбилиси, 1991.
- Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
- Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993.
- Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М., 1990.
- Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
- Хрестоматия по психологии. М., 1987.
- Челпанов Г. А. Мозг и душа. М., 1912.
- Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М., 1927.
- Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
- Юнг К. Архетип или символ. М., 1991.
- Юнг К. Проблемы души нашего времени. М., 1993.
- Ярошевский М. Г. Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993.
- Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1985.